

Шкаликов В.В.

МИРЫ БЕЗ МИРА

Сказочно правдивые истории для взрослых

ПРИГЛАШЕНИЕ

Поэт сообщил человечеству, что "любовь и голод правят миром", но лукаво промолчал о направлении - куда именно правят. Не уточнил он также, какая именно любовь и какой именно голод. И каким именно миром они правят.

Дело в том, что разные специалисты насчитывают от 4 до 27 видов любви, от 2 до 11 разновидностей голода и никак не могут договориться о количестве миров, поскольку даже сам термин "мир" является таким же предметом неослабевающих споров, как, например, "деятельность", "главное отличие человека от животного" и некоторые другие.

Предлагаемая книга содержит попытки решить указанные проблемы так называемым "художественным" путём. Он продуктивнее чисто научных тем, что даёт возможность читателю на любом уровне внести свой вклад в исследование путём сравнения собственного опыта с изложенным. И даже послать результаты собственных изысканий по адресу: skidan43@yandex.ru

С пожеланием продуктивного чтения,

Владимир Шкаликов, составитель сборника.

Владимир Шкаликов

ВЕЛИКИЙ НИЩИЙ

ПРОЛОГ. Некто по имени Эй.

Он ходил с медной кружкой по церковному двору. Молча останавливался перед каждым входящим и, глядя в глаза, спокойно улыбался. И поднимал кружку, чтоб могли прочесть на ней: "Я подал всем. Подайте мне".

Я бросил в кружку деньги. Он кивнул и двинулся навстречу группе молодых. Я приостановился - понаблюдать. Молодые были явно не в постном настроении. Они вслух прочли на кружке и весело рассмеялись. Проситель засмеялся вместе с ними, но не угодливо, а как-то радостно. И что-то негромко им сказал. Они от этого развеселились ещё сильнее и с удовольствием раскошелились.

Я поднялся на церковное крыльцо и остановился в междверном полусвете - ещё понаблюдать за интересным нищим.

Выглядел он вполне убого, но держался с таким достоинством, что к высокому его росту и уверенной осанке мне захотелось добавить старинную мудрость: "Король - и в рубище король".

Только не царственным было его поведение. Он не казался монархом, собирающим благотворительную дань с почтительных придворных. В поведении любого монарха неизбежно видна игра, виден труд актёра, занятого важным государственным делом, несущего груз почётных обязанностей: труд - привычен, груз - почётен, осанка - царственна, и всё это - заметно. А тут был настоящий нищий при церкви, не играющий никаких ролей, не обременённый особым трудом, свободный от всего обязательного настолько, что свободнее быть некуда - на зависть королям.

Я подумал, что прочие нищие, скорбные и пьяненькие, молчаливые, скулящие и галдящие - все должны его ненавидеть: ходит как равный среди чистой пасхальной публики и получает ну буквально от всех. Прочим-то столько не подают.

Народ шёл валом, до начала службы оставалось время. Я решил заметить, что сделает занятый нищий, когда звонкая кружка наполнится. Отойдёт ли за угол, чтобы слить монеты в карман своей хламиды, войдёт ли под своды храма Божьего или пустится, удачливый, к ближайшему ларьку.

Долго ждать не пришлось, и тогда я увидел неожиданное. Большой загорелой рукой король нищих отсчитал малую сумму, высыпал эти монеты в свой карман, а с остальными деньгами двинулся вдоль рядов сидящих подданных, наделяя всех с таким расчётом, чтобы досталось каждому. Над рядами вознеслись хвалебные причитания, убогие норовили приложиться к загорелой длани дающего, а благодетель старался этого не допустить - впрочем, вполне деликатно.

Раздавши содержимое медной кружки, вождь попрошаек поправил ремешок на своих длинных седых волосах и вернулся во двор церкви - продолжать сбор податей, пока не началась служба и притекает народ.

Я спустился к нему навстречу и подал ещё раз. Его удивительные глаза выразили сначала любопытство, потом - понимание.

- Вам моё поведение странным показалось? Вы ведь наблюдали...

Я кивнул и сказал первое, что пришло, лишь бы начать разговор:

- Просящий подаяние, кажется, и в глаза смотреть не должен...

- Это принц Гаутама придумал, - ответил он, - а остальные - переняли. Понравилось... По понятным причинам, да?

И улыбнулся так озорно, что посеял во мне целую клумбу сомнений: от "не мошенник ли он?" до "уместен ли здесь такой разговор?" Он будто подслушал:

- Там уже служба начинается. Но в ваших глазах больше любознательности, чем смирения, не ошибаюсь?

- Не ошибаетесь.

- Что же предпочтём?

Я чувствовал, что его обаяние берёт верх. Я пришёл послушать пасхальную службу, но побеседовать с этим человеком хотелось больше. Было в пору опасаться за свою нравственность. И побороться за неё было бы, наверно, маленьким подвигом. Но я ещё раз заглянул в живые улыбающиеся глаза и вдруг почувствовал такое, что у настоящих верующих называется - благодать.

- Выбираю любознательность.

- Я так и думал, - он сунул кружку в просторный карман хламиды. - Идёмте ко мне. Здесь совсем рядом.

- А служба? - спросил я деликатно.

- Служба есть не просит, - был ответ, скорее уверенный, чем небрежный. - А голодным мы помогли.

Прощально кивая нищим, он первым покинул церковный двор.

Спящий снаружи у ворот безногий босяк проснулся от наших шагов и окликнул:

- Эй! Закурить есть?

- Не курю, - отозвался я. Мой спутник только помахал нищему левой рукой, а правой взял меня под локоть.

- Обратите внимание, сколько иностранных машин, - его бас прозвучал громко и насмешливо. - Чем грешнее человечки, тем ближе к богу мостятся. Но это им только кажется. Что у самого клироса стоять, что у входа на кладбище лежать - это не божеские почести, это от лукавого.

- Ты поговори, старый, - от только что припаркованной "Хонды" к нам шагнул молодой верзила с бритой головой. Шляпу и длинное пальто он оставил в машине и собирался идти к обедне в одном костюме и длинном белом шарфе. - Тебя заруют в углу, под забором.

Мой собеседник не приостановился и не ответил. Он только посмотрел на бритого, и тот вдруг побежал - от нас и от церкви, в сторону конфетной фабрики.

- Ничего, да? - Король нищих пожал мой локоть. - Но и страшного ничего. Обежит вокруг квартала, охолонёт, тогда уж помолится. А мы - мы Боженьку в душе соблюдаем. Он за это позволяет нам не докучать Ему своими молитвами... - Коротко засмеялся в бороду и добавил: - Да нам у Него и просить-то нечего...

Мы прошли несколько шагов, и я сообразил, что за чудо виделось мне с самого начала в глазах этого человека. Бездонное звёздное небо.

- Кстати, вы угадали, - сказал он через несколько шагов. - Я действительно не нищий. Я - убогий. В смысле - живу у Бога. Не за пазухой, правда, но вроде того. Сейчас ко мне зайдём - познакомимся. Не боитесь убогих? Говорят, они все с чудачествами.

Я сказал, что чудаки украшают мир. Он охотно согласился.

- Да-да, Алексей Максимыч тут, конечно, прав.

Этот босяк, собирающий милостыню во дворе православного храма, был знаком с буддизмом и читал безбожника Горького. Это тем более позабавило меня, что о каждом он говорил как-то интимно, будто чай вместе пили. Притом мне уже начинало казаться, что он слышит чужие мысли. Я как раз думал при этом о его личном знакомстве с Гаутамай и Пешковым и слегка взволновался в ожидании непрошенного подтверждения. Но он смолчал. То ли не услышал, то ли из деликатности не подал вида. У меня мелькнуло: как бы за какую-нибудь неправильную случайную мысль не пришлось и мне пробежаться вокруг квартала. Но и на это реакции не последовало.

Мы скоро дошли до старинного бревенчатого дома с резными наличниками и поднялись на второй этаж по крутой, как корабельный трап, деревянной скрипучей лестнице со стёртыми ступенями. Оба окна на площадке там не имели стёкол, из-за этого сильно дуло, но у того проёма, что выходил на улицу, стоял, покуривая, невысокий худой старик весьма опрятного вида. Он обернулся к нам и весьма приветливо помахал свободной рукой. У него было измождённое лицо, но славная улыбка мигом смела все следы прошлых страданий.

- Здравствуй, Константиныч! - прогудел мой новый знакомый.

- Эй, привет! - ответил тот. Подошёл и с неожиданной для его тщедушия силой пожал нам руки. - Как ваше богатырское ничего?

Мы сообщили, что ничего. Он доложил моему спутнику, что сегодня и ему дышится как-то легче. И пошутил: "Божий дар на Пасху".

- Весной всегда легче, - согласился мой спутник. - И не примазывайся к религии, она к антициклону отношения не имеет.

- Это как смотреть, - возразил Константиныч. - Докурю - можно обсудить. Не помешаю?

- Приходи на чай, - позвал сосед. И повёл меня в сени.

Там не было окон. Голая лампочка на витом шнуре освещала три двери. Две из них были массивные, старой работы, третья - фанерная, с несколько раз выломанным и переставленным замком. Перед ней мы остановились, и хозяин, отпирая, с лёгкой виной объяснил:

- Соседи - весьма приличные люди. Вот здесь - очень хорошая мать с двумя мальчишками, здесь - Константиныч с супругой, оба медики. А тут до меня жила парочка алкоголиков. Буянили, говорят, ссорились, воровали в сенях соседскую пищу, чем-то спекулировали. И умерли по очереди, в эту зиму. Сначала он в сугробе замёрз, потом из её комнаты пошёл дым. Взломали дверь, а она уже задохнулась. Теперь я живу. Но запах, по-моему, ещё сохранился, постарайтесь не смущаться.

Под эту речь мы вошли и разделись. В комнате вовсе не было того угара, какого я ожидал, и царил вполне пристойный для одинокого старика уют. Мужская простота, я бы сказал. Ни занавесок, ни шторок, ни салфеток. Только необходимое, но всё на месте. Не казарма, а этакая одиночная камера или келья, в которой с окна сняли решётку, а унитаз и раковину отгородили от жилой половины фанерным щитом. Впрочем, санфаянс сверкал, вода нигде не подтекала. Хозяин здесь обитал непряхотливый, но опрятный.

Сразу была включена электроплитка, поставлен чайник, мне предложено осмотреться и потрогать всё, что пожелаю. Затем хозяин сказал:

- Пора знакомиться. Ваше имя я узнал, представляя вас Константинычу. Вы моё тоже услышали от него, даже раньше, но, наверно, не придали значения. Меня все называют - Эй. Так я хочу. Раньше звали иначе, но это ушло и не нужно. Будем жить настоящим. - Он протянул мне широченную

ладонь. - Итак, зовите меня Эй. Можно в восклицательной форме, буду только доволен. Так звала меня моя последняя женщина. Она же - единственная... Она уже на небесах.

И, чтобы избавить меня от приличного случаю выражения скорби, сразу начал балагурить по поводу холостяцкой сервировки стола и отсутствия выпивки. Дескать, самое разговенье, да мяса не употребляю, а водка давно бросила меня, все же прочие крепкие напитки водки не заменят.

В разгар этого объяснения с вежливым стуком вошёл Константиныч. Он принёс водку. Бутылка была зажата под мышкой, а в руках старик держал тарелку с салатом и миску с пирожками. Как только сумел постучаться?

Водка была дешёвая, с сивушным духом. "Пенсионерская" - так назвал её Константиныч.

- Больше одной бутылки на троих эту дрянь пить опасно.
- Поверим бывшему врачу, - согласился Эй.

Константиныч без обиды возразил:

- Бывших врачей не бывает, мой милый. Врач - это не профессия. Даже не диагноз. Врач - это приговор. Пожизненный. Строгого режима. Ты сам всё это знаешь. А подначиваешь - для гостя. Кстати, кто наш гость?

Эй посмотрел на меня и, прежде чем я собрался с духом, чтобы представиться, сообщил:

- Наш гость - писатель. Притом не простой, а самый крайний - фантаст.
- Вот это уже диагноз, - Константиныч улыбнулся неизбежно. - Графомания неизлечима, но при наличии таланта может давать прекрасные плоды... И что же, хорошо или плохо - быть крайним в литературе?
- Это хорошо, - Эй снова ответил за меня и очень серьёзно. - Фантастам можно доверять. Они правдивы и бескорыстны, как положено пионерам.
- Итак, - подытожил Константиныч, - сегодня за пасхальным столом лучшие представители человечества: артист погорелого театра, действующий отставной врач и конструктор вероятного. Выпьем за успешное взаимодействие!

Когда выпили, он добавил:

- Хорошо, что ты не докатился до мусульманства, а то пили бы вдвоём.
- Я звал к себе и мусульман, - отвечал Эй, - ты же знаешь.
- Вот за это тебя и пожгли. Свои же, православные.
- Кто не пойман, тот не поджигатель, - возразил грустно Эй. - И не убийца.

Наступило молчание. Двое думали о чём-то печальном, третий пытался это понять.

- Не понимаю, - признался я наконец. - Театр, мусульмане, православные, пожар... Старики переглянулись.
- Длинная история, - вздохнул Эй. - Тысячи лет...
- Его театр, - объяснил Константиныч, - это деревянная церквушка на севере области. В деревне Ягодка, слышали?

Я вспомнил. Года два назад сгорела какая-то деревенская церковь довольно далеко от Томска. Передавали по радио.

- А он там был единственным актёром, - продолжал Константиныч. - Мечтал о мировом господстве, вот и потерпел крах. И так будет с каждым. В этом гнусном мире...
- Что ты несёшь, - Эй вздохнул. - Да, хотел примирить все религии. Бог-то один...
- Нет, ты не взрослый человек, - подытожил Константиныч. - Ни лагеря тебя не научили, ни убийства, ни поджоги... Вот спросим фантаста: чем отличается красный петух от жареного?

Ну, это я знал. Я ответил уверенно:

- Красный петух - самая свирепая разновидность жареного.
- Вот, пожалуйста! - Константиныч пожал мне руку и снова всем налил. Он наливал понемногу, чтоб хватило на длинную беседу. Или просто качество напитка заставляло доктора осторожничать. - Молодой, а понимает!
- И почему мусульмане не пьют вина, тоже знаете? - спросил Эй.

Я не знал. Я не вникал в подробности ислама.

- А это интересно, - сказал Эй. - И тебе, старый пьяница, в особенности. Мухаммеду во сне Аллах предложил три чаши - с вином, с водой и с молоком. Предполагалось, что вода - символ загнивания религии, вино - знак безумия, а молоко - понятно, здоровье.
- Правда, потом, - перебил Константиныч, - они в молоко добавили кровушки...
- Все религии проповедуют терпимость, - возразил Эй. - Просто слишком мало бывает терпимых людей. Вот я и звал к себе терпимых...
- Чтобы объединиться против нетерпимых! - Константиныч засмеялся и поднял свой стакан. - Шучу, падре, шучу! Выпьем за терпимость во всём мире. И не обижайся.
- Да я на тебя никогда не обижался, - Эй чокнулся с нами, но только пригубил.
- Мы знакомы давно, - объяснил мне доктор. - Как-то несло нас вместе: по всей Колыме, от самой Ванинской пересылки - попа да лепилу. Вам это слово знакомо? Нет? Лепила по-лагерному - врач. Есть три профессии, с которыми среди зеков можно выжить. Уважают лепилу - он лечит. Не трогают адвоката - он поможет защититься от земных законов. И уповают на священника - авось замолвит

словечко перед Создателем. Так что поп и лепила вместе - это уже серьёзная сила. Нашу пару и лагерному начальству было выгодно сохранять.

- В подробности вдаваться не стоит, - сказал веско бывший поп. И сам налил по чуть-чуть. - Лучше выпьемте, братие мужчины, за Любовь. С большой буквы. В самом высшем смысле. Ты, Константиныч, говорил о молоке и о крови. Я подумал: вот сравнение мужчины с женщиной. О здоровом ребёнке говорят: кровь с молоком. Кровь - это отец, молоко - мать. Как?

- Выпьем! - Константиныч вдохновился. - И забудем прочие сравнения!

Так мы просидели часа два. Потом доктор простился, и я проводил его до двери. От малой выпивки он совсем расклеился, началась одышка. Я сдал его с рук на руки красивой пожилой даме. Она выглядела встревоженной, сказала, что уже собиралась к нам, но не сердилась, даже поздравила меня с тем, что Христос опять воскрес.

Когда я вернулся, Эй выглядел очень озабоченным. Он налил мне крепкого чаю и тихо сказал:

- Золотой человек Константиныч. И врач божьей милостью. Скоро уйдёт. У него рак лёгких. А я, возможно, уйду раньше, хотя совершенно здоров... О, не пугайтесь! Попы, даже бывшие, самоубийцами не бывают. Я уйду вполне естественно и легко. Просто давно пора. Но сие зависит не только от меня... Вы догадались и удивлены, вижу. Да-да, именно от вас может зависеть мой уход.

- Это как? - Вопрос был глупый, но - каюсь - я его задал.

- Ничего не спрашивайте, - он был терпелив. - Мои объяснения будут исчерпывающи. Прежде всего: почему я с первого знакомства решил довериться вам? Вы это уже почувствовали, только не знаете, как сказать. Я выбрал вас среди многих и многих, потому что всех людей одинаково *вижу и слышу*. Вы это заметили, конечно. И не подали виду. Молодцом... Как думаете, сколько мне лет?

- Н-ну, за семьдесят наверняка.

- А поверите, что полгода назад я выглядел совсем как вы - на сорок?

- Когда сгорела церковь... - начал я.

- Да-да, сразу начал стареть. Но мне уже тогда было... за семьдесят. Вы деликатны: мне сейчас дают больше восьмидесяти. Но это к слову. Так вот, следующий вопрос уже совсем по существу: чего же я от вас хочу. Не беспокойтесь: ни стрелять, ни душить не придётся. Я просто намереваюсь доверить вам рукопись. И больше никаких комментариев. На вопрос: "Что с ней делать?" ответа у меня нет. Литературная слава меня не согреет, потомков назидать не тщусь, так что цель получается одна: пусть мои записи попадут не на растопку и не на помойку, а понимающему человеку. Одному-единственному, но понимающему. В вас я это прозрел. Хотя уже готов был отчаяться. Искать-то можно было только в церковном дворе... В общем, так: если найдёте, что надо издать, попытайтесь, не возражаю. Только доведите по части грамоты да подпишите своим именем. А то ведь не примут, если подпишете - Эй. - Он засмеялся. - В тексте, правда, есть настоящие имена, да только носить их уже некому. И отвечать за содеянное некому, кроме Боженьки. Только Ему перед кем? Перед самим собой? Знаете, есть шутка: "Сотворить мир легче, нежели понять, вот Бог и создал человека". А кто сотворяет, тот и отвечает. Но это всё шуточки. Казуистика... Ну так вот, чтобы не брюзжать. Полгода назад я сотворил тетрадь и вписал в неё кое-что из прошлого. Писал да искал, кому отдать. Устал, признаться. И зажился. Меня давно ждут - ТАМ... Возьмите эти записи и отпустите, как говорится, душу на покаяние. Берёте?

Казалось бы, всё сказано, не в чем сомневаться. Бери тетрадь и прощайся, человек будет рад. А я вдруг испугался. Никогда не убивал и вдруг почувствовал, что надо... убить. Ну, скажем, помочь человеку умереть. Это дела не меняет. В моих сочинениях не обходилось без убивания, но там герои дрались с негодьями за справедливость, как во всей мировой литературе. И там была игра - как во всей мировой литературе. А тут - на практике - мне надлежало стать негодяем. Одно дело - читать про эвтаназия, другое - в ней участвовать. Очень даже другое. Особенно в отношении человека, к которому за два часа успел весьма привязаться. И которого совсем не хотел бы потерять. В мои представления о справедливости такое не вписывалось.

- Всё слышу, - раздался голос этого странного человека. - И очень доволен. То самое, чего от вас ожидал... Голубчик, это очень славно, что вы уже мучаетесь. Это от вас и требуется. Давайте упростим ситуацию. На ваших руках умирает ваш товарищ, изрубленный негодяйскими саблями, простреленный негодяйскими пулями и снарядами, отравленный негодяйскими ядами. Помочь невозможно. Он завещает вам свою простреленную тетрадку, хранимую на груди. Неужели откажетесь?

Я ожидал, что хотя бы улыбнётся, но он был серьёзен. Ирония была его образом мышления, но он не шутил. Просто хотел быть до конца понятным. И я понял, что пора сдаваться, потому что слова кончились, а впереди - вечность.

- Конечно, конечно, я готов, не сомневайтесь.

- Я хотел, чтобы не сомневались вы.

С этими словами он выдвинул из тумбочки обувную коробку, выбросил из неё какую-то ветошь, и на дне обнаружилась не тетрадка, а толстая самодельная книга в твёрдой обложке. Старик был дока в переплётном деле. Названия на обложке не было.

- Извините, что писал карандашом, - он подал мне книгу, раскрыв наугад. - Простой графит воды не боится. Сказано, что рукописи не горят, но не сказано, что пожарные успевают испортить их водой... Я выбирал карандаши пожирнее и оттачивал остро, чтоб было разборчиво. Правда, почерк у меня мелкий, но это от прошлого, когда приходилось экономить бумагу...

Он стал многословен, как всякий, кто сдаёт рукопись в читку. Я кивал и разглядывал чёткий убористый текст, привычно прикидывая количество авторских листов. Выходило изрядно.

Не вчитываясь, тронул взглядом несколько фраз покороче, и холодом обдало спину. Холодом глубины или высоты - этого не понял, но холодом, холодом и... страстью.

Вот и всё о нашей единственной встрече. Я пытался повторить её, когда прочёл рукопись, но попал на скромные поминки. Константиныч, его супруга, пара молодых священников да пьяный безногий нищий, незнамо как взобравшийся по крутому трапу на второй этаж. Он потом и показал мне могилу моего героя. В уютном углу у кладбищенской ограды. Нищее братство поклялось за ней ухаживать и исполняет это неукоснительно. На могильном камне выбиты слова:

ВЕЛИКИЙ НИЩИЙ

И всё. Ни дат, ни регалий.

Так я и решил назвать его книгу.

Свою медную кружку он завещал мне. Пока она стоит с карандашами на моём рабочем столе. Пока...

Конец пролога.

Холод и страсть.

1.

Я помню все свои жизни. Будто все их прожил в одном теле.

Я много раз умирал, когда возникала нужда, но снова просыпался.

Каждое пробуждение не отменяло прошлую жизнь. Просто менял место и жил дальше.

Так длилось от начала Времён. До их конца не доживу. Потому что не хочу. Уйду совсем.

"Временами" я называю то, что в науке называется Историей Человечества. Только История эта кажется мне какой-то плоской: власть, режим, война, переворот, вожди... А настоящая она вот:

Помнишь первобытную культуру?

Как в пещере жили мы с тобой!

Ты мою изодранную шкуру

Зашивала каменной иглой.

.....

Ты иглой орудовала рьяно,

Не сводя с меня косматых век.

Ты была уже не обезьяна,

Но, увы, ещё не человек.

Эту песенку сочинил я. О своей первой жене. Её звали Веда. Её всегда звали Веда.

В песенке есть одна неправда: игла была не каменной, а костяной. Так рождается поэзия.

Там есть ещё про каменный топор и про хобот мамонта. Но это не важно.

Там главное - последняя строка: мы были почти люди.

Такими нас сотворили нарочно. Им нужны были понятливые рабы.

Говоря сегодняшним языком, нас было четыре сословия. Всех примерно поровну.

Самые для них нужные добывали руду. Их называли горняками. Два других сословия - пастухи и пахари — кормили горняков и хозяев. Были ещё слуги.

Хозяева занимались металлургией, расчётами и полётами. Самая простая их работа - присматривать за нами - делалась для отдыха. Другого отдыха они не знали и не хотели. Они всё время трудились и к чему-то готовились. Они наблюдали за ночным небом. У них было множество приборов.

Мы тоже наблюдали за небом. Без приборов. Во время работы. И потом.

Однажды появилась новая звезда. Яркость её быстро увеличивалась.

Тогда хозяева оставили нас. Улетели и не вернулись.

Так начались Времена. Они же - История.

2.

В песенке про первобытную культуру есть ещё одна неправда. Вернее - умолчание. Я не был ни горняком, ни пастухом, ни пахарем, ни слугой. Я просто был тогда там. В качестве бога.

Моё имя было Тогур. А Тебя звали Палана.

Бога полагается писать с большой буквы. Но я его не знаю. Я знаю только Тебя. И всегда хотел знать только Тебя и о Тебе. Поэтому и полетел на "Бумеранге".

В первой экспедиции я был командиром, а Ты - врачом. Мы долго жили рядом. По земному времени шестьсот лет - это изрядно. Мы знали друг о друге всё. Так мне казалось. Об этой экспедиции я не люблю вспоминать. Мы в ней потеряли всех. Я их любил почти как Тебя.

А Ты любила меня ещё сильнее. Я ведь не научился отдавать Тебе свою жизнь. Даже не знал, что такое возможно. Если бы не это, я не вернулся бы из первой экспедиции. Ты помогла уцелеть. А я не знал об этом до самой Земли. Теперь плачу за это бессмертием. И плачу от этого. Потому что бессмертие - не подарок. Это кара. Ты это знала, но всё же дала мне его. Тогда, наверно, так было нужно. Мы ведь были людьми долга.

Долг перед целым Человечеством.

Человеком долга трудно быть долго. А мне пришлось - дольше всех.

Перед второй экспедицией Ты стала быстро гаснуть. Я ничего не понимал.

Мы вместе сделали всё, что требовалось Человечеству: вывели его из тупика. Космическая экспансия оказалась возможной, и мы её организовали. Во вторую экспедицию я надеялся лететь с Тобой. А Ты вдруг угасла.

На прощанье Ты обещала не оставлять меня. Я поверил. Иначе остался бы на Земле, где зарыли Твоё тело.

Я всегда верил Тебе, хоть и не всегда понимал.

Сказала: "Буду с тобой", и я поверил. И полетел во вторую экспедицию к Планете Четырёх.

Ты не обманула. Поселилась в памяти. Стала внутренним зеркалом.

Занятная штука - внутреннее зеркало. Не только отражает, но и даёт советы.

Внутреннее зеркало - это, может быть, вторая совесть.

Кошмарная роскошь - иметь аж две совести. Мужскую и женскую.

Недавно, оставляя меня, Ты сказала: "Допишешь - и приходи. Буду ждать". Я спросил: "Где же это?" Ты ответила: "Покинешь тело - сам увидишь". Я спросил: "А как там всё будет?" Ты ответила: "Кое-что непривычно. Но это быстро проходит". Я спросил: "А оттуда нам вместе ещё куда-нибудь можно будет?" Ты ответила: "Нам редкостно повезло друг с другом".

И я сел писать эту странную книгу. Зачем - не знаю. Ты сказала: "Надо". Чувствую, что до конца этой работы мне из тела не уйти.

Для начала напишу две саги. О нашем с Тобой личном времени, которое было до начала так называемых "времен". Напишу так, будто не о нас, а о других людях. Это будет правда. Любой человек может писать о себе, как о другом, потому что в прошлом он обязательно не такой, как в настоящем.

От тех Тогура и Паланы, которые улетели в первую экспедицию, осталось неизменным только одно чувство. Всего одно.

А наши дела перестают быть нашими, как только мы их заканчиваем. Как и наши тела.

СЕБЕ НАВСТРЕЧУ

Сага1. ВОЗВРАЩЕНИЕ

- Земля, ответьте "Бумерангу"!

Весь в ожогах от метеоритов, изъеденный космической пылью, корабль замыкал петлю в пятьсот земных лет.

Когда они стартовали, средняя продолжительность человеческой жизни равнялась семидесяти годам. Из этого следовало, что их ждёт встреча как минимум с четырнадцатым поколением землян, если их самих брать за начало отсчёта.

Когда они стартовали, "Бумеранг" считался послезавтрашним днём космической техники. Теперь он, конечно, стал запозавчерашним, но дома, на Земле, - их должны ждать.

Если всё там в порядке.

На случай своего самоубийства земная цивилизация подготовила этот экипаж - дюжину молодых, безусловно здоровых и образованных.

Задача экспедиции формулировалась просто, даже скромно: начав петлевой полёт в направлении Стрельца, то есть в сторону ядра Галактики, вернуться через пятьсот лет на Землю со стороны Лебеда, проведя по пути все замеры и наблюдения, на которые способна бортовая аппаратура. Субсветовая скорость позволяла членам экипажа дожить до возвращения без анабиоза, ведя в течение всего полёта активную исследовательскую работу.

Эти шесть пар могли в пути обзавестись детьми, но не решились: во-первых, из-за детей пришлось бы жертвовать программой работ, а во-вторых, вернее, тоже во-первых, рожать в космосе было страшно: кто знает ЧТО родится... В этом смысле и само мероприятие по спасению человеческого генофонда выглядело сомнительно - скорее, как жест отчаяния.

Знай они о предстоящих потерях, может быть, дело обернулось бы иначе... В нашу задачу не входит рассмотрение так называемых приключений на других планетах. Планеты встречались, и

приключений оказалось достаточно, чтобы от последней из них корабль ушёл с экипажем в два человека. Имена уцелевших - Палана и Тогур. Потеряв разом четверых последних спутников, они решили прекратить активные исследования и доставить собранную информацию на Землю без дальнейших приключений. Как видим, это удалось: они запрашивают у Земли посадку.

- Земля! Земля, ответьте "Бумерангу"! - Палана включила радиомаяк и просительно взглянула мельком на Тогура, будто от него что-нибудь зависело. Тогур молча улыбнулся: бодрись. Они давно уже разговаривали почти одними глазами.

В самом деле, оставалось только бодриться и крепиться - они сделали всё, что не зависело от автоматики. Теперь следовало ждать, пока земная аппаратура, которая наверняка сохранена такой же, как на "Бумеранге", примет их вызов и ответит. На это уйдёт восемь минут.

Эти восемь минут они провели молча, не скрывая нервной дрожи: за годы приключений и потерь их нервы утратили свою безупречность.

Чтобы унять волнение, Палана всматривалась в лицо спутника, бронзовое от космического ультрафиолета, и вспоминала того Тогура, с которым двадцать лет назад записалась в эту экспедицию.

Точнее сказать, не они записались, а их выбрали. Все научные силы планеты, по призыву ЮНЕСКО и собственных правительств, пришедших к согласию хотя бы в этом, искали и нашли дюжину молодых людей, отвечавших множеству требований. Не останавливаясь даже кратко на описании этих требований, скажем только, что план комплектования экипажа в строгом соответствии с ними выполнен не был: десятимиллиардное население Земли оказалось неспособным дать двадцать человек. Набрал только двенадцать, организаторы экспедиции усилили на корабле автоматику и несколько облегчили программу исследований. Последнее, впрочем, по-настоящему огорчило лишь малочисленную группу так называемых "законченных оптимистов", которых на готовой к гибели планете уже не воспринимали всерьёз.

Местом старта была избрана небольшая страна, где в интересах международной коммерции насильственно сохранялся нейтралитет.

С давно забытым старанием изготовили, доставили на орбиту и собрали корабль, которому дали название возвращающегося оружия. Пресса, разумеется, поиздевалась, но одна журналистка из нейтральной страны остроумно заметила, что, во-первых, бумеранг - оружие охотничье, а во-вторых, он возвращается только в случае промаха. Журналистка пожелала улетающим вернуться живыми, никому в космосе не принеся смерти, и по возвращении найти пославшего их "охотника за информацией" (так она назвала человечество) тоже в добром здравии. Генеральный секретарь Организации Объединённых Наций вспомнил эти слова в своём прощальном выступлении, и они прозвучали очень к месту, у многих вызвав слезы.

Посланцы человечества слушали напутствия, стоя тесной шеренгой и держась за руки. Тогур, негласно избранный командиром, тоже выступил с короткой речью. Эту речь они сочиняли все вместе и, когда она была отпечатана, поставили под ней свои подписи. До самого отлёта никто, кроме них, не видел текста. Палана запомнила слово в слово:

"Дорогие каждому из нас земляне! Принимая корабль, в создание которого вложены высшие достижения человеческой культуры, мы благодарим вас и все ушедшие поколения людей за доверенную нам миссию. Клянёмся выполнить её любой ценой, кроме уничтожения себе подобных. Мы знаем, что за отведённые нам двадцать лет полёта на Земле пройдёт пять веков, и мы верим, что это будут мирные столетия. Мы верим, что технический прогресс не приведёт человечество к самоуничтожению. До встречи!"

Эта речь прозвучала как последнее слово приговорённых и, может быть, многим из оставшихся испортила настроение. Но ребята уходили довольные собой, остальное неважно. Такими и запомнила их Палана, врач экспедиции. Она стояла тогда у лифта и каждому во время посадки в космобот заглянула в лицо. Все были спокойны и довольны собой.

Такими помнила всех и теперь - не обгоревшими, не раздавленными, не разорванными в проклятых космических приключениях, а молодыми, спокойными и довольными, сказавшими человечеству свои главные слова.

И этого, живого и, кажется, насквозь загорелого, всегда любимого, который волновался рядом в ожидании ответа с Земли, она тоже видела сейчас молодым.

Они смотрели друг другу в глаза и привычно разговаривали без слов - о том, что давно и много раз говорено:

"Что мы им скажем, когда выйдем из корабля?"

"Если они существуют? Скажем, что сдержали клятву".

"Да, мы никого не убили".

На стенах рубки вместе с ними летели к Земле портреты потерянных товарищей. Под каждым - снимок и координаты планеты, названной именем погибшего на ней. Последняя - планета четырёх. Может быть, так она и будет называться - Планета Четырёх. Там была атмосфера, точно как на

Земле. Там было всё настолько похоже и настолько мирно, что они потеряли бдительность. И полетели вчетвером. А в плотных слоях атмосферы их обстреляли управляемыми ракетами. Ракет было много - всех не подавить, от всех не уклониться. Одна из них превратила шлюпку в серое облачко.

Больше шлюпок на борту не оставалось. Да они теперь и не были нужны: корабль по возвращении следовало сажать прямо на Землю, для всестороннего обследования. Маршевые двигатели могли работать в посадочном режиме.

Палана и Тогур молчали восьмую минуту. В динамиках посвистывал, потрескивал, пощёлкивал живой космос. Изрядно привычный и всегда опасный.

- Если бы всё сначала, ты полетел бы в эту экспедицию?

- Да. А ты?

- С тобой вместе... А во второй раз? По новой петле?

- Нет. Не могу. Устал терять близких... Разве что вдвоём с тобой. Тебя я не потеряю.

В хор знакомых звуков ворвалось шипение земной несущей частоты. Оно было негромким, но люди вздрогнули.

Шипение длилось недолго. Нетерпеливый юношеский голос отчеканил:

- "Бумеранг"! Земля готова принять вас! Автоматика надёжна. Мы беспредельно рады, что дождались! Примите координаты...

Человечество живо, молодо, здорово, нетерпеливо, как всегда! Оно говорит на понятном языке!

- Всё штатно! - выдохнул Тогур в микрофон. - Спасибо! Сажайте, ребята...

Сказать больше он был не в силах - перехватило дыхание... Палана молчала тоже. У неё начали слипаться глаза.

- Хорошо, поволновались, - Тогур ввёл координаты в автопилот и улыбнулся ободряюще. - Поспи, время есть.

- Прости, командир, - Палана потянулась к рычагу и откинула спинку кресла, - позволь мне тут подремать, мало ли...

Заснула на полуслове. Так реагировал её счастливый организм на нервные перегрузки.

Открыв глаза, Палана увидела командира в той же позе у пульта.

- Не спал, - она знала, что на волнение у него обратная реакция. - Что делал?

- Провёл ревизию автоматики. Теперь вот думаю.

- О них... И до чего додумался?

- Глупости лезут. Будто живы только те, кто встречает нас.

- Это невозможно, - Палана была хорошим психологом. - Даже если ядерная война и случилась, то за пятьсот лет оставшиеся могли многое восстановить. А всего вернее - войны не было. Мне это приснилось сейчас. Вечная молодость, вечная энергия, всеобщая порядочность...

- Ты в фантастике всегда была сильнее меня, - Тогур улыбнулся. - Видно, готовность к худшему – обязательный недостаток всех командирствующих. Но без тебя я бы здесь не выжил.

- Когда придём в себя после экспедиции, - Палана обняла его горячими руками, - я нарожаю тебе кучу детишек. Я чувствую, что получится.

Руки были очень горячие.

- Если на Земле сохранился хоть клочок свободной земли, - сказал Тогур, - мы его займем и будем выращивать разную зелень - цветы и какую-нибудь морковку.

Они не скрывали друг от друга сомнений и волнений, но в жизнь на Земле уже не надо было просто верить - их звал живой человеческий голос, молодой и нетерпеливый. Можно было не сомневаться, что навстречу не пошлют самонаводящуюся ракету, что встретят, посадят на автоматике и, может быть, даже будет духовой оркестр.

- Никогда не любила, духовые оркестры. А теперь хочется.

- Ну, вот и хорошо.

Она почувствовала, как вздрогнула его рука.

На посадке они включили все забортные анализаторы. Информация внушала спокойствие.

- Кислород воздуха - на полтора процента выше прежней нормы...

- Биомасса на основе хлорофилла - девяносто процентов суши! Даже не верится...

- Спектр мирового океана - только аш-два-о и штатные примеси...

- Почти нет пыли в атмосфере...

- Значит, промышленность перешла на замкнутый цикл?!

- Или её не стало...

- Это невозможно.

- И нет ни бурь, ни вулканов?

Они не узнали на обзорном экране местность, над которой шли на посадку. И ничего не стали предполагать - не имело смысла.

Никогда не выпускавшиеся телескопические ноги корабля сработали нормально.

Тогур отдраил аварийный люк в головной части "Бумеранга", и они вдохнули воздух почти пятисотметровой высоты. Он был - сочен.

Внизу быстро таял посадочный пар и открывалось до горизонта море, нет, океан зелени. Запахи трав и цветов достигали даже этой высоты.

- Вот это мы до-о-ома! - дышал Тогур.

- Вокруг стена высокая, - разглядела внизу Палана.

- Это, пожалуй, для защиты от посадочного огня,- сказал Тогур. - Очень точно они нас приняли! Прямо в центр стола. А стол, смотри-ка, металлический. Видно, титановый.

- Вон теми двумя антеннами вели, - заметила Палана. - Вон из того домика... И что-то не видно больше зданий. Только возле домика мелочь какая-то, вроде подсобных помещений. Может, с той стороны?..

Они поспешили к пульту и сдвинули броню со всех иллюминаторов. Пошли вместе по кругу, но не обнаружили на всём видимом пространстве ничего, кроме едва заметного в зелени одноэтажного малого поселения на берегу реки.

- Ну и глушь, - сказал Тогур. - Мера безопасности, что ли?

- Правильно, - согласилась Палана. - Где гарантия, что не взорвёмся при посадке?

Внизу уже легко различалась белая полоска дороги, по которой от проёма в стене к кораблю двигались точки людей. Путешественники переглянулись и поспешили к лифту.

- Видно, так надо, - пробормотала Палана.

- Я почему-то ожидал оркестра, - усмехнулся Тогур.

Лифт донёс их до самой земли, и они, без труда сдвинув овальную дверь, вышли на титановый блин.

Один шаг - и они в объятиях подбежавших.

- Наконец-то! - воскликнул юноша совсем не тем чеканным голосом, каким ответил на их вызов из космоса. Теперь, когда он тискал в объятиях Тогура, голос его звенел от слез.

- Спасибо, что вернулись, - плакала девушка, обнимая Палану. - Где же остальные?

Оба замерли, ожидая ответа.

Космонавты привычно ответили глазами и, не успев спохватиться, увидели, что их хорошо поняли. - Спасибо им навеки, - сказала девушка.

- Идёмте туда, - позвал юноша, поправляя ремень, на котором у него через плечо висел короткий меч.

Все четверо, обнявшись, пошли по широкой металлической дороге к проёму в защитной стене. Космонавты глубоко дышали, осматривались и пытались без объяснений понять происходящее. Переглянулись, увидев прислонённую к стене косу-литовку, не ржавую, позеленённую травой.

Юноша и девушка всё ещё шмыгали носами.

Через гасящий посадочные вихри лабиринт выбрались за стену и обнаружили там привязанных к дереву двух лошадей и деревянную платформу на четырёх колёсах. Из платформы торчала вперёд деревянная жердь. Она располагалась между лошадьми, и к ней лошади тоже были привязаны. Тут же вертелись три крупные лайки довольно грозного вида. Впрочем, собаки сразу приняли гостей за своих.

- Садитесь, - показала девушка на платформу. Она сдвинула ножны с бедра на живот и первой села, свесив ноги на сторону и сложив руки на своём тяжёлом ноже. Странники сели рядом. Юноша отвязал от дерева длинную волосяную верёвку и перебросил её через головы лошадей на платформу. Затем он тоже сел и, чмокнув губами, слегка потряс верёвку. Животные резво потянули платформу за жердь, к которой были привязаны.

- Как интересно! - вырвалось у Паланы. - Они не устанут?

- Здесь недалеко, - ответил юноша.

Дорога в лесу была не такой ухоженной, как за стеной. Из трещин в старом бетоне росла трава. Жёсткие деревянные колёса, окованные металлом, тупо стучали на этих трещинах. Ветви кустов и деревьев кое-где доставали до лошадиных боков.

Ехали молча. Пришельцы пытались в шелесте листвы уловить шум хоть какого-нибудь мотора. Девушка влюблённо гладила руку Паланы. Юноша строго поглядывал вокруг, но что-то похожее было и в его взгляде, когда он косился на командира.

- Однако, большой заповедник, - нарушил молчание Тогур. Молодые переглянулись, и юноша, немного помолчав, ответил:

- Заповедник? А что же, пожалуй.

Теперь переглянулись космонавты.

- Вы почему так вооружены? - спросил Тогур.

- Не торопите события, - попросила девушка. - Подъезжаем.

- Кстати, - сказал юноша, - мы ведь не представились, простите. Меня зовут - Огон.

- А меня - Вида, - девушка сжала руку Паланы и засмеялась. Она, конечно, знала красоту своего смеха. Тогур наклонился к Палане и прошептал:

- Славные малыши.

- Работаем на Маяке, - сообщил Огон.
- На каком маяке?
- Вот на этом.
- И много их?
- Других нет, - сказал Огон.

Платформа выкатилась на большую поляну, к тому самому "домику", который они видели из люка. Это было гранитное строение в три этажа, внушительных размеров, с солнечными батареями на крыше, с цельными стёклами в широких окнах. Окна, впрочем, имел только нижний этаж. Два верхних представляли собой глухую стену, украшенную цветными мозаичными портретами двенадцати космонавтов. Портреты были выполнены очень талантливо, с точной передачей характеров. Под каждым - полное имя на родном языке космонавта.

Забыв обо всём, Палана и Тогур застыли перед этой стеной. Палана заплакала. Загар Тогура стал бледно-болезненным. Побелели его сжатые кулаки...

Девушка - через пятьсот лет - тронула Палану за руку:

- Можешь поделиться болью?

- Прости, - прошептала Палана, - не могу. Самой не хватает.

Девушка всё же взяла её за руку, и Палана заставила себя очнуться от воспоминаний. Тогур тоже потрянул головой и начал осматриваться.

Из боковой стены верхних этажей выходил сверкающий золотой фидер коробчатого типа. По титановым опорам с керамическими изоляторами фидер тянулся метров на сто и скрывался в приземистом гранитном сооружении, на крыше которого распласталась гигантская золотая чаша радиотелескопа. Точно такая же блестела с другой стороны здания, к ней тоже тянулся золотой волновод.

- Войдёмте, - пригласил Огон. - Мы видим ваши вопросы и скоро будем готовы отвечать.

- Точнее, - поправила с улыбкой Палана, - мы будем готовы понимать ваши ответы.

У входа в здание они ещё немного задержались. Мимо этого нельзя было пройти просто так. Золотая плита высотой в человеческий рост, закреплённая на мощном гранитном основании, хранила подписи всех участников экспедиции, поставленные когда-то под текстом речи Тогура. Выше подписей на золоте было высечено стилизованное изображение земного шара и - знакомая фраза:

МЫ ВЕРИМ,
ЧТО ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС
НЕ ПРИВЕДЁТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО
К САМОУБИЙСТВУ.

- Ты, конечно, узнаёшь слова из своего выступления, - сказал Огон Тогуру. - Они здесь не случайно. Вы с ними ещё сегодня встретитесь.

Гостей ввели в зал на втором этаже и оставили одних.

- Будет кино, - определила Палана.

- Всё это построено специально для нас, - сказал Тогур. - Посмотри: форма кресел - как у нас на корабле, и их количество - с учётом возможной рождаемости.

- В этих креслах НИКТО не сидел, - согласилась Палана. - Но вспомни, на чём мы сюда ехали... А во что они одеты...

- Ткань явно самодельная, - Тогур кивнул.

- Это называется "домотканая". Одежду тоже сами шили. И вышивала Вида наверняка сама. Впрочем, неплохо...

- Вот-вот, - Тогур хмуро усмехнулся. - Ходят босиком, ездят на... я вспомнил: на телеге с дышлом. Электроснабжение у них явно автономное - солнечные батареи, аккумуляторы, и, возможно, сохранён небольшой реактор.

- Что значит - "сохранён"?

Тогур молча ответил взглядом, и она кивнула.

Едва они выбрали себе кресла, как в зале погас свет и вспыхнул экран.

Земной шар, окружённый звёздами, стал расти на экране, выплывая из черноты космоса. Глубокий женский голос за кадром заговорил торжественно и задушевно:

- Дорогие земляне, экипаж "Бумеранга"! Этот фильм смонтирован за сто лет до расчётного времени вашего возвращения. Надеемся, что самые свежие из отснятых сведений к вашему прибытию не устареют, ибо практика показала, что достигнутое нами - неизменно и, без внешнего толчка, о котором будет сказано, необратимо. Сколько бы вас ни вернулось из безумного полёта в космическую тайну тайн, знайте: все вы герои, ибо вам планета обязана своим спасением. Примите же высшую награду - вечную благодарную память человечества - и узнайте из этого фильма, как мы распорядились вашим ни с чем не сравнимым даром - вечным миром на Земле.

Голубая планета заполнила весь экран, стали отчётливо видны знакомые с детства материки и океаны. Съёмочный аппарат поплыл по орбите, показывая Палане и Тогуру ту Землю, с которой они улетели двадцать, то есть пятьсот лет назад.

Глядя на прикрытые серым смогом промышленные районы, на пыльные бури в пустынях, на редкие пятна лесов, Палана прошептала;

- Вот оно, "до боли родное".

Тогур молча вздохнул.

- Когда вы стартовали, - продолжал голос, - на Земле царил кризис. Только по "Красной книге" дети могли знакомиться с разграбленной природой. У государственных границ, равных линиям фронтов, непрерывно перегруппировывались войска. На границах не прекращались вооружённые конфликты. Из глубоких шахт угрожали окружающим дальнобойные термоядерные устройства, которые, для достижения собственной неуязвимости, кочевали под землёй от шахты к шахте, не переставая целиться. Космическое пространство около Земли кишело оружием. Гражданское население всех стран поголовно изучало военное дело и средства защиты от внезапного стратегического удара. В океанах, шарахаясь друг от друга, скитались подводные лодки с теряющими рассудок экипажами, держа под прицелом столицы и промышленные центры возможных противников. Учёные задыхались от военных заказов и сходили с ума от неожиданного военного эффекта собственных мирных открытий. Все боялись войны, никто не хотел войны, но все готовились к войне наперегонки, шпионя друг за другом из космоса и из-под кровати, обливая друг друга чистой клеветой и грязной правдой и уже не задавая вопроса, для чего нужен этот ужас и где его корни, чтобы их вырвать: у цивилизации отказали тормоза... Вот в какое время отчаявшееся человечество ослабило ненадолго палец на спусковом крючке и за три года снарядило в Дальний Космос "Бумеранг" с интернациональным экипажем.

Над далёким выпуклым горизонтом засветилась яркая точка. Скоро она выросла в "Бумеранг" - новенький, сверкающий, готовый к старту.

Сменился кадр.

Маленький космодром в нейтральной стране. Молодой Тогур, не заглядывая в текст, громко произносит прощальную речь. Объектив скользит вдоль строя напряжённо слушающих космонавтов. Крупным планом - их сцепленные руки. Одно за другим - лица погибших товарищей, такие живые...

Тогур мельком взглянул на Палану. В темноте зала блеснула мокрая дорожка на её щеке. Щечечущее поползло и по его лицу.

Объектив задержался и на враче экспедиции: вот какими глазами она смотрела на командира.

Гримаса страдания на лице Генерального Секретаря ООН.

Толпа провожающих. Море голов. Много военных. В глазах - напряжённая мысль.

Палана вспомнила оператора. Когда познакомились с киноотрядом, старый друг журналист Кравцов назвал его интересно - "неукротимый Ким из нейтральной страны".

Старт космобота. Слезы толпы. И сразу же - колонна боевых машин, ползущая по лесу в пыли.

Стыковка космобота с "Бумерангом". Слезы родных, наблюдающих стыковку по телевизору. И снова - колонна боевых машин, тайно и опасно куда-то поспешающих.

Старт "Бумеранга" с орбиты. Объектив провожает быстро убывающую звёздочку выхлопа, фиксирует яркую вспышку - включение маршевого режима - и возвращается на земную орбиту. Теперь он не летит вокруг планеты, а висит над Африкой. На несколько секунд ещё раз возникают боевые машины, уже изготовленные к бою, и голос диктора сурово произносит:

- На время подготовки и отлета межзвёздной экспедиции, согласно Всемирному Соглашению, на планете были прекращены все ядерные военные приготовления. Однако (на секунду, в последний раз, мелькнул кадр с приготовленными к бою военными машинами) агрессор, чьё имя никогда более не будет произнесено на Земле, использовал затишье для подготовки нападения на соседнюю страну.

Последовали кадры, снятые автоматическим спутником. Затянутый смогом материк ужалила яркая вспышка, подобная той, которую они видели при включении маршевого режима. К ней добавилось ещё несколько.

- Ядерная война! - крикнул, забывшись, Тогур. Палана сидела, вся подавшись вперёд, глаза горели ужасом и яростью.

- Ядерная война! - будто услышав Тогура, подтвердил диктор. - Она началась через две минуты после того, как вы начали разгон. Едва оторвавшись от телеэкрана, преступники отдали приказ о нападении.

Пожар охватил уже пятую часть континента. Палана стиснула подлокотники и привстала. Она вспомнила гибель последних четверых ...

Горела четверть материка. Несколько ядерных шаров лопнуло в атмосфере. Вслед за этим изображение на экране запрыгало, потом начало быстро смещаться.

- Ударил по спутнику, - сказал Тогур. Он держал Палану за руку и не замечал, что причиняет ей боль, не чувствовал, что она смотрит уже не на экран, а на него, с тревогой: ни разу в полёте командир не проявлял такой взволнованности. Но Палана знала, что весь полёт он боялся только одного - того, что сейчас происходило на экране. И она крепко взяла его запястье свободной рукой.

- Командир!

Он сразу, привычно, очнулся. И разжал железные пальцы.

- Прости, расслабился. Работа кончилась.

Виновато улыбнулся. Она покачала головой. Он понял и кивнул.

Они не знали, конечно, что в аппаратной всё видят и слышат. Малыши тоже переглянулись. Огон нахмурился.

- Боишься, не хватило бы тебя на двадцать лет? - спросила Вида. Он кивнул. Она улыбнулась: - Не бойся. Вспомни: "Необходимость - мать изобретательности".

- Это мудрость их времени.

- Мудрость - для всех времён, - возразила она.

На экране была уже земная поверхность. Обгорелая пустыня с дымными развалинами, с падающим пеплом. Тени сгоревших людей на камнях, как в Хиросиме. Перевернутые танки. Оплавленный железный мост над выкипевшей рекой...

- Вы видите следы преступления, знакомые вам по кинохронике 1945 года, - сказал голос за кадром. - Но перед вами и подвиг. Телевизионные журналисты из провожавшего вас киноотряда пожертвовали собой: уже через час после обмена ядерными ударами они высадились в раскалённой радиоактивной местности, кое-как прикрытые армейскими средствами индивидуальной защиты, и дали эти страшные кадры напрямую в эфир. Вся планета, не успевшая отойти от телевизоров, увидела, что ждёт её в случае продолжения войны. Спасти журналистов не удалось...

На экране возникла знакомая золотая плита. Только основание было из другого гранита. И имена - другие. И стояла плита не у стены, а у гранитной скалы, с которой смотрели на космонавтов погибшие журналисты. Лица Игоря Кравцова и "неукротимого Кима" оказались рядом.

Камера отодвинулась, и за скалой открылся бескрайний лес.

- Вы видите то же самое место, - сообщил голос диктора. - Да, именно здесь произошло ядерное побоище, вот эта река тогда выкипела. Но теперь здесь, как и на всей планете, не бывает более громких звуков, чем треск весенней грозы. Тогда, четыреста лет назад, ни у кого из враждующих во всём мире людей не хватило решимости включиться в войну. Союзники отказались друг от друга. Враги отказались от взаимных притязаний. Ужас толкнул всех к столу переговоров. И на следующий день потерявшее миллиард жизней человечество договорилось обо всём. Главы стран, не успевшие разъехаться из нейтральной столицы, предлагали уступки, перебивая друг друга...

По голосу было ясно, что при этих словах диктор улыбается. Палана расслабленно лежала в кресле. Тогур, напротив, стал чрезвычайно сосредоточен.

- Теперь будьте внимательны, вернувшись домой земляне! Вы узнаете главное, что будет для вас непривычно и даже, возможно, вызовет неудовлетворение.

Космонавты переглянулись.

Камера поднялась выше памятника погибшим журналистам и медленно поплыла над лесом.

- Слушайте и смотрите, какую судьбу выбрало себе человечество после совещания в нейтральной стране, дабы в следующих поколениях исключить возможность войн.

Лес на экране оборвался, и возникло поле, на котором лёгкий ветер волновал золотой урожай. Налитые колосья заняли весь экран, качнулись и - упали, срезанные косой, открыв смеющееся лицо косаря. Бронзово загорелый мужчина белой расы отёр потный лоб и, показав большой палец, пошёл махать косой дальше. За ним приближался по своему ряду улыбающийся мулат.

- Вот так мы добываем свой хлеб насущный, - сообщил голос диктора. - И пахота, и посев, и весь комплекс работ по уходу за полями выполняется вручную.

Пошли картины тяжёлого физического труда на полях, токах, зернохранилищах...

- Единственные помощники человека в его труде - это домашние животные. Они перемещают тяжести, охраняют нас, на них мы ездим не ради спорта, а по жизненной необходимости, от них получаем часть продуктов и материалов. Освободившиеся от сверхцивилизации бесчисленные электромоторы мы умеренно используем с приводом от ветра и воды.

В голосе диктора не было того восторга, каким в их время делалась реклама. Это было спокойное повествование о норме, утверждённой веками и оправдавшей себя.

- Вам будет интересно узнать, - продолжала женщина за кадром, - что отправной точкой для перехода к новому образу жизни явилось ваше прощальное выступление, точнее - одна фраза из него - та, что высечена на золоте у входа в здание Маяка:

МЫ ВЕРИМ,
ЧТО ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС
НЕ ПРИВЕДЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО
К САМОУБИЙСТВУ.

- Из этой посылки, - сказал голос за кадром, - вытекало два следствия. Либо человечество продолжит погоню за призраком технического совершенства либо установит разумный предел, за которым эта погоня теряет смысл. Вот как выглядит первый путь.

На экране возникла мультипликация: человек идёт босиком по траве, а вокруг - живописный пейзаж. Следующий кадр: по дороге мчится колесница, влекомая четвёркой лошадей. Затем последовали кадры, посвящённые расширению дороги, укладке булыжника, потом асфальта, совершенствованию экипажей. Попутно шло строительство автозаводов, нефтепромыслов и

предприятий, производящих горючее. Дороги становились всё шире, занимали всё большее пространство, машины мчались по ним всё быстрее и теснее. Взгляд человека за рулём от кадра к кадру всё больше приобретал выражение фотообъектива. И наконец машина, оттолкнувшись от сплошь заасфальтированной земли, канула в космическое пространство, а проломленная этим толчком Земля оказалась внутри пустой и стала рассыпаться, как яичная скорлупа. В последний раз мелькнуло безжизненное лицо того, кто был когда-то человеком, а теперь сросся с машиной. Его стеклянные глаза отразили космическую черноту и закрылись.

- Этот символический пример, - звучало с экрана, - всё же, хоть и грустная, но шутка. А если не шутить, то, во-первых, результатом технического прогресса почти всегда оказывалось социальное неравенство. А во-вторых, суммарные доходы человечества от всех технических новинок почти всегда погашались необходимостью новых расходов на их обслуживание, совершенствование и координацию их взаимодействия между собой. Это объективно требовало всё новых усилий над природой. Давным-давно кто-то в шутку сказал, что двигателем технического прогресса является лень: желание переложить свои заботы на кого-нибудь побуждало человека в поте лица приручать животных, изобретать и совершенствовать механизмы. Но если с животными всё в принципе удалось благодаря естественным регуляторам степени эксплуатации, то за сложные услуги машин человек стал расплачиваться здоровьем - своим и окружающей среды.

Сменяли друг друга на экране картины разрушаемой природы и физически деградирующего человечества, появлялись и исчезали титры: "экологическая катастрофа", "энергетический дисбаланс", "гиподинамия", "акселерация", "милитаризация", "урбанизация"...

- Пора было, - звучал голос, - открыть глаза на тот факт, что так называемое "покорение природы" оборачивалось практически всегда простым её уничтожением. И там, где цивилизации удавалось расправиться с природой, она принималась уничтожать... сама себя! Поэтому единственно приемлемым был признан второй путь - да не испугает вас формулировка - путь умеренного технического регресса, дабы исключить возможность повторения катастрофы. Это был путь в обратную сторону, к той надёжной вершине, с которой человечество имело неосторожность покатиться на резиновых колёсах, не понимая, что отсутствие тормозов при таком движении заложено в нас самих, отставших духовно от собственных изобретений, не умеющих презирать амбиции, не знающих меры, не верящих прогнозам гениев. И человечество пошло по пути разумного покорения природе. ПРИРОДЕ! Мы отступили на более надёжные позиции, где можно продержаться неограниченно долго. - Голос диктора был всё так же приветливо-бесстрастен, таким тоном рассказывают давно не виденному близкому другу о давно преодолённых неудачах. - А теперь посмотрите, как это осуществлялось.

Всё, о чём шёл дальнейший рассказ, иллюстрировалось кинохроникой, отснятой на всех материках в течение, пожалуй, лет двухсот, если не всех четырёхсот.

- Вы видите, - участливо говорил голос за кадром, - как трудно было начинать перестройку сознания рядовых членов общества. Очень многим родителям не хотелось отдавать детей в эти необычные интернаты, где не обучали всем когда-то существовавшим наукам, а проходили знакомый вам курс выживания... Вот занятие малышей по ботанике: все съедобные и лекарственные растения своего региона следует знать наизусть, уметь заготавливать впрок и применять... Эти девочки изучают прядильное и ткацкое дело в домашних условиях... А вот мальчики сдают экзамен по практической технологии металлов: необходимо отковать и закалить инструмент - стамеску, лопату, клещи или просто гвоздь... Кстати о металлах. Человечество извлекло их из недр планеты столько, что, при нынешней потребности, обеспечило себя на тысячелетия. Целых сто лет металлургическая промышленность всего мира перерабатывала ликвидируемую технику в полосы, листы, прутки и болванки нержавеющей стали, в заготовки для ручных инструментов, лемехов, рыболовных крючков, наконечников стрел и тому подобной утвари. Всё это затем распределили по складам планеты. Решались проблемы обеспечения пищевой солью, производства кирпича, равного для всех плодородия полей, изготовления письменных принадлежностей, получения энергии, обмена между ремесленниками и производителями продуктов питания... Непередаваемо велики были трудности перевоспитания общества, хотя оно само пожелало быть перевоспитанным. Только сейчас, четыре века спустя, можно сказать без колебаний: перестройка завершена!

Потрясённые космонавты не могли оторвать глаз от экрана, где вечными, нержавеющей стали, закалёнными лопатами и плугами закапывались в жирную, унавоженную землю их мечты об антигравитации и засветовых скоростях.

- Да, - подтверждал голос с экрана, - человечество отказалось от собственной истории, от собственной гордыни, от так называемых "побед над природой", в которых когда-то видело смысл своего существования. Теперь мы видим этот смысл в самоусовершенствовании и слиянии с природой. Человеческая лень побеждена, как побеждены властолюбие, зависть, корысть, физическое бескультурье. Теперь каждый землянин живёт под девизом: ВСЕМУ СВОЁ МЕСТО И НИКАКИХ РЕКОРДОВ! Безусловно, жизнь каждого стала многотрудной. Теперь поистине исчезли такие, кто получал бы пищу, не работая. И исчезли они не только в переносном, но и в буквальном смысле, ибо самый обыкновенный естественный отбор занимает в нашей жизни далеко не последнее место.

Если кто-то в поселении отказывается помогать ближним, он немедленно лишается помощи сам и обречён умереть, уйти из поселения или изменить образ жизни. Только не подумайте, что обречены и наши больные. Каждый житель планеты не только обучен всем приёмам лечения, но и в совершенстве управляет процессами своего организма - научно освещённая гимнастика Индии и Китая стала нормой для всех. Поэтому каждый всегда видит состояние окружающих, а они осведомлены о его состоянии почти так же, как он сам. И поскольку от болезней эпидемического характера мы избавились ещё до вашего отлёта, а употребление одурманивающих веществ прекращено триста лет назад, проблему здорового быта можно считать решённой. Взаимопомощь, взаимовыручка, но - от всех по способностям и без исключений. Всё человечество - большая семья.

Дорогие космонавты! Думаем, что технические, технологические и организационные тонкости нынешнего управления обществом (точнее было бы сказать - общественного самоуправления) не представляют для вас немедленного интереса и могут быть изучены вами на местах. Для этой цели в боксах под Маяком стоят наготове две привычные вам космошлюпки с полным комплектом снаряжения; ведь свои у вас могли выйти из строя. Здесь же, на Маяке, вы найдёте всё необходимое для привычной вам нормальной жизни. А сейчас, прежде чем вы сделаете предварительные выводы об изменениях на родной планете, ознакомьтесь ещё с некоторыми подробностями и особенностями, которые облегчат вам понимание ситуации.

На экране возник чёрный мультипликационный космос, посреди которого вращался Земной шар.

- Как уже сказано, - начал голос диктора, - первым шагом к новому образу жизни было создание переходных школ-интернатов, где все дети Земли стали получать необходимое для этого образование, по единому образцу. Но что делать со взрослыми? Ведь большинство из них были носителями идей вчерашнего дня и, несмотря на острое желание нового, просто не имели сил его воспринимать... На помощь пришло новое секретное оружие, тайно друг от друга разработанное во многих конфронтировавших странах, а завершённое в России.

Вокруг Земли на экране возникло схематическое изображение силовых линий, а рядом появилась человеческая голова, которую эти линии пронизывали.

- О том, что биополе каждого живого существа на Земле подвержено магнитному полю планеты, было всем известно с незапамятных времён, поэтому естественно и желание человека управлять этим воздействием. Вам уже понятно, о каком секретном оружии идёт речь. Теоретические разработки управления человечеством через земное магнитное поле существовали, оказывается, давно, но на практическую реализацию ни одно правительство не решалось, боясь обратного эффекта. Теперь же, когда задача приобрела глобальный, всепланетный характер, совместными усилиями она была решена исторически мгновенно, и через сеть спутников всё население получило необходимую волевою добавку для усвоения новых жизненных норм. Это было самым последним и самым изящным человеческим изобретением: невиданный социально-технический масштаб с использованием всей земной энергетики, даже с привлечением энергии космического излучения.

Тогур что-то пробормотал. Палане показалось, что она разобрала два слова: "Тотальный произвол". А женский голос между тем продолжал чеканить свой текст:

- Убийство человека человеком стало так же невозможно, как и эксплуатация. Если прежде одни из нас жили ради еды и одежды, другие - ради знаний и искусства, третьи - ради власти над вторыми и превосходства над первыми, то теперь все живут ради самой жизни. ВСЕ И ЕДИНОДУШНО - вот что главное! Убийство человеком животного разрешается только в порядке самозащиты или милосердия, откуда естественно вытекает умеренное вегетарианство. Неутолимая жажда физического совершенства сделала труд на свежем воздухе естественной потребностью каждого. Отказ от промышленного электричества - представляем, каким вандализмом звучат для вас эти слова - отказ от электричества упразднил нервные перегрузки и открыл путь ко всеобщему оздоровлению. На фоне обширного радиоактивного заражения, вызванного локальной ядерной войной, сама идея оздоровления имела значение первой необходимости... Со временем, по мере усвоения человечеством нужных знаний и навыков, отпала нужда как в переходных школах-интернатах, так и в воздействии на биополе. Уже третье поколение землян даёт детям достаточное домашнее воспитание и образование - можете убедиться в этом сами, проверив любого по известной вам системе выживания. Уровень грамотности - минимален, хотя неграмотных нет. Писать почти не приходится, поскольку нами освоены глубинные резервы памяти, которая, как вам известно, неисчерпаема.

На экране малыш лет семи, коротко взглянув на десяток беспорядочно разложенных предметов, быстро и точно воспроизводил их мелом на доске.

- Спутники магнитной связи законсервированы, - продолжал голос уже на фоне Земного шара. - Центр управления ими находится на Маяке и опечатан до вашего возвращения. (На миг появилась опечатанная дверь с табличкой "БИОПОЛЕ", мимо которой они прошли в кинозал). От блистательного прошлого на Земле остался только Институт Смотрителей Маяка, без которого ваше возвращение было бы затруднено.

Тогур ворочался в кресле и сердито сопел. Палана хмурилась. Оба не смотрели друг на друга.

- Мы видим, - продолжал голос, - все пункты, по которым наша этическая концепция не выдерживает критики. Но в одном мы считаем себя правыми безусловно: равная борьба с природой лучше, чем смерть в пекле ядерного взрыва. Всемирный референдум показал, что из-за непримиримой разницы в общественном устройстве государств у нас нет третьего пути. ТОЛЬКО НАЗАД, НА КРИТИЧЕСКИЕ РУБЕЖИ ПРОГРЕССА (эти слова вспыхнули и замигали на экране). Мы слышим ваши упрёки: отшельническая философия, ограниченность йогов, попрание высшего предназначения человека... Наш ответ прост. Это - не религия. Это - вера в жизнь. Вера в себя среди природы. В живое человечество среди живой, неизнасилованной природы. Вера в то, что суть бессмертия человека - не только в продолжении собственного рода, не только в сознательной памяти поколений, но и просто в неуничтожимости материи. Каждый из нас знает, что после смерти он продолжает существовать, не осознавая себя, и на каком-то этапе имеет шанс вновь принять участие в мыслительных процессах Природы, пусть хотя бы частично. Это смиряет нашу гордыню и вселяет надежду... Вернувшиеся посланцы Земли! Мы нашли единственный выход, который удовлетворил всех. Но это выход в тупик, выход, возможно, временный, до вашего возвращения. Наши знания, наша технология, даже наши устремления, столь свойственные Человеку Идущему, - законсервированы в надежде на действительно реальный, проверенный способ дальнейшего существования, который вы, может быть, найдёте в глубинах космоса. Над этой проблемой работают в Институте Маяка, но мы не решаемся больше экспериментировать: решающее слово - за вами. И если вам есть что предложить, расконсервируйте спутники магнитной связи, войдите в биополя людей и - узнайте их мнение. Оно родится помимо их желания, в подсознании - вот истинное достижение, которым человечество может гордиться. Если предложенный вами путь покажется коллективному разуму реальным и безопасным для человечества и планеты (Открылась дверь с табличкой "Биополе" и высветилась внутренность комнаты), беспорядочное переплетение линий вот на этом экране превратится в строгую систему концентрических окружностей. Но помните: на испытание собственным величием, излишествами, мнимым всесилием, неравенством - человечество больше не согласится. Погоня за информацией ради самой информации его тоже не удовлетворит.

Снизу вверх по экрану двинулся текст: УДАЛОСЬ ЛИ ВАМ УБЕДИТЬСЯ В НЕСОВЕРШЕНСТВЕ ПРИРОДЫ? УВЕРИЛИСЬ ЛИ ВЫ В СПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА ИЗМЕНИТЬ ПРИРОДУ К ЛУЧШЕМУ ДЛЯ НЕЁ САМОЙ? СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ КОСМИЧЕСКИЕ ПОЛЁТЫ НЕОБХОДИМЫМ ДЛЯ ЭТОГО ДЕЛОМ, СТОИТ ЛИ ОТДАТЬ ЭТОМУ ДЕЛУ ВСЕ СИЛЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА? ИЛИ НАША ЦЕЛЬ - ТУПИК?

За экраном - минорная музыка. На экране - Земля из кабины низко летящего вертолётa. Синяя морская вода. Белые паруса и напряжённые фигурки рыбаков. Мутная полоса приборa. Жёлтый песок берега. Зелёные леса до горизонта. Белые рубахи косцов на жёлтом поле. Помогающие им домашние животные...

- Убожество! - Тогур стонал сквозь зубы. - И ведь всё свалили на нас!

- Нет-нет! - быстро отозвалась Палана. - Терпение сильных не убого. Оно величественно. Ведь люди обуздали неразумную гордыню! И ждут! Целое человечество - нас двоих!

- Да они уже забыли о нас! Они никого не ждут и ничего не хотят! Им так мало нужно, потому что у них всё есть! Они, может быть, уже хрюкают!

- Гнев сильнее тебя, - Палана взяла его за руку.

Тогур хотел сказать что-то резкое, но не смог. Попробовал расслабиться, но не справился с крупной дрожью, которая пошла по всему телу.

- Что со мной? - спросил он глухо.

Рука Паланы раскалилась и всё сильнее сжимала его запястье.

- У тебя состояние Дон Кихота, который победил ветряную мельницу.

Музыка за экраном оборвалась. Пошёл последний кадр - прекрасное женское лицо с близкими слезами в глазах.

- Вот и всё, - сказала женщина голосом диктора. - Дорогие космонавты, дорогое наше прошлое, надежда наша! Земля перед вами. Живите на ней или вернитесь обратно в космос, если разочарование сильнее вас. Необходимые припасы для "жизни по-старому" или для нового путешествия хранятся на Маяке. Но мы не поверим, что вы... Нам очень-очень жаль, что не доживём до вашего возвращения, до обновления Земли. Прощайте. Желаем вам счастья...

Голос диктора сорвался, лицо отдалилось. Она стала видна по пояс - в домотканой рубахе, с тяжёлым ножом на ремне, рядом с вертолётom. В кадр вбежал молодой мужчина тех же лет, что она, видимо, оператор, и обнял её за плечи. Оба прощально взмахнули руками.

Изображение дрогнуло, замигало и погасло.

В зале сразу же вспыхнул свет. Вошли хозяйка. Они принесли ещё один меч и нож.

- Предлагается экскурсия, - Вида улыбнулась озорно, - на телеге, влекомой домашними животными.

- Лошадками, - уточнил Огонь. - И-и-и... мы готовы отвечать на все вопросы.

Они очень старались выглядеть весёлыми.

- Не уверена, что мы готовы их задавать, - сказала Палана.

Тогур только крикнул. За одну минуту он как-то сник и состарился. Даже крикнул по-стариковски, и это выглядело забавно при его атлетической внешности. Вида надела на него ремень с коротким мечом.

Палана невозмутимо подняла руки, чтобы Огон опоясал её комбинезон ремнём с тяжёлым ножом, таким же, как у Виды.

- Это оружие или форма? - спросил Тогур.

- Инструмент, - сказал Огон. - Для разного... На территорию Маяка хищники не заходят, но в лесу всякое возможно.

- Медведи всё к нашей пасеке подбираются, - объяснила Вида. - Ходят близко. - В её голосе не было ни юмора, если это розыгрыш, ни трагедии, если медведи реальны. Просто сообщила факт.

- Пасека?! - Тогур оживился, пропустив, казалось мимо ушей медвежьей страсти. - А посмотреть можно? Время позволяет?

Малыши переглянулись. И рассмеялись.

- Время позволяет, - сказал Огон. - Вся жизнь в нашем распоряжении.

Теперь переглянулись космонавты. Они разом поняли, что общего было в выражении лиц, только что виденных в кино: *никто никуда не спешил. Земля куда-то летела сквозь вечность и бесконечность, а её пассажиры были спокойны, терпеливы и неторопливы, потому что остановок в пути не будет, сходить не придётся, позади нет провожающих, а впереди - встречающих...*

Гостей провели за дом и за курятник. Там среди клевера жужжала и благоухала небольшая пасека семей на пятнадцать. Недалеко под сосной виднелся небольшой обелиск.

- Против зверей у нас есть разное оружие, - рассказывала Вида. - Это одна из немногих привилегий Маяка. Всё-таки наши функции отличны от... - Она вдруг запнулась, покраснела и воскликнула: - Ой, беда! Вас ведь кормить надо! Срочно! Какой стыд!

Всё ещё пасмурный Тогур улыбнулся, любясь юной хозяйкой.

- Пятьсот лет мечтаю о ложке свежего мёда. Если немедленно угостите...

- Кружку! Миску! Ведро! - вскричали хозяева.

- ...тут же умру в удовлетворении, - закончил Тогур. И, казалось, чуть повеселел.

На траву была постелена вышитая скатерть. Хозяева и гости возлежали вокруг неё и макали в мёд свежие лепёшки. А в лесу завистливо и обиженно ревел медведь.

- Страшно так жить? - спросила Палана.

- Да нет, - Огон с улыбкой пожал плечами.

- Летом меньше, - ответила Вида. - Зимой больше. Волки, рыси, росوماхи - все голодные.

- Вот, значит, мы где, - сказал Тогур.

- Да, вы в Сибири, - кивнул Огон. - Маяк решили поставить на родине командира и врача, чтобы никого не обидеть. Ну и по климатическим соображениям: коррозия здесь меньше, ясных дней больше.

- А если бы мы прибыли зимой, - спросила Палана, - встречать было бы труднее?

- Немного. Для больших заносов есть надёжный снегоход. Против волчьей стаи можно применить лучевое оружие. Маяк - это остров прошлого на Земле.

- И остров будущего, - вставила Вида. - Может быть.

- Здесь многое не так, как у людей, - продолжал Огон. - Но мы с детства привычны к обыкновенной жизни и техникой в быту пользуемся мало. Вот, например, инфразвук от хищников - он сам включается, когда зверь подходит к пасеке, а выключается, когда он удирает. Пищу стараемся готовить не на электричестве, чтобы не терять физическую форму, дрова колем.

- Да и веселее с живым огнём, - сказала Вида.

- А думать можно всегда, - сказал Огон. - Руки голове не мешают.

- Как стать Смотрителем Маяка? - спросила Палана.

Тогур молча ел и слушал.

Вида повернулась к Огону.

- Разговор длинный будет, экскурсию отложим. Неси всё, что есть на кухне. Уже чай согрелся, молочка кедрового...

- Где берёте чай? - допрашивала Палана, подглядывая за Тогуром.

- Под ногами, - Вида улыбнулась. - Стебли малины, лист брусники, чёрной смородины, да ещё душица, зверобой, чага, шиповник, сабельник... Такой букет сойдёт? Да ещё с кипреем!

- Экзамен по выживанию сдала! - Огон засмеялся и побежал к дому.

- Пауты не очень допекают? - спросила Вида озабоченно. - Можно сделать дымный костерок из пихтовых лапок.

Палана откинулась на траву и потянулась:

- Как хорошо дома... Хочу костерок, хочу чай с букетом, хочу кедровое молочко, оводов, комаров, медведей, телегу с дышлом - всё хочу, соскучилась!

- А хорошо, что тихо, - сказал вдруг Тогур. - Я, признаться, почему-то боялся шумной встречи. В шуме тонут настоящие чувства.

- Я тоже боялась, - сказала Палана. - После всего, что было там... - Она посмотрела вверх, поёжилась и повернулась к девушке. - Ну, мы готовы слушать.

- Вы, конечно, помните, - Вида начала без предисловий, - по какой системе требований набирали экипаж "Бумеранга": едва набралось двенадцать человек. Эта система сохранена по сей день. Она известна в каждом поселении, хранится в каждой школе. По ней учителя распределяют детей на работу - кто к чему больше пригоден. По ней выделяют и Смотрителей Маяка. По известным маршрутам их отсылают из одного поселения в другое, даже морями, пока они не доберутся до цели. Здесь их несколько лет обучают прежние Смотрители, а обучив, сами уходят жить в ближайшее поселение.

- На покой, - подсказал Тогур.

- Нет! Судьба каждого бывшего Смотрителя - не жить на одном месте больше нескольких месяцев...

- Нести знания! - догадалась Палана.

- Да. Знания, новости, помощь. Искать подобных себе для Маяка.

- Тяжкая повинность, - вздохнул Тогур.

- Нет-нет, - испугалась девушка, - это не повинность, это настоящая жизнь! Ведь у каждого - СВОЁ дело. Каждый делает то, что лучше умеет. Поэтому никто не ропщет. Можно искать место и самому, но лучше верить учителю: он всегда прав, ведь он на своём месте. А место тех, кто с Маяка, - вся планета. Им все рады. Ходить в люди - это не повинность, это радость.

- Вся планета говорит на яконте? - спросила Палана.

- Да. Везде свои языки, но и обязателен язык контакта.

Они разговаривали неспешно, прислушиваясь к медвежьему рёву, считая годы, которые им сулила кукушка; гадая на ромашках, зарывались лицом в недавно скошенную траву. Девушка с нескрываемым восторгом смотрела на пришельцев из прошлого и с удивлением отмечала, что те же чувства они испытывают к ней. Рука Паланы сама тянулась погладить её пушистые кудри.

- А скажи, Вида, - Тогуру всё ещё не очень верилось, - лучевое оружие, солнечные батареи, кино, инфразвук, реактор - неужели это всё есть только у вас?

- Да, - ответила она просто. - Ведь без этого здесь не будет надёжности, а корабли нужно встречать с гарантией... К тому же до сих пор не решена проблема третьего пути. Мы обязаны искать решение - и здесь, и потом, в отставке...

- Биополе включали? - спросил Тогур быстро.

- Известны два случая. Оба кончились неудачей. Значит, идеи были несовершенны.

- Почему ты так уверена?

- Подсознание не ошибается, - ответила Вида твёрдо. - Может, и нашли бы выход, если б знали, как войти в подсознание. - Вида улыбнулась. - Но ни с техникой, ни без техники это никогда никому не удавалось... Вот так мы и живём. А остальным хватает солнечного света и костра, простого оружия и инструментов, берестяных рисунков, песен, сказок...

- Скучно ведь, - Тогур всматривался в неё жадно и не верил.

- Нет-нет, - улыбнулась девушка. - Помните, в ваше время даже музыка разделяла людей. А теперь у нас всё опять вместе. Все поют, все пляшут, каждый умеет на чём-нибудь играть, все рисуют, лепят, вырезают... Там, - она махнула куда-то рукой, - всем вместе интересно.

- А вам к ним нельзя, - Тогур посочувствовал и не заметил тревожного взгляда Паланы, уловившей иронию.

- Нельзя, - Вида отвечала спокойно и обстоятельно. - У нас дежурство, самообразование, хозяйство...

- Трудно? - спросила Палана.

- Да. Но ведь интересно. - Вида вздохнула. - А люди нас понимают, навещают, помогают. И мы им тоже. Пасека наша - это ведь для всех. Они нам молоко привозят... Правда, сегодня никого не ждём. Соседи видели, что вы вернулись, значит - будем заняты.

- Они так равнодушны?! - воскликнула Палана.

- Деликатны, - Тогур хмыкнул.

- Скорее и то и другое, - Вида по-прежнему не замечала иронии. - Ровная душа - не так уж и плохо. наших предков очень хорошо обучили когда-то. Теперь у человечества особое свойство - поголовная бескорыстная практичность. На чужого не обратят внимания, пока не поймут, что он за человек и какая помощь ему нужна. Впрочем, я сказала неправильно. Своих и чужих нет. Есть знакомые и незнакомые. Начните тонуть - вас бросятся спасать, потому что признаки бедствия очевидны. Правда, удивятся, отчего это вы не умеете плавать. Но вы можете лечь посреди дороги, и через вас будут перешагивать, едва убедившись, что вы ровно дышите. Раз человек лёг, значит ему так надо, незачем мешать. Будет плохо - позовёт.

- До чего логично, - Тогур даже оскалился. - До чего занятная заторможенность.

- Нет-нет, - возразила Вида горячо. - Это просто экономия. Жизнь коротка, смертность высока, зря волноваться не стоит.

- Почему высока смертность?

- В атмосфере много кислорода, из-за этого обменные процессы идут быстро...
- Обменные процессы? Ускоряется старение?
- Да. И ещё дикие звери. Их много. Истребление запрещено.
- Какой ужас! - Палана побледнела.
- И всё из-за нас! - Тогур лёжа поклонился. - Здесь всё - из-за нас. Или благодаря нам. Как правильно, малышка?

Глаза девушки погасли. Но прежде чем она нашлась, Палана взяла её за руку.

- А что, эта практичность ваша, она... излечима?

- Кто знает, - девушка косилась на Тогура. - Это свойство общее, но присуще оно не всем. Например, учителя - исключение.

- Как становятся учителями? - допытывалась Палана, не отпуская её руку. - Стариков, наверно, выбирают?

- Не обязательно. Учителями становятся Смотрители Маяка в отставке - путешествуют и учительствуют. Ведь учебный год не существует, как это было у вас. Ученье продолжается всегда. Дети видят учителей каждый день, вместе с ними играют и работают, попутно учатся, сами того не замечая. Бывший Смотритель помогает местному учителю, присматривается к детям, потом следует своим путём... А основную массу учителей образуют те, кому в детстве меньше всех не хватило для отправки на Маяк.

- Всё честно, - подытожил Тогур. Его слова вызвали едва заметную вспышку в глазах девушки, но она с прежним спокойствием подтвердила: - Да-да, всё честно, никому не обидно.

Весёлый Огон принёс две корзины продуктов и ещё пожалел, что гости не могут отведать всех самодельных яств, которые есть в подвале.

- Всё сами? - ахнула Палана.

- Сами! - Оба покраснели от похвалы.

Медвежий рёв приблизился.

- А что, ребята, - спросил вдруг Тогур, - ягода в лесу есть?

- Сколько угодно! - Огон обрадовался. - Сейчас наберу!

- Не-е-ет, я сам! - Тогур упруго поднялся и поправил перевязь меча на плече. От его хандры не осталось и следа. - Вот в этот туес.

- Дай-ка руку! - Палана потянулась к нему. Он быстро отступил, осторожно выкатил из берестяного туеска на скатерть куриные яйца и в несколько прыжков пересёк пасеку.

- Ишь! - пробормотала Вида с непонятым выражением.

- Я за него боюсь, - тихо сказала Палана. - С ним что-то не так.

- Вот и развеется, - ответила Вида с прежним выражением.

- Медведь в той стороне, - Огон растерянно поднялся. - Пойду-ка следом. У нас в одиночку так не ходят.

- Нет! - Вида вскинулась. - Раз пошёл, ему так нужно!

- Меч-то надёжный? - Палана вздохнула.

Огон вытащил из ножен свой клинок и подал ей. По узору закалки сталь напоминала булат.

- Нельзя ли мне подремать прямо на этой травке? - смиренно спросила Палана, возвращая инструмент. - Он вернётся, тогда и почаюем с ягодкой.

Малыши дружно кивнули и переглянулись. "Вот это нервы!" - прочла она в их глазах. Ну что ж, пусть так и думают.

Палана вдохнула запах свежего сена и мгновенно заснула. Огон встал, чтобы своей спиной загородить её от горячего Солнца, и осторожно отгонял полотенцем зеленоглазых паутов. Вида уткнулась в траву и тихо заплакала.

Тогур прошёл сквозь инфразвуковой барьер, будто его и не было. Палана проснулась тотчас же. Её глазам предстал высокий окровавленный мужик в голубом окровавленном космическом комбинезоне, сваливающий с плеча взрослого бурого медведя с разрубленным черепом.

- Опытный людоед, - сказал охотник, будто ничем другим в жизни не занимался. - Бегом напал, как собака.

- Ты ЗАСТАВИЛ его напасть? - спросила Палана.

- Людоеды нападают сами. Я просто его НАШЁЛ.

- Ты ХОТЕЛ его убить?

Тогур кивнул. Потом потянулся к остывшему чайнику и - хлопнул себя по лбу. - Совсем забыл о ягодах. - Повернулся к потрясённым малышам. - И туес потерял, однако.

Малыши не ответили. Они смотрели на тушу медведя.

Командир "Бумеранга" молча сел, отёр сеном руки и напился прямо из чайника.

- Скоро же ты одичал, - сказала Палана с вызовом.

Тогур ответил долгим тоскливым взглядом и тоже уставился на медведя.

Всего пару часов назад хищник был в полной силе. Весил он раза в два больше, чем Тогур. Но по расколотому одним ударом черепу можно было судить, насколько неудачно зверь выбрал себе жертву.

- Он и в самом деле людоед? - спросила Палана.

- А хотя бы и нет, - процедил Тогур после короткого молчания. - Что это меняет? Он честно напал, я честно защищался. ВСЁ БЫЛО ЧЕСТНО! Всё! Как и положено ТЕПЕРЬ на этой планете! Честно!

Последнее слово он выкрикнул.

Но и Палана была возбуждена.

- Ты ХОТЕЛ убить! - сказала она резко. - И ты убил. Это против клятвы.

Бледное лицо командира пошло красными пятнами. Он задохнулся, замотал опущенной головой, но не справился с собой и - закричал.

- ПРОТИВ КЛЯТВЫ?! - Рыдая, он колотил грязными кулаками по траве. - Вся Природа, вся Вселенная, весь Космос - против этой клятвы!.. Нас двадцать лет убивали все, кому не лень!.. Ради чего и ради кого, ответьте мне, ради каких великих идей мы дали сожрать, сжечь, задушить, разорвать, уничтожить десятерых?! Лучших! Святых! Мучеников!.. Что, ради этого скотского "слияния с природой", которая безнаказанно жрёт здесь таких же, как мы, целых пятьсот лет? Сапиенсов! Победителей! Исследователей!.. Ради этой унижительной "гармонии"? Ради неё вот эти славные, умные ребята должны прятаться от медведя? И мы - вместе с ними? После ВСЕГО?!.. Почему это рабство здесь добровольно именуется жизнью? Здесь любая крыса свободнее человека!

Он упал лицом в мягкое сено и надолго застыл со сжатыми кулаками. Казалось, он перестал дышать.

Палана молча гладила его волосы. Огон махал полотенцем. Вида горевала, прижавшись к Палане.

Прошло много времени. Тогур медленно сел и пьяно огляделся.

- Простите, - сказал он хрипло. - Простите, ребята, если испугал. Слабость Дон-Кихота, победившего ветряную мельницу. - Он усмехнулся, помолчал и заговорил ровнее. - Обратного в космос мне нельзя: видите, нервы истёрлись. Я тут останусь. В охотники пойду. У вас есть охотники?

Малыши дружно замотали головами.

- У вас нет охотников. Вы не убиваете. Одну травку щиплете. Жалко.

Палана, схватившая было его руку, разжала пальцы и тихо заплакала. Теперь Тогур стал гладить её по голове.

- Так-таки не убиваете? - допытывался он. - А ремни откуда?

- Стараемся не убивать, сказал Огон. - Разве что деться некуда.

- Слабого защитить, - подсказал Тогур.

- Ну да! А ремни... Ведь скотина и сама умирает...

- Понятно, - Тогур усмехнулся жёстко. - Непротивленцы... Н-ну, ничего, мы это исправим. Она мне за каждого заплатит...

- Кто "она"? - спросила Вида тоненько.

- Кто-о? Природа. Матушка дорогая. Которая нас создала, а для чего - не объяснила... Ну не-е-ет! У себя дома я с ней в поддавки не играю! Какого создала, какого воспитала, такого пускай и терпит! Я ей ТАКОЙ нужен...

Палана быстро приблизилась, крепко взяла за руки.

- Тогур, милый... День кончается... Надо спать...

Командир подержал в ладонях её лицо, заглянул в самую глубину глаз и - молча кивнул. Потом повернулся к малышам.

- Помогите встать, ребята. Слабость...

Глубокой ночью Тогур проснулся и сразу увидел Палану на соседнем ложе. Она сидела, поджав колени к груди, поместив на них подбородок и обхватив их руками. Поза самой напряжённой задумчивости врача экспедиции... Едва проснулся, повернулась к нему.

- Хорошо, что летом прилетели, - сказала тихо, пряча тревогу.

- Да, - ответил он, - зимой было бы ещё убоже.

Палана молчала. Тревожно чернели глаза.

- Труд, - сказал Тогур, - вот что превратило животное в человека. А какой труд, об этом никогда не говорим. Ведь человека создал умственный труд, не физический.

- Ну, физический тоже, - мягко возразила Палана, лишь бы не молчать.

- Вот именно, тоже! Это трусость - то, что они с собой сделали! Это предательство самих себя! За это стоило ли погибать нашим ребятам?

- Остановись, умоляю, - Палана пересела к нему. - Уже было. Это худо.

Тогур замолчал. Она встала и распахнула окно:

- Душно.

- Вот у нас окна застеклены, - сказал он жёстко, - а у всех - глухие стены, чёрные потолки...

- Этого мы ещё не видели, - возразила Палана.
- На всех, кроме нас, охотится зверьё, - продолжал он, не слушая. - А если ты человек, то не убий!..

- Мы вольны принять это или предложить им другое, - Палана не позволяла себе горячиться.

- И что же нам выбрать? - Тогур сощурился в лунном свете.

- Кто-то выбирает, а кто-то... - Палана не договорила и поднесла ко рту палец.

Тихие шаги замерли почти под окном. Тогур откинулся на ложе. Палана шагнула в простенок. Минуту было тихо, потом мелькнула в окне голова подпрыгнувшего юноши.

- Спят, - раздался его шёпот. - И комаров не боятся.

- Отдельно? - шёпот девушки.

- Они устали. Даже мы устали.

- Куда нам до них.

- Ты полетела бы с ними?

- Не возьмут. А почему ты решил, что они улетят?

- Ему не понравилось. А она его не оставит.

Они замолчали так надолго, что Палана, устав стоять, бесшумно легла на своё ложе: до окна один шаг, слышно хорошо.

Стали всё ближе цвиркать летучие мыши. Белая Луна заглядывала в окно, как соскучившаяся родня. В небе не висело ни пылинки, и Луна не мешала светить даже самым маленьким звёздам.

- Вон там они были, - раздался шёпот девушки. - Когда я долго туда смотрю, мне начинает казаться, что звёзды обступают меня с боков, и скоро настанет момент, когда не станет сил вернуться, и я сойду с ума. Пугаюсь и бросаюсь обратно. У тебя так бывает?

- Я просто хочу туда, - отвечал Огон. - Всё время туда хочу. Невыносимо. Никогда не раздвинуть эту немислимую даль, никогда не вдохнуть эту звёздную прохладу...

- Раз вдохнёшь - и хватит тебе! - Слышно было, что Вида улыбается. - Ты мой поэт...

- Не бойся! - Огон зашептал горячо. - Мне это не помешает! Я знаю корабль не хуже их, всё знаю наизусть! И навигацию! Я и без них полетел бы!

- Хвастунишка! - Вида смеялась ласково. - Они там прожили пятьсот лет. А ты только пять лет схемы полистал.

- А ты поспрашивай, поспрашивай!

Тогур даже приподнялся от любопытства. Из-за окна звучали знакомые названия блоков и агрегатов, малыши осыпали друг друга цифрами режимов и параметров.

Палана взяла Тогура за руку. Он кивнул и улыбнулся.

За окном азарт юных космонавтов достиг вершины. Огон закашлялся - видно, вдохнул комара.

- Пойдём, - прошептала Вида. - Людей разбудим.

- Ну, что же это, по-твоему, было? - спросил Тогур, когда стихли их шаги.

- Самореклама, - Палана тихо смеялась. - Он, конечно, заметил, что моё ложе пусто. Да и голоса наши они слышали.

- На их месте мы, наверно, вели бы себя так же, - пробормотал в раздумье Тогур. - Хотят лететь с нами, а? Даже вместо нас!..

- А что, - Палана продолжала улыбаться, - машина в приличном состоянии. Поехали?

Он долго не отвечал. Потом вздохнул:

- Давай до утра поспим.

- Отдельно? - Палана стала чересчур серьёзной. Тогур встал и захлопнул окно.

Если бы он догадался выглянуть, то заметил бы под окном две притаившихся фигурки в домотканых одеждах.

Их не будили утром. А когда они вышли, завтрак ждал на столе. Малыши сидели рядом и тихонько разговаривали. Стол они установили рядом с пасекой, под навесом из тонких жердей. Растянутая на стене курятника, ждала обработки медвежья шкура, а возле сидели две лайки и рычали на неё.

Тогур извинился за вчерашнее. Палана сказала: "Нервный срыв" и поцеловала обоих. Малыши заверили, что всё понимают.

- Отдохните хорошенько, - сказал Огон.

- Для начала туес найдем, - ответил Тогур. - И наберём земляники, я вчера место присмотрел. - Он увидел, как встревожились малыши, и быстро пообещал: - Сдирать шкуру ни с кого не придётся, разве что с маслят.

- Кстати, - спросила Палана, - как вы распорядились мясом этого бедного людоеда?

- Ещё вчера засолили, - ответила Вида. - Будем вялить на зиму.

- Так есть мясо вам не запрещено?

- У нас вообще нет запретов. У нас - понимание норм и меры.

- Например?

- Много мяса ешь - быстрее устаёшь, быстрее стареешь... Или вот - пошире - о соли. Её добывают далеко отсюда и развозят с большими трудностями. А получают за это - только одежду, еду, ночлег, помощь.

- И так живут все? - Тогур открыто сомневался. - Никому ничего не надо?

- Лишнего, - уточнила Вида.

- А разве вам в полёте было что-нибудь друг от друга... - начал Огон. И осёкся, увидев, как бледнеет Тогур. Юноша густо покраснел и схватил командира за руку. - Прошу тебя, не обижайся, не сердись! Я только хотел сравнить... Земля - тоже ведь корабль. А мы все - экипаж. Только не знаем, куда летим, не знаем, что будет завтра, когда конец - всё хрупко, надо беречь друг друга и ничего друг от друга не требовать.

- Лишнего, - уточнила с улыбкой Палана.

- "Бескорыстная практичность", - Тогур через силу усмехнулся. - У нас на корабле было немного не так. Если бы я лёг на дороге, через меня не стали бы перешагивать. Даже при самом ровном дыхании. Не та религия...

- А знаете что, - воскликнула Вида звонко, - наша религия - это вы! Вы - наши единственные боги! Мы ждали вас и ваших слов. Мы учимся у вас!

- Пока только мы двое - добавил Огон. - А будут - все!

- Как же это? - вырвалось у Паланы.

- А разве вы не воспользуетесь биополем? - давно готовый вопрос малыши задали хором.

Повисло напряжённое молчание. Нарушил его Тогур.

- Обсудим это за земляничкой, - сказал он вдруг весело и поднялся.

Ягоды оказалось и вправду много. Широкий безлесый косогор, обращённый к солнцу, зарос высокой травой, в траве было красно от спелой земляники и бело от славных её цветочков, суливших невиданный во всей Вселенной урожай.

- Почему все дети любят рисовать именно эти цветочки? - спросил Тогур.

- Потому что они совершенны.

- Дети или цветочки?

- И дети, и цветочки.

- Что же мы ответим нашим совершенным детям?

- Ответим честно, что мы ничего не привезли, кроме боли о погибших и твоего бессильного гнева.

- Какой же реакции ты от них на это ждёшь?

Палана выбрала в траве пустое место и села с полным туесом ягод.

- Чего я жду? Для этого надо сначала понять их философию. Вот ты - понял?

- Знаешь, доктор, по-моему, здесь чистой воды гандизм, - Тогур говорил наконец даже без тени надрыва и злой иронии. Наедине, среди родного леса, она почувствовала в нём внутреннее спокойствие, чего не могла заметить даже в лучшие минуты экспедиции. Он продолжал:

- Скажу тебе так: если присмотреться, у них тут немало коммунистических элементов. Этакая поздне-первобытная коммуна...

- Только искусственная.

- Да, - Тогур кивнул. - И боюсь, как бы эта электромагнитная искусственность не вызвала мутаций. Ведь облучение длилось не одно десятилетие. Потом - четыреста лет покоя - и никаких перемен? Подозрительно! Человечеству это не свойственно. Где любопытные? Где бунтари? Где хитрецы? Если человечество не достигло совершенства с техникой, то на таком полудиком уровне - и недавно не могло!

- Смотря что считать совершенством, - не согласилась Палана. - Нравственность-то высока...

- Ладно, пусть. Но где гарантия, что новый удар по психике, который, кстати, должны сделать мы с тобой, не собьёт их? Сейчас на Земле нечто похожее на счастье и равновесие. Мы вторгнемся в их умы, сообщим, что, мол, ничего новенького, вся Вселенная - бяка, бука, хока... Этим пробудим их от ожидания к поиску - согласна? А куда они в этом поиске придут? В средневековье? В войны родовые, национальные, религиозные, класс...

- Страшно говоришь, - перебила Палана и поёжилась.

- А нам что? - продолжал Тогур. - Мы их разбудим и улетим. И малышей с собой прихватим. И Маяк взорвём. А потом вернёмся лет через пятьсот, встанем на орбиту...

- И обнаружим готовый к старту "Бумеранг-2", - продолжила Палана тихо.

- А если немного опоздаем, увидим ядерную войну, - пообещал Тогур. - Только не в кино, а наяву.

- Циник! - вскричала Палана. - Издержки командирства! Ты не верил, что они уцелеют к нашему возвращению, теперь не веришь, что они смогут подняться! А мы на что?! Пойдём, посмотрим кино ещё раз, потом я нарисую тебе спираль, и все события там будут на своих местах! Циник! Циник!

- Не хочу кино! - Тогур тоже закричал и схватил её в охапку. - Если на то пошло, у них есть космошлюпки и, значит, вертолёты! Летим! Посмотрим их чёрные избы, полаем на их собачек,

пощиплем с ними травки, вяленой медвежатинкой занюхаем, в школе на уроке посидим - ах да, там нет уроков! - тогда и решим, что с ними делать!

- Ишь, какой вершитель! Да я нарожаю тебе детей и с удовольствием отдам их в эту школу! Это нам надо у них учиться!

Они катались, давя землянику, по косогору и хохотали. Тихо слушал испуганный лес, давно отвыкший от человеческого хохота. Беззаботно прозрачным было над ними небо. Спокойно занимались своими делами насекомые, чей род на миллиард лет старше человеческого. Короткий меч и тяжёлый нож валялись где-то в стороне...

На следующий день экипаж "Бумеранга" расконсервировал космошлюпку и, сдвинув крышу подземного ангара, улетел на запад. Молодёжь осталась на Маяке. Ей очень хотелось облететь Землю, но в интересах дела следовало к возвращению Паланы и Тогура подготовить аппаратуру для связи с системой спутников. Казалось, после пятивекового сна населению Земли ничего не стоили бы ещё две недели ожидания, потребные космонавтам для отдыха, но в Тогура вселился смерч: командир потерял сон и аппетит и с уст его не сходило слово "человечество".

- Будто оставил целую планету детей, а теперь спешит проверить, все ли здоровы, - шепнула Вида Палане.

Врач экспедиции была довольна: кризис у командира, кажется, прошёл.

На десятое утро после отлёта Солнце выплеснуло шлюпку вместе с лучами из-за горизонта, и она пошла на посадку рядом с "Бумерангом". Малыши на телеге уже спешили к космодрому...

- Скажи, Огон, - командир с удовольствием взял вожжи, - ты откуда родом?

- Из Индии. А предки - из Африки и с юга Европы.

- А ты, Вида?

- Я местная. Внучка Смотрителей.

- А предки?

- С берегов Тихого океана.

- С этого берега, из Евразии?

- Не только. Были и на американском. - Она сдвинула брови, соображая, потом добавила: - Из Австралии, говорят, никто сюда не приходил уже лет двести.

- Вот-вот! - Тогур смотрел на неё с лёгкой усмешкой. - Угадывай дальше.

- Что в Австралии? - спросили малыши хором.

- В Австралии - паровоз.

- Какой паровоз?

- Обыкновенный. Только из нержавеющей стали. И такие же рельсы.

До самого дома разговаривали только деревянные колёса с бетонными стыками. Успокоенные тишиной, начали покрикивать птицы. Где-то далеко заревел медведь. Два лося, испуганные инфразвуком, шарахнулись от ограды Маяка...

- Так что же, - спросила за столом Вида, - всё было зря?

- Пока неизвестно, - Тогур, смеясь, пожал плечами. Ему было явно по душе австралийское открытие. - Надо там пожить.

- Чем же они занимаются?

- Уже валят лес и делают бумагу. Против хищников имеют ружья.

- Порох? - Огон нахмурился.

- Нет. Как паровоз, на основе поршня. Движением рычага сжимается воздух в цилиндре, и при выстреле эта сила выбрасывает иглу. Остриё, как правило, обмакивают в яд.

- Истребляют животных? Питаются мясом?

- Да, - сказала Палана. - В экологии уже заметен перекос. Там есть уже профессиональные охотники.

И посмотрела на Тогура. Он перестал смеяться.

- Поселения укрупняются, - продолжала Палана. - Возродилась мода.

- Что такое мода? - насторожилась Вида.

- Мода... - Палана поискала слова. - Это стремление одних людей жить не так, как другие, и одновременное стремление других от них не отстать. В одежде, например, в посуде, в мебели, в еде, в украшениях...

- Неравенство, - Огон нахмурился.

- Неравенство, - согласилась Палана. - Ради этого в Австралии сейчас убивают животных. В моде брюки-кенгурины, шапка-коала, сапоги-динго. Капусту едят только с мясом, поэтому специально разводят мясные породы животных.

- Забыли, что излишек мяса вреден? - Вида была удивлена.

- Нет, это ты забыла, что у них нет инфразвуковых заборов, - Тогур усмехнулся, но уже не так весело. - В их положении логика простая: чем до сорока лет умереть в зубах зверя, лучше съесть его самому.

Разговор прервался. Жужжали и приставали к людям насекомые. На них едва обращали внимание. Малыши примеривались к незнакомой морали, старшие вспоминали собственное прошлое.

- Вот такие пироги, - протянул наконец Тогур.

- Пироги? - Вида очнулась. - Почему пироги?

- А-а-а, - он рассмеялся. - Была в наше время такая поговорка: вот такие, мол, дела.

Тогда молодые переглянулись, и Огон сказал:

- Есть ещё поговорка, что забота не приходит одна... Пока вы летали, здесь произошли кое-какие пироги.

Он замолчал, сдерживая улыбку. Улыбалась и Вида.

- Что же это за радостная забота? - Тогур посветлел лицом. - Уж не прибавление ли в семье?

Малыши снова переглянулись.

- Вроде того, - сказала Вида. - Гости к нам летят.

Теперь переглянулись космонавты.

- Стало быть, - сказал Тогур, - здесь тоже изобретают. На чём же летят? Воздушный шар? Самолёт?

- Гости из космоса, - сказала Вида тихо. - Они приближаются от созвездия Лебедя. Координаты такие же, как были у вас. Мы ведь на радостях забыли выключить аппаратуру... Может быть, это те, с кем у вас не получился контакт?

Голубая чаша последней планеты встала перед глазами врача и командира: вспышка - и на месте шлюпки серое облачко...

- Это погоня! - Тогур побледнел. - Мы привели их на Землю!

- А может быть... - начал Огон, но командир его прервал: - Может быть, они решили извиниться? Очень мило с их стороны!

- Какие сигналы вы приняли? - Палана старалась не волноваться.

- Ваш контактный код, - быстро ответила Вида. - Элементы технических знаний, основы биологии человека, основы яконта и в конце - известную фразу на нём: "Ищем братьев по разуму".

- И ничего от себя, только наше?

- Записали какую-то тарабарщину, набор непонятных слов.

- Покажите.

Они прошли в зал связи. Космонавты, хмурясь, выслушали свои позывные, стандартную программу, которую составили для них пятьсот лет назад, а вслед программе зазвучали малопонятные сочетания из символов контактного языка:

- СВЕТОПОЛ ИСПОЛАГАЕТ ПЕРЕЗВУЧАНИЕ В САМОНОЧИ БЕЗ НОВСТВА НАД ДЕРЖАБОЛЮ.

- Это можно истолковать в любом смысле, - сказала Палана. - То ли они предлагают "перезвучать" наши несложившиеся отношения, то ли не намерены обещать никакого "новства над держаболью"- что-то вроде "иду на вы".

- Нам этой "держаболы", - сказал Тогур зло, - хватит до конца дней, без всякого "новства". Жаль, что нечем их встретить - я бы им устроил "светопол в самоночи". Придётся поднимать "Бумеранг". Только учтите, один пойду...

Малыши переглянулись.

- В случае нападения, - сообщил Огон, - "светопол" можно устроить и без тарана.

Теперь переглянулись космонавты, не без удивления.

- Из ваших времён осталось оружие, - продолжал Огон. - Это ещё одна забота Смотрителей Маяка. Ракеты решающего удара, которые помещались на околоземных орбитах, демонтажа не предполагали - их так нарочно сконструировали. При Разоружении их можно было только отправить в Дальний Космос и там взорвать. Но их оставили для защиты планеты, на всякий случай. И пульт управления вывели на Маяк.

- Очень молодцы! - Тогур кровожадно рассмеялся. - Похоже, случай тот самый.

- А если нет? - Палана испугалась. - Если они с миром?

- Они нас однажды "умиротворили", - проговорил Тогур сурово и медленно, с трудом, почти по слогам. - Не довольно ли?

- Вот я и думаю, - быстро отозвалась Палана, - не довольно ли тех потерь, которые понесли Мы? Они поняли это и летят мириться.

- Правильно! - воскликнул Огон. - Я же говорил!

- Ишь, какой добренький! - вдруг взорвалась Вида. - Ты лишний раз на волка не замахнёшься, так, может, перед врагом на колени встанешь?

- До чего договорились! - Огон тоже закричал. - Почему сразу враги? Почему не дать людям шанс?

- Потому! - резко вмешался командир. - Во-первых, шанс мы им уже давали. Во-вторых, даже если они похожи на людей, то и это ни о чём не говорит. Людей мы разных знавали. Вот сожгут нам планету...

- Будь они так сильны и свирепы, - перебила Палана, - они сожгли бы нас вместе с кораблём ещё там, у себя. Стало быть, их возможности не больше наших. Стало быть, готовили экспедицию вроде нашей, а мы как раз подсказали маршрут. Может быть, если бы мы тогда не улетели...

- Всё гораздо проще, - перебил её Тогур. - Они когда-то сумели избежать самоуничтожения - без посторонней, заметь, помощи - и теперь живут благополучно и трясутся над своим благополучием. Может быть, так же, как сейчас земляне. И ракеты так же наготове, как у нас, только наземные. Вот прилетаем мы, шлюпка идёт в атмосферу. Опасность? Безусловно! И без вмешательства людей - или кто они там? - срабатывает автоматика. Шлюпку сбивает как объект прямой агрессии, а "Бумеранг" пока не трогает - он ведь не приближается. Пока хозяева, вроде Смотрителей Маяка, анализируют сообщение автоматика, наш корабль уходит с орбиты. И тогда за нами бросаются в погоню - скорее всего, без экипажа, - чтобы уничтожить свидетелей. На случай, если догнать корабль не удастся, готова примитивная отмычка - наш контактный код, записанный их автоматикой. Если мы на него клюнем и вступим в переговоры, они приблизятся на выстрел. Думаю, это просто беспилотная самонаводящаяся ракета, способная уничтожить любую цель планетных размеров. Не взорвать, так отравить или сжечь атмосферу.

- Одним словом, - Палана вздохнула, - ты настаиваешь.

- Я приказываю! - проговорил Тогур сквозь стиснутые зубы. - И в утешение напоминаю вам поговорку: "Бережёного бог бережёт"- Он помолчал и добавил угрюмо: - Тут своих забот невпроворот. Ещё неизвестно, что страшнее - эти гости или австралийское духовое ружьё из нержавеющей стали..

На сигналы из космоса Земля не отвечала, а когда корабль преследователей вошёл в пределы досягаемости, орбитальная станция первым же залпом обратила его в пар.

- Мы у себя дома, - сказал командир и отвернулся от экрана. - Здесь мы ни с кем церемониться не будем.

- Мой дом - моя крепость, - сказала Падала задумчиво. Она не могла оторвать глаз от редящего облачка. Она вспоминала Планету Четырёх.

- Вот именно, - подтвердил Тогур. И вышел, хлопнув дверь. Трое остались у экрана. Вид у Смотрителей Маяка был удручённый. Их надо было утешить, несмотря на собственное настроение.

- Убивать невыносимо тяжело, - сказала Палана. - Но, может быть, там и в самом деле не было людей..

- Всё равно, - Огон вздохнул. - Когда слишком заботишься о безопасности, теряешь больше, чем приобретаешь. Надо просмотреть записи приборов: по-моему, они шли с торможением.

Глаза Виды расширились, она шагнула к Огону и обиженно, тихо заплакала. Он гладил её по волосам, продолжая наблюдать за облачком, и вдруг выбросил руку к экрану: - Есть!

Посреди бледнеющего пятна ясно обозначилось уплотнение. Все трое уставились на эту точку и не заметили, как вошёл командир.

- Они успели в нас выстрелить, - раздался его голос. - Надо повторить команду станции.

Палана вскочила, уронив стул, и заслонила собой пульт.

- Не надо! Больше убивать не будем!

- Тогда убьют нас! - он шагнул к пульта.

- Не дам! - повторила Палана. - Они, может, и спаслись не все. Как ты можешь добивать?!

- Они не пройдут! - прорычал Тогур и сделал ещё шаг.

- Ты болен! - закричала Палана. - Держите его!

Она бросилась вперёд и повисла на командире. Малыши мгновенно присоединились к ней.

- Отставить, командир! - бормотал Огон.

- Не надо больше убивать, - просила Вида. - Я боюсь.

Тогур изумлённо поднял брови, повёл плечами - крепко ли держат? - и вдруг расхохотался: - Да вы что, детвора?!

Как росу с листьев, стряхнул на пол всех троих и отправился своей дорогой.

- У-у, медвежатник! - простонала Вида и вцепилась ему в ногу.

Обида и страх за неизвестных пришельцев были у всех на лице, но в глазах пряталось восхищение: вот человек, который недавно хаял и презирал опустившееся человечество, потом готов был отдать за него собственную жизнь, а теперь, всё так же без колебаний, намеревается ради человечества совершить убийство, нарушить историческую клятву.

Руки Тогура были уже на пульте. Но он не нажал пусковую кнопку. Щёлкнул тумблер связи, затрещала в динамиках прибавляемая громкость.

- Пока подождём, - произнёс командир спокойно и чуть насмешливо. - Если это спасательный бот, они завоят на весь космос, чтоб больше не стреляли. Но если в течение десяти минут ничего не услышу, не обижайтесь, пацифисты... Мы с вами за всю Землю отвечаем.

Пришельцы ждать не заставили.

- Светопол исполгает! - захрипел динамик. Голос был совершенно человеческий, с тяжёлым, перегруженным дыханием в паузах, с умоляющими интонациями. - Дайте посадку. Светопол исполгает перезвучание. Дайте посадку говорить. Братья по разуму.

- Ишь вы, братья, - сказал Тогур сурово. - Вот теперь складнее. Говорить мы согласны. Что им ответим, доктор?

- Взятся за всю Землю отвечать, сам и разговаривай, - сказала женщина сердито и осталась сидеть на полу.

- Принимать корабли - наша работа, - сказала Вида и взяла с пульта микрофон.

Огон уже включал посадочную автоматику. Тогур вздохнул и сел рядом с Паланой.

Сага 2. УТРО

Героя надо направлять. Только женщина могла додуматься до такого девиза.

Героя пока не было. По комнате бегал мальчишка двадцати лет. У него были безумные глаза и крупный кавказский нос. Этим носом он заклевал бы сейчас всю Комиссию. Но Комиссии в комнате не было. Была только юная раскосая красавица в полотняной рубашке. Она сидела на растерзанном ложе и ловко делала вид, что ужасно встревожена. Будущий герой делился с ней эмоциями.

- В наше время! - выкрикивал он. - Унижать! Да как унижать! Нет, ты всё-таки скажи мне своё настоящее имя!

Он на миг остановился, грозный и всклокоченный. Чтобы не засмеяться, она потупила взор.

- Ты знаешь НАСТОЯЩЕЕ, - сказала она.

- Это имя населённого пункта! Мама как тебя называла?

- Так же и называла - Палана. Или Паланка. Разве не красиво?

Она подняла на него глаза. Она сказала ему глазами, что восхищена, что любит и хочет его ласки.

Часть призыва достигла цели: герой пал на колени, зарылся лицом в её рубашку и замычал совсем по-телячьи. Но тут же вскочил и снова забегал от окна до двери, благо было недалеко.

- Раздельное обучение! - Он, казалось, хотел, чтобы было слышно всему Байконуру. - Кто-то решает наши судьбы!.. Суженый! Это значит - кем-то суженый! Почему? Почему я не могу САМ выбирать?

Тут он как будто понял, что вырвалось обидное для аудитории. Остановился, пал, ткнулся в полотняную рубашку богатырским носом, замычал, вскочил и снова забегал, уже молча.

Палана видела всё это со стороны, как читала бы книжку, у которой знала конец. Но конца она знать не могла, хотя хорошо представляла продолжение и гораздо лучше суженого знала начало.

"Если мужчина живёт чувствами, это ошибка природы, - так её учили в Камчатском лицее. - Разум нормального мужчины обязательно сильнее его чувств, хотя в отдельных случаях может казаться, что это вовсе не так. Рациональность - половой признак мужчины. Он служит той же цели, что женская эмоциональность - защите и сохранению вида".

Камчатский лицей был открыт специально для подготовки Экспедиции. Её женской половины. Все женские лица планеты работали на него. Точно так же, как сто и триста лет назад все первичные школы выдвигали Смотрителей Маяка... Все девочки Земли знали об Экспедиции. Каждая мечтала о Камчатском лицее. Но ни одна не знала точно, чему там учат.

А учили там - власти. Даже так - Власти. Все знания и все умения давались по той же программе, что и везде. Но знание законов власти, но умение пользоваться властью - это были тайны. Путь к этим тайнам лежал через систему баллов и тестов, а в самом конце - через ВВК и ВКК - Верховную Врачебную и Верховную Космическую Комиссии. Каждая из неудачливых претенденток могла бы рассказать, на чём срезалась она, но никто, кроме членов обеих Комиссий, не знал всей системы отбора. Не вникали в этот вопрос даже члены Верховного Совета Планеты, за исключением Координатора, для которого на Земле вообще не было тайн.

В Камчатском лицее девочки выбирали для себя вместо имён названия тех мест на Земле, откуда они родом или которые им особенно дороги. По старинной традиции считалось, что такое обращение к человеку в Дальнем Космосе будет вызывать у него приятное чувство родины. Можно было и не расставаться с прежним именем, остаться Машей, Нгомо, Мияки, Саррой, Янкой. Но никто, кроме Паланы, не сохранил прежнего имени. Все двадцать стали Анапой, Анголой, Палестиной, Ориноко, одна Палана откликнулась на привычное имя прабабушки, которое ей дали при рождении.

С момента поступления в Камчатский лицей каждая из них переставала принадлежать себе и своим близким. Высшая цель - Экспедиция - делала для каждой обязательным любое решение ВКК, в том числе и в так называемой личной жизни. Проще говоря, сохранить верность своей детской любви можно было лишь ценой ухода из лицея. Спутником будущей жизни мог стать только спутник по Экспедиции, то есть выпускник Байконурского, Канаверальского или Намибийского Высшего Лицея Космофлота.

Однако в этом вопросе девушки имели перед своими будущими спутниками обидное для них и потому совершенно секретное преимущество: право выбора. Им показали длинный фильм, в котором пятьдесят кандидатов в Экспедицию учились, играли, ели, пели, спали, злились и веселились, не зная, что их снимают.

Весёлая Киото выбрала спокойного филиппинца Бокора. Крепышка Ангола указала на конопатого северянина Тарту. Смуглая Ниагара после долгих колебаний решила оставить Лицей, потому что двадцатилетнее одиночество Комиссия не могла позволить никому, опасаясь возможных неурядиц в будущем.

Палана ни секунды не колебалась, когда увидела настырного Азамата, не пожелавшего стать каким-нибудь Кавказом или Ходжохом. Он, оказывается, очень любил своего дедушку, Азамата Аслановича, которого погубил в горах медведь.

Было три случая, когда один счастливчик нравился двоим. Комиссия просила помощи у Большого Компьютера, и девушкам пришлось принять его выбор. Во имя Экспедиции.

Вообще вся эта затея с Экспедицией носила характер больше трагический, чем научный, и компромиссы были в порядке вещей.

Выбирая Азамата, Палана чувствовала себя выше ВКК, ибо без её слова сей носатый красавец мог и не получить шанса на Экспедицию. Но при этом сама Палана тоже подвергалась экзамену: самолюбивого незнакомца следовало влюбить в себя. Задача осложнялась тем, что юношам систему подбора пар объяснили иначе, чем девушкам: Азамату сообщили, что Высшая Врачебная и Высшая Космическая Комиссии считают самой для него подходящей спутницей вот эту Палану: полюбишь - полетишь в Экспедицию, не понравится - будешь работать в Ближнем Космосе.

Привыкшие к приказам парни сказали: "Есть", остальные, кому не хватило спутниц, разъехались по назначениям Космофлота в порты ближнего освоения.

И месяц назад все двадцать отобранных для Экспедиции пар исчезли из поля зрения Комиссий, чтобы сегодня и завтра собраться в жарком Байконуре, по возможности всем. "По возможности", потому что Комиссии не исключали осечек и были готовы отправить не сорок, а восемнадцать, шестнадцать и даже десять человек.

Палана любила трудности и в этом смысле она в Азамате не ошиблась. Почти весь месяц он был диким буквой, оживлялся только в реке и на корте (по условиям Комиссий, кандидатам в пару полагалось провести месяц ТОЛЬКО вдвоём). Именно в реке и на корте Палане пришлось подтвердить свои высшие оценки по теории и практике Власти: Азамат, внук Азамата, сошёл-таки с ума от любви.

И вот теперь этот сумасшедший метался между дверью и окном перед полуодетой Паланой и на чём свет клеймил и разоблачал Комиссию.

А она не мешала. Не встала, не подошла, не обожгла прикосновением, а молча слушала и ждала, когда он разрядится полностью. Тогда его надёжнее взять. Вот он уже и не кричит, уже пытается оформить свой гнев логически.

- Как мало человеку надо! - Он сдержанно кипит, руки на груди, ноги циркулем. - Тебя выбрали в Экспедицию - и ты уже счастлива! Тебе выбрали работу, тебе определили судьбу - и ты не возражаешь... И я не возражаю! Почему мы не возражаем? Мы настолько свободны, что не возражаем? Тебе выдали меня, мне выдали тебя, и для нас это - свобода?! Породистый скот выводят таким же способом! И мы не оскорбляемся!

Палана загадочно молчала в полутьме. От неё исходило тепло, а ему казалось - тепло мерещится, и он для проверки встряхивал головой. Он успокаивался быстро и полагал, что это происходит благодаря его умению держать себя в руках.

- Ты только не думай, - он сел рядом, - я тебя не упрекаю. Просто испугался. Ведь мог тебя не встретить. И всё - из-за них! Творят что хотят... Так бы окончили обычные космошколы, работали бы в Солнечной системе, запросто могли встретиться. А тут ведь - всё на случайностях. И на чьей-то воле. Кого компьютер захочет, того и осчастливит. А где справедливость? Ну скажи, ты сама, без Комиссий, выбрала бы меня?

Вот тут-то она и взяла его руку. И обожгла.

- Что с тобой? - Он впал в тревогу. - У тебя жар?!

- Нет, - она улыбнулась. - Просто ты холодный совсем. Иди сюда.

Он поверил. Он лёг рядом, спрятал голову ей под мышку и затаился.

Он уснёт сейчас, думала Палана, а завтра эта ночная вспышка его рассмешит и смутит. Завтра он будет извиняться.

Таковы мужчины. Они самолюбивы и вспыльчивы.

"Мужчины самолюбивы и вспыльчивы, - говорили им во всех школах. - Ваша жизнь - направлять их энергию на мирные цели". И учили простейшим приёмам. И власть любящей женщины гасила опасные недостатки, заложенные природой в мужском существе. Им помогала Земля, им помогало Время. В экстренных случаях им помогала ближайшая местная Комиссия, в которую входили пожилые, всем знакомые люди. На самом краю могла вмешаться одна из Верховных Комиссий. Так было на Земле и в отрядах Солнечной системы.

Например, если бы кто-то вздумал мстить за нечаянно причинённое зло, ответом стало бы всеобщее презрение. Бойкот снимался только искренним раскаянием.

Разумеется, в случае массового злодейства можно было, как шестьсот лет назад, сохранить равновесие посредством системы "Биополе", воздействуя сразу на всех через магнитное поле Земли. И однажды, сто лет назад, когда началась спонтанная экспансия в Австралии, так и пришлось сделать. Но магнитное воздействие, при всей его биологической безвредности, угнетает и здоровую инициативу, поэтому применить его имела право лишь Объединённая Комиссия, да и то - по общему ходатайству Комиссий на местах. Средства связи позволяли сделать это очень быстро, но после австралийского инцидента со стрельбой из пневматических ружей больше к магнитным спутникам не обращались.

Если же кто-то и ворвался бы на Маяк и захватил систему "Биополе", то ни в каких злодейских целях использовать её было невозможно: аппаратура спутников была раз и навсегда настроена на одну частоту, с пульта лишь подавалась к ней энергия. Всякий, кто пожелал бы что-то диктовать планете, тут же у пульта стал бы кротким, как овечка...

Но Экспедиция отправлялась в Дальний Космос, на многие годы. Для неё требовалась высшая подготовка - опыт не только шестисот последних земных лет, но и первого "Бумеранга".

Беда может произойти из-за скоротечности событий. Ведь это только с Земли может показаться, что улетевшие располагают не морем, не океаном, а целой Вселенной свободного времени: за их бортовую неделю дома проходит, скажем, целое поколение. Но в том-то и дело, что собственное время на корабле у каждого своё, как и на Земле. И оно может ползти или сжиматься, стоять, а чаще мчаться так, что даже подумать некогда.

Вот в эти куцые мгновения и нужна рядом с героем - Женщина. Чтобы она как раз в тот самый момент, который называется секундой отчаяния, вручила ему свой разум и свою энергию, чтобы силой любви и духа своего растянула миги до минут. А всего-то и нужно для этого - волевое поле, которым ангел-хранитель овладел в Камчатском лице.

Ангел-хранитель тронул волосы будущего героя. Азамат мирно сопел и не шелохнулся. Тогда ангел осторожно переложил посапывающую голову на подушку, а сам лёг свободно и расслабился. Даже лёгкое применение волевого поля требует восстановления сил. Экстремальная доза может когда-нибудь стоить здоровья, а то и жизни. Дай, конечно, Бог, чтобы такая нужда никогда не приспела. Это ох как будет зависеть от того, что за спутника ты себе выбрала, девочка.

Тяжела, тяжела женская доля. В каждом веке по-своему. А ты, будущий герой, может быть, через много-много лет получишь доступ к тайне своего избрания. Если уцелеешь в подвигах...

На следующий день после обеда они первыми стартовали двухместным "Баркасом", чтобы присоединиться к монтажникам, которые на стартовой орбите собирали их корабль. Участие в орбитальном монтаже для экипажа обязательно, дабы знакомы были с кораблём - руками.

Будущему герою Дальнего Космоса предстоял по дороге ещё один допускной экзамен, но он об этом не знал и не должен был догадываться. Палана знала всё, но это её не расхолаживало, потому что ей самой предстояло применить впервые через два скафандра своё волевое поле в такой обстановке - холод и пустота. Последняя тренировка на выживание. В случае неудачи оценка одна: "К Экспедиции не допускаются оба".

Начало подъёма прошло с небольшим отклонением от расчётной траектории.

Координатор, который явился в диспетчерскую, чтобы лично видеть первый старт, заметил отклонение.

- "Баркасики", - сказал он в микрофон, - оцените обстановку. Командир?
- Автоматику испугало уплотнение в метеоритном потоке, - отчеканил Азамат.
- Палана?
- Согласна с командиром.

- Сойдёт, - согласился Координатор, - работайте. - И тут же добавил: - Вот ещё что. Отказал спутник связи. Говорить сможем только напрямую.

- Понято, - откликнулся "Баркас". - Работаем.

Наверно, командир даже пожал плечами, потому что предупреждение имело чисто формальную суть: через полчаса над горизонтом должна была взойти Луна, а вместе с ней и "Бумеранг-2", к которому направлялся "Баркас". Следовательно, оба корабля будут в зоне радиовидимости до самой стыковки. Однако по пути командира ожидала неожиданность, и тогда сведения о связи должны были сыграть свою роль.

Восхода Луны Координатор всегда ждал как подарка. Точка сборки "Бумеранга-2" была нарочно выбрана так, чтобы с земной поверхности он постоянно виднелся на фоне лунного диска.

Координатор присел к пульта Диспетчера - с краю, чтобы не мешать человеку работать, - и задумался.

"Вот, - думал он, - все идёт, как ты хотела".

Он постоянно разговаривал с Паланой про себя. И всегда так, будто она жива и рядом.

Он спрашивал: "Как ты думаешь?" И она отвечала.

Он спорил: "Вот видишь..." И она соглашалась. Или тоже спорила.

Бывало, на самом дне одиночества он звал её: "Доктор, поговори со мной". И она приходила.

Не эта двадцатилетняя звёздочка, что летит сейчас на "Баркасе", а та, первая, с которой они вдвоём довели до Земли "Бумеранг".

Их старый корабль так и стоит на титановом пятачке рядом с Маяком, куда их так точно привели двое незабвенных ребят в домотканой одежде, Вида и Огон.

Нет больше ни их, ни Паланы. От старости не спасся ещё никто.

Кроме Тогура.

Ему, единственному из экипажа "Бумеранга", Вселенная сделала подарок.

...Это случилось при первой высадке. Планетка, по данным двух зондов, не вызывала опасений. Предполагалось, что жизнь здесь в зачаточном состоянии.

Не понимая женской силы, они берегли своих подруг по-рыцарски, подставляя себя под все опасности. Тогур спустился на планету с весёлым французским парнем Турином. Он до сих пор вспоминает, как смотрели им вслед Марсель и Палана.

Ну почему люди так мало доверяли чувствам? Цивилизация. У дикаря внутренний слух гораздо тоньше.

Активную жизнь на планете они нашли. В очень спокойной растительной форме. И к этому - довольно плотная сырая атмосфера, никакой фауны, никакой агрессивности, ни малейших признаков разума.

Облёт и несколько посадок почти ничего не добавили, растительность везде одинаковая, всего нескольких видов, с окраской от голубой до фиолетовой. Никаких источников и водоёмов. Никаких бурь или других катаклизмов. Медленное движение по круговой орбите, медленное вращение вокруг медленно, но глубоко качающейся оси - этакая "утиная походка", волчок на исходе вращения.

- Пьяная планета, - сказал на обратном пути Турин.

Он упал ещё в шлюзе, не успев снять скафандр. Необъяснимая остановка сердца. До сих пор перед Тогуром стоят глаза безутешной Марсель. И взгляд Паланы, которым она спросила: "А ты?"

Тогда он впервые познакомился с волевым полем. Палана схватила его за руку и с минуту напряжённо глядела в глаза. И вся полыхала таким жаром, что он испугался за её здоровье.

- На стол! Скорее!

Лечить неизвестное было бы нелепо, она только исследовала. Прежде всего кровь.

Марсель и другие тем временем пытались запустить сердце Турина - на этом уровне медициной владели все.

Ещё до того как исчезла надежда, взяли кровь и у него.

Командир сошёл со стола как ни в чём не бывало. Турин так и не подал признаков жизни.

Анализы не дали ничего. Главное подозрение - на неизвестный вирус, пробивший скафандр - осталось без подтверждения.

Приборы во время работы не отметили никаких особенностей в поведении полей планеты.

Из того, что кровь погибшего имела не такой резус-фактор, как у Тогура, никаких выводов не следовало, хотя это и была единственная разница между ними.

Правда, Тогур вспомнил, что перед уходом Палана точно так же брала его за руку. Но из этого ТОГДА тоже ничего не следовало...

А теперь он был уверен, что она отдала ТОГДА ему часть своей жизни. И жизни их будущих, так и не родившихся детей. Наверно, Палана это чувствовала, хоть и не знала наверняка.

На Земле она в первый же день пообещала ему нарожать кучу малышей. Но тянула с этим несколько лет, пока они не "расконсервировали" планету и не привели систему обучения в соответствие с новыми задачами.

Тогда она родила ему замечательного сынишку, но прожила после этого только два года.

Теперь Тогур всё связывал с волевым полем. Он не сомневался, что живёт вторую сотню лет не из-за чудес Планеты Турина, как до конца уверяла Палана, а из-за того, что она совершила подвиг.

Или преступление?

Сто лет его мучает этот вопрос. Подвиг любви - безусловно. Но ведь какой ценой! Она распорядилась столькими жизнями ради него... Конечно, он понимал, был вынужден признавать, что для человечества его знания, опыт, талант, интуиция - бесценны. Они оплачены жизнями всего экипажа. Но цену, которую заплатила Палана, считал преступлением. Только не её, а своим.

Ведь он мог не принять от неё такой жертвы, и тогда она прожила бы ещё не меньше двадцати лет. И было бы много детей. Их детей. Их продолжения. Правда, теперь не было бы ни его, ни Паланы. Но он - в любую минуту своей жизни - предпочёл бы умереть вместе с ней, раньше неё, но

ни за что не согласился бы - даже ради всего населения Вселенной - взять себе хотя бы миг из её жизни.

А взял - всё, что она смогла отдать. Ведь мог же он не принять этой жертвы?!

Нет, не мог. И сейчас не смог бы. Ему это не дано природой.

Способность человека отдавать свою жизнь другому не имеет обратного знака. Единственное, что он мог бы сделать, это не позволять её горячим рукам к себе прикасаться. Но куда от этого убежишь на корабле? Куда вообще от этого убежишь, если ты даже НЕ ЗНАЕШЬ, что тебя наделяют бессмертием? Как он мог предотвратить её подвиг, её - нет, своё! - преступление, если понял всё только через годы после ее смерти?

А она уже давно всё знала. И создала женские школы, где этому стали обучать. А ему просто приказала взять - ради человечества, так она решила. И он взял. И отдать никому никогда не сможет, потому что природа не наделила мужчину этой способностью, как не дала ему выносить и родить ребёнка.

Мужчина - природный потребитель. Сама эта мысль оскорбляла всё его существо. И он оправдывал мужчину тем, что потребительство направлено только на любящую женщину, что при работе с полной отдачей оно возмещается пользой для человечества...

Но какие благородные мысли могут возместить потерю единственного, невосполнимейшего из людей, кому ты хотел бы отдать свою жизнь, а вышло - наоборот?..

На пульте у Диспетчера пискнул и замигал сигнал связи.

- Разрешите торможение, - раздался голос командира "Баркаса". - Видим неизвестный объект. Идёт явно по орбите спутника.

Молодец, Палана-младшая! Нашла тренажёр, несмотря на отклонение. Координатор кивнул Диспетчеру.

- Тормозите, - разрешил Диспетчер. - Определите происхождение объекта.

Через несколько минут "Баркас" радостно доложил, что объект наверняка искусственный. Обо всём предупреждённый Диспетчер вёл игру уверенно:

- "Баркас", дайте мне трансляцию объекта.

На экране возникло весьма нечёткое изображение. Контуров объекта обнаруживали сходство с тренажёром.

- Изображение некачественное, - сказал Диспетчер в микрофон. - Если не можете улучшить трансляцию, дайте словесное описание.

На "Баркасе" посоветовались и доложили:

- Орбитальная станция Первой Космической Эры. Без внешних конструктивных отклонений от того, что изучали по атласам Три-Пятнадцать. Прабабушка первого "Бумеранга". Разрешите остаться на орбите и сделать описание и снимки.

Диспетчер посмотрел на Координатора. Тот кивнул.

- Можете задержаться, - сказал Диспетчер. - Разрешаю внешний осмотр. "Баркаса" не покидать. Ограничьтесь съёмкой. Зафиксируйте параметры орбиты и координаты объекта. Работайте.

Диспетчер хотел отключиться, но Координатор сделал останавливающий жест.

- "Баркас"! Ближе не подходите, соблюдайте осторожность. Не забывайте: скоро выходите из радиовидимости.

Немедленно последовал вопрос:

- Позвольте узнать, сколько будем без связи.

- Около сорока минут, - сообщил Диспетчер.

- Понято. Работаем.

Координатор с Диспетчером переглянулись. Ни один настоящий исследователь не упустит случая воспользоваться таким куском бесконтрольного времени. А их там даже двое.

- Они уже давно в скафандрах, - Диспетчер улыбнулся.

- Не сомневаюсь, - Координатор кивнул. - Иначе Экспедиция - не для них.

Едва увидев станцию, двое на "Баркасе" не размышляли, стоит ли выходить из корабля. Перед межзвёздной Экспедицией грех упускать такую тренировку. Какое-никакое, а неведомое. Хоть и земное, а такая старина, что потрогать только - и задрожит рука: может быть твой распрадедушка соединял эти детали шесть веков назад...

- Как только ты её разглядела?

Покрытие станции почти не отражало солнечных лучей и едва прощупывалось локатором.

- Привычка! - Палана засмеялась.

Вот что у неё действительно привычка, подумал Азамат, так это смех по любому поводу. И, конечно, она знает, как идёт ей этот смех.

А Палана-младшая думала в это время, что очень была бы она хороша, если бы случайно не мелькнула эта станция на фоне лунного диска. Нечего сказать, молодцы они там, в ВКК:

оказывается, их с Азаматом проверяют ещё и на внимательность, как малышей перед лицом. Конечно, это не без пользы, но можно бы и побольше уважения к будущим героям Дальнего Космоса.

- Будет весело, если присоска её не возьмёт, - сказал Азамат.

- Попохочем, - согласилась Палана. - Если троса не найдём.

Трос, конечно, нашёлся бы, но он не понадобился. Электромагнитная присоска сработала штатно. Узел механической страховки тоже оказался на месте.

- Полчаса наши, - сказал Азамат. - Вперёд!

Осмотрели друг друга, проверили страховку и дыхательную аппаратуру и - вперёд, то есть, назад, к прошлому в гости.

Как сразу поняла Палана, подделывать прошлое не пришлось: где-то нашли настоящую старинную станцию, каких когда-то было полно в Ближнем Космосе, и аккуратно поставили на орбиту.

То, что в двадцатом веке пышно именовалось "военными звёздами", то ли "звёздными войнами" (что менее логично), представляло собой всего лишь сеть примитивных станций слежения и обнаружения. В ряде случаев станции были оснащены средствами нападения и устройствами самоуничтожения типа "самоконтроль". С последним и предстояло столкнуться Азамату. Датчик "СК" обыкновенно ставился на двери между шлюзом и рабочим помещением станции. Дверь открывалась без ключа, но тот, кто не знал секрета, взрывал себя вместе со станцией и собственным кораблём, на котором прилетел. Десяти килотонн для этого было довольно, а много места такой заряд не занимал.

Как и ожидалось, на входном люке станции сложных запоров не было: простой маховик и защёлка.

Они с натугой открыли вход и совершили грубое нарушение Космического Устава - начали "посещение безлюдного незнакомого объекта искусственного происхождения раньше сотрудников Особого отдела". Оба прекрасно помнили эту формулировку, но оба в этот момент рассуждали одинаково: в Экспедиции каждый будет сам себе особист.

Роковую дверь Азамат распахнул без колебаний и протиснулся в рабочее помещение. Палана покосилась на заклинивший датчик "СК" и вплыла следом.

Системы жизнеобеспечения, конечно, давно не работали, и все заросло инеем. Белые, матовые, совсем прозрачные иголки водяных кристаллов усеяли кресла и стол, непомерных размеров фильмотеку, занявшую все стены, планшет на столе и кинокамеру, вмонтированную рядом с экраном в корпус того устройства, которое они заметили ещё снаружи: что-то вроде телескопа, приспособленное под прицельное устройство на каком-то подобии электромагнитной пушки, нацеленном на земную поверхность.

- Корпус экранирует, - сказал Азамат. - Можно разговаривать.

Палана молча оглядела непонятные шифры на ячейках фильмотеки и осторожно, чтобы не повредить ледяные иголки, отодвинула шторку с прямоугольного экрана телескопа. Потом повернула рычаг с изображением линзы на рукоятке, и на экране проступили очертания южной оконечности африканского материка. В нижнем углу экрана светилась пара цифр. Тонкая сетка делила экран на квадратики. Внизу был день, и подсветка экрану не требовалась.

- Та же сетка, что на планшете, - сказал Азамат. Палана оценила его наблюдательность, но подумала: "Чуть бы пораньше. Тогда бы и подвиг не потребовался". Командир уже сличил планшет с экраном.

- Точно! Смотри: совпадают первые цифры. Это масштабная сетка... А вот и трансфокатор! Ну-ка...

Он начал крутить маховичок, и материк на экране стал приближаться. Одновременно сетка становилась всё реже, квадратики всё крупнее. Когда линии последнего квадрата ушли за границы экрана, в нижнем углу остался его цифровой индекс, а в набегающей знойной глубине пустыни Намиб возникла новая сетка, которая росла до тех пор, пока и от её последнего квадрата не остался индекс... Маховичок трансфокатора вращался быстро, колонка цифр скоро заняла всю боковую сторону экрана, и тогда вращать стало некуда. И незачем, потому что большего увеличения для космических наблюдений не требовалось: на экране был двор, по которому собака гнала кошку, потом побежали мальчишки по стадиону, потом жеребёнок зебры помчался по береговому песку, брызгая водой...

- Очень удобно для подглядывания за врагами, - сказала Палана.

- Наверно, уже вошли в станцию, - Диспетчер повернулся к Координатору.

По службе он последнее время часто встречался с этим великим человеком. Но если бы Диспетчера попросили рассказать о нём, хватило бы всего пары фраз. Примерно так: "Всё знает. Всё понимает". Дело не в том, что Диспетчер не умел рассказывать. Он просто терялся перед Координатором. Он понимал теорию относительности настолько, что мог растолковать её кому угодно на любом уровне, но когда рядом находился человек, чей день рождения исчезал во мраке почти семи веков, а жизненный путь впору было измерять световыми годами, - эта реальность не хотела совмещаться с объясняющей её теорией. Ведь где-то рядом с эпохой Координатора жили

шумеры, а шумеры - это явный каменный век... И вот человек из каменного века стоит рядом и всё знает, а Диспетчер даже не может с уверенностью утверждать, что шумеры вообще существовали. Даже голос Координатора звучал для него откуда-то издалека, сквозь пространство и время, и Диспетчеру невольно хотелось разговаривать с ним погромче и с шумерским акцентом.

- Пожалуй, вошли, - проговорил Координатор задумчиво. - То-то и оно...

- Слишком простая для них тренировка, - Диспетчер кивнул, надеясь, что понял мысль Координатора. Но тот покачал головой.

- Правда, - сказал Диспетчер, - есть осложнение: метеоритный поток.

Координатор снова медленно покачал головой, глядя, как показалось Диспетчеру, куда-то внутрь себя.

- Впрочем, риска почти никакого, - уточнил Диспетчер. Координатор всё покачивал головой.

- Только без связи как-то неудобно, - добавил Диспетчер. - Надо было отложить их старт, пока спутник не починят.

Координатор продолжал качать головой.

- К тому же это отклонение при взлёте, - ещё раз попробовал угадать Диспетчер... И угадал.

Координатор глубоко кивнул, будто поклонился, встал, как от удара током, и прошёлся за спиной Диспетчера.

Больше спрашивать Диспетчер не решился, а сам не мог взять в толк, что, собственно, тревожного в маленьком отклонении при взлёте. Станцию-то они всё равно нашли... И он махнул на это дело рукой. Должно быть, у старика есть какие-то свои, педагогические тревоги, вовсе не связанные с Линейной Службой Ближнего Космоса.

В глубокой задумчивости Координатор всё прохаживался, заложив руки за спину, наклоняясь вперёд и что-то тихо напевая себе под нос.

Вот, пожалуй, единственная особенность, о которой Диспетчер добавил бы третью фразу к характеристике Координатора: "В задумчивости любит напевать никому не известные песни".

Врагу не сдаётся наш гордый "Баркас",

Пощады никто не желает, -

уловил Диспетчер. Слова будто бы к месту, а мелодии такой не встречал. Не сам ли он их сочиняет? Прямо на ходу... Диспетчер любил и собирал песни, но никакие силы во Вселенной не заставили бы его попросить Координатора напеть хотя бы один куплет. Что в этом простом и всем доступном человеке его всё же останавливало? Диспетчер сравнивал это с волшебным кругом из старинной сказки, в который невозможно было вступить никому, кроме того, кто этот круг начертит.

А круг и в самом деле существовал. Только не волшебный, а волевой. Единственная - защитная - разновидность волевого поля, доступная мужчине. Научила Палана. Уже сознательно, когда поняла суть своей силы. Научила его одного, и они молча уговорились никого в эту тайну не посвящать. Не от скупости, а просто чтобы иметь свою тайну. Единственную их собственность перед человечеством.

Тайна возникла после потрясения, вызванного гибелью пришельцев с Планеты Четырёх.

- Светопол исполгает, - стонал эфир. - Дайте посадку говорить... Братья по разуму...

Крохотный кораблик повинной планеты мчался к Земле, не снижая скорости и не меняя курса. Было похоже, что там вышла из строя вся система управления.

Безнадёжно надеясь помочь, Тогур и Палана подняли навстречу космобот. В тесноте оставшегося пространства Тогур заложил такой вираж, что сами едва остались живы, но всё равно они не успевали. Ещё только стали сблизиться траектории, ещё не спала с глаз красная перегрузочная пелена, как стало ясно: конец.

Это была, вероятно, просто катапультируемая капсула, пригодная для короткого ожидания помощи или для аварийного спуска в атмосфере, с парашютом. Она летела, беспомощно кувыркаясь, со скоростью погибшего корабля. Тот, кто успел на ней спастись, мог только поддерживать связь на тарабарском языке да молиться, если было кому.

- Светопол исполгает, - бормотал он, задыхаясь. - Перезвучание необходимо... Ждётся перезвучанием светополу...

На пределе форсажа, теряя сознание, Тогур пытался догнать капсулу и прямым касанием, если не поможет присоска, хоть отклонить её на край атмосферы. Тогда была бы надежда, что по вытянутой орбите пришелец ещё вернётся к Земле. Не живым, так хоть целым.

Но они опоздали. Совсем близко, рукой подать, капсула промелькнула перед носом космобиота, и Тогуру пришлось заложить ещё один сумасшедший вираж, чтобы самому не стать болидом.

У них на глазах капсула врезалась в атмосферу почти отвесно.

- Добродарю... Понимание... Ждётся...

Он взорвался и сгорел, не долетев до поверхности. Космобиот сажала Палана. Тогур надолго слёг с нервным истощением. Ей стоило многих трудов поставить его на ноги. Ещё дольше он возвращался в прежнюю, "полётную" форму.

Вот тогда она и научила его уединяться в волевом поле. Правда, для неё оно преградой не было, но от неё защита и не требовалась, тогда как даже милые Вида и Огонь легко лишали его равновесия.

А равновесия и терпения требовалось всё больше. На "семейном совете" было решено расконсервировать систему спутников "Биополя" и обратиться к населению планеты не с просьбой, не с предложением или идеей - с задачей: возобновить технический прогресс в форме космической экспансии, дабы, во-первых, установить сотрудничество с Планетой Четырёх (её собственное имя, кажется, Светопол), а во-вторых, раскрыть опасную тайну Планеты Турина.

Концентрические окружности на экране обратной связи вызвали на Маяке такой восторг, что малыши и Палана взялись за руки и устроили хоровод вокруг ещё слабого командира. Он возвышался посередине и не вытирал слез. Человечество дало согласие...

А потом... Потом всё было очень славно. Земная цивилизация возобновилась не с нуля - просто расконсервировала всё лучшее, что накопила до "шага в сторону": научные знания, технологию, культурные ценности - всё в порядке строгого отбора, в соответствии с алгоритмами гуманизма. И было, как из зародыша, выращено единое, "алгоритмизированное" общество, в котором они сначала немного тосковали по разношерстному, безалаберному прошлому, а потом смирились и привыкли, убедившись, что духовность вовсе не исчезает - просто изменилась и стала рациональнее, но в конечном счёте даже человечнее, хотя и смущала их, всё повидавших, своей слишком уж точной заданностью.

И было всё очень славно, пока он не остался один.

Однажды вечером Палана сказала, что утомилась. Прилегла и попросила посидеть рядом. Взяла его руку холодными пальцами и молча глядела в лицо. Её зрачки коротко двигались, разглядывая каждую морщинку на его вечном, космическом загаре. Потом их взгляды соединились, и пальцы Паланы стали наполняться жаром. Она тихо заговорила о волевом поле, обо всех его тайнах, доступных только женщине. Чем больше он узнавал, тем тревожнее ему становилось. Он почувствовал, а потом уверился, что Палана уходит.

- Мой единственный, ты должен прожить очень долго. За всех нас.

Так сказав, она уснула, не отпуская его руки. Он сидел долго, не двигаясь, пытаясь преодолеть её силу и вернуть всё, что взял, и чувствовал, как спадает жар в её длинных чутких пальцах.

Он не уловил момента, когда она ушла, когда совсем остыли пальцы и затихло дыхание. Он не двигался, пока не взошло солнце и не вбежал сын. Следом вошли взрослые и всё поняли.

А сам он - не понимал. До сих пор не понимал, как она сумела уйти так незаметно. Да и не совсем верил. Тогда их с сыном увели, и больше они свою Палану не видели. Вероятно, уехала далеко, так бывало не раз. Мало ли дел. Он не искал её, чтобы не пугать взрослых. Он просто незаметно ждал.

Когда она ушла, их маленькому Турину было два года. Потом он вырос и стал отцом. Потом состарился и стал дедом. А Тогур, теперь уже Координатор, оставался таким же, как в день возвращения. Мало спал, всё остальное время работал и, как всем казалось, просто не видел отчаянных женских взглядов и не чувствовал ударов их волевых полей, от которых другие мужчины потеряли бы голову.

Никому ничего не казалось. Координатор и в самом деле ничего не чувствовал. Он раз и навсегда окружил себя волевой защитой и научился не снимать её даже во сне. Последнее, в общем, было нетрудно, потому что каждую ночь ему снилась Палана.

И каждую ночь сон был один и тот же: они решали, как ускорить подготовку Экспедиции. Менялись только обсуждаемые вопросы.

Получалось, что он не прекращал работу даже когда спал, притом во сне трудился за двоих. Из-за этого он вначале боялся, что сойдёт с ума, и каждое утро шёл к врачам с тревогой в душе. Как феномен он был обязан постоянно находиться под медицинским контролем. Но каждое утро врачи находили его посвежевшим, и он привык. Он не скрывал от врачей ничего из своей жизни, за исключением ночных встреч с Паланой. На традиционный вопрос о сновидениях всегда бодро отвечал: "Никаких!" Товарищей в Комиссиях потрясал новыми решениями, которые пришли ночью. На их восхищение отвечал тоже одинаково: "Высыпайтесь!"

Ему казалось - нет, он был УВЕРЕН, - что, когда дело дойдёт до старта, Палана перестанет сниться. Но он этого не боялся: ведь тогда она придёт сама, чтобы вместе с ним лететь по обратной петле - к Светополу и дальше...

- Сейчас они войдут в зону, - он услышал осторожный голос Диспетчера.

- Да-да...

Сорок минут он метался перед этим молодым человеком, а задачу не решил. Палана, как думаешь, не поднять ли по тревоге спасателей? Нет ответа. Сейчас не ночь. Я один.

- Земля, я "Баркас", - голос Паланы-младшей прозвучал слабо, теряясь в атмосферных помехах и каком-то скрежете. Значит, пользуется рацией скафандра. Значит, она не в корабле.

- Слушаем, - Диспетчер ответил очень спокойно, молодец.

- Прошу на связь Координатора, - она сдерживала волнение. Диспетчер предупредительно вскочил.

- Я здесь! - Координатор сел к пульту.

- Прошу сдержать неудовольствие, - она ничем не обнаруживала близость к первому человеку планеты. - Мы с командиром позволили себе нарушить Устав Космофлота и посетили обнаруженный объект, находя визит полезным для будущей работы в Экспедиции. Прошу дать оценку действиям экипажа.

- Почему докладывает не командир? - спросил Тогур с должной строгостью.

- Командир... занят. Он работает... Разрешите получить оценку и продолжить доклад.

Она мягко настаивала на своём старшинстве. Тогур почувствовал, что его мрачная догадка оправдывается.

- Оценим как необходимость. Докладывайте.

- При посещении станции возникла неожиданность.

- Назначение станции? - прервал её Тогур, владея собой не без труда.

- Наблюдательный спутник, - пока ничего особенного она не докладывала, но в голосе было напряжение. - Оснащён сильной оптикой, большой фильмотекой и системой "самоконтроль".

- Как вы сумели отключить "СК"? - Он задал обычный вопрос, едва унимая тревогу.

- Мы не учли, что он может быть, и вошли без предосторожностей. Наша ошибка. "Самоконтроль" не сработал, вероятно, из-за старости. Отказало спусковое устройство на двери.

- Дальше, подробнее.

- При выходе из станции я... мы заметили, что стержень спускового устройства начал выдвигаться. Вернуть его на место дверью не удалось.

Пока всё ещё ничего особенного, но - он ЧУВСТВОВАЛ - что-то не так.

- Какие меры принимаете?

- Я держу стержень рукой, пружина не очень тугая. Командир отрезает направляющую от внешнего объектива, чтобы заклинить стержень.

- Чем отрезает, плазмой?

- У нас на борту плазмореза нет, здешний не работает. Он нашёл напильник.

Вот! Тогур почувствовал на лбу испарину.

- Подробнее опишите внешний вид станции! - Стало совсем трудно говорить спокойно.

- Всё как учили. Только одна особенность: черное ворсистое покрытие, оно почти ничего не отражает.

- Как же ты её увидела? - Тогур чувствовал, что близок к срыву.

- Случайно. На фоне Луны.

- Так!.. - Он собрал силы и сумел взять себя в руки. - Командир!

Скрежет в эфире прекратился.

- Слушаю, Координатор!

- Приказ вам обоим: самым тщательным образом заклинить спусковое устройство и держать его под контролем, пока не прибудет спасательная группа, - Тогур кивнул Диспетчеру, и тот по аварийному каналу стал давать указания на спасательную станцию Особого Отдела. - Объект, повторяю, не покидать. Заклинить и контролировать. Удерживать любой ценой. Поняли?

- Поняли, - ответили оба хором.

- Потом - на "Бумеранг"? - тут же спросила Палана.

- Монтаж подождёт, - отрезал Координатор. - Новое задание. После сдачи объекта спасателям вы ждёте обратно на Землю. Сюда, ко мне. Выполняйте. Конец связи.

Он отключил микрофон и повернулся к Диспетчеру.

- Всё понятно?

Диспетчер кивнул, не владея голосом, и после паузы доложил:

- Спасатели уже стартуют.

- Молодцы. Будем ждать.

Теперь до Диспетчера дошло, о чём Координатор так беспокоился с самого начала. Вот это чутьё! И нервы: так спокойно, будто небрежно говорил с собственной правнучкой, будто на чай приглашал!

Тогур тем временем отчитывал себя за несдержанность. Он был уверен, что и здесь, в диспетчерской, и даже в космосе его волнение просто било всем в уши.

"Ах, Палана! - Он вышагивал перед пультом и разговаривал с ней. - Я полчаса потерял, пока сомневался и сокрушался. Если они погибнут, это будет целиком моя вина".

Он очень дорожил малышкой. Даже не верилось, что через три поколения прорвётся такое точное сходство с той, которая снилась ему каждую ночь. Ещё точнее: с той, которая улетала с ним когда-то на первом "Бумеранге". Внешность, манеры, голос, привычки, даже произношение - всё передалось.

Непознанная верность природы лучшим образцам.

Он метался перед пультом, а Диспетчеру казалось, что он прохаживается в мудрой неторопливой задумчивости. Диспетчер старался громко не дышать, чтобы не спугнуть его великих дум, а он обыкновенно ругал себя за невнимание к сыну и внукам.

Они, как у всех, росли без так называемой родительской ласки. Это не значит, что вовсе не знали ласки. Просто на Земле не было избалованных, заласканных детей. Они росли все вместе, с друзьями (обязательно друзьями!) - педагогами. Они были всегда бодры, жизнерадостны и приветливы. В десять лет мальчиков и девочек разделяли, чтобы воспитывать с учётом половой психологии. В этом же возрасте начинался постепенный отбор по специализации, с учётом способностей, склонностей, темперамента и всего прочего, что входило в ведение Педагогических комиссий. Но всегда и везде ежедневно были специальные часы, когда родственники могли их навещать.

Вот этих-то часов и выдавалось у Тогура всегда мало. За них Координатор и ругал себя теперь.

И особенно за Палану-младшую. Да только с ней всё было не так, как с сыном и внуками. За них он как-то и не беспокоился - ведь мужчины. А Паланку боготворил и едва мог это скрывать. Такое отношение для ребёнка опасно. К тому же, когда она подросла, его обожание стало переходить в экзотический восторг, какой он испытывал, слушая любимую музыку. А слезы на лице железного Координатора... Паланка тоже обожала его, без труда проникала сквозь волевою защиту и одаряла тем самым теплом, которое в избытке досталось ей от прабабушки. Тогур боялся нечаянно впитать и эту жизнь. Он навещал Паланку редко...

После настройки на слабые сигналы портативной рации Диспетчер не убавил громкость, и теперь мощный передатчик "Спасателя" оглушил их мужским басом:

- Центральный! Центральный, как слышно?

Диспетчер от неожиданности сделал резкое движение, убавил звук и надавил клавишу связи:

- Слышно хорошо, "Спасатель". Как дела? - Он старался говорить тоном Координатора, и ему казалось, что получается.

- Ну, всё в порядке, - доложил бас. - Объект мы у ребят приняли, "самоконтроль" обезвредили. Если с полным демонтажом не выйдет, проведём частичный и будем уничтожать. Прошу оценку.

Диспетчер посмотрел на Координатора. Тот спокойно кивнул: "Каждый знает свою работу".

- Действуйте по обстоятельствам, - сказал Диспетчер в микрофон тоном Координатора, но не удержался и добавил принятое у летающих заботливо-насмешливое пожелание: - Только повнимательнее там.

- Понял! - Бас хохотнул и отключился.

Тогуру показалось, что в нём ослабили все крепления. Хотел бы он сейчас только одного: присесть, откинуть назад голову и вытянуть ноги.

Вместо этого пришлось, конечно, иронически покачать головой, потянуться, дружески пожать плечо симпатяги Диспетчера и оставить его одного.

Тогур вышел на террасу, где обычно встречали прибывающих. Оттуда был хорошо виден только что приземлившийся "Баркас", от которого к Центральной диспетчерской уже мчался винтомобиль.

Ещё не перестал вертеться винт под брюхом машины, ещё она даже не коснулась бетона, а Палана-младшая, так и не успевшая сбросить обвисший противоперегрузочный комбинезон, уже поднималась на террасу.

- Отец! - Они все почему-то зовут его только так. Тогур не справился с нервами и схватил её за плечи. Впервые с силой прижал к себе.

- Уцелела!

- Станция была настоящая? - даже теперь она не до конца верила догадке и потому спросила шёпотом. Он кивнул и вдруг засмеялся:

- Друг-то твой с самого начала был в этом уверен!

И они стали хохотать, добывая страхи.

- Ну, и как он? - Тогур кивнул в сторону Азамата, скромно застывшего у подножия террасы.

- Он молодец! Даже не поморщился. И рыцаря не изображал: прогнать меня не пытался, себя в жертву не предлагал. С ним работать приятно.

- Ну и славно. Сейчас его позовем, только сначала ответь, когда ты догадалась, что станция настоящая?

- Только когда ты вызвал спасателей. А ты?

- Почти сразу. Отклонились-то вы не к тренажёру, а от него. Но всё же я сомневался, пока ты не сказала о напильнике. Ведь я сам велел для вас ножовку приготовить.

- А всё остальное так совпало? - Палана изумилась. - Конструкция, все мелочи...

- А что ты хочешь: военная техника. При всём разнообразии, она всегда отличалась определённой косностью - в интересах обслуживания... Ну, зови командира.

Она махнула рукой, и Азамат взлетел к ним, едва касаясь травы.

- Молодец, сынок, - Координатор обнял и его. - Большое дело сделали. Хорошо, что вы, а если бы какой-нибудь дилетант из средней космошколы?
В свете прожектора ярко зарделись командирские уши.
- Чего там, - сказал он, не пряча глаз. - Прохлопали.
- Почему же она всё-таки не взорвалась? - Тогур улыбнулся. - Как думаешь?
- Два варианта, - отчеканил Азамат обрадованно. - Вихревые токи могли разъесть пружину, а смазка застыла и держала шток...
- Хорошо, - одобрил Координатор.
- ...Либо суммарная масса заряда уже меньше критической. За шестьсот-то лет...
- И это хорошо. И что повезло - тоже хорошо. В нашем деле везение - дело не последнее... Ну, отдыхайте.
- А на монта-а-аж? - протянули хором, переглянулись и засмеялись.
- Сейчас же на медкомиссию. Если без замечаний, то завтра - на монтаж. - Он смотрел на Паланку. - И уже без всяких остановок, что бы там ни встретилось. Поняли?

Во сне она опять была рядом. И он окончательно успокоился. Она спросила:

- Тебе уже совсем хорошо?
- Совсем, - сказал он. - Но я с самого прилёта так не волновался.
- Собственник! - Она улыбнулась. - Ты ведь даже ревнуешь её к этому мальчику, а?
- Есть немного, - он вздохнул. - Мне без тебя днём бывает очень трудно.
- В Экспедиции она будет рядом постоянно, - сказала Палана.
- Как? Разве Ты не полетишь со мной?
Она мягко улыбнулась одними глазами.
- Конечно, полечу. Мы с тобой - душа одна.

Начало времён.

1.

Ты много раз говорила мне: "Надо". И на Земле, и в экспедициях.

Где я сейчас? На Земле? На Планете Четырёх? И эти последние четверо наших из первой экспедиции распылены в воздухе, которым я дышу? И цивилизации здесь уже не было, когда мы вернулись? И Светополом она не называлась?

Когда Ты со мной, мне всё равно, где я. Родина там, где самый любимый человек.

Однажды, перед началом Времён, Ты сказала: "Возьми в жёны Веду".

А я хотел только Тебя.

Но Ты объяснила: "Вас мало здесь. Для тела нужна женщина. А для дела - жена".

Две совести во мне устроили первую стычку. Моя, мужская, не хотела жены, а Твоя, женская, требовала. Болезненный парадокс.

Победила, как всегда, Ты. Мужчина только на вид сильнее женщины, а отличается от неё так же, как бревно - от дерева.

Иногда Ты вселялась в Веду.

Она была из местных и рьяно орудовала костяной иглой. Историку достаточно взглянуть на эту иглу, чтобы представить весь остальной наш быт. Она имела телесное сходство с Тобой.

Горняки, пахари, пастухи, слуги - куда все делись?

О, это интересно. Это поучительно. И банально до пошлости.

Ни одна культура, даже первобытная, не может без пошлости.

Пошлость - не часть культуры, а её любимое зеркало. Чтобы в него плевать.

Когда исчезли боги, рабам сразу расхотелось рубить руду, пасти стада, пахать землю и служить.

Мечта любого раба - стать рабовладельцем.

Но где же рабу найти себе рабов? Отвращение к труду было у всех.

Началась неумелая резня. Несчастные убивали несчастных.

Вот поэтому Ты убедила меня жениться на местной и не улетать с нашими. Несчастливым нельзя без бога. И я остался за него. Под Твоим началом.

Веда стала женой бога, конечно, до резни. Ты всё предусмотрела. Ещё до отлёта наших я женился и скрылся в пещере.

Объявились мы в разгар резни.

Бог и его жена-аборигенка прибыли на гравилёте. Энергии в нём было на несколько лет.

Встретить нас могли двояко: либо поклонением либо камнями. Уставшие от резни рабы выбрали первое. Они ещё не умели решать проблемы сами. Они хотели обратно в ярмо. Я ничего не мог с этим поделать.

Сегодня это называли бы твёрдой властью.

Я обещал всем, что боги вернуться, но труд теперь будет свободным, для себя. Хотя и по старым правилам, но помягче.

Мне поверили - ведь я не улетел, я остался и был мужем аборигенки. И сделали всё, как я сказал.

Получился обычный единоличный режим: правители, смотрители и кормильцы.

Почему я выбрал автократию? Потому что демократию они попробовали сами. Что ещё оставалось кроме рабства? Нюансы...

Притом моя власть была и божественной. Един в двух лицах. Это важно.

Не то важно, каков режим, а то, устраивает ли он большинство. Тут я угадал.

Веда расцвела. Она больше не шила. Она рожала мне сыновей.

Бытовых забот у нас не стало. Одному-то богу все готовы услужить. Особенно справедливому.

Каждый занимался своим привычным делом. Только ещё возникла торговля. А где торговля, там и путешествия. А где путешествия, там новые поселения.

Я не мешал им расселяться. Мне больше не нужна была руда, но я научил их получать из неё металлы. Я возглавил науку и образование. Я надеялся заселить планету равнообразованными людьми, которые не хотели бы воевать и поставляли бы факты только для Истории Культуры. От костяной иглы - до швейной машинки.

Я поощрял таланты. Я верил, что образованность не помеха религии. Было бы дело правильно поставлено - подружить можно и курицу с крокодилом.

Всё получалось, пока жила Веда. Когда её не стало, я потерял к аборигенам интерес. Мы сотворили их из местных прямоходящих приматов, очень похожих на людей. Генная инженерия. Но получилось не всё, как у нас. Несовершенный генотип делал их смертными и не позволял без вырождения размножаться близким родственникам. Так, собственно, и задумывалось: помогут строить новый космобот для возвращения на орбиту, к "Бумерангу", а там пусть вымирают. Но я остался, дал им Закон и включил самоуправление.

Можно ли за это назвать меня преступником? Или не за это, а за то, что после смерти Веды я потерял к ним интерес?

Меня некому судить. Кто может осудить бога? Мои бывшие подданные жили самостоятельно и радовались. И довольно долго выполняли мой Закон. Довольно долго. В течение нескольких поколений...

2.

Когда-то, ещё в наши с Тобой времена, я придумал шутку, которая казалась мне образцово нелепой: "Вот умру - и пусть Человечество выкручивается, как хочет". Я не верил в решающее значение личности.

Ты тоже улыбалась этой шутке. Теперь понимаю - из вежливости. Ты всегда знала, что люди в массе ленивы, хотя бы подданными и иметь строгие законы - чтобы их обходить. Так им интереснее жить: бороться и преодолевать - совсем не важно, что.

А позаботиться об этих строгих законах должен для них кто-то не ленивый, кого сначала можно возносить за мудрость, а потом - свалить на него все свои ошибки и преступления. Только для того и создаются кумиры, чтоб было, кого свергать.

Удел таких "не ленивых" достался нам с Тобой. То есть, мне одному.

Веда была славной, но ленивой. Ей хватало того, что она рождает мне здоровых сыновей. Предполагалось, что сыновья продолжат великое дело управления, когда я умру. Смертность бога была для них в порядке вещей.

Все наши сыновья были нормальные аборигены, только образованные. Когда не стало Веды, они начали энергично готовиться к тому, что не станет и меня. Каждый из них готовился в боги. А у нас когда-то говорили: "Если чего-то очень хочешь, значит, ты к этому не готов".

И однажды меня тихо удавили в спальне.

Я мог предотвратить отцеубийство, но не было нужды. Жизнь в ЭТОМ теле и в ЭТОЙ должности исчерпала себя. Я хорошенько всё запомнил и переселился в новорождённое тело одного из своих внуков. Быть богом во плоти можно только один раз.

Тело моё, по обычаю, было сожжено. Народу объявили, что теперь я буду жить на небесах, всё обо всех знать, всё видеть и карать нарушителей закона.

Бог умер, да здравствует бог!

Жрец.

1.

В теле моего внука поселились две души - моя и Твоя. Как в теле Тогура.

Все прочие дети вокруг имели нормальную суть, не знавшую своё прошлое. Они открывали мир заново. Чистое сознание заполнялось, как вымытый стакан. Мой же бедный внук от рождения знал всё, что знали мы с Тобой. Это нужно было скрывать. Это очень трудно было скрывать.

2.

Самое важное - не спешить и не проявлять себя до срока. В царских семьях опасность особенно велика: ведь я родился от претендента на трон. А у того, кто тронем завладел, было двое своих детей. И ещё имелись дети других претендентов. И все они были обычными детишками, часто весьма глупыми. Выделиться среди них означало стать первым кандидатом на трагическую случайность. Ненароком утонуть, разбиться, отравиться, задохнуться...

Первым, до чего я додумался, было уединение. Ребёнок не от мира сего претендовать на трон не может. Значит - не опасен. Значит - не тронут.

Вторая задача - чем оправдать любовь к уединению. Её мы решили...

Нет, это не дело. Я пишу "мы", а Ты не соглашаешься, и это мне мешает. Хорошо, я буду писать так, будто был один и все решения принимал в одиночку. Это даже больше будет похоже на беседу с Тобой.

Признаюсь, я не всегда Тебя слушался, и это стоило порой немало. Даже иногда - жизни. Временами мне казалось, что Ты куда-то исчезала, и я действовал в одиночку. Исходя из этого, буду рассказывать Тебе всё так, будто был один. Тогда и самому интереснее: будто делюсь с Тобой тем, чего не знаешь.

Итак, вторую задачу - оправдать, почему уединяюсь - я решил с помощью огня. Находил безлюдное место (благо охрана мне не полагалась), разжигал костерок (всегда небольшой) и подолгу глядел на огонь.

Меня устраивало, что за этим занятием меня заставляли и спрашивали, о чём думаю. Я отвечал, что не думаю, а молюсь своему деду-богу, который всё знает и всё видит. О чём молюсь? Прошу у него счастья для всех, ума, здоровья, мира, богатства - для всех.

Понятие богатства уже тогда существовало и крепло. Оно входило в моду у всех сословий. За богатством начали гоняться. Кто-то делал это посредством путешествий с торговыми караванами, а иные искали способа разбогатеть дома, то есть за счёт своих соседей.

Я молился только в одиночестве. Это понравилось старшим родственникам на троне. Из меня постарались извлечь пользу для власти. Мне подсказывали, о чём надо молиться.

Чтобы поверили в мою религиозность, я должен был создать религию. Ничего иного просто не оставалось. Когда старшие спрашивали, как я молюсь, я говорил им слова молитв, которые выдумал между делом у костра. Они записывали.

В одиночестве многое можно выдумать, лишь бы не мешали. Особенно если молишься самому себе. Всё зная о боге, легко выдумать и правила, которые от предписывает подданным. И никуда не денутся даже правители. Будут молиться как миленькие, дабы явить пример прочим, кто пониже.

Я назвал объектом поклонения огонь. Ничего другого и быть не могло. Мой божественный дед ушёл в огонь, вот я и молюсь огню. И вижу в нём знамения. И слышу из него голос бога. И могу пересказать всем то, что понятно мне одному. Достаточно было просто понимать, что требуется всем. Я это, разумеется, прекрасно понимал. Но если бы говорил напрямую, нашлись бы умники, чтобы заподозрить во мне марионетку: что старшие подсказывают, то мальчишка и бормочет.

Мои молитвы были простыми и понятными каждому, но мои изречения о знамениях были темны и загадочны, их необходимо было истолковывать. Это я предоставлял взрослым, стоящим у власти. До тех пор, пока они использовали меня в добро, можно было жить без особых забот и расти телесно без боязни быть убитым. А подрасту - разберёмся.

3.

Первым погиб мой двоюродный брат, старший сын третьего по возрасту претендента. Плохо, когда после успешного правителя остаются многочисленные сыновья: это конкуренты, которых приходится уничтожать. Как говорят тираны, "со слезами на глазах и с горечью в душе". Да ещё ведь ни с кем не поделишься.

Потом случайные смерти моих родственников стали нормой. Натыкались на собственный кинжал, попадали в лапы зверя, вырвавшегося из клетки очень вовремя, тонули в реке или в домашнем бассейне, угорали в бане - да мало ли можно придумать случайных трагедий.

Одного меня бог миловал. Не потому ли, что я усердно молился?

Братья и сёстры начали просить меня помолиться за них. Сами-то они молятся, но вдруг наш божественный предок слушает только меня?..

Я молился за всех. И если кого бог миловал, то получалось, что это и моя заслуга. А если несчастный родственник погибал, тогда что ж, сам виноват: на молитвы надейся, но и зевать не моги.

4.

Уже в пятнадцать лет мне доверили молиться за весь народ. За тех, кто в шахте. За тех, кто в поле. За тех, кто в доме. За тех, кто в пути.

Мне сшили длинную ритуальную спецовку, украшенную языками пламени. У меня в руке всегда был посох с золотым языком пламени на вершине. У меня был храм, посреди которого горел негасимый костерок. Благовонный дым уходил к небесному предку через круглую дыру в куполе.

Единственной неприятностью было то, что причёска в виде костра доставляла постоянные хлопоты и неудобства. Я терпел её ради собственной исключительности и безопасности. Я научился не выражать своё раздражение по поводу костра на голове, даже когда оставался один. Я думал поэтически: "Чёрт с ним, с костром на голове, лишь бы не под ногами". Так ко мне пришла идея преисподней и её владыки, которым можно страшать даже правителей.

Неизбежность параллельной власти стала для меня очевидностью. Религия отслоилась от власти божьих сынов. Довольно странное состояние, если иметь в виду, что и Правитель - от бога, и законы - тоже. Но если хорошо подумать у костра, можно додуматься, что даже самому Правителю эта вторая власть выгодна. "Не проси у меня, проси у бога" - вот что она означает. Ведь Правитель - такой же смертный, как все, поэтому его возможности ограничены. А вот бог может дать очень много. Особенно если бог - не один.

Ещё была свежа память о многих богах, которые создали людей и улетели. А одного оставили. На время. Этот один дал населению законы и свободу, после чего вознёсся сам - тоже с помощью огня, как и остальные. Они теперь сверху, между великими делами, за нами присматривают. И могут иногда, если сочтут нужным, исполнять некоторые наши молитвы. Самые серьёзные. Не обращай к богам с пустяками.

У всех богов были имена. Моё прежнее имя - Тогур - было среди них. Естественно, что ему молились больше всех: ведь самый близкий из богов. И помочь напрямую, и перед другими богами замолвить слово, если наказывают слишком уж строго...

Вполне приличная религия, не хуже других, которые родятся потом из неё.

5.

Жрецом я прожил долго. Религии не пересматриваются веками, не то, что режимы.

А режимы начали меняться уже при моей жизни.

Я понимал, что всякий плод должен созреть сам, поэтому не торопил события и не вмешивался. Я наблюдал за правителями, я их поддерживал, я им подсказывал безопасные пути. Но не они были моей главной заботой.

Задача, которая стояла передо мной, казалась невыполнимой. Я ведь знал, какой ширины бездна отделяет этих недавних приматов от того духовного совершенства, к которому и я сам едва пытался приблизиться. Жуть охватывала мою душу, когда представлял, чего будет стоить народу этот путь к совершенству.

Я не донимал Тебя вопросом: для чего нужно с ними возиться. Я отвечал на него сам, в меру отпущенного: так нужно Природе. Или богу, какая разница. Нужно - и баста. Что бы ни происходило, всё зачем-то нужно.

Я написал, что режимы начали меняться уже при моей жизни. Это так и не так. Постоянные попытки сменить режим - вот что происходило, строго говоря. Слишком много родственников у правителя. Каждому хочется править единолично. А чтобы мотив свержения не был так груб, надо придумать идеал, ради которого происходит переворот. Найти недовольных, организовать пропаганду - и вот вам оппозиция, которая хочет вручить народу новую власть. При этом, само собой разумеется, что всему народу править некогда, и он поручит это тяжкое дело тем, кто эту власть для него добыл. И снова возникает власть единоличная. И снова рождается оппозиция. И зреет новый переворот.

Иногда власть действительно отдавалась в руки народа. Все вопросы решались общим криком на площади. Уходило много времени, неизбежно возникали беспорядки. Так рождался пример, на который народу потом, после подавления, указывали: чтобы власть была действительно народной, надо её доверить самому достойному из народа - одному.

Я ничего тут не мог поделать. Но я - от имени богов-создателей - отвечал за этот народ. Боги улетели домой, а я остался отвечать. Потерять к ним интерес и бросить их - не совсем одно и то же. Для меня богом была моя жалость к этим неотёсанным детям генной инженерии. Они внешне походили на своих создателей, и уже поэтому их нельзя было бросать на вымирание.

Да и задатки у них были. Они понимали, что смертны, и не боялись жить. Разве это не стоило уважения? Они, как мне казалось, не имели души, но мне хотелось, чтобы она у них была. Я не знал, как она рождается. Я знал только, что я сам - душа, что могу жить в любом человеческом теле, имеющем мозг со второй сигнальной системой. И я хотел увидеть рождение души в этих аборигенах.

Можно ли сделать что-либо для людей, не будучи одним из них? Тогда я думал, что нельзя. И старался уподобиться аборигенам. Познав немногих, я надеялся познать их всех.

Почему я был уверен, что им нужна душа?

6.

Что есть воспитание души там, где её нет?

Эти аборигены имели человеческий мозг, но они были - настоящее зверье. Все до единого. Даже Веда, на которой я был женат.

Время от времени Ты вселялась в неё. Её телесное сходство с Тобой порождало во мне иллюзии. А потом Ты оставляла её тело - в надежде на зарождение собственной души. Но результатом всегда было разочарование. Я снова и снова утверждался во мнении, что кто-то во Вселенной создал ограниченное количество душ и больше создавать не намерен. А по законам физики, химии или там биологии душа сама зародиться не может.

Материя мыслящая и материя одушевлённая оказывались качественно разными субстанциями. Мне начинало казаться, что лишнее здесь слово - это "материя". И я уже серьёзно спрашивал себя, как когда-то спрашивал в шутку: "Если бог создал всё, то кто же создал бога?"

А однажды об этом меня спросил мой первый ученик.

Он знал все молитвы, он хорошо усвоил мою выдумку насчёт преисподней, он имел представление о богах, но всё это было на материалистическом уровне. Он говорил мне наедине:

- Умру, моё тело зароят, оно провалится в преисподнюю и будет там страдать от боли. Это понятно. Если моё тело сожгут, оно попадёт к богам. Это почти понятно. А если меня сожрут хищники в лесу, я ведь не достанусь ни чертям, ни богам? Куда же я денусь?

Я начинал говорить о душе, которая живёт в теле и невредимая вылетает после смерти. Как бабочка из гусеницы. Он слушал с любопытством, потом качал головой:

- Если бы это было так, я мог бы во время сна слетать к богам. А я во сне умираю. Значит, и смерть - это сон. Во сне может быть больно или никак. Но это зависит от телесного здоровья. Как потрогать душу? Или хотя бы увидеть?

Это говорил мой лучший ученик. Он вежливо говорил это наедине и удивлялся, что других такой вопрос не занимает.

Вот насколько они были примитивны духом.

7.

Мне оставалось только удивляться, почему религия прижилась в мире этих природно материалистических существ. Я искал ответа и не находил его. А без ответа нечего было и думать о том, чтобы вырастить в них душу.

Они заботились о собственных родителях, но тут же забывали о них, когда родители умирали. Они добросовестно воспитывали своих детей, но не проявляли к ним никакой любви: просто обучали. Они и род свой продолжали не по-людски. Просто размножались. Надо - и всё тут. Самцы не дрались из-за самок, а самки не ревновали самцов.

Я приходил порой в отчаяние и проклинал себя за то, что остался. Эти существа не вымерли бы и без нас. Без меня и Тебя. А мы сейчас могли бы жить среди своих.

Но Ты говорила: "Надо". Ты говорила: "Жди". А чего ждать - знала ли сама?

Время от времени Ты вселялась в кого-нибудь из моих приближённых - в женщину или в мужчину, неважно. Я получал некоторый отдых. Но эксперимент имел всегда одно продолжение. Ты обретала свободу, абориген опять становился мыслящим животным, а мои раздумья тяжелели.

Трудно быть пастырем лютого стада.

8.

Лютыми они были к чужим. Каждый стремился к власти даже над своими, а все вместе объединялись против чужих, потому что обладание чем-то чужим всегда сулит выгоду.

Убедить их не покорять соседей можно было, только доказав невыгоду захвата.

Плодились они быстро, и отговаривать их от порабощения соседей становилось всё труднее. Металлы шли на оружие, страх преисподней уменьшался с быстротой их размножения. Пожить сейчас, а что там говорят боги - недоказуемо. Ни от богов, ни из преисподней никто не возвращался.

С какой-то механической быстротой происходили процессы, на которые землянам когда-то потребовались многие тысячи лет.

Впрочем, время везде своё, и откуда мне знать, сколько его ушло на Планете Четырёх...

РЕТРОСПЕКЦИЯ

Трудно представить, с какой скоростью движется так называемое время в чужой планетной системе. На Планете Четырёх мы не обнаружили ни разумной жизни, ни её следов. Зато сломали при посадке оба космобиота и были вынуждены затеять авантюру с добычей руд, созданием металлургии и привлечением к этому делу местных приматов, которых я теперь вынужден уважительно именовать аборигенами.

Не забывая о том, что начальником экспедиции был я, легко предположить, что ответственность за юную разумную расу могли взять на себя все земляне. Или хотя бы часть их. Но я не позволил товарищам пренебрегать интересами Земли и отправил их домой, дав задание доставить

человечеству собранные материалы и подготовить третью экспедицию. Впрочем, последнее никому в обязанность не вменялось, потому что все понимали: через тысячу лет никто меня здесь не найдёт. Совет экспедиции решил утвердить идею третьей экспедиции как возможный вариант с неопределённой целью, не более. С тем я их и отправил, чтобы больше никогда не увидеть.

И хватит о начале Вре́мён. От их истока до сего дня *ничего не изменилось*. Просто количество религий стало больше и продолжает расти. И так называемая душа вдруг стала у аборигенов появляться. Сама собой. Только не у всех подряд, а как-то выборочно. Или наугад. Разве Природу поймёшь? Во всяком случае, уже можно называть этот сброд человечеством. Хоть и с оговорками.

СТОИК

Пропущу тот промежуточный период, когда религии рождались, ветвились, переходили одна в другую. Все эти процессы достаточно описаны. Как я понял Тебя при прощании, описать надо только мои мытарства. Правда, не понял, зачем. Но - надо так надо. Я во все периоды старался помирить антагонистов и ничего не добился. О конце этого пути расскажу подробно - авось и сам что-нибудь пойму.

Среди Вре́мён мой последний период - самый жуткий. Потому что нет религии страшнее безбожия: когда за доносительство и предательство - награждают, когда заставляют отказываться от любимых ради политических амбиций, когда можно петь только с чужого голоса, а за собственное мнение делают рабом и помещают в концентрационный лагерь. Но не о безбожии я буду рассказывать. Я просто попробую показать границы, за которыми человек обязательно обрастает звериной шерстью. Независимо от того, верит он в какого-то бога или полностью безбожен.

Мне всегда хотелось сказать человечеству такое, чтобы все послушались. Однажды мне это удалось. Когда улетали в Первую Экспедицию, меня избрали командиром и доверили перед стартом огласить текст, который мы сочинили все вместе:

"Дорогие каждому из нас земляне!

Принимая корабль, в создание которого вложены высшие достижения человеческой культуры, мы благодарим вас и все ушедшие поколения людей за доверенную нам миссию. Клянёмся выполнить её любой ценой, кроме уничтожения себе подобных.

Мы знаем, что за отведённые нам двадцать лет полёта на Земле пройдёт пять веков, и мы верим, что это будут мирные столетия.

Мы верим, что технический прогресс не приведёт человечество к самоубийству.

До встречи!"

Вернувшись, мы узнали, что через две минуты после нашего отлёта человечество устроило небольшую ядерную войну, но тут же ужаснулось и послушалось-таки нас: приостановило технический прогресс, чтобы не прийти к окончательному самоубийству. И построило систему "Биополе" - для искусственного подавления в людях агрессивности.

Вернувшись, мы с Тобой не умилились такому растительному существованию и нашли для человечества путь, его достойный. И улетели во Вторую Экспедицию - подарить наши достижения Планете Четырёх.

Подарили... Получили полное повторение своего прошлого. Вымостили дорогу в ад.

И я, виновник безобразия, остался на месте преступления.

Чего я хотел? Нового "Биополя"?

Нет, на этот раз мне хотелось обойтись вовсе без насилия. Потому что мне не давало покоя то единственное убийство, на которое я решился ради безопасности своей планеты. В моей памяти до сих пор звучит задыхающийся голос из космоса: "Светопол исполгает перезвучание над держиболью. Ждётся... Братья по разуму..."

Здесь, на Планете Четырёх, я попытался примирить нравственный застой с техническим прогрессом. Повторяю: без насилия. Ведь я имел изрядное представление и о нравственности, и о техническом прогрессе.

Чтобы выровнять то и другое, требовалось объединить всё человечество единой верой. Именно так: не религией, а верой. То есть, не системой управления, какой является религиозный институт, а системой духовных ценностей, которую признавали бы все.

Я просчитался. Человечество росло слишком быстро. Оно распространялось по планете с быстротой раковой опухоли. И в каждой метастазе возникала какая-то своя вера, а в каждой вере свивала гнездо своя религия, со своими жрецами, ритуалами и прочей чепухой. Все религии проповедовали одни и те же ценности, удивительно земные: возлюби ближнего, не убивай, не кради, не предавай, не гордись и тому подобное. Но за свои ритуалы и прочие бытовые отличия каждая религия была готова резать и жечь "неверных". Каждая религия учила любить только ближних, а "дальних" следовало непременно обратить в свою веру или уничтожить. Человечеству требовалась единственно правильная вера, она у него была, и полководцы, которые это понимали, с отчаяния

бросались в завоевательные походы, чтобы силой сделать всех счастливыми. Они получали посмертные памятники от "своих" и проклятия от "чужих". Границы государств гнулись, рвались и перекраивались бесконечно...

Всё происходило, как на Земле. Технические таланты при этом рождались со скоростью эпидемии и поставляли агрессивным тиранам-патриотам-интернационалистам всё новые изобретения, всё более убийственные. Самые богатые аборигены тайно управляли агрессивными процессами - сначала на своих материках, потом и во всём мире. Они преследовали ту же задачу, что и полководцы: объединить человечество под единой властью и помирить всех единой религией, которую они называли верой. Беда была лишь в том, что об этой самой вере не могли между собой договориться ни полководцы, ни богачи. Вождями народов, финансовых империй и даже религий становились существа без души, то есть, первичные аборигены. С некоторыми я бывал знаком близко. Они удручающе одинаково признавались, что при их громадной ответственности за судьбы людских масс для души просто нет места: ради всеобщего блага приходится уступать, мол, здравому смыслу. Но я-то видел, что души у них не было с самого начала, от рождения. Всё происходило, как на Земле.

Уже через девять столетий я окончательно затерялся в рядовых массах аборигенов и людей. Власть перестала быть для меня способом спасения человечества. Я перепробовал все жреческие должности во всех религиях, неоднократно был убиваем и эпоху безбожия встретил простым знахарем с некоторыми техническими возможностями.

Об этом, вероятно, Ты и хотела рассказа. Получай. Но о Тебе я теперь буду говорить в третьем лице. И зваться Ты будешь не Веда, а Ведьма, кем Ты и была для меня всегда. Твоё же земное имя я произнесу, только когда увидимся.

Итак, приступаю. Земные названия и имена на Планете Четырёх естественны, как и события. Всё происходило, как на Земле.

АЗ ВОЗДАМ

Тихая слава - это когда все знают, но молчат. Потому что боятся сглазить. Это опасная и ненадёжная слава. (Если слава вообще может быть надёжной и неопасной). Она полна неуверенности, как плавание без берегов и без компаса, среди тумана и облаков, неясным чутьём души. Из всех душ на борту лишь одна знает и может. Остальным разрешено робко уповать, чтобы не спугнуть удачу...

Это моя душа и моя слава. Меня опять знает весь город. Особенно врачи самого жуткого профиля. Они отсылают ко мне безнадёжных. И делают это так, как раньше посылали к бабкам-знахаркам. То есть, со стыдом, недоумением и надеждой.

Особенно сильно в них недоумение. Ведь я даже не знахарь. Не шепчу над больными, не окуриваю, не даю капель, не гипнотизирую. Ничего этого и ничего прочего не умею. Я - самый обыкновенный. У меня всё просто...

Первым был хорошенький беленький мальчишка, очень давно. Мать рожала его как раз в тот день, когда отец погибал на фронте, где-то под Варшавой. Она и сама была ещё дитя: стала женой на следующий день после выпускного школьного бала, а матерью - как положено Природой - через девять месяцев. Жизнь и смерть - это всегда очень быстро.

Я был соседом, дружил с её родителями. Случайно присутствовал при её стремительных родах. Это такой медицинский термин - стремительные роды. Плод обретает свободу так быстро, что надо успеть поймать. Не в анекдотическом смысле "снять с фикуса", а подхватить, чтоб не покалечился. Бабка подхватила и не удержала скользкого. Но я оказался рядом и успел.

Малыша обмыли тёплой водой, которую я принёс, завернули в какой-то лоскут, уложили поперёк кровати. А через несколько минут он резко оборвал свой торжествующий крик и как-то испуганно замолчал. Все на это молчание обернулись и увидели, что он быстро желтеет.

Тут как раз пришёл врач, которого вызвали принять роды. Он всмотрелся в искажённое горем личико и сообщил: "Гемолитическая желтуха-с. Я даже не буду мыть руки".

Это был серьёзный и добросовестный земский врач. Ему простили цинизм, понимая, что это просто защита от собственного бессилия.

Вот тут я и услышал впервые ПОЗЫВ. Он требовал поспешить. Я шагнул к обречённому, распахнул пелёнку и коснулся лбом смертно жёлтого животика. Мой лоб ощутил холод, и я, помню, подумал: "Смерть". И помню запах новорождённого. Но это было не то, что у других. Я услышал запах борьбы между жизнью и смертью. Я ЗНАЛ, что это спорят в ребёнке две крови - матери и отца. Победить должна была отцовская, потому что малец её унаследовал. Помочь в этом должен был я. Как помочь - неизвестно. Однако я ЗНАЛ, что помогу. Я взял холодное тельце в ладони и, прижимая к лицу, поднял его. Для ребёнка такой полёт не требовался, но у меня в тот день болела поясница, стоять в наклон мне было больно. Я ходил с ним на ощупь по комнате, видел краем глаза, как отступали родственники и врач. И всё слышал. Сначала это было молчаливое удивление, потом -

недоумение врача и восторг всех прочих. Они раньше меня увидели, как тает желтизна. Зато я почувствовал тепло оживания...

После этого подвига я не болел, как болеют знахари. Более того, у меня тут же прошла боль в пояснице. Правда, по этому поводу врач недоумения не выразил. Он солидно сообщил: "Бывает". Чем я и удовлетворился.

Слава исцелителя мне тогда не требовалась. Как, впрочем, и после. Но тогда - в особенности. Мне было не до славы. Я работал над самым сложным элементом своего генератора - над магнитной смазкой. Если смазка удастся, мотор не будет изнашиваться - вот как стоял вопрос. А мотор без износа - это и есть подлинно вечный двигатель. Раз в сто лет менять приводную шестерёнку на валу - и всё! Хоть брось в ручей турбинку, а его поставь на плотик, хоть под соедини к самодельному ветряку, хоть сам крути привод - он всегда будет давать четыре киловатта электроэнергии. А умещается в кармане пальто и весит два килограмма.

Разумеется, от славы отца мировой энергетики я бы не отказался. Она была для меня куда привлекательней, чем знахарская или там поэтическая. А уж тем паче - не политическая.

Но когда я впервые с готовым изделием в кармане пошёл по инстанциям, с каждым визитом всё яснее становилось, что главная трудность как раз в политике.

В кабинетах разной высоты умные люди объясняли мне, слепцу, что в таких источниках электричества нуждаются какие-нибудь отшельники в пустыне или шпионы с аппаратом Маркони. Простым же труженикам нужна ежедневная возможность трудиться, общаться при этом с себе подобными и получать за это деньги, чтобы после этого выпить и закусить в знакомой компании. Всё сверх этого - лукавство. "Мотор для бездельников" - так назвали моё изобретение.

Циничность того земского врача была в сравнении с этими умными рассуждениями высшей формой деликатности. Он просто отказался мыть руки, а эти их - умывали.

- Ко всему прочему, - говорили мне умные в высоких кабинетах, - ваш странный мотор у всех вызовет недоверие. Ручная работа столь высокой точности - это крайне дорого. А при случайной небрежности в обращении машина выйдет из строя. И не будет РЕМОНТАБЕЛЬНА, поскольку будет требовать ПРЕЦИЗИОННОГО ремонта, не менее дорогого, чем первичное производство.

В ответ я швырял мотор на пол, пинал ботинками, снова крутил и объяснял по ходу, что прецизионная точность нужна единственно при изготовлении, а дальше всё делает сам магнитный зазор, прочнее которого нет на свете ничего, ибо он работает на принципах межатомного взаимодействия. А поддерживается этот зазор самой работой мотора. Я даже шутил при этом, как мне казалось, очень убедительно: "Перед вами самый постоянный генератор постоянного тока!" Но мне тут же возражали: "Вот именно - постоянного! А наша энергетика - вся на переменном. Вы себе представляете, чего может стоить переделка всей энергетики под ваш генератор?" Я-то представлял. Поэтому и спорил. Но с каждым следующим моим шагом сопротивление среды усиливалось - по законам межатомного отталкивания.

И я начал понимать, что главная причина противодействия - это высота кабинетов, укромность кресел, размеры чиновничьего жалования. Простота, с которой обладатель моего генератора обретает независимость - вот что пугало сытых аборигенов за высокими дверями. Кому нужен чиновник, если от него никто и ничто не зависит? Кто захочет кормить такого РАЗРЕШИТЕЛЯ, если ничего разрешать станет не нужно?

Я представил свободные семейства, живущие в горах или по берегам рек и ручьёв. Да везде, где есть движение среды! Они свободны от тяжёлого физического труда: всё делают электрические устройства. А устройства работают не на дровах, не на угле, не на нефти или газе. Их крутят вода, ветер и магнитное поле планеты. Всё - даром! Ничего ни у кого не надо просить или отнимать. Нет сноса машинам. Не дымят трубы. Одежда - лён, шерсть и шкуры. Агрехимия - природная...

Я мог так фантазировать часами. Но только Ведьма была способна это терпеть и слушать. Даже поддакивала.

- И конопля, - говорила она. - Не для наркотика, а ради изготовления веревок. И рубахи шить. А медь - только на провода. А резина - на изоляцию и для сапог...

Ведьма мне верила, потому что и сама занималась не пустяками.

Она всю свою молодость химичила над эликсиром жизни. Только цель её трудов была несколько иной, чем у меня. Плевать ей было на человечество.

Всё вместе человечество и без эликсира не погибнет. А по отдельности ни один человек не стоит забот. Так считала Ведьма.

Впрочем, для двоих она делала исключение. Называть имена нет необходимости.

Я часто думаю о том, что в жизни человека имеет большее значение - профессия или предмет увлечения. Жизнь в данном случае толкуется пространно: любовь, работа, здоровье, быт и всё прочее.

Моя собственная жизнь убеждает меня в том, что идеал недостижим: нельзя стать профессионалом в предмете своего увлечения. Оно ведь доставляет нам удовольствие, а профессия

всегда требует усилий над собой, чтобы что-то заработать. А получать удовольствие от усилий над собой - это, по-моему, извращение.

Например, мой генератор - это явное, образцовое увлечение. Совершенно бескорыстное. Ради него я получил самое высшее образование (не путать с научными степенями), ради него в совершенстве освоил несколько пролетарских ремёсел. Ради него я даже стал экспертом в презируемых мною отраслях знаний - в социологии, юриспруденции и политической экономии. (Хоть они и не помогли работе, но прояснили мне безнадёжность общественного устройства). Главное отличие увлечения от профессии то, что дохода оно не приносит. Чаще - неприятности и расходы. Моё в этом смысле - тоже образец. Ничего, кроме прозвища Мастер - где бы ни жил - оно мне не дало. Ко мне все постоянно лезут за консультацией, я трачу на консультации массу времени, а брать за это плату не могу - и в силу своей непрактичности, и ещё потому, что когда-то изрёк при всех: "Чем больше раздаёшь, тем богаче становишься". А глупости очень легко запоминаются...

Чем же я кормлюсь? А вот знахарством. Исцеляю ведь.

Общеизвестно, что среди знахарей считается нездоровым брать за лечение деньги. Можно харчами, можно одежкой - что пожалуют. А назначишь цену - так недолго и дар потерять.

Но я не зря имею звание "инженер", то есть, в переводе с французского, "изобретательный человек". Я придумал, как применить к своему странному дару Закон Компенсации. Когда исцелённые или их близкие жарко и восторженно спрашивали: "Сколько вы хотите?", я подавал бумажку и отвечал: "Сколько вам не жалко на науку". На бумажке написано: "Сберегательный банк России". И номер счёта. Науку уважали все, но исцелённые - особенно. И вкладывали беспощадно. А Ведьма (это её счёт) снимала понемногу - на харчи, на одежду, ну и на свои химические эксперименты или на новую шестерёнку для моего генератора.

Генератор так и оставался в единственном экземпляре. Я разрабатывал к нему разные приставки, а пользовалась ими одна Ведьма, которой плевать на человечество. У неё и миксер, и плёнка, и мясорубка, и тестомес - ну всё даром и всё лучше магазинного. А мне... В общем, Закон Компенсации - всё по справедливости.

Очень интересно открылась однажды тeneвая сторона моего целительского дара.

Наложение рук или иных частей тела (включая лоб) - дело, народу известное. За него и платить готовы. А вот если человек просто пришёл в гости, просто посидел - за чаем там или за чем покрепче (я непьющий) - и просто ушёл, а после его визита неизлечимый, лежавший в соседней комнате, вдруг начал вставать и идти на поправку? Это - озадачивает. Притом озадачивает не только благодетельствованное семейство, но и самого благодетеля. Ибо - неожиданно для всех без исключения.

Как я уже рассказывал, исцеление младенца видели все: и родительница, и дед с бабушкой, и пожилая соседка, принимавшая роды, и циник врач, опоздавший к раздаче призов. Даже я сам. И удивился вместе со всеми.

Когда пришёл с подвига домой и всё рассказал Ведьме, она схватила меня за грудки, упёрлась лбом так, что от нательного крестика на всю дальнейшую жизнь у обоих остался розовый след, и глухо сказала:

- Вот...

- Что "вот" - то?

- Что "вот"? - Она подняла глаза. Она очень хороша, когда смотрит так, снизу, исподлобья, и загадочно улыбается. - Дождалась. Вот что "вот". Я в тебе это ПОСЕЯЛА.

- Эликсиром?

- Да, а что?

- И в себе, значит, тоже?

- Представь, нет, - она засмеялась, всё ещё вися у меня на грудках. - Автора не берёт. Но мне и не нужно. Мне тебя хватит. Да?

И отпустила. Но тут схватил её я. За плечи.

- Ты представляешь, что натворила? Меня теперь задёргают больные.

- И хорошо. Реальная польза твоему любимому человечеству.

- А генератором когда заниматься?

- Но ты не виноват, - отрезала она. - Ты честно старался, ты сделал, он работает, а его не хотят. Зачем же дальше? Насильно мил не будешь. Наделай их хоть сто - жизнь потратишь, обнищаем окончательно. А так - хоть на харчи добудешь.

Заглянула в зеркало, прикрыла розовый отпечаток на лбу чёлкой и засмеялась.

Ну, одними харчами я, как известно, не ограничился, и Ведьма осталась вполне довольна. Мне вообще повезло с ней - в смысле неприхотливости. Ни курортов ей, ни круизов, ни модных вещей, чтобы впереди всех. При этом ухитрялась из почти ничего соорудить такую женскую неотразимость,

что во всех возрастах я имел волнения из-за её вздыхателей. Но тут моих усилий не требовалось: она с ними справлялась сама. Отведёт чёлку - и хватит.

Теперь можно вернуться к теневой стороне моего (Ведьминого) дара.

Начать придётся издалека, годами десятью раньше.

Я тогда ещё ходил на службу, на один завод, где были прецизионные станки. Управлял одним из них и между делом доводил до ума последнюю тонкость в своём генераторе. А после работы мы с Ведьмой всегда гуляли по городу. Гулять старались каждый раз в другом месте, чтобы не скучно. Даже в хорошо знакомых уголках часто находишь что-то новое.

В ту памятную прогулку мы брели по знакомому переулку, где не бывали несколько лет. Старые дома, тополя до небес и неожиданный, извилистый выход из квартала в квартал.

Переулок, однако, оказался загороженным. Мы упёрлись в ворота, а перед воротами раскинулась такая площадь - видимо, для машин. Впрочем, она была расчищена всего от двух-трёх старых домишек с огородами, а сама по себе имела вид чего-то среднего между мусорной свалкой и строительной площадкой. Всё это выглядело неуютно.

Обходить пустырь не хотелось, и мы подошли к воротам, чтобы поглядеть, нет ли всё же сквозного пути где-нибудь рядом.

Тут из-под ворот выскочила небольшая свирепая дворняга, заголосила и бросилась на нас. Я прикрыл собой Ведьму и вертелся, угрожая этой твари ботинком. Она, впрочем, была опытна и на удар не приближалась. На остервенелый лай вышел из сторожки небольшой мужчина лет пятидесяти и стал возмущаться, чего это мы тут ходим. Я был уже взведён и сказал: "Твоя власть - за воротами. Убери собаку, пока я её не пришиб". Он в ответ стал издеваться и науськивать зверя. Я схватил с земли обломок кирпича. Он схватил другой. Ведьма потащила меня прочь. Чтобы ею не рисковать, я поддался. Вслед нам неслись издёвки и угрозы, собака не отставала.

Пройдя метров тридцать, я оставил Ведьму в сторонке и бросился на собаку. Она отскочила. Я швырнул в неё кирпичом. Она увернулась. А мне пришлось увернуться от кирпича, который бросил в меня сторож.

Чтобы враг не попал в Ведьму, я велел ей уходить стороной: догоню, мол, сейчас. А сам, отбиваясь от собаки, вступил в перестрелку с её ликующим хозяином. Ведьма не слушалась и не уходила. Это мешало. Я не боялся, что в меня попадут или укусят, но приходилось всё время присматривать за Ведьмой и стараться её прогнать. Отступить же самому в этом положении было уже неприлично.

Я решил работать на поражение и первую же половинку кирпича автоматически пустил врагу точно в голову. Пока она летела, успел ужаснуться: убью ведь, не на войне! Но за полсекунды до гибели враг, не видя опасности, просто наклонился за очередным снарядом, и у меня отлегло от сердца. Систему поражения пришлось смягчить, следующий бросок я нацелил пониже. Сторож как раз шагнул за очередным кирпичом, и моя половинка попала ему в левую щиколотку. Получилась классическая подсечка. Враг упал. Собака тут же бросилась к нему.

Я подхватил Ведьму и увлёк подальше от этого места.

- Ты разбил ему сустав.

- А чёрт с ним. Сам виноват.

- Скотина, конечно. Больше тут не гуляем.

И вот через десять лет мы с Ведьмой оказались в гостях. Я тогда уже имел изрядную известность как целитель, и этот визит был, собственно, повторным вызовом к больному. Сорокалетний верзила несколько лет не мог справиться с мучительным сухим кашлем. А врачи не могли найти причин и назначали дорогие бесполезные препараты. Через месяц после моего первого визита пациент уже не был больным, и вот меня пригласили "посидеть". Вместе с супругой. Ведьма обычно тяготилась такими посиделками, но на этот раз пошла охотно. Будто чувствовала...

Был богатый стол, были тосты за здоровье, были разные истории и воспоминания - всё, чем славно русское застолье. Мы с Ведьмой алкоголя не употребляли, и на нас никто не давил. В общем, вечер прошёл хорошо, без напряжения.

Когда уходили, кто-то из дальней комнаты слабым голосом позвал хозяйку. Она простилась и убежала на зов, а хозяин пошёл нас проводить.

- Кто у вас там? - спросила Ведьма.

- Дед наш. Доходит.

- Болезнь называется - старость? - спросил я.

- Да ему ещё нет семидесяти. Быстрый рак. Метастазы по всему телу. Выписали домой как безнадежного, умирать.

- Причину рака сказали? - Ведьма интересовалась не праздно. Она продолжала сочинять лекарства. И работала тогда в аптеке.

- Мы причину знаем, - сказал хозяин. - С самого начала. Десять лет назад он работал сторожем. Был как-то злой и обидел приличных людей, мужчину и женщину. Ни за что. Они просто подошли к

воротам, а он стал травить их собакой, камнями бросал. Сам не попал, а мужчина всего раз бросил и разбил ему ногу.

- Какое место? - Мне показалось, что Ведьма спросила слишком быстро.

- Щиколотку.

- На какой ноге?

- На левой.

Хозяин (его звали Денисом) отвечал без удивления или подозрения - ведь имел дело с целителями: мало ли для чего им это интересно.

- И что же? - спросила Ведьма.

- Сустав начал гнить. Никакое лечение не помогало. Дали инвалидность - производственная травма. Почти не ходил. А потом - резко - рак...

За весь разговор я не произнёс ни слова. Убил-таки злого сторожа. Да как мучительно! Было стыдно и неприятно. И неловко оттого, что уже вручил Денису бумажку с номером банковского счёта. Но не забирать же с покаянием обратно...

Через месяц после этого визита Ведьма вернулась из банка торжественно-взвинченной.

- Садись, - сказала, - держись и думай. Хочешь знать, сколько они пожертвовали на науку?

- Кто?

- Ну, Денис этот, в общем.

И показала сберкнижку. Хорошо, что я сидел и держался. Целую больницу можно было полгода содержать на эту сумму.

- Во-первых, - сказал я, отдышавшись, - где они взяли такие деньги? А во-вторых, кашель столько не стоит. В чём дело, как думаешь?

- Столько стоит чудо, - отвечала Ведьма. - Мне в банке предъявили вкладной бланк. Сказали: "Клиент велел вам показать". На бланке приписка его рукой: "Спасибо за деда".

Я подумал и сказал:

- Ну, тут два варианта. Самый верный - что дед после нашего ухода сразу отмучился...

- Нет, - перебила Ведьма, - самый верный - второй вариант. Я уверена. Иначе зачем было ждать месяц да и вообще платить? Ты вылечил его!

- Что бы там ни было, - сказал я, ещё подумав, - проверять не пойду.

- Я тоже, - сказала Ведьма. - Но эту твою способность - проверить стоит.

- А как?

- Там поглядим. У бога дней много.

Проверка долго ждать не заставила. Тот же вкладчик, которому я нечаянно вылечил злого деда, через месяц прислал к нам своего друга.

Суровый мужчина лет сорока пришёл с тортом именно того сорта, который любит Ведьма. Я тут же вспомнил, что она высказывалась об этом за столом у тех, кто его, вероятно, послал. Он протянул коробку мне, а Ведьме - цветы и на наши удивлённые взгляды сразу сообщил:

- Последняя надежда - вас в гости пригласить. Я от Дениса.

Мы пили юннаньский чай китайской расфасовки (редкость, кто понимает), им принесённый, и он рассказывал свою историю. Пятнадцать лет назад попал под женские чары и крупно изменил жене. Любовница была и моложе, и образованнее, и умом быстрее жены - вот умом и влюбился. А когда дошло до окончательного решения, вдруг (всё подобное - только "вдруг"!) почувствовал, что прирос к жене и не сможет без неё. Были и дети, конечно, у обеих. Женщины однажды встретились - так решила жена - и договорились предоставить выбор ему. Самое беспощадное решение. Он выбрал жену. История простейшая. Да жена у него оказалась не проста. Страдала от того, что у любовницы его ребёнок, частенько стала задумываться неизвестно о чём, похолодала в отношениях, хотя и не в открытую. Так длилось семь лет. А последние три года она гаснет на глазах. Врачи, понятно, завалили диагнозами и, считай, залечили. Скоро конец. Так не заглянете ли в гости. Под видом друга детства. Не виделись, мол, тридцать лет.

Он не горячился, ни разу не изменил ровного, усталого тона. Вообще ВЕСЬ выглядел весьма усталым. О том, что без жены ему не жить, сказал очень просто, и это убеждало. Мы согласились.

Опять пошли на дело вдвоём, потому что не было ясно, кто же из нас тут играет роль исцелителя. И не вдвоём ли вообще такое возможно?

Я представился школьным другом хозяина, тридцать лет не виделись.

Его жена вовсе не выглядела больной. Была хороша собой, со вкусом одета, имела естественный румянец на лице, приятную причёску, скромный маникюрчик. Держалась с нами без скованности. Очень вкусно покормила. Ведьма даже срисовала у неё пару рецептов.

А тот, кто нас пригласил, держался, напротив, так, как играют, наверно, неприятную роль - с трудом. И едва скрывал эти свои труды. И всё выходил на балкон покурить. А мне, некурящему, там было нечего делать.

В один из перекуров его милая жена даже извинилась:

- Вы о нём плохо не подумайте. Нездоровится ему.
- А что такое? - спросил я. - Он ничего не говорил.
- Да что-то от нервов. Угнетённость. И сердце. Уж говорю: "Хоть бы не курил". Нет, не может. Курит и - кофе. Помногу. Голова болит. А врачи ничего не находят. Диагнозы противоположные. По моему, залечили его...

Мы с Ведьмой переглянулись.

- А дача у вас есть? - спросила Ведьма. - Может, ему воздух нужен?

- Есть участок за городом. Не дача - так, навес. Но зато рядом лес. Мог бы дышать, да не хочет. А почему тает, что его там грызёт - даже мне не признаётся. Двадцать лет душа в душу. Дети взрослые...

Тут перекур закончился, а нам пришло время прощаться.

У двери я незаметно покивал мужчине: мол, всё будет хорошо.

На улице Ведьма сказала:

- К себе, стало быть, приглашал. Как он мог такой лапочке изменять?

- Похоже, - согласился я. - Ну, подождём, посмотрим.

...Никаких жертвований от этого контакта наука не получила, из чего мы сделали вывод, что наш визит ни на кого в этой семье не подействовал.

Но через полгода Ведьма вернулась домой возбуждённая.

- Встретила в гастрономе ту лапочку. Постояли, поболтали.

- Ну и как? - Я постарался не быть нетерпеливым.

- Она хвалит мой рецепт, - Ведьма тоже не спешила. - Помнишь, я ей давала - свёкла с печенью?

Я ухмыльнулся и покорно покивал.

- Разошлись они! - выпалила Ведьма. - Этот мерзавец после твоего лечебного визита быстренько ожил, подал на развод и ушёл к любовнице.

- А что любовница? - Я сохранил невозмутимость. - Так и ждала его? Или тоже с кем-то развелась?

- Она была ему верна! Так же, как и жена. Если лет через пять он бросит любовницу, жена его так же точно будет ждать. Вот и лечи мерзавцев.

- Кстати, - сказал я, - ты тут обмолвилась о МОЁМ лечебном визите. Я не ослышался?

- Ты не ослышался, а я не обмолвилась. Когда он ещё у нас рассказывал эту свою мерзкую историю, я сразу настроилась помочь жене. А когда увидела, что помогать надо ему, я настроилась - никакой помощи. И думала только о ней - она мне очень симпатична. А он - мерзавец. Он пограл любовь. Он - предатель.

- Ну-у, он был просто обречён на предательство, - возразил я. - Когда любовница его отметила, избрала - не смог отказать. Мужчина же. Когда женщины сами предоставили ему выбор, у него, кроме предательства, опять ничего не оставалось. Полюби-ка сразу двоих - узнаешь.

- Ты что же, - Ведьма сощурилась, - делил меня с кем-то, да бросил?

- У меня просто хорошее воображение. Но не обо мне речь. Мужика загрызла совесть, потому что не может быть предателем. Пошёл по пути разума: свои дети уже выросли, а там - ещё маленький. Вот и ушёл к нему. А моя роль тут какая? Никакой, по моему.

- Ага, - Ведьма сочилась сарказмом, - он просто отразился в тебе, как в зеркале. И разглядел выход...

- Да почему именно во мне? Наш с тобой визит...

- Ты только меня не приплетай! В следующий раз один пойдёшь. Для контроля. Я больше не буду участвовать в таких сомнительных делах. Эта лапочка права: всё от нервов. Люди делают гадкие ошибки, а целители должны их исправлять. Иждивенцы! Я потому и не желаю для них стараться. Не стоят они того!.. Давай в шахматы сыграем.

С той женщиной, с Лапочкой, она подружилась. И ходила к ней в гости. И по телефону болтала. Но меня к ней никогда не звала, как и её к нам. Полагаю, из ревнивой осторожности.

В том, что исцеление безнадёжных - единственно моё свойство, я был вынужден убедиться уже вскоре.

Однажды Ведьма вытащила из почтового ящика приглашение на благотворительный джаз-концерт, посвящённый памяти Леонида Утёсова. Сама она была равнодушна к джазу, а я не пойти просто не мог, потому что назывался концерт так, как моя любимая музыкальная шутка в исполнении Утёсова - "Где родился джаз?" Её, на моей памяти, не исполняли уже лет пятьдесят, а тут явилась надежда услышать...

Правда, кто и почему выбрал меня и Ведьму в число приглашённых, было неясно. Но в этой таинственности я усмотрел дополнительный повод пойти: и концерт посетить, и всё узнать.

У входа в концертный зал я ожидал такой встречи, которая прояснила бы причину приглашения. Хоть и была в нём приписка: "Акция организована Пенсионным фондом для ветеранов труда", я ей

не поверил, потому что ни медали "За доблестный труд", ни ветеранской книжки сроду не имел. А по пенсионному удостоверению можно только в троллейбус, в трамвай да летом в пригородную электричку.

И в самом деле - среди чинного и нарядного старичья на высоком крыльце легко выделился тот самый сын злого сторожа, кому я первому показал класс. Я готовился именно к этой встрече. Бритоголовый Денис Палыч вообще был человеком крайне энергичным. Я даже готов был поверить, что свои большие доходы он построил не классическим мошенничеством и не разбоем, а именно честным собственным умом.

Денис меня разглядел тоже издали, хоть я и был не таким заметным. Сбежал навстречу, двумя руками поздоровался: "Почтенье, Мастер!" Подхватил под локоток, увлѣк наверх. Подвѣл к невысокому седому старику у входа.

- Вот, познакомьтесь теперь. Батя, это и есть твой спаситель.

Мы со стариком не узнали друг друга в лицо. Я только отметил, что ростом он соответствует тому злодею. Он тоже поздоровался двумя. Руки у него были слабые. Но в целом производил впечатление выздоравливающего.

Надо было держаться Мастером, и я спросил о здоровье.

- Лет на тридцать! - похвалился бывший злодей. - И ни одной дурной мысли. Верите, я благодарен тому человеку, который меня покалечил. Он был прав, я это понял.

- Но ещё больше, батя, - подхватил Денис, - мы благодарны вот этому человеку. Боже мой, бывает же такой дар!

- Ну, это не только дар, - сказал я скромно.

- Да-да, конечно! - Денис схватывал всё на лету. - Это и крест, я понимаю.

- Это ведь вы меня сюда пригласили? - спросил я прямо.

- Мы, - он тоже был приятно прям. - Мы с батей. И с друзьями. Ради одного дорогого нам человека. Только об этом после концерта, ладно?

Мы уже вошли в фойе и поднимались в зал.

- Тогда, - сказал я, - сначала о вашем отце. Вижу кое-что сам, но всё же: как дела?

- Да какие дела, Мастер?! Ожил наш дед! Смотрите, почти не хромает!

- А тенденции?

- Ну-ка, батя! Какие тенденции?

- Хуже не стаёт, - откликнулся дед. - А улучшение идѣт заметное, когда думаю о хорошем.

Правильно?

И посмотрел мне в глаза.

- Правильно, - согласился я с важностью. - Это самое главное. В этом секрет любого лечения.

- Может, если бы я раньше понял, - сказал дед, - так и сам бы давно...

- Батя! - воскликнул сын.

- Это один бог знает, - сказал я примирительно. - Всё может быть. Всё, что мы можем представить.

- Только при определённых условиях, - подхватил Денис Палыч со значением.

- Кстати, об условиях, - сказал я. - С вашим знакомым, - я назвал имя сурового изменщика, - мы оказались в условиях обмана. Он позвал нас помочь жене, а хотел получить помощь сам. Как он там? Вы ведь друзья?

- Друзья, - Денис не отпирался. - Но только по дружбе я ему этот обман и простил. И перед вами каюсь, Мастер. Каюсь, честно...

- Так как он там? - переспросил я. - Здоровье поправилось?

- Не знаю, - ответил Денис мрачно. - Отношений я с ним не порвал, но и встречаться как-то нет охоты. В общем, не знаю. Он больным-то и не был. Так, хандрил, искал выхода. От вас, видно, хотел получить что-то вроде отпущения грехов. Ну, или там разрешение на развод.

- Тогда он ошибся, - сказал я.

Денис кивнул. Он нравился мне всё больше.

Тут мы нашли свои места, очень удобные, перед проходом. И уже не обсуждали божественные промыслы и человеческие слабости, а любовались залом. Хоть и был он сделан в духе новой архитектуры, с летящими, скользящими, плавными наклонными линиями, однако приятно трогала основательность и надёжность, которую архитектору удалось убедительно перенять от старых традиций.

А вскоре начался концерт. Вела его шикарная дама неопределённого возраста. У неё были пышные распущенные волосы, золотое с чёрными узорами платье превращало её в хорошо поужинавшую удавицу, но не портило, даже подчёркивало грацию. Особенно когда она пела за Эдит Утѣсову вместе с бодрым стариком, лихо и корректно подражавшим Леониду Осичу. Они исполнили песню американских лѣтчиков: "Мы летим, ковыляя во мгле", песенку несчастной маркизы, у которой сгорел дом, пока она была в отъезде, спели знаменитый "Пароход" и ещё немало всего. Их было только двое, пели под магнитофон, и я начал было печалиться: мою любимую шутку им под фонограмму не осилить - получится халтура. Но во втором отделении на сцену вышел небольшой, но

исчерпывающий джаз-банд, было объявлено: "А теперь - гвоздь программы!", и мы с восхищённым хохотом наблюдали, как в конце девятнадцатого века рождался в Одессе тот самый джаз, который, "тут вы совершенно правы", в начале двадцатого века добрался и до Нью-Орлеана. И роль утёсовского скептика Жени прекрасно исполнила золотая удавиха, которую старик тоже, кстати, называл Женечкой. И в конце номера песенку "Прощай, прощай, Одесса-мама" вместе с нами орал уже весь зал - все, оказалось, пришли ради неё. Этакое братство сибирских одесситов.

Между номерами "Утёсовы" от первого лица рассказывали историю своего джаза и отдельных песен. (Один "Барон дер фон" во фронтовом варианте чего стоил!) Вспомнили, как-то очень к слову, и другую, матершинную, историю - о том, как великий артист отказался подписать письмо против кремлёвских врачей. Эрудиция у них была изрядная и хорошо организованная.

В общем, всё прошло чудесно. Уже было, что рассказать Ведьме.

После концерта мы пошли не по домам и не в гости, а напрямиком за кулисы. Там уже был накрыт стол человек на тридцать, и столько же нас как раз и собралось: "Утёсовы", музыканты и бомонд.

Немного странноватый это был бомонд. Одни мужчины Денисова возраста, все бритоголовые, у всех рубахи темнее пиджаков. Разумеется, я немедленно решил, что предстоит погулять с мафией. Но Денис это мгновенно разглядел и на ушко разочаровал:

- Честный бизнес. Ни одного киллера. Все крутые, но в хорошем смысле: Томская гильдия купцов и промышленников средней руки. Я бы даже назвал это братством. Но можно - стайей. Тоже в хорошем смысле. Помните, Мастер: "Сильный пожирает слабого, слабые держатся стайей, опоздавшему - кость"? Это про нас. Вместе нас никому не сломить. Строим, ремонтируем, производим разный ширпотреб, продукты - всё получше импортного. И никакого рэкета, потому что кругом рога торчат.

Я с удовольствием поверил и не стал уточнять, законные ли рога у этого стада, крутого в хорошем смысле.

Никого никому за столом не представляли, в том числе и меня. Раз ты тут, значит - свой.

Центром внимания была золотая удавиха Женечка. Вблизи она оказалась того же возраста, что и Денис с его друзьями. Со всеми обменивалась репликами такого содержания, которое может быть понятно только очень давним и тесным знакомым. Отец Дениса тоже входил в этот круг.

- Пал Палыч, - говорила Женечка, - а вы начали молодеть. Как та синьора из Неаполя, которая в девяносто четыре года выглядит моложе своей праправнучки.

- А чем я не синьор, - отвечал бывший злодей. - Погоди, вот новые зубы резаться начнут. Пойдёшь за меня?

- Мне за вас поздно, дядя Паша. Мою молодость не догонишь.

И умело перевела в шутку: мол, над вашим предложением стоит подумать.

- Тут, конечно, не вся гильдия, - шептал мне Денис. - Только актив. Друзья с детства. А Женька - наша женщина. Уж извините за откровенность. Тоже с детства. Ни к кому не прибилась, королева, когда все её хотели. А теперь все - верные мужья. Но в прошлом у неё от каждого по аборту.

- Сколько же ей лет?

- Тридцать семь. Ещё рожать и рожать. Но - рак матки. Доходит баба. Жалко, хоть плачь... Вот задачка, да?

И заглянул мне в глаза.

Я кивнул: "Задачака..." И больше о золотой Женьке не говорили.

Прощаясь, я поблагодарил за помощь науке, имея в виду вклад за отца.

- Гильдия! - гордо объяснил Денис. - Все под богом ходим.

Пал Палыч на прощанье очень внимательно в меня всмотрелся. Неужто узнал? Я сказал Денису:

- Насчёт отца держите меня в курсе.

Он кивнул.

- А Женьку вашу, - сказал я, - действительно жалко до слёз.

Он кивнул и горько покрутил головой.

Прошёл год.

Мы с Ведьмой собрались уехать из Томска.

Это всегда жалко - покидать обжитый, привычный город. Но как раз эта привычка и гнала нас всё дальше.

Дело тут вот в чём. Поскольку эликсир Ведьмы не давал нам стареть, через пятнадцать-двадцать лет это становилось заметно. Даже добрые друзья начинали завидовать. Зависть видна только опытному глазу, но у нас-то глаз намётан. Особенно трудно бывало Ведьме с её подругами. При первом знакомстве она казалась им ровесницей, но рано или поздно они начинали замечать разницу. Да и мужчины тоже. Они стареют, умирают, а мы - всё в одном виде, нам всё под сорок. Начинаются шутки о колдовстве, о связях с космосом, об эликсире молодости. Последнее - в адрес Ведьмы: дескать, нас только от болезней лечишь, а сама-то с мужем что-то секретное потребляешь,

ну-ка признавайся. Ответные шутки насчёт здорового образа жизни через несколько лет уже не действуют - на тех, кто ещё живой.

А ещё хуже - обратная сторона моего целительства. Друг Дениса, мрачный изменщик, уйдя от любящей жены, через полгода помер. Разрыв сердца. Золотая Женечка, исцелившись от рака матки, расцвела. Но когда попыталась увести Дениса от жены, вдруг резко состарилась и умерла от кровоизлияния в мозг. И ни для кого (кроме Дениса и его жены) не оправдание, что старик Пал Палыч в самом деле молодеет и всем вокруг советует: "Мысли добрые имейте!"

Дурное ярче - это в жизни, как в искусстве. Вон ведь - все предпочитают смотреть кино о дворцовых переворотах, читать книги об охоте на людей и о супружеских изменах - в общем, о борьбе многоликого и яркого зла с простым, однообразным добром. Так было всегда и везде. И есть. И будет.

И поэтому мы снова собрались уезжать. Ведьма хотела бы куда-нибудь в Красноярск или в Иркутск, ей всё ещё нравились людные места. А я настаивал - на Алтай. И отдохнуть от суеты где-нибудь в горах, и потоков там полно для моего генератора. И к космосу поближе: а вдруг с ним и в самом деле возможна связь? И травы там полно целебной для Ведьминых букетов. Это сильный аргумент. Очень надеялся, что согласится. А нет - бросим монету.

Безумие богов.

Мы уехали из Томска. Но не на восток и не на юг. Мы уехали на север Томской области, только и всего. Уехали тайно, чтобы оборвать все знакомства.

Таёжное село называлось Ягодка. Мы заняли там один из домов, освобождённых переселенцами.

По странному стечению исторических потоков, Томская область и на Планете Четырёх оказалась местом ссылки. Во все времена и при всех режимах сюда ссылали по очереди незамирённых чеченов, восставших поляков и украинцев, пленных французов, немцев, японцев, тайных вредителей-евреев, неблагонадёжных поэтов и художников, татар из Крыма, отсидевших вражеских шпионов, подозрительных туристов, спекулянтов, злостных путан, казнокрадов и ещё всяких, кто не угодил властям нерадением или излишним пылом. Был даже один истопник, который в коммунистическую эпоху создал где-то в Харькове собственную коммунистическую партию. Его сослали в Омск, на оборонный завод, для перевоспитания в здоровом коллективе. Через год на заводе действовала новая коммунистическая партия. И вот тогда этого бедолагу сослали в Ягодку, с запрещением занимать должности выше разнорабочего. За пять лет он дослужился до истопника, потом вышел на пенсию и теперь усиленно демонстрировал всем высокую стойкость своего отвращения к политике.

Ягодка привлекла нас тем, что была чрезвычайно веротерпима. Если посмотреть на село сверху, оно было равномерно, как сторожевыми башнями, окружено разными храмами. Как-то само сложилось так, что центр села занимала площадь. Посреди площади возвышался гранитный постамент со срубленной надписью, который к нашему приезду уже так долго пустовал, что даже старожилы не помнили, чья статуя занимала его последней. Напротив срубленной надписи, огороженное лиственницами и рябинами, белело каменное здание районной администрации, которое по общему согласию традиционно именовалось управой. Все прочие дома в райцентре были сложены из брёвен или бруса.

От площади радиусами расходились улицы, среди которых ни одна не считалась главной. Каждая улица вела к своему храму и соответственно именовалась Православной, Католической, Мусульманской, Иудейской, Протестантской, Иеговистской и так далее. Всё прочее в этом населённом пункте называлось проездами и переулками. Была, как исключение, улица Вокзальная, которая вела к железнодорожному вокзалу, выстроенному между окраиной Ягодки и товарным складом леспромхоза. Там же были мебельные цеха, пилорама, кирпичный завод, цех переработки торфа, различные мастерские, а дальше начинались татарские конюшни, русские коровники, немецкие свинарники, эстонское льняное производство и множество складов. В общем, этакое маленькое государство.

Время от времени, в зависимости от перемен политического климата, какая-нибудь семья получала высочайшее отпущение прегрешений и покидала Ягодку. Почти всё нажитое на радостях бросалось на тех местах, где лежало, и потихоньку растаскивалось соседями. Опустевшие дома заселялись или понемногу растаскивались тоже.

В одном из таких домов, оставленном совсем недавно, мы с Ведьмой и поселились. Позволения властей на это не требовалось - такое было в порядке вещей.

Наш бревенчатый дом был не новый, но справный. Под тесовой крышей и с высоким крыльцом. Ничего не растащили, потому что хозяйева заперли все двери на замки, а ключи отдали соседу: присмотреть за постройками и поселить кого-нибудь, кто понравится.

Дом стоял на улице Кришнаитской. Принадлежал он семье, которая решила вернуться в родную Индию. Мы с Ведьмой, хорошо зная эту религию, сумели понравиться бородатому соседу Перунычу, тому самому истопнику, и он передал нам ключи. Сам Перуныч исповедовал зороастризм и

постоянно жёг что-нибудь во дворе, на круглой площадке, обложенной крупным булыжником. Там было очень уютно беседовать, сидя на брёвнышке. По всему селу Перуныч собирал всякий горючий мусор для своего костерка. За это его уважали и складывали мусор у заборов. То, что не горит, он вывозил на своей тележке за село. Или пытался отремонтировать. Или пускал на удобрения для своего огорода.

Улица Кришнаитская тоже заканчивалась храмом. То было небольшое сооружение с плоской крышей и запахом сушёных трав внутри. Из когда-то большой общины кришнаитов не осталось теперь никого. Перуныч сказал, что ключи от храма тоже у него. Сводил нас туда, показал пустое пахучее помещение и сообщил, что может отдать это хозяйство в наше владение. Он видит, что мы - люди положительные, а ему чужой храм без надобности. Он-де сам язычник...

Тогда я впервые подумал, что, может быть, язычество - это путь к примирению религий. Так сказать, возврат к истокам. Виток диалектической спирали. Тут было, о чём подумать. И мы приняли ключи.

Собственное жилище особых усилий пока не требовало, даже огород был посажен. Мы с Ведьмой только установили над крышей ветрячок и подключили к нему мой генератор. Теперь можно было не беспокоиться об электричестве, которое в деревне стоило дорого, потому что производилось на месте, на дизельной электростанции. В частных домах почти никто электричеством не пользовался. Электростанция обслуживала главным образом станки в цехах. Даже вокзал и управа обходились без света, стараясь управляться с делами в светлое время суток. Свечная мастерская в Ягодке процветала.

Перуныч сообщил, что воровства можем не бояться, потому что за этот грех казнят на месте без всякого суда. И мы, заперев дом, на целый день уходили в свой храм. Вместе с Перунычем было решено переделать его под языческое капище. Мы решили включить в свой пантеон всех известных богов, включая и Яхве, и Будду, и Ахура-Мазду, которому поклонялся Перуныч. И приходи молиться всяк, кто захочет. А не найдёшь у нас своего бога, приноси его с собой. Можешь даже оставить, если не боишься, что другие боги его обидят.

Над воротами мы снаружи поместили надпись: "Входи с миром". Изнутри выходящий читал: "Мир с тобой". Это надо было понимать так, что мир есть нечто общее для всех богов и религий. Фигуры богов войны в наш пантеон, понятно, допущены не были.

Через год подворье нашего храма являло собой некое подобие митинга, на котором никто ничего не говорит. Целый штабель брёвен ушёл на изготовление фигур, и теперь они стояли в таком порядке, чтобы молящиеся не мешали друг другу, даже если все соберутся одновременно. Перуныч оказался превосходным резчиком по дереву. Гости, пока ещё редкие, легко узнавали своих богов по лицам и фигурам. Но пока ещё никто им не молился. Наш универсальный храм вообще называли музеем. А мы - не возражали: пусть всё произойдёт естественно.

Для тех, кто крупных идолов не имеет, внутри нашего храма, под крышей, имелись свои простенки и углы, где мы установили для мусульман сверкающий латунный полумесяц, для православных и католиков повесили их иконы и распятия, а для буддистов, которые здесь раньше бывали вместе с кришнаитами, осталось в особой нише чучело павлина. С потолка свисали различные обереги и амулеты, некоторые от прикосновения звенели. Много чего там было, чтобы уж никого не обидеть.

И властям мы представили свой храм как бесплатный музей, чтоб не обложили каким-нибудь налогом. Власти для начала поверили.

Власти в Ягодке были, впрочем, вполне лояльны к кому угодно, кроме уголовных преступников. А с этими действовало правило переднего края: "Не нравится у нас - марш на болота, живи один. Второй раз попадётся - люди сами утопят". Бывало даже, что и с первого раза топили, если ловили на месте без участия властей. Там грешнее было убить собаку, чем дурного человека. Такие уж люди и в таком месте собрались.

Безумие началось, когда в Ягодку прибыли сосланные ваххабиты.

Я знал когда-то этого аль Ваххаба. Три или даже четыре века назад. Он производил впечатление уравновешенного человека, но при ближайшем знакомстве оказывался настоящим маньяком. Одержимый флегматик - это картина не для слабых. Его харизма подавляла именно через флегматический темперамент. Каждому, кто с ним говорил, было ясно, что этот человек не отступит, даже если его убить. Он и мёртвый будет наступать и всё так же медленно проповедовать максимы "истинной веры". А состояли эти максимы в том, что аскетизм - единственно правильный образ жизни для любого человека, а посему должен быть привит всем и любой ценой.

Ему потом отрубили голову - во время очередной резни, которую он сам же затеял. Правоверные убивали правоверных, чтобы выяснить, чья вера правее. Выяснили не в пользу Ваххаба. И были его

последователи рассеяны по миру. И стали они жить обособленными общинами в разных странах. И время от времени затевали местное переустройство мира. В одной стране даже пришли к государственной власти. И страна эта стала одним из центров мировой опасности. Потому что из неё тонкими струйками вытекали террористы, специально подготовленные для борьбы против неверных. Где-то кого-то им удавалось запугать гневом аллаха и обратить в "истинную веру". Созданная там община курила гашиш и потихоньку обретала признаки рыцарского ордена. Начинались вылазки. Кончалось такое обычно небольшой резнёй, арестом зачинщиков и высылкой прозелитов. Чаще всего - целыми семьями. В разные закутки страны.

В Ягодку приехала многодетная семья таких несчастных. Все дети в ней были мужского пола, все в возрасте воинов, то есть старше десяти лет.

Поселиться на улице Мусульманской им не удалось. Там издавна обосновалась мирная секта шиитов, которые никуда уезжать не собирались, потому что на севере Сибири, вдали от всех противников, аллах им покровительствовал как раз так, как им хотелось.

А на нашей Языческой место для ваххабитов нашлось. И в первый же день, ещё толком не вселившись в отведённую им избу, они явились в наш храм-музей.

Я через открытую дверь наблюдал, как они плотной группой прошли через двор, хмуро косясь на деревянных идолов. У двери не остановились, вошли сразу, не спрашивая разрешения. Остановились посреди помещения, зажав под мышками скатанные коврики, коротко огляделись, и старший спросил, не здороваясь:

- Михраб где?

Я молча указал глазами на тот пустой простенок, где блестел мусульманский полумесяц.

- Мекка точно в той стороне? - спросил старший.

- Приди с компасом и картой, - ответил я, - сам проверь.

- Мы тебе верим, - сказал старший. Разулся, раскатал перед полумесяцем коврик и кивнул остальным. Они сделали то же и опустились на колени лицом к своей далёкой Мекке.

Пока они молились, я занимался своими делами во дворе. Потом они вышли и остановились передо мной.

- Купол пустой, - сказал старший.

- Только что закончили, - ответил я.

- Полумесяц установишь наверху, - велел старший. Обращался он не к кому-то из младших братьев, а ко мне.

- Как тебя зовут? - спросил я.

- Али, - ответил он гордо.

- А остальных?

- Говорить будешь только со мной, - сказал он. - Все эти безделушки из храма уберёшь. Которые на стенах, которые на нитках - все. Завтра утром придём.

Не дожидаясь моего ответа, все шестеро отвернулись и той же плотной стайкой не спеша пошли к воротам. В воротах Али обернулся и поднял палец к моей доске с вырезанными пожеланиями мира.

- Это можешь оставить. Но лучше написать "Аллах акбар". Подумай.

Я усмехнулся и качнул головой. Али что-то буркнул своим, они пошли за ворота, а он вернулся ко мне.

- Ты что-то хотел возразить?

- Вот что, дружок, - сказал я. - В чужой храм со своим уставом не ходят. Можете...

- Завтра, - перебил он мягко, - сделаешь, как я сказал. Иначе пожалеешь.

- Давай вместе пожалеем, - предложил я с улыбкой. - Чтоб больше не болтать.

Он сделал взгляд колючим и протянул руку к моему лицу. Это было близко, но он не дотянулся, а упал на колени и потерял дыхание.

- Можете, - продолжил я, - приходите к своему михрабу и молиться. Но сюда ходят и другие, их тоже надо уважать.

Он молчал, пытаясь сделать вдох.

- И не говори со мной больше в таком тоне, - добавил я. - Разве отец не учил тебя уважать старших?

Али схватил, наконец, глоток воздуха. Не вставая с колен, глотнул ещё несколько раз, потом просипел:

- Моего отца не трогай... Он в раю. Он - шахид.

Я молчал. Он поднялся с колен и спросил с вызовом:

- Я тебя трогал?

- Но ведь пытался?

- Ты меня ударил, - сказал он с нажимом. - Пожалеешь.

- Это я не ударил, - возразил я. - Только потрогал. Сначала изучи здешнюю жизнь, потом думай...

- Мы знаем, как жить, - перебил он. - И вас научим!

И попытался ударить меня ногой. И снова упал. Теперь на спину. Кувыркнулся назад, сразу вскочил и бросился на меня, рыча по-волчьи. Я заломил руку с ножом за спину, поставил его на колени и посоветовал:

- Сейчас уходи и подумай. А то очень больно сделаю. Ты понял?

Взял из руки нож и поднажал. Он застонал, закивал, и я сразу отпустил. Он поднялся и молча ушёл, не оглянувшись. Не было похоже, что он будет думать. Он всё уже ЗНАЛ. Ни о том, что все храмы за селом - неприкосновенны, ни о том, что агрессивным с незнакомыми быть опасно, да вообще ни о чём постороннем он вовсе не собирался думать. Как волк, догоняющий добычу.

Я посмотрел на его нож. Это была самоделка, но крепкая и острая.

Я стал думать.

Можно было прогнать этого волчонка и без рук. Но тогда я не знал бы, насколько он может быть опасен. Да и обозначить ему границы дозволенного - стоило. И просто наказать. Они ведь признают только одну форму убеждения - силу. Эти человечки при первой встрече с кем угодно сразу резко проверяют, насколько можно человека "продавить". Как продавится, так и останется.

Думая таким образом, я запер храм и ворота и не спеша отправился домой. Пришельцы жили через дом от нас, и я опасался за Ведьму: не нагрубят ли ей.

Их спины маячили за квартал впереди. Они пару раз оглянулись. И замедлили движение, явно давая себя догнать. Интересно, сколько у них ножей? Но думал я не о ножах. Я слушал эту стаю. Я уже знал, что у старшего, у Али, которому тридцать лет, души никогда не было. Теперь хотелось узнать, есть ли у остальных.

Они остановились у моей калитки. Так, что загораживали её от меня.

Я приблизился и услышал, что души нет только у старшего. Но души остальных кипят злобой. Они хотят обидеть старика, который обидел их вожака. Ничего большего не было в их простых душах.

Души у волков - зачем?

Злоба слышна была очень хорошо. Даже у самого маленького, лет десяти. Такие у них уже считаются воинами и мужчинами. Значит, что же, и малыша сбивать с ног? Увы мне.

Шагов за пять все посмотрели мне в глаза, и я этим воспользовался. Их глаза стали пустыми, все шестеро бросились бежать. Вот и ладно.

Я вошёл в дом и ответил на вопросы Ведьмы, которая видела всё из окна.

- Плохо дело, - сказала она. - Могут храм спалить.

"Могут тебя обидеть", - подумал я.

Она не ответила.

- Могут тебя обидеть, - повторил я вслух настойчиво.

- А ты не позволяй, - ответила она.

- Хорошо, - сказал я. Порылся в вещах и достал старинный фонарик-жучок. Давным-давно, ещё работая на заводе, я подсоединил к его генератору самодельный излучатель инфразвука. С этим устройством можно было ходить в тёмный чулан как с источником света, но если бы там встретился волк, злой человек или ещё кто живой, он бежал бы в панике, поражённый страхом. А можно было переключить на обморок или на оцепенение.

Ведьма взяла фонарик и усмехнулась.

- Помнишь, - сказала, - как тогда с бешеным быком?

- А тех драчунов под нашим окном? - вспомнил я.

- А того пьяного хулигана с топором? - вспомнила она. И спросила: - А сработает?

- Проверь на мне, - предложил я.

Она щёлкнула переключателем, направила фонарь на меня и зажужжала шестерёнками.

Я был уверен, что она включит оцепенение, и не ошибся. Сразу потерял способность двигаться и видеть, а через секунду услышал её шёпот, который отдался громом во всей голове: "Ты меня любишь?" Я ответил, что люблю, конечно. Тотчас чары были сняты.

- Исправны оба, - Ведьма засмеялась.

- Не забывай, - напомнил я, - чем сильнее нажимаешь, тем громче модуляция.

- А сейчас как было?

- Подходяще. Только оцепенение им не включай. Без пользы. Гони сразу. Или заваливай.

Я рассказал ей о злых душах этих пятерых волчат. Она предположила, что душа, возможно, была и у старшего, да он уже сумел её изгнать, а остальные только учатся. И сама же удивилась такому предположению: изгнать душу из живого тела.

- Ладно, посмотрим, - сказал я. - Переночую сегодня в музее. Мало ли... Не боишься?

Ведьма засмеялась. Я-то знал, кто в ней смеялся.

Я переночевал в нашем храме-музее и ночь, и другую, и третью. Ни на Ведьму, ни на меня нападений не последовало.

Но я же слышал тогда, какая злоба в них бушевала, особенно в Али. Она не допускала примирения. Парни что-то готовили.

Впрочем, с ними приехала и их мать. Я видел её мельком. Худая, маленькая, вся в чёрном. Может быть, она образумила? Если, конечно, душа в ней...

- Они дают нам успокоиться, - сказала Ведьма. - Нападут, когда станем беспечны. Помнишь?..

Я, конечно, помнил несколько подобных случаев. Мы с ней давно понимали друг друга вполне. И бдительности не теряли. И дождались.

Стоял уже конец октября. Мы с Перунычем пилили дрова для храма. Наши идолы молча наблюдали.

- Ишь, смотрят, - Перуныч засмеялся. - Боятся, что их тоже под пилу пустим.

Он был настоящий язычник, не боялся подшучивать над теми, кому поклонялся. Однажды даже высек своего идола: заподозрил, что этот бог не пособил морковке вырасти покрупнее.

Он хотел что-то добавить, но тут в ворота застучали.

В нашей с Перунычем паре младшим считался я, поэтому я и пошёл открывать.

За воротами обнаружилась толпа человек в пятьдесят. Одни мужчины. Все с соседней улицы Мусульманской. Позади всех я сразу разглядел Али и его братьев. Вот, значит, что...

- Ты у нас человек новый, - так начал старик, стоявший впереди всех. - Зачем сразу наших братьев обижаешь?

- Пусть они выйдут и всё расскажут сами, - так ответил я. - Где они?

- Они тебя боятся, - сказал старик с обидой. - Ты напал на них, вещи отобрал. Зачем так делаешь?

- Пусть выйдут, - повторил я. И добавил насмешливо: - Если они мужчины, чего им бояться старика?

- Они уважают старость, - заявил второй старик из толпы. - А вот ты - не хочешь отвечать. Ты нас не уважаешь. А мы постарше тебя.

- Не будем считать седины, - возразил я, - мудрость под ними дороже. - И в третий раз потребовал: - Пусть выйдут к нам эти бедные овцы!

- Братья, он нас баранами назвал! - Али протиснулся вперёд. Он только и ждал оскорбления, чтобы начать свару.

- Ты на барана не тянешь, - перебил я громко. - Я назвал тебя овцой!

Он выхватил нож. Такой же, как тот, что я отнял. Один прыжок - и моя кровь смочит его позор.

Но толпа качнулась и начала пятиться. Али уронил нож и пятился вместе со всеми.

Когда отпятились на десяток шагов, я взял нож за кончик лезвия и поднял над головой.

- Смотрите, соседи! Вот так я нападаю на людей и вот такие вещи при этом отбираю. И так будет всегда. Кто с ножом к нам придёт, тот без ножа от нас уйдёт! До свидания, соседи! Приходите в музей. Я верю, что Аллах акбар, и Мухаммед - пророк его! Но помните, что в моём храме - мои законы! Али, я ведь тебе это говорил, помнишь?

Бездушный Али трясся всем телом, будто был братом самого Мухаммеда. Ему очень хотелось броситься вперёд и он не понимал, почему это невозможно.

И тут у меня сорвались слова, которых произносить не следовало. Я ослабил гипноз и изрёк:

- В моём храме я приветствую всех верующих, потому что я сам - пророк всех богов.

Наверно, повлияло общение с Перунычем: я слегка заразился его языческим легкомыслием. Скажи я тогда, что нет бога, кроме Аллаха, а меня прислал Мухаммед, могли бы, пожалуй, поверить: всё же продемонстрировал власть. Но "всех богов" ни один мусульманин не потерпит.

Толпа качнулась в мою сторону. Я мгновенно всё понял и попытался исправиться.

- ТАК я говорю в своём храме-музее. Вам же, правоверные, я говорю: "Аллах акбар"!

Увы, было поздно. Толпа шла на меня. А я стоял, прижавшись спиной к запертым воротам, под резной надписью "Входи с миром". Али готовился прыгнуть и вырвать у неверного свою финку. Он не вырвет, но остальные разотрут меня по воротам...

Потом я со стыдом глядел, как они спасаются бегством. Вон упал старик, его поднимает Али... Они объединятся против меня. Идея мира в опасности.

Из калитки вышел Перуныч и встал рядом со мной.

- Вона что ты могёшь... Страшон... Я сам чуть не побёг...

Я махнул рукой и ушёл под крышу. Меня знобило.

Дома Ведьма ужаснулась натворённому.

- Даже не представляла, что такое сможешь.

- Просто забыла. Вспомни, как я сбил пришельца с Планеты Четырёх. Знаешь, что мне Перуныч сегодня сказал?

- "Страшон", - подслушала она. - Да, я помню того пришельца. Но тогда нам всем казалось, что Земле грозит опасность.

- Она теперь грозит Планете Четырёх, - сказал я. - Мы восстановили на ней сознательную жизнь, а справиться с ней не можем. - И тут меня вдруг понесло. - Ты посмотри, какое мутное время на этой планетке! Не смутное, а именно мутное! Народ устал от смут, больше не хочет ни войн, ни

переворотов. Только одна война идёт привычно, уже малозаметно. Эти ежедневные сводки взрывов, выстрелов из-за угла, из кустов. Сначала на юге, теперь эту заразу занесли в Россию, она разъедает уже всё человечество. Полудикие фанатики - это одна сторона, а другая - мифическое мировое правительство, подпольное, всем желающее добра, но только под своим руководством. А руководства никто не хочет! Были разные личности - Македонские, Наполеоны. Потом появились течения - фашизм, коммунизм, сионизм. Были крестовые походы, были ползучие агрессии, теперь - всё вместе...

- Ты к чему всё это? - перебила Ведьма. Она всегда любила ясность и простоту.

- К тому, что здешнее человечество подошло к тому же, от чего нас тогда отправили с Земли на первом "Бумеранге"! Заметила, как участились землетрясения, сколько жертв? Полюса смещаются со скоростью двести километров в год. Скоро в Сибири будут тропики.

- Ну и чем же это плохо? - Ведьма улыбнулась, но как-то тревожно. Я подозревал, что она всё понимает, просто ждёт моего подтверждения.

- Будет планетная катастрофа, - сказал я. - Вроде Всемирного Потопа. Помнишь, мы читали стихи чьи-то: "Планета содрогнётся и сбросит нас с истерзанной груди"? Вот к чему дело идёт. Может быть, предыдущее человечество так и погибло, пока мы сюда добирались?

- Что же нам делать?

Я не хотел этого вопроса. Потому что ответа не было.

Молчание нарушила Ведьма.

- Выпустил пар? Давай теперь о здешних делах. Как я понимаю, Ягодку ты считал последним оплотом терпимости. Теперь здесь готовится террор.

- Почти наверняка, - я кивнул и остался сидеть с опущенной головой. - Моя вина. Как-то надо было с ними иначе...

- Невозможно с ними иначе, - отрезала вдруг Ведьма. - Ты же сам говорил: волки. Они от голода сходят с ума. Понимаешь, о чём речь?

Я понимал.

- Малейшая уступка, - продолжала Ведьма, - и они садятся верхом и свешивают ноги. Кто не воин, тот пастух, марш к отаре. Ты правильно их пугнул. Если не угомонятся, я сделаю, знаешь, какой вывод? Что нетерпимость заразна. Как грипп. Вирус нетерпимости, а? Вот чем надо было нам заниматься!

- Искать вирус нетерпимости? - Я усмехнулся. - И сварить вакцину от него?

- А что? - Ведьма вдохновилась. - Поискать, так я сварила бы. Но поздно, поздно дошло! И условия тут не те...

- Что же, уедем в город? Выбирай, в какой. Мне уже всё равно.

Она задумалась.

Я задумался тоже. Только не о том, в какой город уехать. Я думал над открытием Ведьмы. Если с появлением ваххабитов в Ягодке начнутся беспорядки, значит, она права: нетерпимость заразна, как грипп. И ничего нам тут не сделать, дай нам хоть самую оснащённую лабораторию. В Природе нет вируса, который бы не совершенствовался против вакцин. Нужно против них другое. Я чувствовал, что. Образ жизни. Жить, скажем, так, чтобы у матушки-Природы не возникла необходимость пропалывать человечество. Или даже уничтожать. Ведь не само себя уничтожило здесь прежнее население, Матушка помогла...

Беспорядки начались через месяц после столкновения у ворот. Это были сначала тихие, незаметные беспорядки. В храм наш пришли католики и попросили отдать им икону Создателя и распятие Спасителя.

- Это на каком же основании? - спросил я. - Икона писана мною, распятие вырезано Перунычем...

- Спасти хотим, - был ответ. - Вас ведь скоро сожгут.

С теми же просьбами приходили и православные, и прочие неверные, которых запугала волчья стая ваххабитов. Угрожали волки просто: "Если не заберёте своих идолов из нашей мечети, они сгорят в священном пламени Аллаха. А мы там новую мечеть заставим строить вас".

Сначала мы с Перунычем отказывали им вместе, потом он махнул рукой, унёс домой своего Велеса и больше в храме не появлялся, даже по-соседски в гости не приходил.

Мы с Ведьмой - "ради чистоты эксперимента" - не сдавались, чтобы увидеть результат, каким бы он ни получился. Я ночами оставлял её дома и дежурил в музее. Спали оба мало.

Ещё через неделю из-за какого-то религиозного пустяка произошло побоище между православными и иудеями. Тех и других было поровну, дрались без оружия, кольями. Победили православные. На стене синагоги написали классический призыв: "Бей жидов - спасай Россию". Сионисты ответили жалобами в управу, и им разрешили держать у синагоги патруль из добровольцев, вооружённый дробовиками. На патруль в одну из ночей было совершено нападение, дружинников закололи ножами, дробовики исчезли. Иудеи пошли войной на православный храм. Католики держали нейтралитет, и это им даром не прошло. Православные братья по вере обвинили

их в предательстве и нескольких прихожан крепко побили. К двум самым многочисленным общинам стали примыкать мелкие, чтобы уж, если пострадать, так не даром, не под чужую горячую руку.

Я сделал единственное, что нашёл возможным: посетил противоборствующие стороны и попытался им втолковать, что их ссорят ваххабиты, которые потом пожнут плоды смуты. Те и другие ответили мне одинаково: "Не хотим слушать главного зачинщика. Зачем пытался собрать все религии в одну?"

Дальше всё смешалось. Началась невиданная религиозная война, где все дрались против всех.

- Убедился? - спросила Ведьма.

- Точно, это вирус, - согласился я.

Надо было покидать Ягодку. Со стыдом, с проклятиями в спину, с обидой и разочарованием.

Я упаковал генератор, Ведьма собрала свои записи - вот и все сборы. Уже лежала зима, тёплую одежду можно было увезти на себе. Да и зимы из-за смещения полюсов уже несколько лет стояли сиротские.

Отъезд был назначен, билеты куплены. Мы решили последнюю ночь провести вместе - храм-музей всё равно был обречён. Заперли ставни и дверь да и легли спать. Мы не сомневались, что на нас уже не нападут.

В конце ночи проснулись от шума. Кровать под нами ходила ходуном.

- Трактором, что ли, толкают? - предположил я, одеваясь.

- Землетрясение, - сказала Ведьма.

- На болотах?! - Я рассмеялся.

Мы вышли на крыльцо. Никакого трактора. В самом деле, землетрясение. В конце нашей улицы полыхало.

- Подожгли музей, - сказала Ведьма. - Надо же: столько следили и вот дождались.

И нас тут же сбросило с крыльца.

Ещё в полёте мы поняли, что это не землетрясение. Крышу нашего дома подбросило, стены разошлись, внутри всё загорелось. Это была диверсия.

Только теперь я увидел надпись белым по бревну под окнами: "Смерть екуменистам!"

Крыша с треском проседала, стена стала валиться на нас. Я схватил неподвижную Ведьму и едва успел отнести от дома. Крайнее бревно скользнуло по моей спине и сбilo с ног.

Мы лежали на снегу, Ведьма не подавала признаков жизни. Я попытался понять, что с ней, уложил поудобнее. Она открыла глаза, полные боли. Это хорошо было видно при свете пылающего дома. Нашла пальцами моё запястье, сжала. Пальцы начали раскаляться. Я помнил этот жар и чуть не отдернул руку...

Ты уходила, ничего нельзя было сделать. Ты хотела уйти. Но я этого не хотел. Я собрался нести Тебя в больницу, потому что мой целительский дар здесь не годился, я это чувствовал.

- Не надо, мой единственный. Сломан позвоночник. Не хочу долго мучиться среди чужих. Похорони здесь и уезжай в Томск... Погоди, помолчи. Дай договору... Там напиши обо всём НАШЕМ. Оставь рукопись этим... кому-нибудь одушевлённому. И уходи ко мне. Обещаешь?

Много столетий я знал, что с Тобой нельзя спорить, когда Ты так говоришь. И нельзя отнимать руку: так Тебе легче уходить.

Ты сказала: "Допишешь - и приходи. Буду ждать". Я спросил: "Где же это?" Ты ответила: "Покинешь тело - сам увидишь". Я спросил: "А как там всё будет?" Ты ответила: "Кое-что непривычно. Но это быстро проходит". Я спросил: "А оттуда нам вместе ещё куда-нибудь можно будет?" Ты ответила: "Нам редкостно повезло друг с другом".

Я похоронил Ведьму с помощью одного Перуныча. Он был чувствительным человеком и рыдал на могиле сильнее меня.

Прочее население Ягодки боролось со стихиями. Впрочем, безуспешно. Землетрясение разверзло болота, и они поглотили все храмы вокруг села. Будто на заказ - одни храмы. Шестеро братьев-волков бегали по улицам с ножами и дробовиками, искали меня.

Нашли. На кладбище. На свою голову.

Перуныч в отчаянии бежал.

Уехать поездом, как собирались мы с Ведьмой, не удалось. Вокзал тоже поглотило болото.

Я попросил у добряка Перуныча лесные лыжи и ушёл на них в Томск. Триста километров - не так уж далеко.

До лета записи были закончены. Только к осени удалось найти одушевлённого человека, которому можно их доверить.

Больше мне на этой планетке делать нечего. Ты ведь ждёшь меня. Где-то ТАМ. Может быть, на Земле, где все - одушевлённые...

Эпилог.

В толстой тетради была пустой всего одна последняя страничка - будто нарочно не заполненная автором - для моего послесловия. Он до конца остался точен во всём.

Я думаю, этот старик, забывший своё имя, откликнувшийся на кличку "Эй!", хоть и продемонстрировал при мне свои удивительные способности, всё же был изрядно сдвинут умом. Иначе не воображал бы себя пришельцем с Земли на Планете Четырёх. И не был бы уверен, что прожил множество жизней. И что при нём всегда была душа любимой женщины, которая назначила ему встречу где-то в потустороннем мире. Ничего особенного, неизвестного нам, он ведь в своей тетради не написал. Просто начитался когда-то интересных книжек и на этой почве к старости сдвинулся.

Но если не кривить душой, мне бы очень хотелось, чтобы Тогур и Палана встретились где-то ТАМ - пусть даже на Планете Четырёх, среди людей с душами и бездушных, а лучше просто среди чистых бессмертных душ, таких же, как они.

03.02.2004г.

Оглавление	Стр.
ПРОЛОГ. Некто по имени Эй	1
Холод и страсть	5
Себе навстречу	
Сага 1. ВОЗВРАЩЕНИЕ	6
Сага 2. УТРО	25
Начало времён	35
Жрец	36
Ретроспекция	39
Стоик	40
Аз воздам	41
Безумие богов	49
ЭПИЛОГ	55

ПИЩА ДИКРЕЙ

Заговорённые.

Нас было двое на всю тайгу. Я и шатун. Я искал его, а он - кого бы съесть. Ему давно спать полагалось - начало декабря. Но то ли он недобрал веса для спячки, то ли трассовики его подняли - бродил, бедняга, в окрестностях Пасола, и по местному радио рассказывали, какой он опасный.

Шатун ружья не боится. А я взял с собой только палку. Так, для виду. Я даже мало надеялся, что встречу. Просто пытал судьбу. Самое время было уйти, но ни травиться, ни стреляться, ни резаться, ни тем более вешаться я не хотел. От дикого зверя - хороший конец.

Он бросился, я огрел его палкой, он не почувствовал, я отскочил, он развернулся очень шустро, я ударил ещё раз, он не почувствовал и сгрёб меня одной лапой. Всё шло правильно.

Я сопротивлялся изо всех сил. В драке всегда хочется выжить. Но куда мне до голодного медведя...

Вдруг он захрипел, из пасти хлынуло горячее, меня сильно окатило. Вся туша расслабилась как-то быстро и замерла на мне. Вылезти из-под неё я не мог. Да и не хотелось. Мокрый, поломанный, на холоде - зачем? А тут - тепло и тяжко. Задохнусь - и ладно.

Но я, конечно, понимал, что его кто-то убил. Притом выстрела не было. Я бы услышал. Может, другой медведь? Но это почти невероятно. Притом так быстро. Из всех животных только люди убивают друг друга...

Так я размышлял и задыхался. И всё начинало болеть. И когда-то простреленное, и раньше сломанное, и сейчас...

Потом туша стала переворачиваться, я почувствовал холод. И услышал тоненькое кряхтенье. И увидел женское лицо. Пожалуй, красивое. Только искажённое напряжением. И немного в крови.

* * *

Он спросил:

- Ты откуда?

- Шла по твоему следу.

- Зачем?

- Плохой был след.

- Это как?

- След подранка.

- Охотница, что ли?

- Хуже.

Он помолчал, подумал и сказал:

- Зря ты его зарезала.

- Так ты смерти искал?

- Да.

Я подумала и сказала:

- Ишь, какой шахид.

Он возразил:

- Шахиды за веру погибают.

- А ты - за что?

- А я - сам себе не нужен.

У него было приятное славянское лицо, очень мужское и очень усталое. Медведь его даже не поцарапал. Я сказала:

- Интересно... Ты что, один на свете?

- Да.

- Бездомный?

- Дом есть, - он усмехнулся. - Только пустой.

- Почему?

- Да какая тебе разница?

Он начинал замерзать. К тому же зверь порядком его помял. Я отломала от ели две большие нижние ветки, связала их шнурком от куртки - получилась волокуша. Тащить его в посёлок по двойному следу было не так уж и трудно. Сопротивления этот самоубийца не оказывал. Он просто потерял сознание.

Посёлок Пасол невелик и одноэтажен, больницы нет. Только так называемый медпункт, напротив магазина. Время было к вечеру, фельдшера там не оказалось. И у меня под рукой не было ничего для настоящей помощи. Впору отчаяться: чужой посёлок в чужой Сибири, чужие лампочки

горят в чужих окнах, ни одной машины, ни одного человека, метель. Только собаки учуяли медвежий запах и лаяли с остервенением, но подходить боялись.

Я не знала, как зовут этого парня. Я не знала, где его дом. Даже если бы могла у кого-то спросить, то что бы я спросила? Можно было поискать дом с тёмными окнами. Но таких даже вблизи было несколько. А домов в этом Пасоле - не меньше сотни.

Бедняга не приходил в сознание и странно бредил. Он требовал его прикрыть. Наверно, сильно замерзал. От этого моё отчаяние так усилилось, что я стала бить его по щекам. Это был неправильный приём, но он подействовал. Парень открыл глаза. Я прикрыла его своей курткой. Мне было жарко.

Над нами низко летели тучи, в глаза лезли вихри со снегом. Он моргал и смотрел на меня с трудом. Наверно, ему даже моргать было больно, а тут я со своими пощёчинами.

Я увидела, что он меня узнал, и закричала:

- Адрес! Где твой дом? Я замёрзла!

Это было правильно. Он назвал адрес. Я приподняла его голову, чтобы огляделся, и спросила:

- Куда?

Он показал. И я побрела со своей волокушей по пустой улице. Собаки сопровождали нас. Я так устала, что уже не хотела их растерзать.

В этой замечательной деревне, точно как у нас на юге, на каждом доме горел фонарь с номером. Старые жестянки, ещё с советских времён. Я легко нашла нужный дом и открыла его ключом, который догадалась поискать под старым тряпичным ковриком на крыльце.

Дров у печки не было. Я набрала их из какой-то поленицы за оградой. Они были сухие, берёзовые. В доме стало быстро теплеть.

Я нашла аптечку и приятно удивилась, как много в ней всего. По названиям лекарств легко поняла, почему этот парень захотел умереть. Постоянные боли надоело глушить сильными препаратами. С этого я и начала. Сделала ему сложный укол и прикрыла одеялом. Бредить он перестал. Я согрела много воды и занялась его ранами.

* * *

Острые когти у медведя. Как ножи. Даже как бритвы. Когда рвёт, сначала ожог, потом боль. И зубы острые. И вонючее дыхание. Я читал об этом, теперь попробовал.

А у спасительницы руки нежные, как у лучшей медсестры. Как у моей покойной мамы. Я успел почувствовать укол. Понял, что вводит обезболивающее. Почти сразу провалился, растворился в сне.

И последний бой мне в этот раз не снился. Я только вспоминал, что есть такой сон, что он приходит каждую ночь, поэтому ненавижу спать. В этом сне банда прёт плотной волной, ребята затихают один за другим, но не отступают, бьются до последнего. Мне срочно надо менять позицию, но из тыла банды бьёт снайпер. Хорошо, гад, попадает. Кричу: "Прикройте!" Но некому прикрыть. А с этой позиции я их уже не достаю. Встать! Бегу, качусь, берегу оптику, бегу. Вот сейчас! Может быть, хоть сейчас не успеет... Но в каждом сне этот гад успевает. Тяжеленная пуля. Теряю равновесие, лечу в реку. Может быть, хоть теперь не успеет... Нет, снова успевает. Влёт. Разрывной... Сейчас обожжёт горная вода, будет так трудно плыть... Чудо плавания с двумя разрывными внутри... Потом мокрому мёрзнуть на берегу... Март...

Но теперь мне впервые не снились эти разрывные, этот холод, эта боль. Весь сон меня качала волокуша и пахло елкой - просто Новогодний праздник. И обдавало иногда берёзовым дымком. И нежные руки трогали лоб - особенно приятно, потому что лоб горел. Она ладонями остужала.

Иногда я просыпался. Бывало то солнечно, то темно. Спасительница каждый раз была рядом. Сразу же поила бульоном. Куриным. А я думал: "Хорошо, что спасла. А то ведь забыл, что куры заперты в стайке. Так бы и подошли с голоду. А теперь мы их едим". Я спросил:

- Ты курей кормишь?

Она смеялась:

- Нет, только режу.

- Как медведей?

- Нет, топором.

- Как тебя зовут?

- Мария.

- Дева Пресвятая.

Она усмехнулась грустно:

- Не тяну. Ни на то, ни на другое. Просто Мария.

- Но тебя же мне бог послал? На помощь...

Она снова усмехнулась:

- Просто "ноль-три". Я ведь медик.

- А к нам как попала?

- Мимо ехала. Остановились у магазина. Попутчики захотели выпить, а я отошла...
- А-а-а... И увидела мой след...
- Да. Сначала решила, что это кто-то вроде моих попутчиков. Но всмотрелась и поняла, что - беда.

- Увидела след палки?
- Ну, и его тоже... Неважно. Увидела, почуяла - и всё.
- Куда ехала?

Она помолчала. Потом сказала:

- Не знаю. Может быть, к тебе.

И не улыбнулась. Что там у неё в голове? Что у неё за душой?

Я не мог об этом думать. Мне очень хотелось уснуть. Когда можно спать под таким присмотром, сон всё-таки лучше смерти. Просыпаешься - сразу бульон. И руки. И глаза. Печальные тёмные глаза. Красивая женщина. С каждым пробуждением я всё больше к ней привязывался. Просыпался, как на свидание. Лечился охотно. И снова засыпал. Я очень сильно недоспал за последние полгода.

* * *

У него чистое лицо, но много шрамов на теле. Было несколько грубых операций. Полостных. То ли неумелой рукой, то ли в дурных условиях, но знатоком. Скорей всего - второе. Иначе как бы он выжил? Где ж тебя носило, мужчина?

Об этом я старалась не думать. Сейчас таких много. Время худое. Взрываются, стреляются, режут друг друга. Гражданская война, только название другое - "разгул террора". У каждой смутной эпохи свои термины. Только суть от этого не меняется. Народ теряет лучших и слабеет. А вокруг сидят шакалы и наблюдают. Чтобы наперегонки броситься и растащить мёртвого льва по кусочкам. Вот как давешний шатун чуть не растащил моего бедного самоубийцу.

Впрочем, я не могла называть его самоубийцей. Он хотел умереть как воин, как хотя бы охотник. Его следовало уважать. Хотя мы и враги.

Да и какие мы теперь враги... Он - просто мужчина, я - просто женщина. Иван да Марья. Забавно: его и в самом деле зовут Иваном. Наши дети были бы все Иванычи. Русские... Можно было думать даже об этом. Сиделке при умирающем всё можно...

Мне не было скучно одной. Я с детства умела быть самодостаточной.

Забавно: дикая горянка пользуется таким словом.

Кстати, интересно, к какой национальности Иван меня причислил? Моя внешность универсальна: могу сойти и за украинку, за молдаванку, за персиянку даже. Так мне говорили мои суровые наставники. Я выросла среди людей, понимающих толк в мимикрии.

О Аллах, сколько во мне мусора!..

Как говорил один еврейчик в Ростовском государственном медицинском институте, "Аллах таки ж не менее акбар, чем тот, с кого он срисован". И весь лечфак этому смеялся, потому что дружно жили все пять лет, и плевать нам было на разницу вер. У нас была одна вера - по Гиппократу: "Не навреди". И еврейчика звали по-русски Миша. А меня - Маша. Хотя и знали, что Марьям.

Я одна была чеченка на весь факультет. Не полагалось нашим женщинам учиться. Если бы не мама... Но она при советской власти была председателем сельсовета. Так и осталась начальством. И слушались её.

Мама - яркое место в моей жизни. Всё, что она делала, было ярко. В том числе и я сама, единственная дочь, последний, поздний ребёнок. Старшие братья как-то не в счёт. У них было мужское воспитание.

Впрочем, я от них ни в чём таком не отстала.

Началось с того, что маме померещилось, будто у меня какие-то особые способности. И когда мне исполнился годик, она потребовала провести со мной ту же процедуру, какую в нашем роду проводили только с мужским полом. В день, когда исполнялся годик, мальчишку сажали в кунацкой на ковёр посреди круга из вещей. Клали оружие, инструменты, книгу, кошелек, уздечку... К чему потянется, то ему и судьба: воин, мастеровой, учёный, торговец, коневод... Мне в круг добавили посуду, плетё (это насчёт власти) и походную аптечку (я уже знала, что это такое). Вся семья собралась: дед, отец, дядья, два брата, бабушка и мама. Другие женщины занимались хозяйством. Были, говорят, ещё мужчины из гостей.

Мама рассказывала, что сначала я схватила книгу и огляделась. Никто не возражал. Тогда я схватила кинжал и снова огляделась. Все кругом улыбались. Тогда я схватила аптечку и со всем этим богатством двинулась к дивану. Народ расступился. Я сложила добычу на диван, влезла следом сама и потянулась к старинному шомпольному ружью, которое висело на стене. Дед засмеялся и снял ружьё. Я вцепилась. Дед сказал со смехом: "Абрек будет!" И добавил без смеха: "Как на фронте - санинструктор". Дед был на фронте. Дошёл до Праги. Имел ранения. В санинструкторах толк понимал. Меня и называли Марьям - в память о санинструкторе, которая деда вытащила с поля боя, а сама погибла. Дед гордился своим военным прошлым. Поэтому ненавидел русских, которые

выселили чеченцев в Сибирь, пока он проливал за них кровь. Вот не странно ли: Россию родиной считал, а русских ненавидел. Не всех, правда. На встречи с фронтовыми друзьями ездил. И они нас навещали.

Вот так я выбрала судьбу. В семье воинов этому не удивились.

Ещё до школы мама обучила меня чтению, письму и арифметике. Меня приняли сразу в третий класс. Об этом даже написали в районной газете. Но потом забыли, и это было хорошо. Ребёнку мешает лишнее внимание.

У чеченцев принято воспитывать девочек в затворничестве. А я одевалась, как мальчишка, и в грош не ставила старших одноклассниц. Мой ближайший по возрасту брат Аслан сидел со мной за одной партой. Вот кто был настоящий абрек. Его боялись все ровесники и - через одного - старшие. Никому ничего не прощал и дрался самозабвенно, как настоящий горный волк, насмерть. Его друзья считали меня ровней, потому что я всё умела делать лучше их. Даже драться. Где не хватало силы, там брала быстротой и приёмами, которые вычитывала в книгах. (Они-то книг не читали). Я точнее всех бросала камни и ножи, стреляла из лука и из рогатки. А потом - из пневматических стволов. А потом и из серьёзных.

Мама говорила: "Предки смотрят на тебя из рая и радуются".

* * *

Не помню, какая то была по счёту ночь - снова приснился бой. Когда ударила первая пуля, я заставил себя проснуться. И понял, что начинаю выздоравливать. Вслед за этим сном ко мне вернутся все боли. Сейчас к постели подойдёт начальник ада и скажет: "Здравствуй, Ваня. С возвращением". Я скажу: "Но я же в настоящий ад хотел. Почему не пустили? Послали эту..." Он перебьёт: "Не эту, а Марию, Деву Пресвятую. И я тебе отчёт за Божий промысел давать не обязан. Скажу только, что медведя ты искал сам, и он тебя нашёл тоже сам, с голодухи. После него душе твоей в рай полагалось". "В мусульманский?" "Что за глупости, Ваня! Рай на всех один. Правверные - это не те, кто верит в Аллаха или там в Элохима, а те, кто верит в Правду. Бог един во множестве имён и вер. Просто неловко мне, шайтану, разъяснять тебе такую простоту. Да и насчёт ада не так уж сложно понять. В аду вы все находитесь при этой, Ваня, жизни. Хоть и ругаете, а ведь боитесь потерять. И правильно. Вот посмотришь из рая, сразу разберёшься. Слышал ведь истину: "Ад страшен только со стороны". Но жить в нём, как видишь, можно. Вот и поживи пока в моих владениях".

Я сел и затряс головой. Сон наяву? Бред! Чертовщина! И ведь сам додумался! До чего же интересно устроен человеческий мозг... В следующей жизни стану каким-нибудь психофизиологом. Отворю человечеству дверь в подсознание.

Сатана снова явился и ухмыльнулся: "Дельная мысль. Только сам в эту дверь не входи. Она сразу захлопнется, и ты там останешься. Тело отправят в психушку, а душа в рай не попадёт". "А куда же?" "Да просто в распыл. Такое у Него наказание для слишком любознательных. И я тут ни при чём. Я и сам-то - сосланный".

Я снова затряс головой. Позвоночник пробило болью, сорвался стон.

Мария тут же вскочила и подошла.

- Сидишь?! Молодец. Но рано ещё. Ложись пока. Спать надо.

- Не могу я спать. Кошмары. Зря ты меня спасаешь.

- Хорошо, хорошо. Поешь курятины, попей чайку, а я тебе сказку расскажу.

* * *

Я рассказала ему сказку про двух чудовищ.

- Одно чудовище было огромно и с девятью головами. Когда люди напали на него, между головами начался спор - как сражаться, чтобы победить. Пока спорили, все головы были срублены. А у второго чудовища было девять тел при всего одной голове. Оно сумело победить людей и скрыться, потому что все тела подчинялись только одной голове.

Он посмотрел с подозрением и спросил:

- Что же делать одной голове при одном теле?

- Твоей голове - спать. До полного выздоровления. А моя с двумя телами справится пока.

Чай был с димедролом, Иван снова уснул.

А я осталась при двух телах. На одном сменила повязки, а другому велела тоже поспать. Но оно не слушалось. Оно сильными толчками гнало в голову горячую кровь. Оно хотело этого мужчину. Пришлось твёрдо ему пообещать, что Ивана мы спасём. Тело не успокаивалось. Пришлось искать для него работу. Благо в сельском доме работа найдётся и ночью. Подбросила в печь пару поленьев. Добавила снега в большую кастрюлю на печи - будет мягкая вода для стирки и мытья. Сделала короткий комплекс у-шу, в обе стороны, сначала замедленно, потом ускоренно. Координация не нарушена, можно жить дальше.

Села перед настенной рамой, стала смотреть на семейные снимки. Занялась изучением Ивановой биографии.

Вот этот, наверно, прадедушка. Казачья гимнастёрка, папаха, шашка. Рука на плече прабабушки. Классика начала двадцатого века. Внизу, в виньетке, фамилия фотографа. Уважали себя. И рекламировали. Всё честно.

Прочие снимки - безмянные. Этот, на фоне винтового истребителя, наверно, дед. Истребитель тупоносый, "И-16", на фоне гор. Пилоточка на голове солдата - испанская, высокая. Интернационалист. А этот, пожалуй, отец. Фото вырезано из газеты. Учитель труда среди газетно внимательных мальчиков. В руках - новая табуретка. Ближайшему из мальчишек будет за неё пятёрка... А мальчишка-то - сам Иван! Точно! И подпись: "За такую работу и сыну не стыдно поставить "отлично". А вот и мама с тем же мальчишкой, только чуть постарше. Снимок плохо промыт, слабо закреплён, пожелтел. Может быть, папа снимал, учитель труда. Тоже в школе. Рядом с глобусом и на фоне карты Советского Союза. Родители, стало быть, учителя... Люди небогатые. Как же они умерли? И чем их единственный сын занимался после школы? По нескольким групповым снимкам это не определишь, а вот здесь и здесь совсем недавно какие-то снимки были, да кто-то их вынул. Искать же сведения среди документов по ящикам комода - как-то неловко. Мы всё же какие-никакие интеллигенты...

При осмотре дома выяснилось, что все инструменты на местах и наточены, ничего не разбросано и не сломано. Значит, эти руки покрыты не хулиганскими, а трудовыми шрамами. Смущают только шрамы на теле. Ах, какое тело...

Поношенный солдатский бушлат от медвежьей и человеческой крови вполне отмыть не удалось. Значит, служил хозяин. И не так уж недавно. И в запас уволен зимой. А вот в каком войске служил - не понять. Спороты нашивки с рукавов.

* * *

В этот раз бой не снился. Я понял, что она что-то подсыпала в чай: вкус был немного не тот. Всё, стало быть, останется по-прежнему: боль, химия, забытьё. В самой близкой перспективе - медикаментозная наркомания. Так мне сказал тот хирург, который без наркоза спасал меня в палатке после боя. Вертолёты ещё утюжили ущелье, меня вывезти было не на чем... Он сказал: "Если у тебя воли хватит, наркомания будет умеренная. Но на всю жизнь. Такие травмы полностью не срастаются"...

Мария сидела у окна, но смотрела не на улицу, а на меня. Наверно, взглядом и разбудила. Взгляд у неё... Ну, скажем, сильный.

- Проснулся, охотник! Вот и хорошо. Есть пора.

- Не хочу, спасибо. Опять что-нибудь подмешаешь.

- Это от тебя зависит.

- Я же сказал: зря спасаешь. Я наркоманом жить не буду.

- Так и я с наркоманом жить не собираюсь.

И смотрела каким-то родственным взглядом. Как на брата.

Я сообщил, как сестре:

- С моими болячками наркомания неизбежна. Так сказал врач.

- Я тоже врач. Но я скажу другое. С сильной волей можно обойтись без наркотиков. А у тебя воля сильная. Я вижу.

- По чём же это видно?

- А хотя бы по тому, что руки на себя не наложил. Мог ведь этими же лекарствами... Но ты к медведю пошёл!

- Если так, то конечно, Для самоубийства нужна сильная воля. Но чтобы от него отказаться, нужна ещё сильнее. А у меня её...

- У тебя она есть! - Сказала важно и веско, как наш майор.

- Все врачи любят так говорить. О чужой воле можно что угодно... Один тот хирург сказал правду.

Я тут же пожалел, что его вспомнил. Она вцепилась.

- Какой-нибудь армейский костолом? - Рванула с меня одеяло. - Ты как эти раны получил?

Видно было, что давно разглядела, ждала случая спросить.

- Трактором меня переехало. Рысь покусала в детстве. Теперь вот мишка...

- Только про мишку не врешь. Не было ни трактора, ни рыси. Признавайся, что у тебя повреждено внутри?

Конечно, догадалась, что ранения пулевые. Я соврал снова:

- На охоте, случайно. Жаканом. Знаешь такую пулю?

Она покачала головой.

- Из двух стволов, случайно, в разные бока? Опять врешь. Ведь в армии, так?

И пошла к печке за бульоном.

Я на этот вопрос отвечать не стал. Она тоже молчала. И что-то появилось на лице... След какого-то ужаса, который она старается не показать. Она стала смотреть мимо, опускала глаза, а я видел в них что-то странное. В ней завелась мучительная мысль, а мысль родила тоску. Во всём лице я видел какую-то догадку... И досаду. Будто жалела о чём-то сказанном.

Она увидела, что наблюдаю, и заговорила, чтобы отвлечь:

- Там, на снимке, у самолёта - твой дед?

- Дед. Погиб в сорок четвёртом.

- А казак - твой прадед?

- Да. Из терских мы.

- Из Чечни?

- Ну да. Станица Грозная. Теперь - столица Ичкерии.

Она посмотрела в упор. Зрачки - во весь глаз.

- А почему уехали в Сибирь?

- Не знаю. Прадед, говорят, свободу любил.

- А ты где служил? Почему нашивки спорол с бушлата?

- А почему ты решила, что я служил? И почему думаешь, что это моя куртка?

- А ты, что же, не служил, такой здоровенный?

- Так я внутри-то не здоровенный...

Она поняла, что дальше спрашивать не стоит. Стала кормить и рассказывать очередную сказку.

- Вот ты из терских казаков. А они должны быть такими же храбрыми, как чеченцы. Ведь тоже едят чуреки из кукурузной муки.

- Ну и что?

- Ва, как "ну и что"? Положи в огонь зерно пшеницы и зерно кукурузы. Пшеничное зашипит, а кукурузное взорвётся - баххх!

Так забавно изобразила горца, что я спросил:

- Ты сама, часом, не оттуда? Чеченка ли, чо ли?

Она засмеялась сибирскому говору и ответила:

- Я украинка. Могу паспорт показать. Мария Димовна Карасик.

- Дмитриевна?

- Отца Димой звали. Дед его так назвал в память о фронтовом друге. Именно вот чтобы Дима. И отчество получается - Димовна.

Мне казалось, что она немного привирает. Впрочем, это больше походило не на ложь, а на шутку. Я сказал:

- Покажи паспорт.

Она показала. Точно, Димовна. Выдан в Краснодаре. Там же прописана и выписана. Украинка. Не замужем... Я листал паспорт, а она улыбалась понимающе.

- Ну, всё обо мне узнал, что хотел?

И положила руку мне на грудь.

* * *

Я его почти не обманула. Дима - настоящее чеченское имя. Но и дедова фронтового друга, русского, тоже так звали. И прописка краснодарская - самая настоящая. Только оформлена не по закону. В любой паспортно-визовой службе работают обыкновенные люди, нужно только знать, сколько заплатить. Я, впрочем, не знаю. Этот паспорт на имя украинки Марии Карасик покупала не я.

В Чечне уже вовсю шли бои, а я училась на пятом курсе лечфака. Приехал средний брат, сообщил, что наш отец Дима и старший брат Руслан погибли в горах. Вручил мне этот новый паспорт и увёз меня домой. Сказал, что надо помочь отомстить за отца и брата, а доучиться можно потом, при моих-то способностях. Возражать бесполезно - закон гор. Тем более, что помощь - по специальности. Надо было обеспечить медицинское обслуживание прорыва в Грузию. Самой туда не обязательно. Проводить до границы - и назад.

Это была неправда. Это был грубый обман. Асланчик всегда был нечист на язык. В другое время я бы ему не поверила, но разговор-то шёл о гибели отца и брата, дело святое, в детали вдаваться неприлично. Впрочем, он ещё и подстраховался. Положил на стол мой новый паспорт и сказал: "Давай сравним со старым". Я выложила свой чеченский, и он тут же, не сравнивая, забрал оба себе. И сказал: "Поехали. На грузинской границе оба получишь. И тысячу долларов".

Прорыв был ужасный. Регулярная армия его ждала и приготовилась. Какой-то офицер получил от наших хорошие деньги за предательство, но обманул: показал дорогу прямо на минное поле. У меня там было много работы. Но отряд прорвался, хоть и оставил на поле две сотни трупов. Было начало марта, снег почти весь растаял, но в ущелье кое-где ещё лежал. И ночи были холодные. Погода всё время стояла облачная, с сильным ветром. Такую выбрали специально, чтобы армия не могла применить вертолёты. По ущелью шли хорошо. Потом разведка напоролась на заслон. Наши думали, что там обычные погранцы - до границы было уже недалеко. Но потом выяснилось, что это

рота десантников. Их командир по радио отклонил наше предложение пропустить отряд и открытым текстом вызвал подкрепление. Ждать было некогда, обходить - некуда, пошли в лобовую. Аслан вручил мне снайперскую винтовку и сказал: "Ты всегда стреляла лучше всех. Полечи гяуров разрывными. Это будет и за отца, и за Руслана". И отдал мне оба моих паспорта и деньги. Я поняла что этот бой - последний.

Десантники дрались храбро и умело. Наши заваливали их своими телами. Все понимали, что вертолёты прилетят при малейшей возможности, тогда нам конец. Даже без вертолётов нам было горячо: русский командир неплохо корректировал огонь своей артиллерии. Приходилось непрерывно перемещаться, а в горах это утомительно, особенно с грузом на спине и в руках.

В начале похода я ещё была студенткой, врачом, помнила о друзьях и о Гиппократе. Но когда получила винтовку, волчья кровь застучала: "Выжить!" И я стреляла метко. Когда-то кто-то умный сказал, что первый убитый тобою человек - это страшное потрясение на всю жизнь. Если бы я его встретила, я бы спросила: "А сам ты убивал?" В бою живёшь, пока успеваешь, потрясаться некогда.

Но и в нас стреляли метко. Один ствол попадал особенно хорошо и всё время перемещался. Он бил только одиночными и не мазал ни разу. Явно снайпер. Я всё время пыталась его достать, но он работал профессионально. И он в меня стрелял, но я не зря каждое лето проводила в горных лагерях вместе с братьями и отцом.

Когда русских осталось всего ничего, я подловила их снайпера при смене позиции. Пока он летел в реку с крутого обрыва, я успела попасть в него ещё раз. Мне с детства нравилась пулевая охота на летающих.

И вот тут что-то со мной случилось. Почувствовала, что не могу больше стрелять. Странно: вспомнила Лермонтова: "Черкесы гибнут, враг повсюду..." За спинами гибнущих чеченцев прорываются из России в Грузию какие-то арабы, прибалты, украинцы, даже негры, а я среди них - кто? Я с ними - почему? Я родину защищаю - для них? А от кого? От этого русского снайпера, который защищает эту же родину - для кого? Для них? Получила за смерть доллары, не рубли - от кого? Нашу нефть - через Грузию - кому? Во мне проснулась русская студентка. Чеченка по крови, украинка по паспорту, врач по милости божьей...

Сама удивляюсь, что в бою можно так думать. Но я думала всего секунду. А бой уже кончился. Началось уничтожение. Потом я узнала, что это погибающий командир десантников вызвал огонь на себя. Кругом заревело, зашипело, уши мне заложило, задрожали воздух и земля. Человек не может в такое время думать. Только кое-что чувствовать. И через чувства понять всё, до чего не мог дойти умом. Я сразу всё поняла. Протёрла винтовку тряпочкой, положила её на землю и ушла. Мне было всё равно, убьют, искалечат, сожгут... Но даже не задело. Я слыхала, что есть такие люди. Заговорённые. До десятка на полк. Или на дивизию, не помню точно. Впрочем, всё, наверно, проще. Пушки и "град" били через мою голову, по линии соприкосновения, а я-то стреляла, так сказать, из тыла наступающих. Я и арабу одному башку разнесла, который ко мне до этого приставал.

Я шла почти налегке. Только немного продуктов, нож и чей-то пистолет.

На вторые сутки нашла базу Аслана. Он был уже там, один, здоровёхонек. Сказал мне: "Вовремя пришла. Теперь начнётся самая работа. Против больших войск у них средства есть. А с малыми - вон, даже янки в пустыне не справляются. Теперь наша главная сила - шахиды".

Я всё поняла. Институт мне больше не светит. За отца и брата он намерен отдать и мою жизнь. Но больше - за доллары. Он всегда был жаден до денег и власти. Он, наконец - единственный мужчина в семье. Старший. Попробуй послушаться. Но я устала так, как не уставала никогда. У меня даже язык не ворочался, даже мысли не хотели шевелиться. Я одного хотела - упасть и уснуть.

Был ещё день, в пещере стоял полумрак и горел костерок под казаном. Я упала на спальный мешок, но брат начал заботиться. Раздел, помыл горячей водой, уложил спать на чистое.

Что было потом, вспоминается как дурной навязчивый сон. Проснулась в темноте от щекотки. Это была борода Аслана. Он домогался, он был намного сильнее, а я чувствовала себя такой разбитой, будто побывала под гусеничным трактором. Если не врать себе, я не очень и сопротивлялась. Приговор произнесён, жизнь кончилась. Ещё месяц-два-три, и я с украинской фамилией сяду в самолёт или приду в людное место и - щёлкну тумблером. А если не щёлкну, братец приведёт в действие радиовзрыватель. Всё это предписано Аллахом. А волю Аллаха диктует элита. Аслан в элиту попал, а его младшей сестре - шариат не велит.

Я хорошо знала Коран, самую гуманную книжку из гуманных. "Истина - от твоего господа. Не будь же сомневающимся!" Сура номер три. "Обрадуй же тех, которые не уверовали, мучительным наказанием". Сура девятая, почти юмор: "Обрадуй..." "Избивайте многобожников, где их найдёте, захватывайте их, осаждайте, устраивайте засаду против них во всяком скрытом месте!" Та же девятая сура, уже без юмора. "Поистине, самудяне отвергли своего Господа, - да погибнут самудяне!" Это сура одиннадцатая. И, наконец, сура пятьдесят шестая, апофеоз: "Мы распределили вам смерть, - и нас не опередить!" А раз не опередить, так чего её бояться? Аллах, таки ж, акбар, как говорил еврейчик Миша в моём недоступном уже Ростовском мединституте. И гори огнём такая

жизнь. Говорят, шахиды в рай попадают сразу, мимо чистилища. Вот там у Аллаха и спросим, что к чему.

Удовлетворила братскую похоть, поспала немного, как умерла, а с первыми лучами рассвета встала, голая, и огляделась. Братец храпел, счастливый. Костерок давно погас. Тихо до звона, только храп длинными очередями вылетает к небесам, к престолу Аллаха, через щель в потолке. Ишь, как расслабился в безопасности, горный волчара. Даже не почуял, как встала обесчещенная сестра-шахидка.

Я взяла автомат и дёрнула затвор. Вылетел патрон, который уже был в казённом. Но его место занял новый. Волк сразу же проснулся. И я всадила в его бесстыжие глаза весь магазин. Никто не опознает. Потом протёрла тряпкой автомат и положила на место. Потом ещё раз вымылась. Потом нашла гражданскую одежду и нарядилась так, чтобы поменьше выглядеть горянкой. Схоронила на груди новый паспорт, распихала по карманам все деньги, какие нашла. Бросила в костерок свой чеченский паспорт и все документы Аслана. Размешала пепел. Понюхала руки. Они уже почти не пахли порохом. Пока дойду, всё выветрится и ототрётся.

Уложила в штатскую спортивную сумку самые калорийные продукты, мужские плавки, трико, мыло, полотенце и всё такое. Осмотрела себя. Джинсовый костюм брата чуть великоват, но терпимо. Кроссовки несколько свободны, но на шерстяной носок оно даже лучше. Кожаная куртка тоже чересчур просторна, рукава длинноваты, но если под локоть их закатать, сойдёт за экстравагантность. Кепочка кожаная была бы как раз, если бы не длинные волосы. Собрала их на затылке в пучок, связала прядью от капроновой верёвки и обрезала, как хвостик у жеребёнка. А концы верёвки распушила, как пампушку у американской баскетбольной болельщицы. Нашла зеркальце, посмотрелась. Хороша Маша!

Брать с собой пистолет не решила. Взяла только большой складной нож. Он без фиксатора, при обыске придраться не к чему. Да и не станут на Кавказе придраться к девушке с ножом: обидчиков слишком много. А другое оружие можно при нужде добыть у неприятеля - нас этому учили.

Я дала ножу имя Зил-бухар, будто он - сабля пророка Али. Так он со мной и путешествовал. Сначала до Краснодара. Там мы с ним обдумали маршрут. В Ростов ехать было нельзя: там я слишком на виду, свои могут найти. Хотя настоящих-то своих у меня больше нет. Мама с дедом погибли при штурме нашего дома, вместе с отцом и Русланом. Не в горах погибли семейные волки, а под родным кровом, где хотели отлежаться. Аслана я расстреляла сама. Теперь кто-нибудь из оставшихся волков расстреляет меня. Любой поймёт: если все погибли, а девушка жива, значит, не захотела стать шахидкой. Жить захотела. Испортила девушку цивилизация. Испортили книжки, которых прочитала непозволительно много. Враждебную Библию прочла. И поняла её получше, чем Коран. Тоже кровавая книжонка, но там хоть про Ису, то есть, про Иисуса - по-доброму. Мохаммед многое у Него срисовал... В общем, была какая-то правота в Мишкиной шутке: всякий бог велик, если добр. Важно, чтобы доброта не была выборочной - "только для чистых".

Нож был хорошей стали. Не тупился от консервных банок и не ржавел. И так был отполирован, что при нужде можно было посмотреться, подкрасить губы и подвести глаза. Мы с ним решили, что надо ехать на восток. И как можно дальше.

Так я попала в поезд "Адлер - Томск". Он просто подошёл раньше других, а я как раз стояла у карты России и думала, что "как можно дальше" - это не обязательно только на восток. Вон севернее Транссиба как пусто... И ехала до станции Тайга, не покидая вагона. Отсыпалась. И отоспалась. Перед Тайгой увидела высокие еловые леса. Острые верхушки доставали до неба. Из Тайги поезд пошёл вдруг в обратную сторону, скоро повернул на север и шёл среди этих самых ёлок, вплотную к лесу. Вид завораживал. Я любовалась и впервые не скучала на равнине по горам. Мне нравилось слушать, как грохот колёс мечется между стенами деревьев. Совсем как эхо в горном ущелье.

Попутчики-томичи, когда узнали, что еду впервые, стали нахваливать город. Все в моём купе оказались вузовскими преподавателями, притом медиками. Называли его Сибирскими Афинами - за самую высокую плотность студентов и учёных на душу населения. Мне легко было соврать, что хочу перевестись из Ростовского мединститута в Томский. Да я почти и не врала. Мне очень хотелось доучиться. Только не сразу. Новый паспорт ставил много проблем. Кто выслал бы документы Марьям Димовны Давлатовой по запросу какой-то Марии Димовны Карасик? Это как минимум - отказ. А если сильно повезёт - расследование и уголовное дело о терроризме. Так что всяко стоило подождать каких-то крутых перемен в моей нелегальной судьбе.

* * *

Я накрыл её руку своей и закрыл глаза, будто сплю. Лежал так долго. Она не двигалась. Даже казалось, что не дышит. Потом рука дрогнула. Я приподнял ресницы и увидел, что её глаза тоже закрыты, а по щекам ручьями текут слёзы. Она содрогалась от рыданий и с трудом удерживала руку на моей груди. Я открыл глаза и сдавил её пальцы. Она посмотрела сумасшедшим взглядом, быстро наклонилась, тронула губами лоб, губы, глаза - будто перекрестила, и выбежала из дома.

Я не заметила, как схватила на бегу этот штопаный солдатский бушлат. Во дворе его надела, тогда поняла. Стало неудобно. Сквозь эту одежду медведь грыз Ивана. А полгода назад сквозь такой же бушлат я прострелила его дважды.

Ещё в тот момент, когда впервые увидела его шрамы, меня кольнуло. Именно в эти места должны были попасть мои пули тому русскому снайперу. И здесь, когда он в бреду кричал: "Прикройте!" - он это не от холода кричал. Ему надо было сменить позицию. Прикрыть было уже некому, воины ислама добивали последних из его роты. Он должен был погибнуть от двух разрывных. Или утонуть в ледяной воде Аргуна. А он - вот он, спасён мною же от шатуна. Не подвёл острый Зил-бухар...

Плакала-то я от радости. Мне ещё тогда, в ущелье, стало жалко убитого снайпера. Как равного. Как своего. Найти его живым - настоящее чудо. Аллах таки ж действительно велик. Хвала Тебе, Бог, Умеющий Прощать. Милостивый и Милосердный... Не погибать надо во Имя Твоё, а долго и праведно жить, в добре и согласии - всем, всем, всем. Воистину такова Твоя воля. Аминь.

Помолилась, выплакалась, набрала дровишек из чужой поленицы и собралась домой. Но тут из соседней калитки выскочил нетрезвый абориген и с самым непотребным матом напустился за воровство. Надо, мол, было готовить дрова заранее, несмотря что родители умерли в один день, и вообще, мол, кто я такая... Выбил из рук дрова и схватил за бушлат. Уложила его носом в сугроб и объяснила, что хозяина поломал шатун, что этот шатун лежит там-то в лесу за магазином, и я ему его по-соседски дарю за дрова. И отпустила. Он представился:

- Алексей. А ты Ивану кто?

- Я ему - врач. А зовут - Мария.

- О-о, ему врач нужен. - И сразу перешёл на "вы". - Повезло ему вдвойне. Он же, знаете, в Чечне ранен. Смертельно. Теперь на инвалидности.

- И тебе для инвалида, для героя - дров жалко?

- Да не сердчайте, доктор. Я же немного поддавши. Притом не знал, кто берёт. Вот, думаю, поймал. И вообще, надо же как-то знакомиться. Правда?

Оказался смешной и славный мужик. Тут же собрал дрова, занёс ко мне в дом. Поздоровался с Иваном. Упрекнул, что, мол, надо было сразу обратиться. Мы бы, мол, из одного уважения к покойным родителям...

Я спросила, будто к слову:

- А как они умерли в один день? Несчастный случай?

Спросила Алексея. Он и ответил:

- Лодка перевернулась.

И посмотрел на Ивана. Тот кивнул. Всё было не так, я не поверила.

- Говорите правду.

Иван посмотрел на соседа. Алексей пожал плечами:

- Извини, Ваня. Она сказала - доктор. Я и подумал - из твоего госпиталя. Ну, проговорился немного. Теперь уж... На него, Маша, по халатности похоронку прислали. А он у них был единственный. В тот же день у отца сердце отказало. А у матери - на следующий. Так что хоронили вместе... Дом опечатали, меня попросили присматривать. А потом - вот - Иван приехал, живой. Всё в сохранности было, так ведь?.. А как ты, Ванька, под шатуна попал? Зачем пошёл в лес? Передавали же...

Я сказала:

- Длинная история. Не рассказывай никому. Берёшь медведя-то?

- Отдадите - заберу. Только так: шкуру - мне, а мясо - вам. И разделаю сам. И в подпол к вам сложу. Ваньке сейчас медвежатина - в самый раз. Авось и поправится. Раз сам завалил, значит, навыки десантные не потерял. А сила - ещё восстановится.

Мы с Иваном переглянулись и промолчали. Алексей стал было допытываться:

- А вы, Мария, извините, не знаю, как по батюшке, как же вы его... Кто его нашёл-то в лесу? Или сам выбрался? А, Ванька?

Я сказала:

- Сам, конечно. Приезжаю, прихожу по адресу - а он весь в крови, только что приполз. Даже не помог никто, пустая улица.

- А когда это было?

- Уже пятый день.

- Сегодня пятница. Значит, в воскресенье! Так пили все. Зачем на улицу? Пурга была в воскресенье... Ну, ты, Иван, молодец. Просто заговорённый. Пули тебя не взяли, медведь не осилил. Долго жить будешь. А инвалидность - это временно!

Иван ответил, что постарается, и отвернулся к стене.

Алексей тут же деликатно простился, велел обращаться по любому поводу в любое время и заверил, что прямо сейчас отправится за медвежьей тушей.

* * *

Я был в сильном смятении, не мог к ней повернуться. Довёл чем-то до слёз. А теперь она знает и про инвалидность, и про Чечню, и про десант. Это совсем никуда не годится. Про тот бой много писали и передавали. Ещё свяжет. Украинка, которая рассказывает чеченские сказки. Всё не так, всё не туда! Я, кажется, начинаю к ней привязываться, но что-то не то между нами. Какое-то излишнее понимание. Притом только с её стороны. А я не понимаю почти ничего. Откуда она взялась? Какая такая точность в судьбе вывела её на мой след? Почему она так странно смотрит? Что такое наболтал я в бреду за эти смертные дни и ночи?

Слишком много вопросов. Они лезли, я пытался отвечать, отбивался от них и всё время ждал при этом, что мой доктор заговорит. Так и не заметил, как от излишней тревоги заснул.

* * *

Я не знала, заснул Иван или просто не хочет видиться. Только чувствовала, что надо помолчать. Сам повернётся, сам заговорит. Долго он так не пролежит: ему на этом боку неудобно, я знаю.

Мне молчание было на руку. Мне как раз требовалось время, чтобы осмотреться. Не сказала ли чего лишнего, не раскрыла ли себя? Кажется, нет. И второе - привести в систему новую информацию.

Главное - инвалидность Ивана. Это одна из причин его попытки погибнуть. Для воина - а он воин, ещё какой - инвалидность, конечно, хуже смерти. "На ложе, мучимый недугом, один он молча умирал". Вот именно, один. Родители умерли от горя. Это добавило ему страданий. Больше никого рядом, похоже, не оказалось. Да и кому тут оказаться - деревня в сто дворов. Если бы была какая, дождалась бы, конечно. Такого-то парня...

Итак, доктор, оставлять пациента одного вам нельзя. Клятва Гиппократова. Этот красивый гяур должен захотеть жить. Вот задача. Но как её решить? У воина прострелена душа. Лечить можно только душой. А ваша, доктор, душа, частью сгорела в костерке, где остался Аслан, а частью зарыта на окраине Томска.

...Эти пять месяцев в Томске, может быть, страшнее драки в Аргунском ущелье. Там хоть был азарт. А тут - сплошное отчаяние.

В городе полно кавказцев, китайцев и среднеазиатов. Торгуют, что-то промышляют, мостят тротуары фигурной плиткой, отделывают фасады домов. Среди кавказцев полно наших, чеченцев. И они-то чаще всех заговаривали со мной. По-чеченски. А я пожимала плечами и нараспев отвечала с кубанским акцентом, который казался мне похожим на украинский: "Шо вы сказали? Як-як? Та не понимаю я по-таковськи".

Из-за этих встреч пришлось поселиться на рабочей окраине, рядом с фабрикой, где делали спички и палочки для эскимо. Напросилась квартиранткой к старушке, которая жила одна в небольшом домишке. Рядом был пруд, за прудом - красивый православный храм, ещё не вполне восстановленный, но уже работающий. Старушка водила меня туда в платочке и учила молиться: "Отче наш, иже еси на небесах, избави меня от лукавого, не введи во искушение..." Я молилась искренне и каждый раз плакала, потому что во мне уже плотненько росло дитя смертного кровосмесительного греха. Я всей душой молила Создателя избавить меня от этого греха. И все дни трудилась у старушки на огороде, надрывалась изо всех сил, чтобы помочь Богу в Его заботах о моей душе. И тайно глотала кое-какие медикаменты.

Но мощное спортивное здоровье долго не поддавалось. Аллах сжалился только в конце пятого месяца. Схватки начались на грядках, куда я таскала воду в самых больших ведрах.

Я сказала бабе Насте, что схожу в лес за грибами. И не услышала, что она ответила. Эти полчаса до леса и немного лесом были похожи на последний бой, когда я стреляла в Ивана. Только кругом были не голые буки и дубы, а высоченные, жёлтоствольные, вечнозелёные сосны. И акации, но не деревья, как на Кавказе, а кустики, мне по плечо, с нежными мелкими листиками, с жёлтыми цветочками. И грибы под ними. Тоже не такие, как на Кавказе. Моховики, подосиновики. Красиво. Монументально. Вечностью веет.

И я шла в вечность. И всю красоту запоминала. Потому что это было время умирать. Не шахидской смертью, а обыкновенной женской. В медленных мучениях и позоре. Умирать вместе с обречённым ребёнком, у которого уже сформировалась нервная система. Я хорошо училась в Ростовском медицинском институте, по акушерству имела "отл", как и по остальным предметам. Даже по латыни. Но из всей латыни мне теперь вспоминались только три слова: "Финита ла вита".

Но жизнь кончилась только у моего несчастного сынишки. Он выпал беззвучно, уже мёртвый. Кругом были кусты тальника, такого же, как на Кавказе. А рядом бежала небольшая речка, имени которой не знаю до сих пор.

Я достала из корзинки маленький столярный топорик, точно такой же, как был у моего деда. Вырубила среди кустов могилку поглубже, выстелила гибкими ветками и уложила в неё свою грешную душу. Завалила, утрамбовала, сравняла с землёй, присыпала сушняком и пошла мыться.

Речка была грязноватая и очень мелкая. Из илистого дна торчали прутья и разный мусор. Как раз напротив меня за колючую проволоку зацепился презерватив и полоскался, как белый флаг. В этом месте было противно умирать.

Впрочем, умирать везде противно. Особенно, если знаешь, как выглядит мёртвое тело.

Мёртвое не может выглядеть красиво...

Я вернулась без грибов и сказала бабе Насте, что, кажется, заболела. Она ответила, что ведь и говорила мне о моей бледности, а я не стала слушать. Теперь пусть я отдохну, всей работы по дому не переделаешь.

И три дня ухаживала, как за родной внучкой. Она была совсем старенькая. Я к ней так привязалась, что сразу не могла уехать, прожила до ноября. Денег она с меня за постой не брала. Я расплачивалась помощью по хозяйству да разными покупками. На прощанье подарила ей телевизор. Но совсем остаться не было сил. Рано или поздно пришлось бы устраиваться на работу, перемещаться по городу, постоянно опасаться встречи с соплеменниками. А у них, я убедилась, глаз на своих был очень намётан.

Но главное - могилка. Я не ходила к ней. Не хватало духу. Да это было и не нужно. Она во мне. Маленькая и ледяная. У Аллаха нет бесплатных подарков...

* * *

Я лежал лицом к стене и всем затылком, всей спиной чувствовал, как плохо Маше. Она тихо, как кошка, ходила по комнате и почему-то не могла восстановить дыхание. Так дышат, чтобы не плакать. Снова слёзы. Почему? Чем снова обидел? Или у неё другая психика, другие причины для слёз? Те, которые она привезла с собой? На томский север из Краснодара. Или не из Краснодара?

Она металась и дышала открытым ртом. И не видела, что мой рот тоже нараспашку. Зато могла видеть, как напряжена моя спина - по той же причине. Я стал слезлив после ранений. Алёшка напомнил о родителях, и я легко представлял теперь, как они получили весть о моей гибели и что чувствовали. Как выжигало их души бессилие. И как не выдержало сердце - сначала у отца, потом у мамы. Отец тоже носил в себе пулю. Сквозь крышу бэтээра получил в 68-м году, когда с дружеским освободительным визитом посетил Чехословакию, в составе мотострелковой дивизии, которая базировалась в братской Германии, в восточном секторе. Мама тогда его ждала все три года. И дождалась.

А вот меня Танька не дождалась. Нет, не так. Хуже. Танька меня дождалась. Но увидела не того Ивана, который мог лом на плечах согнуть. Инвалида увидела. И на другой же день передала через собственного отца, что отказывается. Её отец вместе с моим посещал Чехословакию, только не был ранен. Он пришёл ко мне с водкой. Говорил, что стыдно перед покойным другом и передо мной, пострадавшим честно за Родину. Говорил, что выгонит эту стерву из дому и тому подобное. Напился и ушёл. А я отправился искать шатуна. И нашёл Таньке странную замену. Совершенно непонятную суперменку, которая может складником перерезать глотку голодному медведю. Правда, складник у неё - ого-го... И походка пантерья. Загадочная особа. И красива странной, универсальной красотой. В любом народе была бы своя...

Мысли перешли на Машу, и слёзы высохли. Можно повернуться хотя бы на спину. Трудно мне пока лежать на этом боку. Но уже чувствую, что - пока.

* * *

Он хорошо владеет лицом. Но пока поворачивался, я всё же успела заметить, что это ему не просто. Дождалась взгляда, подмигнула и спросила:

- Не пора ли нам кого-нибудь сожрать?

Он охотно подыграл:

- Медведя ждать не будем?

Ударение, шутки ради, сделал на "я". Наш человек, споёмся. Я сказала:

- Его там давно собаки растащили.

Он усмехнулся:

- Точно. Бедный Алёшка. А у нас куры ещё остались?

Я сказала:

- наших курей больше есть не будем. Нехай несутся. У доктора есть деньги на любую еду, даже на водку.

Тут раздался стук, и вошёл Алексей. Положил на стол бумажный пакет, из которого торчали какие-то корешки.

- Вот вам растопырка болотная. Это как раз на три бутылки водки. Измельчить на сантиметровые кусочки, залить водкой на три недели, потом процедить и пить по столовой ложке три раза в день. Вот вырезка из газеты "Аура", там все подробности. Для тебя, Иван, как раз. Можно и растираться. Я сам суставы лечил. Только во время лечения нельзя пить и курить. Мне было тяжело. А ты ведь не

пьёшь, не куришь... Повезло вам, доктор. Идеальный пациент... Ну, я за медведем пошёл. Я уже смотрел, там след ещё виден, но больше никто вроде не ходил.

- Даже собаки?

- А они, доктор, шатуна бояться... Деньги-то на водку есть? Может, и на хлеб не осталось?

Я сказала, что есть. Он вздохнул облегчённо:

- Ну и ладно. А то я свои, что заработал, с девками прогулял. А Ванькиной пенсии - только на верёвку, извиняюсь... Ты смотри, Иван...

И вышел. Иван пробормотал вслед:

- Чего смотреть-то?..

Но, конечно, было ясно - чего.

* * *

Маша умела быть своей. Называла себя - "медик-циник-медик". Легко говорила на любую тему об организме. Но я всё равно сгорал от стыда, когда приходилось пользоваться подкладной "уткой". Красивая женщина и поломанный урод. Притом самоубийца.

Две недели я так сгорал и упорно тайком тренировался. Методами статической гимнастики и самомассажа. Молодому телу всякая гимнастика впору. На пятнадцатый день сам встал и сам, с палкой, доковылял до сортира. Моя хозяйка хладнокровно наблюдала с крыльца.

Двор был расчищен от снега. Солнце било в глаза до слепоты. У Алексея во дворе вымораживалась на распялках медвежья шкура. Без головы. Голову он таксидермическим способом обрабатывал для украшения горницы: "Девок своих пугать". Он забегал к нам почти ежедневно. То с медвежатиной, то с картошкой, то проверить, как настаивается растопырка. Говорил: "Смотрите, как на коньяк похоже! Жаль, что пить надо с водой. Я попробовал без разбавки - ударило по низу живота. Но ты, Ванька, пей, не бойся. Она всем помогает". А Маша комментировала: "Будешь к завтраму здоровый, если нонче не помрёшь". Это не было обидно, это из русской сказки.

Мы с ней жили на удивление душевно. Я даже не верил. Думал, что только у моих родителей такое было возможно. Притом она со мной в поддавки не играла, не угодничала, а как-то ухитрялась говорить нужные слова в нужный момент.

Самое главное, что проклятый сон со стрельбой всё же перестал беспокоить. А когда я начал принимать Алёшкину растопырку, сны вообще исчезли. Небытие. Настоящий отдых.

Правда, был ещё один сон. Довольно странный. Я как-то на ночь выпил настой крепкого горячего настоя чаги. Во всех отношениях полезное пойло. И спал глухо. А перед пробуждением приснилось вот что.

Едва Его распяли и подняли крест, как землю начало трясти. Люди разбежались. Из трещин пошёл горячий сероводород, потом с его запахом вода, тоже горячая. Кругом молнии, конечно. Тут же образовывались грязные тучи, а сильный ветер их уносил. Под крестом земля лопнула, и крест провалился на три метра, до самых ног. Он остановился так, что Распятого сорвало с гвоздей. Он бродит по пустой земле, раны заживают в сероводородной воде. Он спрашивает в пространство:

- Ты меня спас или покинул?

Я рассказал этот сон Маше. Она его истолковала как начало излечения.

* * *

Иван очень трогательно стеснялся, когда я выносила из-под него "утку". Отворачивал лицо и напрягался так, будто силой мог отогнать от меня этот запах и эту неловкость. А я ухмылялась и вспоминала, что мои прошлые пациенты, доблестные вахабиты в чеченских горах, совсем не стеснялись. Похабничали, матерились и вели себя с такой требовательностью, будто я им отдаю копейки с больших долгов.

Иван светился от гордости, когда сам пошёл на улицу в туалет. Меня к себе не подпустил. Заявил, что тренировался и уже вставал, когда я ходила в магазин. Так что пусть я иду не дальше крыльца и то на расстоянии. Мне, при моём суровом воспитании, это было понятно и приятно. Он ковылял с отцовской тростью по ветхим доскам двора, а я боялась, как бы трость не попала в щель. Когда захлопнул за собой дверь, я взяла пихло - так они в Сибири называют снеговую лопату - и начала для виду подправлять сугробы. Последние две недели мело изрядно, приходилось чистить двор каждое утро. А теперь всё это сверкало на солнце и было похоже на маленький, мне по пояс, Кавказский хребет.

Когда Иван снова появился, во двор к соседу как раз заходили девки. Алексей их менял, и на этот раз были как раз новые. Одна так себе, другая - хорошенькая блондинка. Она несла пакет, в котором глухо звякнуло стекло. Когда Иван хлопнул дверью туалета, обе оглянулись. Он тоже посмотрел на них, но сразу отвернулся. Я к нему шагнула, потому что показалось - теряет равновесие. Но он строго мотнул головой и дошёл до дома сам. И сам поднялся на крыльцо, даже не поморщился.

Когда улёгся на койку, я спросила:

- Твои знакомые?

- Почему ты решила?

- Блондиночка посмотрела так...

- Как?

- Как-то горячо.

- Она это умеет.

И рассказал, что была у него здесь одна до армии. Ждать обещала. И дождалась. Но отказалась от калеки. Теперь вот - блудует. Наверно, отец её всё же выгнал из дома. Я возразила:

- Какой же ты калека?

Он сказал:

- Не врите, доктор. Я-то знаю.

- Вот до тех пор ты и калека, пока ЗНАЕШЬ. Что о себе знаешь, то и имеешь. Ты можешь представить себя снова - каким был?

- Нет.

- Ты должен суметь...

Он перебил:

- А зачем? Для чего и для кого?

- А я?

Это у меня вырвалось против воли. Я не хотела себя вмешивать. Я сказала это очень тихо. Теперь вдруг захотелось, чтобы не услышал. Но он услышал. Ответил сразу.

- Ты у меня сейчас единственный человек. Ближе нет. Но ты вылечишь и дальше поедешь. Я вижу: что-то тебя гонит... Вот скажи, откуда ты и куда?

Он не верил мне. Я сказала:

- Ничего о себе не знаю. Прошное уже не существует. А будущее - ещё... Но я знаю о тебе: ты боишься предательства. И моего в том числе.

Он молча кивнул. И смотрел в упор, как в прицел. Я сказала:

- Ты думаешь, что предают только друзья. Что лучше иметь врагов, потому что они предать не могут. А я тебе скажу, что друзья не предают. Предают только предатели. Водила я дружбу с одним предателем...

И замолчала. Я не могла рассказывать про Аслана. Это была братская дружба с самого детства. Я думала, крепче быть не может. Он легко предавал других, а я это прощала: такой, мол, дикий нрав, зато меня он не предаст. А он просто берёт меня для большого предательства. Как рассказать это Ивану? Как самой понять: нужно ли хоть какому богу предательство во имя его? Что же это будет за бог? Может, и прав был Моисей, когда казнил половину своего народа за поклонение золотой отливке? Впрочем, у Ивана всё проще. Беспечная, обеспеченная деваха желала безбедной жизни с красивым парнем, вот и ждала его из армии. А дождалась с войны. Парней больше нет, а этого на себе тащить ей неохота. Вот и пустилась тратить единственный свой капитал - молодое здоровье. Всё нормально - для животных. А кто же я? Перед Иваном я в долгу. Это я его искалечила. И ни при чём тут политика. Там другой мир, который не может существовать без войны. А я врач, пусть и без диплома. Я клятву Гиппократата не давала, но я её знаю и признаю. И кроме неё кое-что есть. То, что отличает человека от скота. Стыд. Мне стыдно за всех, кто убивает. Поэтому я не смогла бы стать шахидкой. Даже если есть мусульманский рай, я не хочу в него: меня там замучает стыд. Перед теми беззащитными и невинными, которых я убью или искалечу. Не навреди! Мне стыдно даже перед Иваном, хоть и покалечила его в честной перестрелке. Но зачем была сама эта перестрелка?..

Нет, определённо студенчество меня испортило. Мишка-еврейчик называл это интеллигентской рефлексией. Он говорил: "Ах, чувство вины, чувство долга, ах, совесть! А жрать-то хочется! А переспать-то не с кем! А помыкнуть-то мы все не прочь! Ну, не все, не все, но ведь почти же все!" Мы смеялись его шуткам. А он не шутил. Наш маленький Ницше. Он рассказывал нам легенду о том, что где-то в мире есть такой человек, от которого зависят все войны. Служит боцманом на эсминце или водителем бронетранспортёра, а может - и генералом, это неважно. Главное чудо в том, что он - единственный, на ком держатся все войны. Вроде опорного шеста в квадратной палатке: убери его - и палатка рухнет. Но этому человечку нравится служить, даже воевать. И война его щадит, чтоб из-за него не исчезнуть. А уйти он должен только сам. Только при этом условии все армии разбегутся. Где он, кто он, как его найти, как уговорить? Одно отличие есть: он слышит заговорённым. Вот как я. Но я ушла, а война - не кончилась. Жаль...

А от Ивана я не уйду. И не только из чувства вины. И не только из долга врача. Он сильный, к сильным привязываются. До сих пор его сила была направлена к самоликвидации. Как прыгающая мина, на которую уже наступили. Убери ногу - и mine конец, и тебе. Это я на него наступила. Я должна его разминировать. Иначе погибну сама, без всякой помощи суровых соплеменников. Стыд меня сгложет.

Вот так я думала и молчала. А он молчал и ждал рассказа о дружбе с предателем. Я ещё разок ругнула себя за болтливость и решила отделаться сказкой.

- Скорпион говорит лягушке: "Перевези меня через ручей". Лягушка отвечает: "Но ведь ты меня ужалишь". "Да как же можно ужалить своего спасителя?!" "Ну, садись на спину". Плыл скорпион на лягушке и думает: "Но ведь я должен её ужалить. Иначе какой же я скорпион?" Едва вылезла на берег, он ужалил. Умиравшая лягушка упрекает: "Ты же обещал"...

- А скорпион отвечает со слезами: "Вот такое я дерьмо". Значит, не хочешь рассказывать. Вот видишь...

Он моложе меня. Он не изучал ни психологию, ни психиатрию. Но он сказал два слова, и мне нечем возразить. А ведь как высокопарно рассуждала: "Ему, непьющему и некурящему, остаться сейчас одному - верный суицид. Я должна любой ценой его спасти!" Вот, спасла... Соображайте, доктор, быстренько. Большой смотрит в упор и думает - о чём? О суициде? О смысле жизни? О смысле смерти? Да любовь же в его глазах! Там, в соседней хате, блудует сейчас бывшая его возлюбленная. Научно говоря, этот дистрессор можно ликвидировать только более сильным положительным...

К чертям науку! Я села рядом с ним и поцеловала. Он обнял...

Да, этими руками можно гнуть ломы на собственных плечах...

* * *

В начале декабря мы с Машей познакомились, а в марте съездили в райцентр и расписались. Теперь она не Карасик, а Микулина. И не Димовна, а Дмитриевна. Стала моей женой не из жалости, а я на ней женился не из благодарности. И не из мести Таньке. Всё как у добрых людей - по страстной любви. За новогодним столом мы оба вспомнили, что родство почувствовали оба в одну минуту, когда впервые посмотрели друг другу в глаза. Только так и можно УВИДЕТЬ. Мёртвый шатун, кровь, боль - и родство. Нормально и надёжно. На себе вытащила чужого человека, три месяца выхаживала... И мне совершенно без разницы, что ничего о ней не знаю. Она так же надёжна, как те ребята, с которыми вместе я погибал в Аргунском ущелье. Большого не нужно. Я верю, что она училась в Ростове на врача, там же попала в шахидский взрыв и потеряла память. Даже если врёт, всё равно верю. Потому что люблю её. Сильнее этого доверия не бывает. Она немного старше меня, у неё что-то страшное в прошлом, но зачем ворошить? Прошлое не существует. Не надо ходить пятками вперёд.

* * *

Мне трудно далось это замужество. Что-то вело меня, притом так сильно и неизбежно, что сопротивляться оказалось бессмысленно. Хотя я и сопротивлялась. Как ни странно, особенно мешала мысль, что происходит не замужество по любви, а легализация. Меняю фамилию и отчество, окончательно растворяюсь в русской среде... И любовь как будто ни при чём. Становлюсь миной замедленного действия, ибо в меня заложено ваххабитское воспитание, и когда-нибудь оно должно будет сработать. Придут те, кто помнит и ищет меня, скажут заветное слово и подадут пояс шахида: "Не забыла, как пользоваться?" Так вот чёрта с два! Я не буду с вами даже разговаривать. Я знаю вас, волков. Я ударю первой... Я боролась с собой, как Иван с болью. Я доказала этой ваххабитке, что все боевые навыки больше не понадобятся, что они вообще получены зря, что сменила я только отчество, но не Отечество, что мне Сибирь и Кавказ - одна Родина, что я одинаково думаю по-русски и по-чеченски, что надо не убивать, а любить, и не бога любить, а человека, и бог простит, потому что для такой любви он нас и сотворил... В общем, когда в районном бюро ЗАГС дежурно спросили, по любви ли выхожу замуж, я с чистой душой ответила утвердительно.

Работы для меня в Пасоле не нашлось. Только санитаркой при местном фельдшере. Но я отказалась. Жили на Иванову пенсию и на остатки тех денег, что я привезла с собой. В мае посадили огород. Главное - картошка, лук, чеснок, репа и морковка - витамины на зиму. И ещё земляная груша, неизвестное мне растение, похожее под землёй на картошку, а сверху - на подсолнух. Иван в родительских бумагах раскопал о нём (или о ней?) много интересного: и лечит, и питает, и многолетнее, и ухода особого не требует, и вкусное, и зимует в земле. Пища дикарей.

Сосед Алёшка, тоже сирота, завидовал нашим дружным трудам. Жениться он принципиально не хотел, огород имел запущенный и жил тем, что давала тайга. Сажал только картошку, да и ту забывал окучивать. Он слыл неплохим охотником, держал огромную белую лайку по имени Мастер. Этот пёс и был ему главным другом. Они вместе даже рыбачили. Он даже рассказал нам сказку - будто бы о своём знакомстве с Мастером:

"Сидит собака у реки и зовет:

- Эй! Кто в воде живет?

Звала-звала, выглянула рыба:

- Чего шумишь?

Собака говорит:

- Есть хочу.

- Копай червяков да и ешь. Справная пища.
Собака роет, рыба смотрит. Попался червяк. Собака прикусила да и выплюнула. Рыбе это смешно.

- Ах, так? - говорит собака. - Тебя съем!

Собака - в воду, рыба - прочь.

Вылезла голодная на берег, сушится и скулит. А мимо скачет заяц:

- Ты чего, мокрая, скулишь?

- Есть хочу.

- Так ты глодай кору осинову - сила в ней.

Собака укусила кору - горько. А зайцу смешно.

-Ах, так? - говорит собака. - Тебя съем!

Бросилась на зайца, а он ускакал. Сидит собака, язык до земли, дышать нечем, слезы текут. А на колючий куст прилетела птичка:

- О чем, собака, плачешь?

- Есть хочу.

- Так лови мух. Они жирные.

Собака зубами щелк - и жует муху. Пожевала, выплюнула, осерчала и - на птичку:

- Тоже смеешься? Тебя съем!

Птичка улетела, собака вылезла из куста, плачет, колючки из боков выкусывает. Тут как раз человек - идет, не торопится, палкой себе помогает, на плече - мешок. Остановился и говорит:

- Красивая собака, поешь моего хлеба.

- Обманешь, - говорит собака. - Лучше сразу тебя съем.

- Не ешь меня, а то ударю.

Но собака бросилась. Человек ударил ее палкой и говорит:

- Храбрая собака, поешь моего хлеба.

- Ладно, - говорит собака, - давай попробую.

Съела хлеб и вильнула хвостом - один раз.

- Хорошо, - сказал человек. - Приходи в гости.

И пошел без оглядки.

Собака посидела, подумала и тайно пошла за ним.

Так дошли до его дома. Человек обернулся у ворот и говорит:

- Заходи, любознательная собака.

Собака не ответила и пошла прочь. Тогда человек улыбнулся и закрыл за собой ворота и дверь. Едва он скрылся в доме, собака забралась к нему в огород и легла между грядок. Человек это видел в окно, однако не вышел.

Скоро явился заяц и хотел выкопать из грядки морковку.

- Р-р-р, - сказала собака. - Пр-р-рочь, вор-р-р!

Заяц убежал. Человек это видел в окно, однако не вышел,

Прилетела птичка, стала клевать ягоды с куста в огороде.

- Пр-р-рочь! - сказала собака. - Р-р-разор-р-рву!

Но птичка засмеялась и села повыше - там ягоды еще вкуснее.

Собака залаяла.

Тогда из дома вышел человек и прогнал птичку. А собаке он сказал:

- Верная собака, пойдем ловить рыбу.

- Рыбу не поймать, - возразила собака. - Мы с тобой неуклюжи.

- Мы ее обманем, - сказал человек. Он взял удочку и банку с червяками и пошел к реке. Собака пошла тоже - просто посмотреть.

Человек нацепил червяка на крючок и забросил удочку в воду. Глупая рыба попалась.

- Ты эту рыбу съешь, - сказал человек собаке.

- Нет, - сказала собака. - Ты поймал, ты и ешь.

- Скромная собака, - сказал человек, - давай жить вместе.

- Я подумаю, - сказала собака.

- Хорошо, - сказал человек. И снова забросил удочку. Он поймал вторую рыбу и спросил опять:

- Умная собака, будем жить вместе?

- А хлеба нам хватит?

- Хватит, - пообещал человек. - Согласна?

- Я пойду, - сказала собака, - поохраняю твою морковку и там подумаю. А ты пока лови рыбу.

- Хорошо, - ответил человек. - Вот тебе хлеб на дорогу.

Собака взяла хлеб, дважды вильнула хвостом и убежала. Человек наловил рыбы и пошел домой.

- Красивая собака, - сказал он в огороде, - храбрая собака, верная собака, скромная собака, любознательная собака, честная собака...

- И добрая, - добавила собака.

- Добрая собака, - сказал человек, - будешь со мной жить?

- Уже живу, - ответила собака".

Я сказала Алексею, что он хорошо рассказывает, складно. Только что-то я нигде такой сказки не читала. Он совершенно серьёзно ответил:

- А где бы ты её прочла? Я ж говорю - это о нашем с Мастером знакомстве.

- Сам, что ли, сочинил?

- Да. Устная народная сказка. По-научному - фольклор. А ты запоминай, будете с Иваном своим деткам рассказывать.

Спасибо, добрый друг Алёшка. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Хоть и не всегда ведают, что творят.

В июле, когда мы окучили без Алексея его картошку, он так растрогался, что пришёл с водкой и свежей стерлядкой. И сказал:

- Таньку я прогнал, Ваня. Ты не обижайся, что я тут с ней немного... Как бы у тебя на глазах. Женщине ведь отказывать - грех большой. А потом можно и прогнать... Это, Машенька, к тебе не относится. Ты - человек. Мне Иван на ухо сказал, что это ты медведя зарезала. Я охотник, я это понимаю. Я уважаю тебя. И я рад за Ваньку. Ему как раз такая жена была нужна. Мне тоже такая нужна, но - не судьба. И хорошо, что не судьба. Не нужна мне такая жена. Мне нужна домоседка. Но чтоб не гуляла. Но это несовместимо. Таёжнику и моряку постоянную женщину нельзя иметь. В общем, мир устроен справедливо, но неправильно. И нечего ломать над ним голову. Будем жить.

И сам допил свою водку. А потом сделал предложение.

- Вот что ребята. Я немного постарше вас. Вам стоит меня послушаться. Тут приехал братан ко мне. Брат двоюродный. Или как там - от другого отца. Сводный? Я его помладше. Запутанная семейная история. В общем, у меня фамилия - Лобов, а у него - Босой. Забавно, нет? Да ещё зовут по-княжески - Игорь Олегович. Хотя еврей, конечно, такой же, как я. Мать у нас еврейка, но предпочитала русских мужей. Когда её свои укоряли, она смеялась: "А всё равно у нас национальность по матери передаётся!" Я её обожал. Настоящая была русская женщина. Но на этом юмор кончается. Брат мой - серьёзный человек. Командует экспедицией в геофизике. Это, если по-заводскому, начальник цеха. Там несколько экспедиций, над ними - трест, а над трестом - Росгеофизика. Ну, это просто так, для сведения, что не хухры-мухры. Геофизики идут первыми, они с планетой на "ты". Они геологам показывают, где искать, а те показывают добытчикам, где ставить забой. Между прочим, у них - что нефтяная скважина, что шахта - одинаково забоем называется. Я в геофизической партии немного работал. Но это тоже так, к слову. Короче говоря, есть ещё одна геофизика, промысловая. Она работает с добытчиками. Указывает буровикам, куда бурить, глубину бурения, глубину нефтяного пласта - ну, это тоже неважно. Главное, что там у них есть взрывчатка. А эту взрывчатку надо охранять. Вот поэтому Игорь и приехал. Они разрабатывают новое месторождение, называется Лосиное. Ставят там склад ВВ - взрывчатых веществ. Ещё говорят - ВМ - взрывчатых материалов. Ну, это не важно. Важно, что на этот склад нужны охранники. Два человека. Люди надёжные, чтоб за них ни у кого не болела голова. Братан зовёт меня. Я-то раньше охранял такой склад. Говорит: хорошее дикое место, охота, тишина - всё, что мне нужно. Только найди напарника. Я и подумал о вас.

Иван сказал:

- Но нас же двое. Нам врозь нельзя. Опять же, у меня инвалидность. А там, поди, вахтовый метод. Медкомиссию не пройду.

- Это ты не прошёл бы, если бы самолётом летать из города. А здесь - только вездеходом. Два часа на "газушке". Знаешь, гусеничный вездеход, ГАЗ-71, даже плавает маленько.

- Шумный такой, рычит, как бэтээр.

- Да, противная машина. Но на нём только летом. А зимой - на колёсах по зимнику, с комфортом. Две недели там, две недели дома. А можно - по месяцу. И платят - как доцентам.

Я напомнила:

- Но ему нельзя одному. Даже с тобой. Ему медик нужен.

Алексей засмеялся.

- Знаем, какая у молодожёнов медицина! Но я не всё сказал. Вы слушайте. Братан говорит: "Ищи себе напарника, а мне ещё смену вам искать". Понятно, да? Две недели работает одна пара, а потом их сменяет другая. Одна моя, другая ваша! Я себе напарника найду, нет проблем. А вас я Игорю предложил сразу. Извините, разрешения спрашивать было некогда. Понадеялся, что простите и согласитесь.

И очень славно ухмыльнулся. Он так ухмылялся только своему лохматому Мастеру.

Я спросила:

- А Мастера куда денешь?

- А куда? С собой, конечно. Он у меня - "второе Я". Короче, вечером мы с Игорем ждём вас. Дело срочное, завтра надо ехать.

Вооружённый курорт.

Медкомиссию и в самом деле проходить не пришлось. Оформили нас не охранниками, а рабочими подменной партии. Это значит - делай, что скажут. Местных на вахтовый метод тогда так ещё можно было брать.

Приехали на месторождение. С собой - только немного продуктов. Босой сказал, что там столовая рядом. Но Маша всё-таки прихватила котелок, чайник, миски, кружки и ложки. Всё алюминиевое, по-походному.

Ехали в обычной одежде. Босой сказал, что спецовку выдадут на месте. Сказал он, что жить там будем прямо на объекте, потому что склад кратковременный, как бы почти не существующий. Я сказал: "Временные сооружения - самые живучие". Он подтвердил: "Т-так т-точно. З-знай продляй разрешение раз в полт-тора года. - И добавил: - Т-только учтите, ребята. В отпуск будете х-ходить врозь".

Он ехал на "газушке" вместе с нами и всю дорогу держал между колен кавалерийский карабин образца 1944 года. Сказал о нём : "М-мой ровесник".

Дорога была - разбитый зимник. Вездеход качался, нырял, задирает то нос, то корму, и стены хвойного леса по бокам дороги вели себя точно так же. Маше такая езда нравилась. Раньше я моментами замечал в её глазах тоску, а теперь был такой весёлый азарт, будто она вернулась, наконец, к любимому занятию. Жадно глазела в маленькие окошки брезентового тента, часто улыбалась. Босой за ней наблюдал и мне подмигивал: "Эт-то ей не в К-краснодаре! Т-там т-такого леса нет! Т-там степь!" Маша его слышала и кивала.

С нами с салоне больше никто не ехал. Остальных везли самолётом из Томска и вертолётном из Северного. Дорогое удовольствие. Но дешевле, чем строить в тайге постоянное жильё. Им даже бельё стирали в Северном. Вот его мы и везли в тюках. И нашу спецовку тоже.

Вахтовый посёлок явился через три часа езды.

Основательным строением там была только щитовая столовая. Остальное - жилые вагончики да подсобки. Точно посреди посёлка чадил газовый факел. Он походил на букву "Т" с загнутыми вниз концами, из которых бил огонь и капала в воду горящая нефть. Чтобы вода не растекалась, вокруг факела, как вокруг городского фонтана, был насыпан грунтовой вал. Над факелом стоял столб чёрного дыма. Из одного горла дым выдыхался кольцами, и эти кольца тоже ввинчивались в небо. Этот огненный фонтан выглядел жутковато. Маша сказала:

- Змей-горыныч!

Пока огибали факел, Босой показывал:

- В-вон там буровики живут, эт-то их котельная, в-вот-т станция подготовки н-нефти, рядом есть бассейн с горячей сеноманской водой, с двухкилометровой глубины, там можно лечить рад-дикулит...

У котельной из большой автоцистерны переливали нефть в более крупную ёмкость. Я спросил:

- Котельную нефтью топят?

- Ну да! Свежей, ещё горячей, прям-мо из глубин.

- А рядом в факеле зря сжигают газ. Почему?

Он таинственно ответил, что газом топить "нетехнологично". И показал:

- А в-вот и наша база.

База геофизики примыкала к самому лесу. Вагончики и дощатый гараж были составлены так, что замыкали квадратный двор. Обращённую к лесу сторону двора занимал всего один вагончик, зато рядом с ним был шлагбаум, а за шлагбаумом - большая квадратная загородка из колючей проволоки, с тяжёлым висячим замком на колючих воротах. В загородке стояли три стальных ящика без окон, каждый величиной с автомобильную будку. Все они были установлены на полозья из толстых труб, выкрашены алюминиевой краской и увешаны такими же висячими замками, как на воротах. Рядом с ними торчали мачты с громоотводами. Босой сообщил:

- В-вот ваш объект.

Мы выгрузили из вездехода тюки и занесли их в гараж, где оказалась отгородка, именуемая вещевым складом. Из этих тюков нам тут же было выдано постельное бельё и спецовка. Мы отнесли вещи в свой вагончик, а Босой нёс карабин. В вагоне уже лежал на столике пустой журнал, и мы поставили в нём первые росписи о приёме оружия и двадцати патронов, которые наш начальник извлёк из кармана своей необъятной куртки. Он и сам был необъятного телосложения, совсем не похожий на поджарого сводного брата. Лысая голова с выпуклыми глазами и с клиновидной бородкой, лёгкое заикание - всё это было от какого-нибудь юриста царских времён, а вовсе не от лихого первопроходца с тридцатилетним полевым стажем.

Когда расписались за оружие, Босой заявил без улыбки:

- В-вот этот к-караб-бин и патроны - ваш главный охраняемый объект. В-взрывчатка в контейнерах специфическая, она ник-кому не нужна. А в-вот поохотиться тут все любители... Вы, к-кстати, как на этот счёт?

Мы оба сказали, что убивать животных не любим. Он вздохнул:

- Зав-видую. У м-меня дома и к-карабин охотничий, и винчест-тер... П-привык когда-то в экспедициях. Эт-тим ведь кормились... Н-ну, живите. Давайте-ка проверим связь.

И позвонил с нашего телефона жене в Северный. Сказал, что уже выезжает и к ночи будет дома. До Северного - триста километров. Но уже по бетонной дороге и на легковом "уазике".

Было первое августа. Дождик моросил уже по-осеннему.

* * *

Иван согласился на вахту с некоторым недоверием. Сказал наедине, что без меня не поехал бы. И вообще не жил бы. Но он об этом говорит последний раз и больше не будет. Взяться попробоваться - давай попробуем. Он тоже верит пока, что молодость может справиться с такими травмами.

Я спросила, как он относится к тому человеку, который ему эти травмы нанёс. Он сказал:

- В бою мы старались убить друг друга, это нормально. А в мирной жизни, может, были бы друзьями. Жизнь вообще - дело тёмное.

Это очень важно. Это было вроде прощения. Но всё равно я ни за что не рассказала бы ему. Ведь своё желание выжить и вылечиться он связывал только со мной. Но я - очень даже смертна. Во мне очень тяжёлая травма. Только рядом с Иваном она не дышала таким смертным холодом. Просто лежала где-то внутри, как холодный камушек. Лишь тогда бывало совсем холодно, когда тело напоминало, что больше оно рожать не хочет и не может. Я, наверно, и сама покочевала бы по этой Сибири, по этой Земле да и улетела бы с тоски на какую-нибудь другую планету. Теперь можно было только удивляться, как заботливо, как вовремя Аллах послал мне такого же спутника, как я сама. Еврейчик Мишка обязательно позубоскалил бы по этому поводу. Мол, два костыля - пара.

Вот, опять вспомнила родной ростовский лечфак. Надо ж было так глупо недоучиться.

Впрочем, с дипломом врача я должна была бы работать на виду, и тогда лихие ваххабиты нашли бы меня без особого труда.

До чего же безвыходная штука жизнь. Думаешь, что идёшь сама, а оказывается - это она тебя ведёт, толкает, тащит волоком - к верной смерти. За что любить её, такую? У Мишки была и ещё шуточка: "Говорим, что после смерти окажемся в лучшем мире, но почему-то изо всех сил цепляемся за худший".

Вот, кстати, интересный вопрос. Боюсь ли я ваххабитов, если сама была ваххабиткой? Ответ положительный: да, боюсь. Потому что - была. Потому что перестала верить свирепым догмам. Потому что всех людей для себя уравнила и молюсь язычнику Гиппократу. Не навреди. Это гораздо труднее, чем подстеречь и уничтожить неверного. Да ещё за доллары.

Чума, чума на все ваши дома! Видеть вас не желаю! Буду жить самой простой жизнью в самой глухой тайге, буду есть пищу дикарей, эту земляную грушу, но не буду больше стрелять по людям...

Однако вот ведь что забавно: оружие-то меня опять само нашло. Вот он, кавалерийский карабин трёхлинейного калибра, и патроны к нему, как у автомата Калашникова. Я не хочу убивать, а смерть следует за мной. Теперь, значит, христианский бог искушает меня? Он ведь любит испытывать нас на вшивость, как говаривал Мишка-еврейчик. С Аллахом проще: погибаешь в бою с неверными - и в рай. А христианину душу надо пестовать, чтобы она вылетела из тела, как прекрасный мотылёк из личинки ...

Бедный мотылёк моего нерождённого ребёнка... Нет справедливости ни в чём и нигде. И никогда не было. Но потому, наверно, жить можем, что надеемся на будущую справедливость?..

Нельзя столько думать об этом. Вообще думать вредно.

Чего добивалась покойная мама, заставляя меня учиться? Неужели не понимала, что знание и слепая вера - вещи несовместные? А зрячей веры просто не может быть... Есть уверенность - это от знания. Есть надежда - это от души и для души. И есть вера - утешение невежд. Мама, зачем ты заставляла меня учиться?

Впрочем, если бы не заставляла, я бы и без этого выучилась. Человек рождается с готовыми склонностями. Среда только развивает их или тормозит. Я родилась готовой к ученью. Мама разглядела способности и никому не позволила помешать мне. Она говорила всем: "У Марьям талант к ученью. Она будет нужна своему народу знаниями. Будет лечить и учить. А домашних хозяек хватит и без неё". Мама! Твоя Марьям не стала никем. Даже матерью твоих внуков. Даже шахидкой. Теперь она попробует стать просто домашней хозяйкой. И спасти гяура. Это очень добрый гяур. Его обязательно надо спасти. Аллахоугодное дело, как сказал бы еврейчик Мишка.

* * *

Маша оказалась совой. Она взяла себе все ночные дежурства. А мне велела спать и спать, квантум сатис, то есть - сколько влезет. Она забавно говорит, что сон нужен человеку для ремонта. Весь день глупый разум заставляет бедное тело вкалывать мимо всех желаний, поэтому оно и отрубается, чтобы ремонтные бригады успели за время сна навести порядок. Сказала: "Сном излечишься".

Я спросил, не помнит ли она, почему не стала учиться дальше в институте. Ответила, что не помнит. Я спросил, а не хочет ли она сейчас доучиться. Ответила, что не хочет. Она о своём личном

говорит коротко и односложно, как индеец у Фенимора Купера. Да и вообще она мало говорит. Совсем не женское достоинство. А мне хочется с ней говорить. Она интересная рассказчица.

Сегодня утром, сдавая дежурство, рассказала о маленьком приключении. Услышала в три часа сильный удар, аж вагон задрожал. Вышла во двор, осмотрелась. К нашему вагону приколочена железная мачта одного из громоотводов. Во все стороны от неё идут растяжки из тросов. Об одну растяжку ударились сова. Видимо, её ослепил прожектор - один из четырёх, которые светят на хранилища ВМ. Сова копошилась в трёх шагах на земле, Маша её хорошо рассмотрела. Но когда хотела помочь, та ускакала под вагон. Здесь почва болотистая, все строения стоят на сваях или на полозьях.

Потом Маша спросила:

- А знаешь, почему весь наш вагончик нефтью забрызган? Это ветром от факела несёт.

- Но до него же метров полста!

- Семьдесят. Когда я выходила, был сильный порыв. Может быть, такой же сбил сову с курса. А мне забрызгало нефтью всю физиономию. И воздух, как из выхлопной трубы.

- За это здесь сторожам и платят, как доцентам...

- Ну и пусть. Я уже слышала, что зимой наш склад перевезут в базовый посёлок Лидер. Там строят новые хранилища. Не на краю посёлка, а совсем в лесу. Вот где Алексею с Мастером будет раздолье.

Она все новости успевала узнавать раньше меня. Это понятно. Коллектив мужской, женщина красивая, всем хочется поговорить и удивить. А чем удивлять? Новостями. Например: "Вы, Машенька, правда, никогда не видели клюквы?! Так мы вас числа десятого сентября свозим на болото... А пока вот вам береста, вот так сверните, вот этим шнуром прошейте - получится коноба, будете в неё клюкву собирать". Она меня спросила: "Не ревнуешь?" Я сказал: "Мы с Гиппократом тебе доверяем". Она засмеялась: "Ты уже шутишь, как Мишка-еврейчик". Что ж, с кем поведёшься. Я скорее ревновал бы её к этому Мишке. Он не сходит у неё с языка. Всё прошлое своё забыла, а Мишку помнит. Надо же...

* * *

Постоянно думаю, верит ли Иван в мою потерю памяти. Кажется, что не очень. Кажется, я слишком часто вспоминаю высказывания Мишки-еврейчика. Подозрительно выборочная забывчивость. Как-то Иван даже осторожненько намекнул на это. Я ответила с важностью профессора, что этот феномен легко объясняется моей чрезвычайной чувствительностью к словесности. Я очень начитанная, легко усваиваю языки, и этот сектор памяти у меня совершенно не пострадал. В общем, лапша на уши. Но Иван хотел поверить и поверил. Они с Гиппократом доверяют мне, и я это ценю. Даже моя ложь о потере памяти - больше не ложь, а сильнейшее желание забыть о ваххабитской жизни.

Та жизнь кажется мне противоестественной не только из-за её ограниченности. Мы ведь жили не одни. Мы были перемешаны с русскими, с казаками. У них была своя церковь, своя культура. Но ходили мы все в одну школу. Казачата, как и мы, говорили на двух языках. Забавно: я не раз слышала, как русские мальчишки матерились по-чеченски, а наши - по-русски. Предпочитали почему-то.

Но было ещё домашнее, закрытое обучение. Национально-религиозное. Совсем не такое, как в школе. У русских, знаю, этого не было. А во многих наших семьях детям преподавали двоедушие. То была обида за покорение Кавказа русскими царями и за высылку чеченцев при Сталине. Кто-то старательно подбрасывал дровишки в костерок ненависти. А я была умная девочка и довольно быстро всё поняла. И сначала поверила: Кавказ должен быть един и свободен. Я готовилась его освободить. Этому учил дед, и он гордился моими успехами. Он любил слушать, как я по памяти читала Коран на арабском. Он не возражал, чтобы казаки жили вместе с нами. Но пусть примут истинную веру. Аллах таки ж акбар.

Чего хотела мама, я так и не поняла. Она соглашалась с дедом, но она была советским партийным работником. Она гордилась тем, что обе нации одинаково уважают её за честность. А выше честности она ничего не признавала. Только уточняла: честность перед собственной совестью. И я долго доходила детским умом: как можно отделять честность от совести? Разве это не одно и то же? Любимым предметом в школе была литература, я в ней находила многие ответы. По случайному пособию освоила курс быстрочтения и прочла всю сельскую библиотеку. Но с совестью и честностью пришлось разбираться самой. Однажды вдруг задумалась над отменённым лозунгом, который разве что на заборах не писали: "Партия - ум, честь и совесть нашей эпохи". Никогда его не замечала, а когда отменили - задумалась. Сначала - почему только "нашей эпохи", почему не любой? Потом - почему только партия? Ум, честь и совесть должны быть у каждого и всегда. Дальше - насчёт ума: не у всякой партии его может быть больше, чем у одного мудреца. Есть даже математическая шутка: "Суммарный разум толпы всегда меньше наименьшего из слагаемых". Оставались честь и совесть. И

только тут до меня, такой умной, дошло: ведь честь и честность - вот что одно и то же! Нет честности - и совесть можно подавить. Сильная воля для этого найдётся у любого негодяя.

Я уже знала, что в человеке есть два разума: сознание и подсознание. Первым можно управлять, другое - само по себе. Но если подсознанием нельзя управлять, то хоть подслушивать-то можно? Попробовала - и получилось. Может быть, это был мой первый медицинский эксперимент.

Впрочем, нет. Первый эксперимент я поставила в четыре годика. Кто-то нечаянно растоптал во дворе жёлтенького пухового цыплёнка, и его выбросили на помойку. А я подобрала, уложила внутренности на место и зашила. И стала ждать, когда оживёт. За этим ожиданием меня застала мама и сказала: "Этот ребёнок будет врачом, и нас не остановить".

Так что, эксперимент с собственным подсознанием был первым только по успешности. Я научилась слышать слабый голос совести, когда творила жестокость или иную несправедливость. Пришлось, правда, поразмыслить ещё о понятии справедливости. Оно не было медицинским и раскрылось не без труда. Я давала ему множество определений, но все меня не удовлетворяли. Всегда получалось, что справедливость имеет обратную сторону, обидную хотя бы для кого-то одного. Например, чтобы накормить голодного, надо отнять у сытого. Только медицина, как это ни забавно, помирила все мои определения: "Не навреди". Это для меня означает, что справедливость - не результат, а процесс. Если непрерывно стараться не навредить, ты не только сама себе будешь казаться справедливой, но и люди станут тебе доверять. Пока это наибольшее, на что я способна. Кажется, такой была и моя мама.

По настоянию мамы я готовилась поступать в ростовский медицинский институт. Даже успела поработать санитаркой в районной больнице. Мама не знала, что у меня уже давно началась самая настоящая медицинская практика. Каждое лето в горных лагерях я не туризмом занималась, а воинской спецподготовкой - всем, что нужно для успешного боя в горах против превосходящего противника. Вся медицина там лежала на мне, а травматизма в таких делах предостаточно. Если бы не эти лагеря, не видать бы мне и медицинского института: дед имел достаточно власти. Но дед кротко кивнул на мамины требования: "Хорошо, пусть поступает".

И я поступила. По особому федеральному списку, как национальное меньшинство. Впрочем, всё сдала на одни пятёрки, без поддавок.

Вот тут моё подсознание и закричало в полный голос: "Книги!" Я уже знала латынь, зубрёжка медицинских терминов давалась мне в одно касание, и я могла читать всё, что захочу. А я хотела многого. В моём подсознании был готов длинный список очень разной литературы - и художественной, и очень специальной.

Начала я, конечно, с Библии, категорически запрещённой для ваххабитки. Потом удалось достать Талмуд. Пощипала и прочие религии, благо библиотек в столице Дона хватало. Для отдыха пролистывала Гёте и Боккаччо. Внимательно изучила мудреца Экзюпери. Упивалась небесно прозрачным Пушкиным. Скрипя зубами, выучила наизусть лермонтовского "Беглеца" и "Колыбельную", где "злой чечен ползёт на берег". Перечитала много раз "Хаджи-Мурата" и ради артиллерии поручика Толстого простила Лермонтову его спецназовское прошлое. Задышалась в рыданиях над рассказами Шаламова. Открыла для себя Лескова и - поняла русскую душу. Только Чехова так и не приняла: не мой оказался писатель. Вообще не люблю читать о стыдном. Это не будит мою душу, а унижает. Волчица, что взять...

На каникулах я снова ездила в ваххабитские "туристические" лагеря, продолжала спецподготовку. Но это происходило уже в скрытых муках двоедушия. Мне стало слишком мало этого примитивного героизма. Парни вокруг меня молились Аллаху только для вида. Они просто ничего, кроме войны, не умели и не хотели. В них не было великодушной крестьянской основательности, которую я находила в русских студентах и в наших деревенских коровах. Мои боевые товарищи любили коровье молоко, но были не прочь сожрать и саму корову. Они были волки. А когда сапиенс сознательно причисляет себя к волкам, какого отношения он может ожидать от людей настоящих?

Каникулы перед последним курсом я провела в библиотеках. Однокурсницы удивлялись: "Почему не отвечаешь ни одному из наших мальчиков?" Я отвечала: "Потому что - мальчики". Не могла же я рассказывать им, что происхожу из волков и стараюсь превратиться в человека. Я даже маме этого так и не сказала. Хотя подозреваю, что она это во мне СЛЫШАЛА. Женщина всегда СЛЫШИТ свой плод - и в утробе, и до самой смерти. Я прошла это знание самым коротким и ужасным путём. Даже после смерти СЛЫШУ своего...

Вот всё это Иван хотел бы узнать... Нет, дорогой, не узнаешь. Я всё это забыла. Ты не волк, ты воин и мужчина, я выбрала тебя, но в моей подкорке даже мне самой не всё можно...

Я чувствую родство с той совой, которая прошлой ночью вылетела в луч прожектора, ослепла и ударилась о растяжку. Она упала в тень нашего жилища, пришла в себя, увидела опасность и скрылась во тьме под вагоном. Так и я - забила в самую глухую тайгу...

* * *

Я каждый день, по совету Босого, ходил парить организм в сеноманской воде. Это был бетонный бассейн три на шесть метров. До половины он был заполнен вонючей, мутной зеленоватой водой. Той самой, от которой в моём сне заживали раны Распятого. Вниз по стенке вела железная лесенка. Вода была горячая, но вполне терпимая. И к запаху сероводорода я быстро привык. Даже вроде сроднился. Всю вахту организм сам просился туда. И Маша объясняла, что надо непременно дать, если просит. Только не дольше двадцати минут. Это она знала из курса курортологии. Да и девочки на станции подготовки нефти это подтверждали. Им было предписано гонять таких курортников от бассейна, но они пренебрегали. Особенно когда увидели мои шрамы.

В середине сентября, в "бабье лето", Маша поехала за клюквой. Взяла с собой берестяную конобу, которую я сшил ей в августе. "Бабье лето" - самое красивое время. На таёжном болоте - особенно. Я дежурил и завидовал. Жёлтые листья на чахлах болотных берёзках. Разноцветные мхи на кочках и между. А на мхах - яркая клюква, разных сортов и разной красноты. И голубика ещё висит... Но я всё это много раз видел. Я завидовал Маше как раз в том, что она увидит это впервые. И воздух там. И мох провисает под ногами. И тёплый ветерок. И комаров уже нет, и мошек. Правда, есть опасности. Но я её проинструктировал: и насчёт зелёных гадюк, и про топи...

Я дежурил, завидовал, немного нервничал и ждал, что она расскажет. Хоть и немногословна, а рассказывать она умеет.

* * *

Считается, что человек ко всему может привыкнуть. Я, помню, как под обстрелом постепенно притуплялось чувство опасности, и люди переставали кланяться пулям и оборачиваться на взрывы. Уцелел - и ладно.

Нечто подобное происходит и в лесу, особенно на таёжном болоте...

Светило солнышко, ветерок был лёгкий и тёплый, клюква уродилась, комары уже не донимали, как в июле - в общем, образцовое "бабье лето". Даже ни одного медвежьего следа в этот день не попало.

Я мягко шагала по рыжему болоту. Оно тянулось в три стороны до горизонта, только сзади темнел сосняк, из которого я вышла час назад. В корзинке было уже на треть крупных ягод. Я брала только крупные. Они редко разбросаны по зелёным "окошкам" между кочками. За каждой присядь, но зато добыча выглядит солидно. Да и корзинка наполняется крупным скорее. Они совсем как земной шар - немного сплюснутые с полюсов. Есть такие же, но среднего размера, на кочках. Попадают крупные, но продолговатые, похожие на напившихся клопов. Самые вкусные. И такие же, но мелкие, размером с клопов, их я не беру. Клюква бывает светло-красной и тёмно-бордовой. В общем, масса открытий. И ящерицы - совсем как у нас. И змея болотная, зелёная, невиданной красоты. И мелкие лягушечки разного цвета. А в трёх километрах под ногами - море нефти, но оно не плещется, а просто пропитывает скальную породу под весьма высоким давлением. Какое у планеты артериальное давление?..

Я чувствовала себя хозяйкой всего этого бесценного безбрежья и представляла, что раньше здесь было море, да вот за тысячи лет заросло прочным ковром. Ковёр прогибается под сапогами, но не прорвётся, если не прыгать на одном месте, а идти мягко, держась поближе к кочкам. И вся эта клюква, вся перезревшая голубика, вся жёлтая морошка - моя. Могу сорвать любую, съесть (хотя уже набила оскому) или положить в корзину. Могу сесть на кочку, съесть бутерброт, запить чаем из термоса, и тогда снова захочется бросить в рот ягодку. Ну, и так далее.

Как и в горах, на болоте нет ничего опаснее благодушного настроения.

Я заметила впереди сверкающее водяное "окно", не затянутое моховым ковром, и слегка уклонилась от курса. Поперёк моего пути заструился к "окну" узенький ручеёк. Я - хозяйка тайги и болот - решила его перепрыгнуть и мягко оттолкнулась от "ковра". Через секунду моя корзинка лежала на боку, на другой стороне ручейка, сама я висела по грудь в ручье, опираясь растопыренными пальцами на воздушно-податливый пушистый мох, мой рюкзачок оставался у меня за спиной, лежал пока ещё на мху, но уже начал намокать и мог утащить меня на дно. А где это дно, спросить можно было только у собственной памяти. И она сообщила, что Васюганские болота считаются самыми глубокими в мире: до дна - восемнадцать метров.

Я не служила на флоте водолазом, но для меня нырнуть на 18 метров было нормальной работой. Только не с рюкзаком и не в болотных сапогах, а с аквалангом и в ластах. Впрочем, об этом я не думала, повиснув между берегами ручья. Я вообще не думала. Я настолько не думала, что даже не испугалась. Я выпростала левую руку из-под лямки рюкзака и положила её рядом с правой. Немедленно за этим выдернула и правую - пусть рюкзак тонет без меня, хоть и жалко термоса с чаем. Я не позволила себе барахтаться, а на одних руках, расставляя их пошире, начала нежно выползать на тот берег, где валялась корзина: он почему-то показался мне прочнее. Намокли рукава до плеч и энцефалитка до горла. Намок в нагрудном кармане блокнот. Было жалко топить сапоги, тем более что снять их было, кажется, невозможно. Было очень интересно, долго ли будет этот

моховой "берег" подминаться под меня и уходить в воду. Было жалко разбросанной у корзинки крупной клюквы. Было жалко топить рюкзак...

Не могу вспомнить точно, как удалось задрать одну ногу настолько, что она стала плоскостью опоры. Но после этого я вылезла на "ковёр", дотянулась до рюкзака, собрала рассыпанную клюкву, отползла ещё немного и перевернулась на спину. Аллах смотрел на меня с солнечных небес и радовался.

Я осторожно поднялась на дрожащие ноги. "Ковёр" держал.

Чтобы мокрой не замёрзнуть и не дать болоту высосать моё тепло, пришлось от кочки к кочке, энергично, но осторожно, плавной дугой уходить с болота, собирая по пути крупные ягоды, обходя блестящие места и не делая резких движений. Полкорзинки всё же набрала. Чай выпила в лесу, на ходу. До буровой дошла благополучно, не заблудилась. Да там и не заблудишься: шум моторов слышен далеко. Ребята-партийцы включили для меня в машине печку. Я им сказала, что просто зацепилась ногой за корень и упала в канаву на краю болота. Пока они закончили работу, одежда на мне просохла.

Испугалась я уже дома.

Честно рассказала всё Ивану. Было даже приятно казаться слабой и испуганной. Ожидала, что он скажет: "Больше ни на какие болота не пойдёшь". Он это сказал, но потом усмехнулся и добавил: "Завтра. И послезавтра. Отдохни и всё почувствуешь. Выспишься ночью, а я подежурю. Вообще, ты молодец. Врождённая таёжница. Грамотно себя вела. Теперь меньше буду за тебя бояться".

Вот это муж. Настоящий абрек.

* * *

Она едва не утонула. Я и не подозревал, что могу паниковать. Правда, ей ничего не показал. Но когда она заснула, началось представление. На меня пёрло кино: вот она не может забросить тяжёлую ногу на мох, а мох её не держит. Откатанные болотные сапоги прилипли к ногам, не снимаются. Руки слабеют, ноги свело, мокрая одежда тянет вниз. Она озирается, надеется на чудо, а вокруг - никого... Несколько раз даже выходил во двор, чтобы освежить голову. Но ветер дул от факела, дышать нечем. Скорее бы нас перевозили на новое место.

На следующий день я оставил Машу дежурить, а сам отправился на ближнее болото. Не за клюквой, а за растопыркой. Она хорошо помогла мне зимой. Прошли многие боли, а теперь, после курса сеноманской воды, появилась устойчивость. Что это такое, я сам не понимал, просто чувствовал, что устойчиво среднее состояние организма - это всё же гораздо лучше, чем вечное нытьё в простреленных тканях и поломанных костях. До этого у меня одно сердце тянуло нормально. На него Маша и надеялась. Теперь же она не побоялась отпустить меня одного в лес.

И зря. Я заблудился.

Когда отец учил меня плавать, он говорил: "Самое страшное для пловца - впасть в панику. Гарантия, что утонешь. Не спеши, не суетись, определи, где берег, а где дно..." Ну и тому подобное, очень полезно. И я вовсе не думал тогда, что вспомню эту водолазную науку - в сухой дремучей тайге.

Впрочем, тайга вовсе не выглядела в тот прекрасный день такой уж дремучей. Я гулял на самом её краешке, по широкой просеке, которая шла параллельно дороге. По дороге ходили мощные грузовики. Светило полуденное солнце. В общем, заблудиться было невозможно.

В просеке стояли высоченные мачты высоковольтной линии, тихо гудели провода, а между мачтами чего только не росло. У толстых пней - россыпи брусники. Среди сваленных трассовиками и давно гниющих вековых стволов - перезревшая малина, смородина, кислица. А под ногами - подосиновики - хоть коси. Я забыл про болото и косил. Хоть и выбрасывал два гриба из трёх: очень уж черви любят этот гриб. Вот из-за червей я и решил немного углубиться в лес: там должны быть моховики, они - почище.

Через час, когда наполнились и корзина, и рюкзак, и даже капюшон моей куртки, я поднял голову и огляделся.

Во все стороны лес был абсолютно одинаковый, а небо затянули тучи. Такие перемены погоды на севере не редкость, и я не растерялся. Хоть и не было с собой компаса. В северном полушарии ветры почти всегда дуют с юго-запада. Впрочем, почти... Значит, по облакам ориентироваться не стоит. Тем более, что я не запомнил, точно ли на север шла просека. Да и вошёл я в лес не по широкой этой просеке, а по узкому геодезическому профилю, метров шести в ширину. Он шёл почти поперёк просеки. Опять почти. С самолёта видно таких профилей множество, и пересекают они территорию в самых разных направлениях. И среди них не только геодезические... Да и чего об этом думать, когда достаточно прислушаться, и по звуку моторов станет ясно, где моя дорога.

Я прислушался. В воздухе стоял только птичий свист да зудел один комар. Почему нет машин? Неужели так далеко ушёл? Я присел на валёжину и несколько минут послушал. Ничего нового.

Да нет, не мог я далеко зайти. Должны быть видны высоковольтные провода. Там и просека, а за ней - моё шоссе. Вон, на часах полдень: все водители просто уехали обедать. Я внимательно взгляделся по очереди во все просветы между деревьями. Проводов не наблюдалось.

Ну и ничего страшного. Сейчас поставлю свою тяжёлую корзину вот на этот высокий пенёк и, не теряя её из виду, сделаю по лесу круг. Либо найду тот профилёк, по которому вошёл, либо ещё что-нибудь разгляжу. Я сделал круг и ничего интересного не разглядел. Зато потерял свою корзину.

Ладно, ничего страшного. Грибов полно, а корзину можно скрутить новую. Я решил повторить это упражнение и двинулся по кругу снова, теперь ориентируясь на рюкзак. Он был красный и висел выше моего роста на сломанном дереве.

Когда стало ясно, что и рюкзак не найти, я утешился тем, что рюкзак был тяжёлый. Теперь, налегке, всё становилось проще. Только вот продукты остались на дне рюкзака. Если заблужусь, похудею. Вытряхнул моховики из капюшона и пошёл совсем пустой.

Я бродил так больше часа. Уже всем пора было отобедать и начать ездить по шоссе, но ни одна моя остановка не приносила ниоткуда ни звука, кроме усиливающегося воя ветра. Начинало смеркаться.

Я готов был назвать своё состояние паническим. Но если бы кто-то посмотрел на меня тогда со стороны, он увидел бы спокойно шагающего путника, имеющего совсем не такой вид, какой изображают артисты, "заблудившиеся" в кино. Паника состояла в том, что я начал бояться остановки. Казалось, вот остановлюсь - и упаду, и совсем потеряю ориентировку. Хотя ориентировки с каждым шагом становилось всё меньше. А каждый следующий шаг делался тяжелее. И корни кедров будто сами высывались из мха, чтобы я спотыкался. А все железные сучья павших ёлок целились пробить сапог.

Надо было остановиться и посидеть, подумать. С большим усилием я заставил себя остановить выбор на первом попавшемся полугнилом стволе и сесть.

Ещё полчаса - и станет совсем темно. Даже если меня тут не съедят, ночь будет плохая: холодная и мокрая. Хорошо хоть, что нож и спички при себе. И вот тут пришла радость: уже не хочу, чтоб меня съели! Меня ждёт женщина, единственная... И так далее. В общем, паника сама по себе, а выбирать давно пора. Зря, что ли, служил в ВДВ? Да и стыдно сибиряку блуждать в родной тайге.

Тут я и услышал далёкий густой гул мотора. Как на заказ. Километрах в двух. Но за полчаса по сухому лесу это вполне преодолимое расстояние. Теперь главное было - на радостях не повредить в буреломе ногу.

Мотор гудел на одном месте. Время от времени его перекрывал истошный металлический визг, будто в сибирскую тайгу забрёл слон и заблудился. Мне так и хотелось откликнуться таким же воплем, потому что я уже понял, куда зовут меня эти звуки.

Я вышел не к шоссе, а к буровой вышке. Под визг затаскиваемых в станок обсадных труб мне сообщили чумазные люди, что вот по этой разбитой дороге до шоссе "всего шесть километров".

В полной темноте явился на склад и услышал от жены то же, что сказал ей вчера: "Больше ни в какой лес не пойдёшь". И добавку: "Завтра". Но стояло полнолуние - лучшее время сбора этой самой растопырки. Через день я дошёл до болота по компасу и нарезал охапку стеблей вместе с корнями. На обратном пути отыскал корзину и рюкзак. Кстати, инженеры из аппаратного цеха сказали, что растопырка имеет более приличное название - сабельник. Её стебли и в самом деле загнуты, как сабли. А растопыркой зовут из-за лапчатых листьев и лежачего роста во все стороны.

* * *

Забавно оказалось: мы одинаково боимся друг за друга. Значит, похожи. Такое случается редко. Это надо беречь.

Тоже забавно: употреблять в любви слово "надо". Она, говорят, не дружба, как кошка не собака. "Любовь свободна, мир чаруя..." Не чепуха, но и не истина. Просто одна из правд. А моя правда в том, что слово "надо" для любви вполне подходит. Если жить одной свободой, получится не любовь, а таёжный дикий бурелом. Заблудишься и сломаешь - не ногу, не шею, так судьбу. А у меня судьба и так вся в переломах. Пора и ум употребить. Которого у меня так много. В общем, беречь любовь - надо. И всё тут.

Я пристрастилась ходить в лес. Там хорошо думается. Притом совершенно без вреда для ориентировки. Иван, хоть и местный, в чужом лесу заблудился и больше без компаса не ходит. А я чувствую себя в тайге ещё увереннее, чем в родных горах. Мне вовсе не кажется, что вот таких мест, как это, я встречала уже много, что все кедровые стволы одинаковые, что все заросли кипрея, крапивы или шиповника - похожи друг на друга. Зато мне кажется, что я каким-то чувством, не похожим на обоняние, различаю все запахи, все оттенки форм и цветов. Так, может быть, дирижёр слышит отдельно любой инструмент в самом большом оркестре и может отличить все тонкости исполнения одной вещи разными оркестрами. Он дирижирует, а сам, может быть, размышляет при этом на любую отвлечённую тему - скажем, о причёске молодой дамы, которую случайно мельком видел вчера на улице...

Мне в лесу легко думается, но мешает одна ужасная мелочь. Если выхожу к какому-нибудь ручью, холодная могилка внутри начинает расти и леденеть. Моё бедное дитя зарыто далеко, на таком же берегу, а в большой воде полощется презерватив...

Сначала я научилась издали различать прибрежные растения, чтобы не приближаться к ручьям и речкам. Но потом заставила себя это преодолеть и подолгу смотрела в чистую торфяную воду. Я думала о морях, которые брали такую воду в кругосветки, потому что она не портится в бочках. Я думала о живых быстрых окуньках и ельчиках, которые живут в этой воде. Что они, бедненькие, едят зимой, когда нет паутов, мошек и комаров?.. Не моё слово - "бедненькие". Свирепая горянка - и такое слово... Родилась я такая или смесь культур сделала меня такой? Если да, то почему же время от времени в голове складываются зверские планы диверсий?

Те стеклянные "яички" с гексогеном внутри, которые хранятся на нашем складе, таят грозный кумулятивный эффект. Они под землёй пробивают огненным жгутом обсадную металлическую трубу, бетонную заливку и полметра гранитной породы. Из этих дырочек и стекает в забой нефть, а потом её выкачивают на поверхность. Наш взрывник Гриша рассказывал мне всю эту теорию, а меня так и подмывало спросить: "Детонаторы применяете с гремучей ртутью или с азидом свинца?" Но зачем удивлять человека? Я спросила: "А как же взрыв идёт по этому детонирующему шнуру целых пятнадцать метров и не разрывает его?" Вполне дилетантский вопрос. И Гриша с улыбкой объяснил, что весь шнур взрывается мгновенно, разом, потому он и называется - детонирующий. А от него срабатывают в перфораторах промежуточные детонаторы, вот эти блестящие колпачки. А от них взрываются сами заряды... Я слушала с глупой физиономией, а сама думала: "Обыкновенным пластилином лепить заряд на стенку нефтехранилища, к заряду - детонатор, моток провода... И никакой пластид не нужен... Пять тысяч тонн нефти разом, ха-ха..." И ужасалась: "О чём думаю?!" И удивлялась, как крепко заквашены мозги шахидской начинкой. И шла на берег ближайшего ручья - думать об этой жуткой особенности подсознания. И додумывалась до нечистой силы, которая соблазняет правоверного на злодейство. Искушает. Подбивает. Толкает, как из поезда на ходу. Ш-ш-шайтан...

Нет-нет, шайтан, не выйдет. Пусть всё человечество впадает в детство, а моё детство кончилось. Я теперь предпочитаю восхищаться богатствами родного русского языка: "Искушает, соблазняет, толкает, подбивает, настраивает, настрополяет, увлекает, завлекает..." А меня - развлекает. Ни в одном языке нет столько синонимов. И ничего интереснее знать не хочу. Не желаю. Не намереваюсь.

* * *

До Нового года мы с Машей совершенно привыкли к вахтовой жизни. И все овощи дома успели собрать до снега, и грибов, и ягод заготовили довольно. Особенно много засушили рябины: она мощно уродила - к суровой зиме.

Успели и познакомиться со всеми, кто работал на базе. Тут была разница: жить на базе или там работать. Главные наши добытчики, партийцы, на базе только жили. Начальник смены получал по телефону заявку от буровиков или от другой добывающей службы, и партия из пяти человек на двух машинах к точно назначенному времени выезжала на куст. Кустом называется площадка, с которой буровики проникают под землю. Они за несколько месяцев пробуривают полтора десятка скважин, расходящихся, как корни, в разные стороны, и в разрезе это действительно выглядит, как корневая система растения. Только на поверхности растут не стволы и не ветки, а насосные устройства, которые лучше любого дерева сосут из земли чёрную кровушку. Несколько кустов - промысел. Несколько промыслов - месторождение. Несколько месторождений - площадь. Но это для сторожа неважно. Ни кустов, ни партийцев сторож при взрывчатке не видит. Он каждый день видит взрывника Гришу, который получает у него заряды. Он видит механика и моториста из гаража, которые приходят к нему поболтать, а в свободное от болтовни время ремонтируют машины партийцев, не зная ни дня, ни ночи, потому что добыча идёт круглосуточно, дороги у кустов плохие, скважины капризные. Так же круглосуточно работают и аппаратчики. Это высшего класса инженеры, специалисты по чувствительной электронике, аристократы с руками пролетариев. В своём неказистом вагоне они режут в шахматы, спорят о "золотом сечении" у Врубеля или о музыке, а между делом ремонтируют начинку погружных приборов. Начинка нежная, со стекляшками, а погружают её с изрядной скоростью на километровые глубины, и там она не только испытывает большие давления и температуры, но и подвергается разным ударам и излучениям. Поэтому заключена эта электроника в тяжёлую цилиндрическую броню. Всё это завинчивается и развинчивается огромными мощными разводными ключами. Притом многократно. Потому что после испытания в цеху может снова отказать, а в скважине откажет ещё вероятнее. Как тут не материться или не спорить о классической музыке и "Золотом сечении"? С Машей они, впрочем, спорили о народных средствах лечения. Они разбирались в чём угодно. На пятерых у аппаратчиков было всего два имени - Володя и Толя. Поэтому себя они звали по фамилиям, а мы их нумеровали: три Володи и два Анатолия. Все они, как на заказ, были несостоявшимися кандидатами технических наук. У всех одна история - не захотели

сделать своих начальников соавторами изобретений. Все работали раньше в разных томских институтах и не любили об этом вспоминать: ни денег, ни славы. А на вахте были хоть деньги. И высший комфорт, с точки зрения настоящего работяги: возможность спать прямо на рабочем месте.

Главным постоянным жителем базы был начальник смены. Звали его Палыч. Тоже кандидат наук, только экономических. С геологическим уклоном. Он о себе говорил охотно и зло: "Когда мы начинали, это была служба - общему делу, настоящему прогрессу. Мы, наконец, коммунизм строили. А теперь наука не служит народу, а обслуживает его грабителей. Из этого для меня следует, что надо разбегаться". Когда же аппаратчики подначивали, что, мол, за идею надо бороться, а не разбегаться, он разводил руками: "Я бы рад, да ведь Иван с Машей не дадут карабин!" Он сам себя называл "высокооплачиваемой телефонисткой", а свой образ мыслей именовал "юмором сквозь зубы". Это был настоящий советский человек. Он говорил: "О таких, как я, как раз и мечтали наши первые революционные романтики. Но их поубивали свои же, а мне за них всех приходится нести крест идеализма". Аппаратчики в такой момент мрачно ему кивали. И поправляли: "Не идеализма, а идиотизма". Это были по-настоящему чистые люди, хоть и с вечно грязными руками.

Маша, леди с почти высшим образованием, была среди них почти ровней. А я, сырой, у всех у них с большой охотой учился. Я себя мог чувствовать экспертом только в разговорах о кавказской войне. Но в ней экспертами были все, хоть и не воевали. Поэтому я предпочитал просто молчать. Так и ученье даётся легче, и нервы целее.

* * *

Если бы Иван учился в вузе, он был бы отличником. Я не встречала человека, который так умел бы слушать. Он, как Максим Горький, превратил свою жизнь в сплошные университеты.

Я подружилась с аппаратчиками. Все они были намного старше нас, намного образованнее, но культа из этого не делали. Им важно было внимание и понимание, а для спора хватало и друг друга. Когда кто-то из них уставал от вечных споров в аппаратном цехе, он переходил по диагонали двор и оказывался у нас. Тут была игра в одни ворота, и человек получал полное удовлетворение при благодарных слушателях.

Например, приходит Толя Первый. Он старше всех по возрасту, работал инженером на Байконуре, видел Королёва и Капицу, переписывался с крупным журналистом, который разрабатывал космическую тему. Толя был мастером во всём, а слабостью имел вышучивание эстетических изысков Толи Второго. Вот он приходит и начинает рассказывать, как Толя Второй ищет всемирную гармонию: "Картинки Эсхера кого угодно доведут до сумасшествия, и его довели. Он расчерчивает картину "Юдифь" по разным пропорциям "золотого сечения", и все линии пересекаются у неё на пупке. Из этого он делает вывод, что всех художников вдохновляет высшая сила, которая подсказывает им, где на картине главное. Я спрашиваю: "При чём же тут пупок?" Он возмущённо отвечает, что там ведь - главная чакра. Я говорю: "Если смешивать в одной посуде восточную культуру и западную, получится обязательно урод, вроде нашего двуглавого орла". Он начинает накаляться и объясняет, что нет культуры восточной или западной, есть Всемирная Гармония - всё с большой буквы. Я говорю: "Ты расчерти своими линиями "Крестный ход в Тульской губернии", они все у тебя сойдутся на юродивом. Это и будет апофеозом человечества?" Он окончательно заводится и кричит, что я тупица и поэтому даже в шахматы никогда у него не выиграю. Садимся за доску, и я выигрываю. Но до мата дело доходит только не в шахматном смысле - он смешивает фигуры, потому что я "играла неправильно". А неправильно играл он, перехаживал то и дело...

Потом к нам приходит Толя Второй, оскорблено смотрит поверх строгих очков и рассказывает ту же историю, только в свою пользу. И мы опять с серьёзным сочувствием выслушиваем и поддакиваем. И говорим, что всё в мире относительно и что есть высшая правда, до которой человеку никогда не дотянуться, поэтому приходится терпеть чужое непонимание и так далее. То же самое мы говорили Толе Первому. И поэтому они оба наши друзья. Ну и между собой, конечно, тоже.

А потом приходит из гаража моторист Михалыч. Он потерял сына в Чечне. Ему надо поделиться с Иваном своими возмущениями. Иван возмущается вместе с ним. Говорит, что это всё происки внешних врагов великой России. Михалыч добавляет: "И внутренних. Жиды в России давно хотели захватить власть. И вот они её захватили. Теперь стараются захватить весь мир. Но они сломают на этом зубы, как сломали Чингисхан, Македонский, Наполеон и Гитлер. Тогда рухнут Соединённые Штаты, а Россия уцелеет, если только не будет вмешиваться в мировую мясорубку, которую затеяли Штаты". Он говорит: "Пусть американцы и мусульмане сожрут друг друга, а мы - восторжествуем. Нам мировое господство не нужно. Нам нужен мир". Мы соглашаемся, и он уходит успокоенный.

Заглядывает к нам и начальник смены Палыч. С ним всюду ходит белый пёс-подросток по имени Боцман. Этого щенка подарил его дочери на троллейбусной остановке какой-то мужик. Разглядел, что девочка сердобольная. Пёс был забитый и запуганный, с проволокой вместо ошейника. Держать его дома не позволили условия, и Палыч увёз зверя на вахту. Сначала в самолёте, потом в вертолёте щен жался к нему и считал, наверно, богом. Так и осталось. Теперь Палыча легко найти по

Боцману: под какой дверью он караулит, там и хозяин. В вагончики у нас собак не пускают: человеческая стая строга.

Палыч - великий человек. Он никогда не кривит душой. Из-за этого бросил науку, из-за этого отказался стать главным экономистом нашей конторы. Он говорит: "Моё место - среди рядовых. Моё призвание - просветительство". Он знаток не только экономики, но и юриспруденции. Конторское начальство часто, наверно, жалеет, что взяло его на работу. Теперь никого не проведёшь и не обсчитаешь. Обиженные сейчас же бегут к Палычу, и он всех выводит на чистую воду. Но его в конторе терпят, потому что четыре раза в год его можно вызвать с вахты в Северный и поручить ему свести концы с концами в экономических отчётах, и он их непременно и безукоризненно сведёт.

С нами, правда, Палыч предпочитает говорить о любви. Он не скрывает, что платонически влюблён в меня, и разговаривает с нами о фильмах и книгах. Если чего-то стоящего не читали, он нам это привозит. И ещё он объясняет, что экономическая теория Карла Маркса совершенно верна, нужно только её понять. Мы соглашаемся, хотя эта теория кажется мне такой же неосуществимой на практике, как тот колокольчик, который гуси в басне хотели повесить на шею лисе.

Вообще эта жизнь вдали от излишков и извращений цивилизации обоим нам идёт на пользу. У обоих выправляются нервы. Меня от благодушия даже подмывает рассказать Ивану всё - и о дуэли между нами, и о братце, и о могилке. Но нет уж, ни за что. Молчу и буду молчать. Гармония - вещь самая хрупкая на свете. Очень дорого её достичь, очень дорого - сохранить, а разрушить - одним движением, одним словом, одним неверным взглядом. Гармония - это бессонный труд в поте нервов и души. Но она стоит секунд любования результатом.

Это моё рассуждение о гармонии очень понравилось Толе Второму. Он, кстати, разведён, ему сорок два года, и его влюблённость в меня - совсем не платоническая. Он её скрывает. Даже от самого себя. Меня это устраивает. Ни малейшего кокетства ни с кем даже не могу себе представить. Я и с Иваном-то не кокетничаю. Мы с ним - как два калеки в пустыне: можем передвигаться, пока держимся друг за друга. Все остальные - так мне кажется - поодиночке только повалят нас и съедят. Умом понимаю, что это преувеличение, но разум сильнее чувств бывает только у тех, кто на гусеничном ходу.

Я оттаиваю медленно, но всё же заметно. Мне для полного счастья нужно гораздо больше, чем Ивану. Двоедушие куда труднее лечится, чем простреленная плоть. В одном фильме я услышала фразу, которая к моему случаю сильно подходит: "Это касается совести..."

А совести многое касается, если ты не на гусеницах.

* * *

Наши мужики рядом с Машей млеют. Это понятно. На вахте все холостые. Даже дамы отвязываются. Это особенно заметно в столовой, когда покупаешь хлеб или крупу. У всех голодные глаза и речи с подтекстом. А вот моя чеченочка этого просто не умеет. Она всегда настолько проста, что к ней с намёками даже не лезут. И взгляд у неё такой, что в упор на неё никто смотреть не может, отводят глаза сразу. Если бы не был ей мужем, я бы, наверно, её боялся. Но вот не боюсь, хоть и дразню про себя чеченкой.

Она во сне матерится по-чеченски. Правда, ничего другого. Может быть, просто знает несколько слов. Скажем, в институте научилась. Хуже, если была в Чечне. Там не только прибалтки работали против нас снайперами, но и украинки были. А если она чеченка с украинским именем, тогда я должен спросить, как тот царь в сказке: "Ты не засланная к нам?" Но я не хочу - ни подозревать, ни спрашивать. Я могу подозревать её только в настоящей любви ко мне. Или только хочу? А какая разница? И хочу, и могу одно и то же: выжить рядом с ней. Она меня не предавала.

Она следит за моим здоровьем внимательнее, чем я сам. Результаты первого "пропития" настойки из сабельника и сеноман нас обнадёжили. Моя тяга к обезболивающим ослабла, потому что ушла боль. Не совсем ушла, только пригасла. Но могу делать гимнастику, могу уже довольно много ходить. Всё реже смотрю сон про свой последний бой. Маша знает обо мне всё, как положено доктору. Да и мне с ней так легче. Я ни разу никого не предал и предпочитаю лучше преданным, чем предать. Знай все мои слабости и предай меня, если можешь. Мне теперь так будет легче. Но Маша говорит правильно: предают не друзья, предают предатели. Я сердцем подстреленным чую, что она не предатель. Имея такую силу, невозможно быть предателем. Это Танька была слабая. От слабости у неё и нахальство. От незащитности - агрессивность. Жалко её. А Маше жалость не нужна. Сильному нужно понимание. Сильному даже смерть лучше предательства. Пусть Таньку жалеют все, об кого она потрётся. А нам это... Мы другой крови.

* * *

Если бы любовь существовала не сама по себе, а за что-то, я любила бы Ивана за доверчивость. Он совершенно ни к кому меня не ревнует. Меня ревновали друг к другу все, с кем я была знакома. Я

из-за этого даже поверила в свою красоту. А Иван совершенно спокоен при любых обстоятельствах.

Когда после Нового года медведь покалечил нашего сменщика Алексея, приехал Босой и попросил, чтобы кто-нибудь из нас отработал вторую вахту подряд, с его напарником. Он сказал: "Кто-нибудь", а смотрел, понятно, на Ивана. Не оставлять же молодую жену на две недели в одном помещении с чужим мужчиной. Я испугалась за Иваново здоровье и готова была предложить себя. Но он это увидел и не принял. Сказал: "Конечно, поработаю. А ты присмотри там за Алексеем. Отгони всех девок да подлечи его, как меня". У Босого отпала челюсть и выпучились глаза. Он заикался сильнее обычного: "Ив-в-ван-н-н!.. Я т-тоже хоч-ч-чу т-такую жену! Н-н-но т-таких жён н-не бывает!" "Таких не бывает" - это у него высшая степень похвалы. Сам увёз меня домой на грузовике с берёзовыми дровами, сам эти чурки полдня колот, сам брата своего растирал нашим сабельником и при этом строжайше ему наказывал: ко мне не приставать. Алексей кряхтел, стонал, говорил: "Вот ещё! На работе команду!". И при этом подмигивал мне. Да так, чтобы брат видел. В общем, было хорошо, по-человечески. Я всё более чувствовала себя сибирячкой.

Спас нашего соседа его могучий пёс. Алексей присел отдохнуть на поваленное дерево и не заметил, что под ним берлога. Медведь выскочил, как на пружине, и сразу его сгрёб. А Мастер в это время в сторонке облаивал белку. Он, может быть, и разбудил зверя. Он же его и отвлёл: прискакал и вцепился сзади. Тут хозяин дотянулся до ружья и пальнул из обоих стволов...

Через две недели Алексей уже сносно двигался, и я спокойно отправилась на вахту, к Ивану. Шутили о нашей разлуке все, кому не лень, даже эстет Толя Второй. Один Иван не обмолвился ни словом. Спросил: "Ну, как он, не сильно?" И всё! Вот это муж. Настоящий джигит. Даже лучше. Он не умеет на коне. И не нужно.

Две вахты подряд муж выдержал вполне достойно, хотя и устал. Даже сделал вывод, что физические перегрузки в его положении полезны: они включают тайные резервы организма. Я сказала, что его наблюдение вполне научно, но тайные резервы лучше не тратить - это грозит истощением и резким сломом. Поэтому, голубчик, изволь теперь отдыхать, а работать за двоих буду я.

Собственно говоря, после тех нагрузок, которые знавали мы оба в совсем недалёком прошлом, нашу вахтовую караульную службу вполне можно называть курортом. Взрывчатка и в самом деле никого здесь не интересует. Посторонние не подходят. Им просто некогда, все работают руками по 12 часов в день. А совершить здесь диверсию — себе дороже. Даже если что-нибудь взорвётся, то убежать можно только в тайгу. Там выжить мудрено. А триста километров по дороге - всяко догонят вертолётom. Притом, если брать не нефтехранилище, а наш склад, то здесь без танка нечего делать: броня за ключей проволокой.

Был только один случай мелкой агрессии, да и то насчёт карабина. Когда выпал первый снег, к нам застучал Толя Второй: "Давайте карабин, скорее!" Оказалось, что на крышу гаража сели сразу два глухаря. Огромные, как домашние гуси. И с такими же длинными шеями. Они втягивали и вытягивали эти шеи, крутили головами, всё было забавно. Мы с Иваном засмеялись, птицы обиделись и перелетели на нижний провод высоковольтной линии, уселись прямо над аппаратным цехом. Толя Второй обиделся на нас за карабин, подобрал с земли какую-то палку, подкрался по пустому двору и швырнул её в глухарей. Не докинул. Птички улетели. Из двери аппаратного цеха за охотой наблюдал Толя Первый. Он ехидно спросил: "Ты что же, хотел нарушить Всемирную Гармонию?" Бедный эстет обиделся и на него. И ушёл в свою немагнитную избушку - отремонтировать инклинометры и слушать классику.

В тайге нарушить Всемирную Гармонию в одиночку нелегко, разве что поджогом. И то не во всякое время. В дождь или зимой лес ведь не загорится. Впрочем, перед самым нашим переездом на новое место лес загорелся именно зимой. Но и то - по вине коллективной деятельности людей.

Сразу после Нового года, в яркий солнечный полдень, вдруг потянуло горелой соляжкой. Так горят нефтепроводы, я помнила это ещё по Кавказу. Мы вышли во двор. Лес был пронизан белым вонючим туманом. Этот дым уже заполнил низом весь посёлок. Ветра не было, он расплзался сам. Из него торчали высоковольтные мачты, ретранслятор связи, верхушка соседней буровой и проглядывалось огненное пятно факела со столбом чёрного дыма над ним. Змей Горыныч выплёвывал одним горлом чёрные кольца. Казалось, что он смеётся. Он даже реветь стал прерывисто - ху-ху-ху-ху - будто хохотал.

Что-то явно горело в лесу. И это был не "амбар". То просто самодельный водоём рядом с буровой. В него сливают загрязнённую нефтью воду из скважины. После бурения нефтяную плёнку поджигают, и она за час-другой выгорает, образуя над "амбаром" столб чёрного дыма. Теперь же дым был белый, а в нём чувствовался и запах горелой древесины. Будто где-то в лесу работал огромный дизель, в который подбрасывали ещё и дрова.

Мы решили, что горит лес, и надо заботиться о спасении взрывчатки. Позвонили в пожарную часть. Те сказали, что довольны нашей бдительностью, но беспокоиться о взрывчатке не надо. Прорвало промысловый нефтепровод, выброс нефти почему-то загорелся, но там уже работают и скоро потушат.

Во дворе дышать было положительно нечем, все наши попрятались по вагончикам. Наше жилище, оклеенное изнутри черной плёнкой, которой обматывают трубы нефтепроводов, казалось всегда душным. Но теперь оно спасало. Особенно Ивана. Он в этом дыму сразу начал сухо кашлять.

К полуночи ядовитый туман рассосался, но запах стоял до утра. А утром Палыч сообщил всем о причине пожара. Кто-то из окна машины выбросил летом пустую бутылку. Она упала рядом с нефтепроводом. А когда трубу прорвало, и нефтяное пятно дошло до бутылки, она сработала как линза: подожгла нефть солнечным лучом.

Я ходила на лыжах к тому месту. Снег на двести метров вокруг был оплавлен и усыпан сгоревшими хвоинками. Просека нефтепровода шла теперь через обугленную поляну. Это напало на глаз, потому что вода на поляне не замерзала, а обгорелые кедры и ёлки торчали по краям, как ресницы. Глаз, наполненный слезами. Никаких бутылок я там не обнаружила. Неужто диверсия? Впрочем, вся деятельность человека на планете Земля - сплошная диверсия. Куда только смотрит Аплах?

Через неделю у нас начался переезд в Лидер, а дымок над пожарищем ещё курился. Это тлел торф. Его толщина здесь несколько метров. Сказали, что будет тлеть до лета, а там может и выпрыгнуть наружу. Так что пожарным без дела не сидеть. Но меня больше тревожили Ивановы лёгкие. Одна из моих пуль сильно их разворотила.

* * *

Я не был в Лидере ни разу. До него 25 километров по бетонке, оттуда все наши томичи летали после вахты домой на грузовом Ан-24, а северчане к себе - вертолётном с Лосино. Но мы с Машей от земли не отрывались. Только видели в день перевахтовки, как народ на вертолётной площадке штурмует очередной борт. Один чудака, которому не хватило места, даже уцепился за шасси и вместе с сумкой поднялся метров на пятнадцать, пока его не опустили. Нам и теперь не нужно было лететь. Зимой все дороги хороши, потому переезд и назначили на январь, чтобы наши бронированные взрывохранилища своими полозьями не покалечили бетон или, не дай бог, не утонули в болоте.

Осенью был случай, когда в просеке увязли обычные тракторные сани. На них везли синие немецкие бочки с дисольваном. Это красивая оранжевая жидкость, которую зачем-то заливают в скважину при бурении. Её основа - метиловый спирт. Все знают, что отравы, поэтому хозяйка бросила в просеке и трактор, и сани и ушли за подмогой. А тем временем мимо ехали на ГТТ трассовики. Забросили одну бочку к себе в тягач и на своей базе в лесу с помощью ружейного ствола перегнали этот спирт. И пили всю ночь. И к утру поотдавали богу души. Интересно, что бы они сотворили с нашей взрывчаткой, если бы нашли её вот так в лесу? Начали бы бить стеклянные "яички" и плавить гексоген? А он не плавится, он просто горит. Притом очень бурно. И если не скovyрнуть промежуточный детонатор, может сильно бабахнуть. Один из наших взрывников этой зимой сжигал в костре списанные заряды, которые не сработали в скважине. И они у него рванули. А он грелся у этого костра. Большим асом себя чувствовал. Хорошо, что был в ватном метеокостюме: дырки от стекла и медных колпачков получились неглубокие. Но в больнице полежал: один медный колпачок попал в лёгкое. А машина, рядом с которой он развлёкся, так и щеголяла с издырявленной будкой, на потеху всему посёлку. Вредная для природы тварь - человек.

В январе мороз трещал деревьями точно в соответствии с богатым урожаем рябины. К переезду мы подготовились ответственно, и всё прошло штатно. Если не считать пустяковое приключение с замом по быту и сбыту. Так у нас дразнили снабженца Брюханова. Он был бездарным инженером и в партии не удержался: там требуются знания и хорошая реакция. А он, хоть и кандидат в мастера по волейболу, такими качествами в деле не обладал. Но я узнал об этом поздно.

Брюханов приехал к нашему складу вечером и суматошно начал распорядиться переездом: "Загружайте имущество в "элпээску", она пойдёт впереди и покажет вам дорогу. Один из вас поедет в тракторе. Сегодня перетащим одно хранилище, завтра - остальные". Мы завозражали: мол, карабин один, не растянешь охрану трёх хранилищ на 25 километров. Он пробормотал какую-то невнятицу и уехал. Ситуация получалась глупая. Народу на базе почти не оставалось - почти все уже переехали на новое место в Лидере. Тому из нас, кто останется, помощи ждать не от кого. Но и тому, кто поедет с первым контейнером, карабин нужен тоже. Тем более, Брюханов приказал перевозить карабин сразу. На бегу, таская свой скарб в будку "элпээски", мы обсудили проблему. Маша настаивала, чтобы я ехал первым: там, мол, понадобится мужская сила. Когда я сказал, что боюсь оставлять её одну при взрывчатке без оружия, моя чеченочка сказала: "Не бойсь, дарагой. Ехай бэстрэпэтно". Так она всегда намекала на моё военное прошлое. А теперь оскалилась в такой рукопашной улыбке, что я вспомнил бедного шатуна и оставил её охранять остатки склада с одним складным ножом. Только велел запереться в вагончике и не выходить, даже если растащат всю взрывчатку: "Помнишь, Босой сказал, что нам важнее всего сохранить?" Она ответила: "Помню, ружжо". И я уехал.

Мы тащили хранилище четырёхсотсильным "кировцем", я держал карабин между колен, водитель на него косился и уважительно помалкивал. Только в одном месте заговорил сам. Мы ехали по замёрзшему болоту. Теперь это было широкое заснеженное поле с редкими чахлыми

ёлочками и берёзками. Бетонные плиты были здесь уложены на лежнёвку, но дорога всё же так просела, что свободные концы древесных стволов торчали справа и слева к тёмным небесам. Они задрались выше кабины "кировца", как два рассеявшийся забора. Тракторист простёр перед собой руку и изрёк: "Вздыбленная дорога! Вот так мы тут всю природу вздыбили. И лес, и под землёй всё испоганим и бросим. Сахара будет после нас!" И добавил такое ругательство, что мне добавить было нечего. А он снова простёр руку, только в сторону: "Видишь вон тот шест, с тряпкой? Там два трактора утонули. Один на другом стоит. Ещё надеются вытащить, ха-ха".

Не доезжая посёлка мы свернули направо по такому же бетонному шоссе, а ещё через километр съехали с него куда-то вбок и метров через триста оказались перед новым брусовым домом. У дома стояла "элпээска" с потушенными фарами, рядом с ней скучали двое наших партийцев. Мы тут не остановились, а сразу втащили свой строгий груз в загородку из колючей проволоки, отцепили его там и уж потом присоединились к мрачным людям. Они стояли перед висячим замком, в свете звёзд и поселкового зарева. Я спросил, где ключ. Они выругались в адрес Брюханова. Я спросил, где Брюханов. Они выругались ещё раз. Я попросил у водителя монтировку и сорвал с двери замок вместе с петлями: им тут быть всё равно не полагалось по инструкции, чтоб никто не мог подкрасться и запереть охрану снаружи. В доме оказались высокие потолки и аж четыре помещения. Два из них имели железные печки. В той комнате, которую мы называли кухней, с потолка свисала лампочка. Тракторист щёлкнул выключателем. Лампочка не загорелась. Мы её выкрутили и проверили с помощью моего фонаря. Всё цело.

- Электричество отключено, - предположил шофёр Володя. - Но неделю назад мы тут были, включалось.

И выругался в адрес организаторов переезда. И предложил начать разгрузку, а то уже восемь вечера. Я сказал: "Нет". Отпустил только тракториста, чтобы выспался перед завтрашними перевозками. Достал из машины топор, растопил какими-то обрезками досок печку на кухне, оставил в доме взрывника Гришу, а сам с шофёром отправился на гружёной машине искать этого зама по быту и сбыту. На базе не было ещё никакого быта, и нам сказали, что зам, наверно, в столовой. Столовых в Лидере оказалось три, а сам посёлок показался мне настоящим городком. Полтора десятка двухэтажных общежитий из бруса, четыре шикарных кирпичных общежития, да не плоских, а квадратом, с внутренними двориками, накрытыми стеклом. К этому великолепию, залитому светом, мы проехали через богатую промзону, где было всё - и гигантские баки нефтехранилищ, и могучая котельная, и станция подготовки нефти, равная небольшому заводу, и множество баз - всё кирпичное, охваченное толстыми трубами теплотрасс.

Ни в одной столовой Брюханова не оказалось, хотя было время ужина. Длинные очереди работяг опасно косились на мой карабин и весьма однообразно шутили насчёт поиска преступников.

Мы вернулись на нашу недостроенную базу, и кто-то из партийцев сказал, что в таком-то каменном общежитии есть такая-то комната, где живёт наше начальство.

Мы нашли такую-то комнату. Она была заперта, но свет сочился и звуки слышались. Я начал стучать, и дверь открыли. За столом, в тепле, сытости и табачном дыму, зам по быту и сбыту играл в карты с нашим Палычем и парой незнакомых. Я зарычал: "Молодой человек..." Он строго перебил: "Вы почему здесь?" Я зарычал: "Это вы почему здесь?! Почему вы, зам начальника экспедиции, не обеспечили перебазировку склада ВМ?" Он спросил строго: "А в чём дело? Почему такой тон? У меня рабочий день окончился, посмотрите на часы". Я сказал: "Во-первых, здесь вахта, во-вторых, вы в командировке, в-третьих, у вас рабочий день не нормирован". Он снова перебил: "Так что вам угодно?" "Мне угодно, чтоб вы поехали со мной на склад. Машина подана". Он сказал: "Я сейчас отдыхаю. Завтра будем разбираться. Что там у вас?" Я сказал: "Палыч, поехали со мной. Я тебе всё покажу. А с этим будем разбираться, когда Босой приедет". Палыч мне кивнул и вопросительно повернулся к заму. Тот полез из-за стола. Его секли при подчинённых, он гневался. Палыч спросил: "Мне тоже ехать?" Я ответил: "Пока не беспокойся".

По пути, преступник пытался выпросить, что же там случилось, но я отвечал: "На месте покажу". Я был хозяином положения и слегка этим кичился. Мне с самого начала не понравился этот парень.

Когда я при водителе и взрывнике отчитал его за отсутствие ключа, дров, воды и электричества, когда Володя уехал за электриком, а Гриша вышел подышать, зам подошёл ко мне вплотную. Он сказал: "Ты что тут устроил?" И схватил меня за грудки. Мы были одного роста. Я взял его за кисть и надавил. Он сморщился и опустил на колени. Я сказал: "А-я-яй. В рабочее время, в караульном помещении, на подчинённого, до зубов вооружённого. Это же статья!" Он встал, отошёл, сел на единственную лавку и сказал: "Ваше счастье, что мы на службе". Я ухмыльнулся: "И ваше. Машину можете разгрузить?"

Он помог. Когда привезли электрика и пока он ходил к "воздушному рубильнику" на каком-то столбе, мы быстро и дружно перетаскивали всё в дом. Печка уже хорошо нагрела кухню, можно было снять полушубки. В чайнике успела закипеть снеговая вода. Хозяин предложил угоститься с устатку чаем, но гости заспешили на ужин и оставили меня одного. Брюханов строго извинился: "Вас на ужин не приглашаем, склад оставлять нельзя". Это был его реванш за все обиды. Но у меня была с собой

крупа и кастрюля, я не огорчился. А к обеду следующего дня поспела хозяйка, и моя каша ей понравилась.

* * *

Иван очень смешно рассказывал, как с карабином искал по посёлку начальство и как его конвоировал на склад. Но я уже знала всю эту историю в более красочном виде, в изложении шофёра Володи. Он даже наврал, что Иван привёл Брюханова со связанными руками, толкая его стволом карабина. В конце заверил, что мне очень повезло с мужем: "С таким парнем не пропадёшь".

Ну, мне-то было важно, чтобы сам парень не пропал. Я спросила, как тут дышится. Иван даже засмеялся, как смеются малыши, когда им хорошо: "Да как тут может дышаться?! Ты посмотри, какие потолки - еле достаю! Посмотри, какие окна! Решётки бы с них поубирать, да?"

Конечно, здесь всё было комфортнее, чем на временном складе. И сам склад назывался иначе - раздаточный. Загородка из колючей проволоки охватывала целый гектар. Внутри стояли три броневых амбара на сто тонн взрывчатки. Рядом со складом был вырыт водоём размерами с плавательный бассейн. Лес кругом стоял чистый, не горелый. И простирался этот лес во все стороны до бесконечности. Хоть и скучала я немного по горам, но они всё же теснят человека, а вот лес на равнине - это настоящий простор.

Первое неудобство через неделю привёз нам Босой. Осмотрелся в доме и вокруг, похвалил, как обжились, а потом сообщил, что теперь, на складе более высокого ранга, и требования повыше. Во-первых, будет побольше народу: не двое в смене, а четверо. Это проблема номер один. А во-вторых, медицинскую комиссию нам придётся пройти ещё раз, в самом Томске. Тут на одном из складов в окрестностях Северного работала бабулька. Она привезла на дежурство пятилетнего внучонка и дала ему поиграть револьвером. Он её застрелил. А на другом складе целый год работал шизофреник. И никто этого не знал, пока он не устроил драку в караулке. Его в милицию, а он им - справку из психодиспансера. Так вот теперь через этот диспансер придётся проходить всем. Ежегодно. И ещё через один - наркологический. На всякий случай.

Это первое неудобство показалось небольшим. Подумаешь, работать вчетвером. В доме две отдельные комнаты отдыха, поместимся. Подумаешь, слетать в Томск на медкомиссию. Иван уже достаточно восстановился, не забракуют. Он уже много ходит, и вся утренняя гимнастика у него получается в полном объёме, и дышит получше многих нераненных, потому что не пьёт и не курит. Трудно было справиться с тягой к наркотическим лекарствам. Но когда мы выгнали из его тела сильную боль, удалось справиться и с этим. Я вообще давно знала, как врач, что лучшее лекарство для молодого тела - это ещё одно молодое тело, только другого пола. У нас в институте терапию преподавал настоящий профессор, с огромной практикой. Рассказывал хрестоматийное о продлении жизни дряхлым старикам с помощью обкладывания их юными красотками. И о том, как медсёстры ложились к умирающим солдатам: "И костлявая уходила, - так он говорил. - Не тягаться скелету с живой горячей плотью". Талантливо рассказывал. И обязательно добавлял, что лучший катализатор при лечении горячей плотью - это искренняя любовь. Вот этим я, полагаю, Ивана с того света и вытащила. Да и сама спаслась. Холод внутри изрядно подтаял. Если увижу того профессора, обязательно поделюсь самонаблюдением.

Когда будем работать вчетвером, это будет в режиме "сутки через сутки". Возможностей для горячего лечения станет даже больше. Всё-таки во время дежурства заниматься любовью приходится с оглядкой: не едет ли на склад Гриша. Даже глубокой ночью было однажды: за двадцать секунд, что машина ползла триста метров от шоссе до шлагбаума, Ивану пришлось успеть выскочить из меня, с нуля одеться по-зимнему и степенно выйти во двор с карабином. Через полчаса, конечно, посмеялись и долечились, но тогда оба рычали... А на свободе да за толстой брусовой стеной - лечись хоть всю ночь и весь день, только не стони слишком громко, чтобы не возбуждать зависть сменщиков.

До мая, пока не завезли большое количество взрывчатки, мы работали в прежнем режиме, вдвоём. И заряды выдавали из тех же малых хранилищ, которые притащили с временного склада. Чуть прибавилось хлопот с открыванием и закрыванием всяких замков: до них, по сравнению с Лосиным, было подальше ходить, и на шлагбауме теперь тоже был замок. Но всё равно на один визит уходило не больше получаса. Охранник только открывал замки на шлагбауме и на воротах, а потом делал запись в постовом журнале, расписывался на пропуске и с журналом под мышкой и карабином на плече ждал у ворот Гришу. Тот вместе с шофёром в это время загружал в "элпээску" ящик с зарядами и моток детонирующего шнура, совал за пазуху коробочку с детонаторами, и машина трогалась. У ворот они тормозили, Гриша ставил автограф в журнале и уезжал. Оставалось повесить оба замка на место и посмотреть на часы. Бывало, что управлялись всего за десять минут. И больше в тот день никого ждать не приходилось, потому что подземные взрывные работы производятся на дальних кустах и отнимают порой целые сутки.

Чем заниматься охране, когда она не выдаёт заряды? Как говаривал наш факультетский балагур Мишка, "это же с тоски можно подохнуть". Но на такие лесные склады специально подбирали людей, не боящихся одиночества. Босой навещал нас по два раза в месяц и делал запись в постовой

ведомости: "Проверено несение караульной службы, замечаний нет". Ему нравилось с нами поболтать. Хотя, конечно, это была не простая болтовня. Божьей милостью организатор, он умел так со всеми болтать, что и обо всех настроениях был всегда осведомлён, и нужные наставления раздавал ненавязчиво. С нами он это делал так, будто завидовал нашей молодой любви и делился кадровыми проблемами. А когда уезжал, мы устраивали анализ беседы и обнаруживали, что и о себе всё ему рассказали, и инструктаж получили. Летом, конечно, мы собирались завести за складом огород. Это даже улучшало бы охрану. А пока снег, Иван вырезал из дерева досочки для кухни и разные фигурки, а я попробовала рисовать. Когда-то на тренировках по разведделу неплохо воспроизводила карандашом по памяти лица или расположение объектов. Теперь начала рисовать всё и всех подряд: Босого, Гришу, аппаратчиков, партийцев, инспектора из гостехинспекции, рабочих, которые доделывали новые хранилища, пейзажи вокруг склада, дома в Лидере, даже бродячую собаку, которая забежала как-то к нам на склад и прижилась, и получила имя Босяк. Портреты раздавала, пейзажи лепила на стены. Иван хвалил всё подряд, сравнивал с Серовым, Перовым и даже с Леонардо. Он с детства это любил и сам прилично рисовал. А когда рисунок посмотрел Босой, реакция оказалась неожиданной. Художница привычно ожидала восхищения, а он вдруг насупился и пробормотал: "Слишком похоже рисуешь. Режимный объект. Ты это спрячь и никому не показывай, а то мне приле-летит. Рисуй что угодно, только чтобы-бы объектов не было видно". Мы удивились: всего два раза заикнулся. Он это заметил и гладко спросил: "Заметили, что почти не заикаюсь? Тренируюсь по системе. А по какой - не скажу, вам не надо".

К маю четверых новых охранников Босой нашёл. Мы, конечно, надеялись, что он составит из них одну смену, а нас объединит со своим братаном Алёшкой и его напарником, симпатичным стариком Ефимычем, тоже матёрым таёжником. Во время пересменок мы несколько раз ночевали с ними в одном помещении и сдружились. Но для Босого интересы производства оказались выше нашей дружбы. Он объединил нас с новыми охранниками по двое: "Чтобы-бы они лучше вошли в процесс". Он заикался теперь всё реже и по-другому: сдваивал слоги.

* * *

За зиму я обошёл на лыжах почти все окрестности склада. В одном месте нашёл следы какого-то идиота-охотника. Он пригнул к земле несколько молодых берёзок, привязал к этим дугам пучки рябиновых ягод, а рядом поставил петельки из нихрома - по три-четыре на ствол. Всего одна белка попала, да и ту он не вынул. Я нашёл от неё в петле только скелетик с целым хвостом. Рассказал сменщикам. Они обещали его изловить. Но не изловили. Может быть, перестал летать на вахту. А скорее - один из строителей нашего склада. Работу закончили и пошли дальше, а петли он не снял. В тот раз я разогнул все деревца и собрал с них сорок три петли. Находил и петли на зайцев, тоже снимал. Мне хотелось, чтобы вокруг склада была настоящая дикая жизнь. Настолько хотелось, что даже приснился сон, притом противоположного содержания. Будто вижу из окна волка. Зверь поджарый, светлый, длинноногий, трусит по дороге к шлагбауму и садится прямо под ним. Я забываю себя и выбегаю с карабином. Волк тут же бросается бежать. Я стреляю вслед, но только задеваю пулей бок. Он шарахается в сторону и бежит ещё быстрее. И убегает. Возвращаюсь в дом. Мрачная Маша говорит: "Зачем стрелял, абрек? Маракунэм..." И я проснулся. И рассказал Маше этот сон. Она посмотрела тяжёлым взглядом и сказала: "Зря не убил. Ты же снайпер. Волков надо уничтожить всех". Я не согласился: "Нельзя. Нарушится экология". Она объяснила: "Не нарушится. Их экологическую нишу уже заняли люди. Волки - лишние". Говорила как-то зло и горько. Но сразу засмеялась и сказала, что задремала на посту и ей приснилась странная фраза, про того же зверя: "Светлыми глазами можно смотреть на волка. Но не на крысу". И спросила: "Как ты этот бред объяснишь?" Я объяснил так, что и сам удивился, будто не я говорил, а говорили мною: "Это о светлом взгляде речь. Волк нам ровня, а крыса - нет. Лучше бы мы её вытеснили из ниши". Она погладила меня по голове и быстро вышла во двор: "Подышу". У неё есть тайна, которую не открыть. Да и не надо. Я этой тайны почему-то боюсь.

В первых числах мая снег сошёл почти весь. Остались только зернистые пятна в лесу, у толстых деревьев. В один из этих дней я вошёл в лес рядом с завалом из брёвен, где зимой не ходил. И почти у самой опушки нашёл закоченевшего зайца. Он попал в петлю разноименными лапами - передней правой и задней левой. Умирал мучительно, бился, сорвал кожу до костей. Теперь лежал, стянутый нихромом, на снежной подушке, а кругом уже лезла травка. Я принёс его Маше. Она понюхала и сказала: "Съедим. Пища дикарей". И хорошо сготовила. И мы съели бедного зайца по-братски. И больше я прошлогодних петель не находил. А наши сменщики их не ставили.

* * *

Мелкое неудобство с медкомиссией обернулось для меня изрядной тревогой.

К концу майской вахты Босой привёз второй карабин и новых сменщиков, которые должны были работать с Алексеем и Ефимычем. Где-то в Северном существовали и два охранника, с которыми

работать нам. Все они уже прошли медкомиссию по всем правилам. А нам Босой выдал заявки на бесплатный полёт, и мы отправились. Сначала вертолёт в Северный, а оттуда самолётом в Томск. Там надо было переночевать в гостинице, пройти все кабинеты, указанные в бланках, вернуться в Северный, сдать эти бланки в контору и тогда уж ехать домой на отдых. Иван сказал: "На остаток отдыха".

На вертолётах я никогда не летала. Мне приходилось только по ним стрелять. Правда, без успеха: бронированные попадались. И сами лупили так, что толком не прицелишься. Летела я поэтому без удовольствия и даже с некоторым глупым трепетом: не целился ли кто снизу. Потом в аэропорту спросила Ивана: "Ты летал раньше на вертолёте?" Он кивнул. И спросил: "А ты - нет?" "Первый раз". "Ну и как?" "Страшно. А ты не боишься?" "Здесь - нет. А раньше боялся. Противно, когда тебя сбивают". "А тебя сбивали?" "Нет. Моих друзей однажды сбили". "Они погибли?" "Не все". Он мало говорит, особенно о войне.

В Томске мы легко прошли медосмотр в поликлинике. Врачи умилялись: вот супруги-вахтовики, такая пара... И жалели Ивана за его шрамы. В наркологическом диспансере вышло смешно. Там просмотрели картотеку, не обнаружили нашей фамилии и сказали: "Микулины! Заплатите в кассу вот столько, и мы вам поставим штампик". Я спросила: "А если б мы были у вас на учёте, тогда - бесплатно?" Ответили без улыбки: "Тогда - бесплатно". Хорошо, что не стала врачом. Я бы не смогла участвовать в вымогательстве. Хоть и понимаю, что они в этом не виноваты. Как говорил Мишка-еврейчик, "рынок-с без границ, опоздавшему - дыру от бубла-с".

Самое интересное произошло в психодиспансере. Тоже пришлось заплатить в регистратуре за то, что мы не психи, а потом ещё сидеть в очереди у кабинета на втором этаже и по одному заходить к врачу, чтобы задал пару дурацких вопросов для анамнеза и поставил печать. Иван сходил первым, показал большой палец и сел. Вошла я. И застряла у двери, будто меня ею прищемило. За столом сидел мой однокурсник Мишка-еврейчик. Теперь он, конечно, был Михаил Ефимович Флейшнер. Я помнила отчества всех, с кем училась в одной группе.

Мы целых три секунды друг в друга всматривались, а когда Мишка меня узнал, он отпал на спинку стула и сказал молоденькой медсестре: "Посмотри в регистратуре, нет ли у них кипятку. Я тут сам оформлю". Девочка вышла. Я подошла. Он спросил:

- Я правильно сделал?

- Правильно. Здравствуй, Миша.

Надо было или убедительно врать или говорить правду. На выбор у меня не было времени. Я села молча и положила перед ним свой бланк. Он вчитался.

- Микулина... Сейчас заходил... Кто он тебе?

Мне нужно было время. Я ответила:

- Догадайся с одного раза.

Он помолчал, поразглядывал меня. Я в это время почему-то вспомнила, что за его мясную фамилию ему все в шутку пророчили карьеру хирурга. А он вот стал психиатром. И, стало быть, преуспел в психологии. Значит, делает выводы и вычисляет мою жизнь. Он, наконец, сказал:

- Чеченка вышла за русского. Притом в Сибири...

- Ты сам-то как в Сибирь попал?

Я всё тянула время. Но уже надо было что-то решать. Сейчас вернётся с первого этажа эта девочка с кипятком, она помешает. Мишка сказал:

- Мало времени. Давай так: мы знакомы?

Вот это он взял быка за рога! Я мотнула головой. И сказала:

- Я скрываюсь. Но на мне ничего нет. Не хочу политики - и всё. И брак - не фиктивный.

- По страстной любви?

Я кивнула. И заметила в его глазах короткую усмешку недоверия. У меня по психологии тоже были успехи в институте. Я сказала:

- Миша, ты ни-че-го обо мне не знаешь. Пришла и ушла. Подробности когда-нибудь потом. Поверь пока на слово.

- Жаль, что ты не доучилась. Лучше бы тогда вернулась на занятия. А то там связали это с тем боем, с погибшей ротой...

Не знаю, удалось ли мне сохранить на лице нейтральное выражение. Очень уж точно он попал. Я сказала:

- Не знаю никакой роты и никакого боя. Не до того было. Я встретила этого парня на улице, сразу влюбилась, и он меня увёз.

Мишка ухмыльнулся уже открыто:

- От кого же ты скрываешься?

Поймал. Ну, делать нечего. Я сказала:

- От цивилизации. Надоела суета. Художницей решила стать. Смотри.

И сделала вторую ошибку. Схватила со стола чистый лист, выхватила у Мишки авторучку и за несколько секунд набросала его портрет. Он его взял, взгляделся.

- Профессионально. Муж - тоже художник?

Я кивнула. Тут вошла медсестра с чайником. Мишка сказал казённым тоном:

- Охранять взрывматериалы вам разрешается. Без ограничений. Особенно с таким мужем.

Улыбнулся, расписался, хлопнул печатью и отпустил. Портретик стала разглядывать медсестра. Взяла в руки. Зацокала языком.

Я вышла к Ивану и увидела рядом с ним на стульях пару кавказцев в кожаных куртках. Они тут же встали и поздоровались со мной по-чеченски. Я привычно переспросила: "Шо-о?" Они ухмыльнулись и ушли в кабинет. Я увлекла Ивана прочь из этого чёртова диспансера. По дороге спросила:

- О чём с ними говорил?

- Ни о чём. Они только что подошли, спросили: "Кто последний?" Я сказал: "Вы". Тут ты и вышла. А что? Они с тобой по-чеченски поздоровались.

- Так ты и сам меня чеченочкой дразнишь.

- Откуда ты знаешь?

- Во сне проговорился. Я о тебе всё знаю!

Перевела всё в шутку, но встревожилась. Что-то было неладно и нескладно в этой двойной встрече. Сейчас они вошли к Мишке, увидели его портретик. А вдруг имеют сведения, что я рисую?.. Да нет, это уже мания преследования. С ума так можно съехать. Прочь из этого города!.. Но как они со мной поздоровались! Значит, знают моё лицо? Но и в прошлом году так здоровались, только другие. Это всё же у меня паранойя. Не надо было становиться врачом. Не надо было лезть в интеллигенты, не было бы самокопания этого... Давно бы предстала перед престолом Аллаха, который, таки ж, акбар... Не сдаст меня им Мишка. Иудей с мусульманами дружить не может... Паранойя!.. Всё в этом свихнувшемся мире - паранойя! И не мир это вовсе, а непрерывная война. Всех со всеми. Мы все - солдатики, которыми играют наши боги. У которых явная вялотекущая шизофрения с бурными кризами. Иху мать... Кстати, а кто же иха мать?

Ладно о матери. Я вспомнила, что Мишка может знать, что меня увёз из Ростова не Иван. Он видел меня с Асланом в тот последний день, когда я исчезла из института. Запросто мог связать. Так что главное - понять его дальнейшие действия. Обыкновенный он еврей или сионист? Последнее для меня, наверно, выгоднее. Впрочем, я в сионизме мало что понимаю. Он порой парадоксален... Так с кем же Мишка? Почему он в Томске? Может, у него тут родня? Не слышала от него ничего о Сибири. Он тут не по заданию? Да нет, это у меня всё же паранойя. Женщина-солдат. Оглушена "градом" в последнем бою. Или страхом за такую хорошую, спокойную жизнь, что подарил Иван...

Пока я так рефлексировала, Иван задал вопрос и теперь его повторял:

- Давай, давай, признавайся. Что тебя так беспокоит? И чего ты тащишь меня этими закоулками?

Я отключила рефлекссию и посмотрела на него. Постаралась придать лицу осмысленное выражение. Часто параноикам это удаётся. Я даже попыталась хитро засмеяться. Я сказала:

- Давай подойдём вон к той часовне. Там, говорят, жил царь Александр Первый, под видом старца Фёдора. Чудеса творил.

- А зачем тебе чудеса?

- Я люблю чудеса. Вот ты - моё чудо.

- Не увливай, Маруся. Я же вижу: ты не в себе. Что такое? Эти чеченцы?

Хорошая подсказка, нужно воспользоваться. Я сказала:

- Это не первый раз. Когда только приехала в Томск, со мной несколько раз вот так здоровались.

И заговорить по-своему пытались. Я испугалась и уехала к тебе.

- А ты, в самом деле, по-ихнему не понимаешь?

И посмотрел мельком, но внимательно. Тоже ведь разведчик.

- Нет, конечно. Где Краснодар, а где Чечня.

- Рядом, между прочим. И во сне ты говорила по-чеченски.

Вот это он врёт. Ловит меня моим же приёмом. Я точно знаю, что не говорю во сне. Я этому училась. И я засмеялась.

- Не ври, Ванечка. Ты не умеешь.

- А ты - умеешь?

Он говорил уже горько, почти обиженно. Он, конечно, хотел знать обо мне всё, чтобы защитить - ни для чего другого. Но он сам ещё нуждался в защите. Я пока не могла сказать ему всего. И никогда не смогу, если уж до конца быть честной... Вот как интересно: честность перед собой состоит в том, чтобы врать любимому человеку. Если скажу ему всё, мы оба можем всё потерять. Нет, Ванечка, ни за что.

- Я тоже врать не умею. Ты же видишь! Я просто боюсь этих кавказцев. Они же воруют девушек. И делают из них шахидок. Наркотиками. Помнишь, передавали?

Я включилась в роль и говорила уже вполне убедительно. А сама всё тащила его налево, потом направо, в гору, в переулок, вокруг часовни, потом в какой-то узенький проход между заборами и вниз, к речке Ушайке, и снова налево, потом направо, через мостик, потом в сторону, снова в переулок, ещё на гору, к православному храму с зеркальцами на концах крестов, потом дальше, к Белому озеру.

И болтала, щебетала, восхищалась городом. И в самом деле, у меня уже не было к этому городу неприязни: в нём такие переулки, так легко скрыться от возможного преследования.

У Белого озера я последний раз незаметно проверилась и поверила, что за нами никто не идёт. Пора было подумать, каким способом выбраться из Томска. Можно лететь по заявке самолётом. Это бесплатно, но завтра. А можно попробовать за деньги автобусом. Это долго, мучительно, холодно, но, может быть, сегодня. Эти двое могут, впрочем, появиться и в аэропорту, и на автовокзале. Где вероятнее? Если выслеживать нас, то скорее в порту. Если добираться до Северного самим, то на автовокзале - там не спрашивают паспорта, а им лишний раз светиться ни к чему. Их вожди обещали русским террор по всей стране, и с них, сволочей, станется. Можно пожить день-другой в Томске, чтобы нас не нашли на вокзалах и сняли слежку, но тогда возрастает вероятность случайной встречи в городе, как сегодня...

Тут я опять подумала, что это же просто мания преследования. И пожаловалась на усталость, и попросилась обратно в гостиницу, будто это не сама я таскала Ивана по городу и восхищалась его старинностью.

Кажется, Ивановы подозрения рассеялись. Он больше не задавал опасных вопросов по пути и не замечал мер предосторожности, которые я ненавязчиво принимала в гостинице: продукты и чайник с собой в номер, никуда больше не выходить, дверь запереть, окно зашторить и тому подобное.

Ночью супруг был особо нежен и сообщил, что пора бы нам подумать о продолжении рода Микулиных. Я ответила, что конечно, только пусть он ещё немного окрепнет: нам нужно генетически крепкое пополнение.

Утром мы очень рано уехали в аэропорт и вполне прилично долетели до Северного.

* * *

В любимом человеке всё снаружи. Даже если он уверен, что грамотно замаскировался. Конечно, я хорошо видел, как Маша встревожилась, и когда именно это началось. Она такая вышла ещё из кабинета. Потом эти двое - они её тревогу усилили. И не прошла эта тревога до тех пор, пока мы не сдали свои бумаги в контору и не уехали из Северного домой. Только в Пасоле она расслабилась. Потащила меня сразу в лес, "на наше место". Мы там бывали часто, потому что после каждой вахты гуляли по лесу. Но никогда там не останавливались. Просто проходили рядом. Маша любила ходить подальше и открывать новые места. Если было не холодно, останавливалась и рисовала какое-нибудь дерево, куст или общий вид. И удивлялась, как это можно видеть все деревья одинаковыми. Они и в самом деле получались у неё разные: грустные или улыбающиеся или беспечные. В жизни они такими не выглядели, а у неё - получались. Хорошие врачи, по-моему, всегда одарены художественно. Вон сколько среди них писателей. А хирурги почти все хорошо рисуют.

Мы вполне прилично зарабатывали на вахте, поэтому могли не думать о дополнительном труде между вахтами. Это важно, потому что иначе мы стали бы конкурентами другим жителям посёлка. А им самим негде было работать. Леспромхоз дышал на ладан, пилорама давно закрылась. Другого производства не было. Мужики ездили на заработки кто куда, в том числе и на вахту - к нефтяникам или строить дороги. Для женщин работы не было совсем. Молодые разъезжались, пожилые вели домашнее хозяйство и нянчили детей. Дети росли, как трава. В школе не хватало учителей, потому что учеников было слишком мало. В общем, Пасол угасал. Когда-то, во времена репрессий, сюда привезли высланных и бросили выживать. Они выжили, хотя и меньшинством. Но тогда была другая власть. Она, как всякая, называла себя народной. Она была суровой. Но равнодушной всё же не была. Или карала, или помогала, чем умела. Отделяла от государства церковь, но не отделяла школу и медицину. А новая, ещё более народная, оказалась совсем безразличной. Сама себя отделила от народа. Заботилась только о сборе налогов, чтобы самой жить не хило. А к людям рядовым проявляла полное равнодушие. И называла это полной свободой предпринимательства. Предпринимай что хочешь, только плати налоги и не попадайся на грехах. А не можешь ничего предпринять, ты свободен подохнуть с голоду. Власть получилась не народная, а как бы природная. Естественный отбор. Если бы не сосед Алёшка, мы бы с Машей до очередной весны могли не дожить. Разве что стали бы знахарями. Она - врач, а меня родители научили разбираться в травах. Пользовали бы односельчан. Но это - только за харчи. Настоящему знахарю деньги с больных брать не положено: дар можно потерять.

Мы насчёт знахарства даже проявили предусмотрительность: всё прошлое лето собирали травы - и дома, и на вахте. И кое-кого из селян вылечили. Приобрели некоторый авторитет и отбили клиентуру у местной фельдшерицы. Алёшка распустил по селу слух, что Маша - настоящий врач, только без диплома. Фельдшерица напустила на нас налоговую инспекцию: мол, врачует за деньги. Но те ничего не нарыли и отступились. Когда ходили по дворам, народ их просто называл в глаза дармоедами, рэкетирами и даже продотрядом. А фельдшерице кто-то пообещал подпалить хату. И она примолкла. Обычные, нормальные деревенские отношения. И жить не скучно. Маше, конечно, делали за лечение мелкие подарки. Кто посудину, кто платок, а кто масла, творогу или молока. Молочное она принимала охотно, потому что и сама любила, и для меня. А от вещей отказываться

сами люди не позволяли: это обида. В общем, она замечательно вписалась в нашу жизнь, будто сама выросла в деревне. Да мне так иногда и казалось. Больно уж ловка была по хозяйству. Я даже спрашивал: "Ты ведь деревенская?" Она отвечала: "Не помню".

Я после таких ответов задумывался: каково было бы мне - не помнить своего прошлого? И ответу удивлялся: было бы лучше. Зачем мне такое прошлое?

Кстати, я даже научился одному фокусу: забыть о прошлом, когда возвращается боль от ранений. Я думал: "Что это за боль? Откуда она взялась? Поел чего-то не того. Не сделал утреннюю разминку, а потом сделал резкое движение. Не выспался". И так далее. Если старую болезнь представлять как новорождённую и случайную, она удивляется и как-то вянет. Рассказал об этом Маше. Она сильно смеялась, а потом сказала, что это новое изобретение в медицине, его надо применять. И стала применять. И людям понравилось. А она им сказала, что это придумал ещё покойный Гиппократ. Вечно живой...

Рассказал я Маше и об отделении власти от народа. Тут она не смеялась. Мрачно сказала, что так и есть. Нас ведут к полному одичанию и людоедству. Зверски при этом оскалилась и сказала: "Человечина - вот настоящая пища дикарей! Только дикари сейчас сидят по кабинетам. А мы для них убиваем друг друга!"

Мне показалось, она что-то вспомнила. Я спросил. Она ответила: "Нет. Я просто так фигурально выражаюсь. Крайне не люблю людоедов".

* * *

Всё лето мы пахали. В мае после Томска успели в два штыка вскопать дома огород. Посадили картошку и всё прочее. В июне разработали совершенно дикий участок за складом. Там когда-то прошёл пожар, из грунта выворачивались головёшки, обрывки троса, гусеничные траки и прочие приметы цивилизации. Зато и сам грунт был несколько приличнее, чем в других местах. Хоть и тонкий плодородный слой, всего на штык, а дальше глина, зато серая лесная почва удобрена горелым. Там мы тоже посадили немного картошки и зелени. И, конечно, топинамбур. И выкопали погреб. Иван сказал: "На века окопались".

Наши сменщики землёй не занимались. Они поселились во второй свободной комнате, где был отдельный вход со двора, и всё своё время проводили у телевизора, который привезли с собой. Они его не выключали никогда. Это мешало ночами, приходилось просить их убавить звук. Они без спора убавляли. Но на следующую ночь всё повторялось. Общих интересов у нас с ними не нашлось. Иван назвал наши отношения нейтралитетом. Мы не заходили в их комнату, они - в нашу. Только в караулке, принимая смену, кто-нибудь из них говорил об очередной моей картинке: "Ухты". Дежурно, без выражения. Я даже не научилась отличать, кто из них Николай, а кто - Михаил. От обоих постоянно и одинаково несло какой-то сивухой. Мы подозревали, что они в своей комнате держат брагу. Купить алкоголь в Лидере было очень затруднительно из-за "сухого закона", но можно было насобирать вокруг склада дикой жимолости или брусники, добавить рис и сахар - вот и сырьё для браги. Иван тоже испытывал отвращение к сивушному духу. Мы жаловались на эту вонь друг другу, но мужики служили исправно, и сор из избы выносить не хотелось. А зря. К зиме дождалась катастрофы. Двор от снега чистил маленький колёсный бульдозер. Охранники поднесли трактористу своей браги, и он на обратном пути врезался на трассе в трейлер. Погиб на месте. Алкашей уволили, а нам сделали замечание за потерю бдительности.

Босой оказался не очень хорошим кадровиком. Вторая пара наших сменщиков тоже проработала недолго. Это были пожилые муж и жена. Босой представил их победно: "Вот вам вторая семейная пара! Будет идеальная смена!" Но вторая пара очень скоро начала ссориться. Маленькая колченогая Гуля стала ревновать своего старика Васю ко мне. Сцены она устраивала бурные, несла свои выдумки в посёлок, нам на базе их передавали - атмосфера накалялась. Гуля начала выпивать от злости, а Вася - с досады. Пили супруги порознь. Только Вася себя не терял, а Гуля однажды пропала на два дня. Когда она явилась принимать смену, оказалось, что этих двух дней она вообще не помнит: "Я же вчера вечером ушла". Помня давешнюю катастрофу, не решаясь доверить Гуле боевое оружие, мы написали докладную. Гулю уволили. Следом за ней ушёл и Вася. Мы на два месяца остались одни. Милиция и горнотехническая инспекция пока смотрели на этот факт сквозь пальцы: лучше двое надёжных, чем такая пьянь.

* * *

Нам не повезло со сменщиками два раза подряд. Они плохо переносили оторванность от масс. Когда уволили вторую пару, нас надолго оставили одних. Это была благодать. Ни громкого телевизора, ни пьяных скандалов. Новый год мы встретили на вахте как раз в день приезда. Нам всю ночь звонили с базы: то поздравить, то посочувствовать нашему одиночеству. Мы сочувствие принимали, но про себя смеялись: подольше бы это одиночество длилось.

Маша рисовала уже акварелью. Хоть эта техника и тоньше, зато с ней и хлопот меньше. От масляных красок больше грязи, они тяжёлые, требуют холста или картона. А тут - коробочка, кисточка, лист ватмана и стакан воды. Акварелью Маша особенно хорошо рисовала горы. Она никогда их живьём не видела (какие в Краснодаре горы?), но получалось так похоже, будто она там выросла. Правда, и река, и море у неё тоже получались так, будто она - русалка. Я перестал дразнить её чеченочкой и стал называть русалочкой. Ей понравилось. Она нарисовала себя в виде русалочки, а меня - моряком в тельняшке. Я похвалил, но картинка мне не понравилась. Когда смотрел на тельняшку, мерещились на ней дырки от пуль и пятна крови. Может быть, зря воздушных десантников стали одевать в морское? Впрочем, тельняшка удобна и красива, её все любят.

После январской вахты, на пересменке, Алексей сказал, что нас в Пасоле ждут какие-то двое кавказцев. Заявили, что хотят вернуть долг. У него был ключ от нашего дома - так, на всякий случай, обменялись запасными. Маша сразу спросила: "Ты впустил их в наш дом?" Он ответил: "Нет, конечно. Вот он, ваш ключ. Я им предоставил свои апартаменты. Приедете - нанесёте визит. Друзья моих друзей - мои друзья, но насчёт хаты - дело другое. Верно?" Маша сказала: "Верно". Без всякого выражения. Я уже знал, что это означает: моя супруга напряжена. Алексей спросил: "Это где же они вам задолжали? В Томске?" Она сказала: "В Томске. И что же, они специально из-за этого приехали?" Он сказал: "Выходит, так. Ничего с собой вроде не привезли. Значит, других дел нет. Они мне сказали, что мимо ехали. Отдадим долг и - дальше". "А на чём они приехали?" "На попутной машине". Маша сказала: "Ну и ладно". И больше об этом не говорила. А я вообще не сказал ни слова. Я был весь в подозрениях. Они сидели во мне давно, а теперь лопнули наружу, но ничего нельзя было показать. Почему нельзя, я объяснить не мог даже себе. Нельзя - и всё тут.

* * *

Я думала, что я врач и тренированный воин, а оказалось - обыкновенная женщина. Когда Алексей сказал, что в Пасоле нас ждут два кавказца, я начала терять сознание. С трудом договорила несколько фраз и сказала усталой, ушла спать. Иван ещё немного поболтал со сменщиками и явился ко мне, совсем хмурый. Сказал, что Алексей и Ефимыч спрашивали, не нужна ли помощь.

- Какая?

- Ну, с этими кавказцами.

- Ты что ответил?

- Сказал, что всё в норме.

- Молодец.

- Почему?

- Что почему?

- Всё, всё, Маруся. Уже некогда притворяться. Давай, всё рассказывай. Тут всё должно быть ясно. Я же не знаю, как себя вести.

Мы говорили очень тихо. Он лёг рядом на узкую кровать, подsunул свой локоть мне под голову. Пришлось рассказывать. Я рассказала, конечно, не всё. Да, я чеченка. Выросла в горном ауле. Хотели, чтоб стала шахидкой. Но я сбежала. Это не я тебя спасла в лесу, это ты меня спас. Я русская теперь. Я - твоя Маруся. Я никем другим не буду. Я хочу рожать тебе детей. Не гони меня, Ванечка. Вот всё, что я ему сказала. Он спросил:

- Что предлагаешь делать?

Я сказала, что отступить некуда. Меня трясло от ярости. Я сказала, что этих двоих надо завалить, как того шатуна. Он возразил:

- Но они ведь не одни. Их кто-то послал. Они не убивать приехали. Они нас тоже боятся. Надо узнать, что им нужно.

Я сказала, что они нас просто боятся, без "тоже". Мы у себя дома и мы их не боимся. А чего им нужно, ясно и без вопросов. У врача, к которому они зашли после нас, они узнали о нас достаточно. Их интересует наша взрывчатка. Они предложат мне во имя аллаха уничтожить наш склад. А ещё вернее - вскрыть склад и взорвать нефтехранилища в Лидере, а остальную взрывчатку спрятать в тайге для новых диверсий. Иван спросил:

- Ты мне всё рассказала?

Я ответила, что всего не расскажешь. Он прижал меня к себе и стал целовать. Его слёзы были очень горячими. Он шептал одно слово: "Бедняжка". Я тоже заплакала, и стало легче. Мы составили план завтрашних действий и заснули.

Назавтра к обеду были уже дома. По дороге в Пасол я впервые пережила отвращение. Примерно такое же, как перед последним своим боем, когда ехала из Ростова на юг. Всё нутро не хотело, а разум заставлял. Вот так и заболевают по-настоящему: организм протестует против насилия и ломается.

Выйдя из машины у магазина, мы не пошли сразу домой и даже не стали покупать продукты. Военные действия лучше всего получаются на пустой желудок. Мы перешли улицу и оказались в медпункте. Было время приёма, и фельдшерица Аврора сидела в одиночестве. Нас она ненавидела

и поздоровалась сквозь зубы. Но Ивану она была одноклассницей, это упрощало задачу. Он сказал, что нужна медицинская помощь. Аврора засмеялась:

- Это врачам-то?

- Нет, не врачам. И учти, Аврорка, здесь нет врачей. Я серьёзно. У нашего соседа поселились двое кавказцев. Он сегодня сказал, что они заболели.

- А что ж вы сами?..

- А кто мы такие? Мы их не знаем, они - нас. А ты - настоящий медик, с дипломом и с должностью.

- А должность - это долг! Так твоя мать говорила, я помню.

Я сказала:

- Аврора, вы не обижайтесь на нас.

- А чего это ты со мной на "вы"? Давай уж..., коллега... Что там с ними?

Я сказала:

- Да ничего. Нам просто нужен свидетель. Они зачем-то к нам приехали.

Иван сказал:

- Ты просто войди и выйди. Чтоб они поняли, что их теперь знают.

- А вы их сами знаете?

Я сказала:

- Не знаем. Поэтому опасаемся.

- Тогда пошли за моим Серёгой. Он как раз на обеде должен быть.

Иван говорил мне, что у Авроры лёгкий и не злой характер. Надо только подойти первым. Так и получилось.

Мы пошли к ней домой. Вездеход, на котором работал муж, в самом деле стоял у калитки, а сам Серёга заканчивал мыть обеденные тарелки. Когда узнал, в чём дело, ухмыльнулся:

- Уже и сюда добрались... Ну, поехали...

Мы лихо выпрыгнули из вездехода у дома Алексея и вошли без стука. Двое сидели за столом, оба - лицом к двери, в напряжении. Аврора спросила:

- Кто больной?

Те переглянулись. Оба молодые, те самые, из диспансера. Один немного старше. Он поглядел на край Аврориного белого халата и ответил:

- Нет больных.

Аврора сказала с напором:

- А мне передали от Алексея, что здесь больные.

- Нет больных.

Тогда заговорил Серёга:

- А вы здесь кто?

- Мы - гости.

- Чьи гости?

- Хозяина. Алексея. Он нам ключ оставил.

- И надолго?

- Сколько понадобится. А ты кто такой?

- Служба безопасности. Ваши документы.

Серёга нагнетал напряжение. Я уже не понимала, к лучшему ли это. Но что к развязке - то и лучше. Два мужчины и две женщины против двух - я уверена - боевиков. Это нормально. Аврору мы сразу оттеснили в сторону, а сами охватили неприятеля полукольцом - трое против двух. Если эти двое в самом деле знают обо мне достаточно, им придётся принимать меня в расчёт.

Они уже стояли, прикрываясь столом. Если толкнут на нас, мои мужчины подхватят его за края и так далее - положение у боевичков проигрышное. Если вооружены, едва ли что успеют: Сергей тоже не в стройбате служил, и в рукаве у него большая отвёртка.

Гости полезли в карманы, а Сергей предупредил:

- Только без шуточек. Отсюда не убежишь.

Двое переглянулись и сели. Бросили на стол паспорта. Старший сказал:

- А зачем убежать? Виноватый убегает.

Сергей переписал их фамилии в свой блокнот. Они ухмылялись, потому что паспорта были в порядке, их владельцы вольготно сидели, а мы перед ними стояли, как просители в конторе. Но боевое преимущество лучше было оставить за собой. Мы не стали садиться. Сергей сказал:

- Итак, причина вашего к нам визита...

Старший:

- А можно посмотреть на ваше удостоверение?

- Нет, нельзя. Вот когда я к вам приеду, тогда будете спрашивать. А если недовольны, поедете сейчас с нами в райотдел - там вам всё покажут.

Он блефовал, он работал обычным водителем в лесхозе. Но выглядел так убедительно, что даже я готова была поверить, что он тайный агент службы безопасности. Пришлось поверить и этим двоим. Им не улыбалось ехать куда-то не по своей воле. Серёга повторил:

- Зачем прибыли в Томскую область?

Старший ответил:

- Работу ищем. Кавказ - трудодефицитный район, начальник.

- И в Пасоле тоже ищете работу?

Они переглянулись. При мне дальше так врать было невозможно.

- Нет. Здесь мы проездом. Родственники узнали, что вот Марьям здесь поселилась, вышла замуж. Просили передать привет, узнать, не нужна ли помощь.

Сергей повернулся ко мне:

- Так вы, Мария Дмитриевна, что, с Кавказа?

- Нет, Сергей Иванович. Я с Краснодара. И родичей на Кавказе не имею. Я этих двоих второй раз бачу. То у Томске по-своему со мной здоровались, то теперь аж сюды приехали. Ну шо вы до меня пристали? Хотите, чтоб мой чоловік вам по мордам надавал?

И я посмотрела на Ивана. Ему приходилось сурово хмуриться, чтобы не прыснуть. Такой мовы он от меня ещё не слышал. Он тоже посмотрел на меня, увидел, кажется, в глазах что-то ужасное и кивнул обоим.

- Я вас, ребята, тоже запомнил. Вы тут лучше больше не появляйтесь. Ищите своих в другом месте, не в Сибири.

Серёга добавил:

- Деревня вся вооружена и очень вашим визитом недовольна. Своим негде работать. Будете нужны - сами позовём. Так что, попрошу прямо сейчас на остановочку. Автобус через полчаса.

Старший спросил:

- А куда?

Серёга ответил:

- Это не важно. Главное, что отсюда. И повторяю: народ вооружён поголовно. Так что очень не советую... Пройдёмте. Ключик - на стол.

Я оглянулась на Аврору. Она смотрела на мужа со страхом и обожанием.

Двое молча собрались и положили на стол ключ от дома. Старший, проходя, сказал мне почеченски: "Привет тебе от твоих братьев. И от всех наших, кто за родину погиб". Я ответила:

- Шо?

Серёга резко сказал:

- Говорить попрошу только по-русски!

Я ответила:

- Та я ж по-русски!..

Иван всё же прыснул, но уже скрипела дверь, его не услышали.

Ничего смешного я тут не находила и показала ему кулак. Он забрал со стола ключ Алексея и запер входную дверь. За калиткой Серёга сказал в спину удаляющимся гостям:

- Мария Дмитриевна! Мы к вам вечером заедем. Есть вопросы.

Я громко ответила:

- Хорошо, Сергей Иванович!

Он прошептал:

- Не Иваныч я! Сергеич!

Тут прыснула Аврора и хлопнула меня по спине. Вот так мирятся в сибирской деревне. Мне понравилось.

* * *

Вечером того опасного дня мы ждали в гости фельдшерицу с мужем. Аврора училась со мной до восьмого класса, потом уехала в медучилище. Серёга Маков окончил школу раньше меня на три года. Когда я уходил на службу в ВДВ, он уже вернулся с ТОФа, из морской пехоты. Наставлял меня перед отъездом, как не выглядеть салагой. Его звали работать в милицию, но он в десанте привык дёргать за рычаги вездехода, так механиком-водителем и остался. Драться он умел прилично, так что с этой парой пришельцев мы бы справились даже без Маши.

Маша держалась изумительно. Из чеченки получилась такая чудная хохлуша, что я и не верил, что она - Марьям. Вылитая южная славяночка. Я имел об этом представление. Не зря мама преподавала географию. К тому же мама была директором школы, поэтому учиться мне приходилось старательно, чтоб не срамить... Я понимал теперь и то, почему Маша совсем не употребляет алкоголя: у мусульман вино запрещено.

Маковы пришли с водкой. Интересная ситуация. Как поведёт себя мусульманочка?

Аврора с порога забалагурила:

- Ну, Марьям Дмитриевна, шо будем робить?

Маша скромно ответила:

- Будем знакомиться поближе. Только не говори больше - Марьям. Я и так испугалась.

- Видели, как ты испугалась. Серёга смотрел на твои ноги.

- При чём тут ноги?

- Помолчи, а? - сказал жене Серёга. Но она договорилась вредным голосом:

- Он в разведке служил. Он сказал - стойка у тебя рукопашная.

Маша отмахнулась.

- Не знаю никаких стоек. Всё с перепугу.

Серёга сказал:

- И всё, мать! Хорош!

Сказал таким же тоном, каким говорил с пришельцами. Аврора послушалась. Он очень добро улыбнулся Маше и сказал:

- Это она своих ищет. Она же татарка. Мусульманка. Ей вера выпивать не позволяет. Обрадовалась, что ты чеченка.

Маша сказала Авроре:

- Давай буду для тебя чеченкой, вместе не будем пить. Мужиков-то одна бутылка не завалит.

- Это ты как врач говоришь? Ты в самом деле врач?

- Пять курсов отучилась и попала в аварию. Я теперь никто.

- Не ври, Машка! Я ж знаю, ты здорово лечишь. Научи меня, я способная, я это люблю.

По-моему, у них начиналась дружба.

Мы пили водку, жёны - по-татарски - начали с чая. Всем было хорошо. Южных гостей сначала не вспоминали. Но дошла очередь и до них. Сергей сказал:

- Я проследил, они уехали. Но гарантий нет. Я кое с кем из мужиков поговорил. Если кто такой же появится, народ будет готов. Не бойсь, ребята. Мы - у себя дома.

Он говорил медленно и прочно, как гвозди в половицы забивал. Я видел, что Маша по-настоящему расслабилась.

На прощанье она подарила Маковым свою лучшую акварель в самодельной рамке: на переднем плане - морской прибой, а фоном - горы. Серёга сказал:

- Ты что, в Усть-Камчатке была? Ну очень похоже. Только бы ещё вулканчик...

* * *

Я поверила, что стала сибирячкой, когда подружилась с Авророй Маковой. Она хороший фельдшер, с крепкими знаниями. Потому и обижалась на меня за знахарство. И честно призналась в зависти. Это замечательно. Только сильный человек может в этом признаться. Теперь между вахтами я ходила к ней в медпункт будто бы в гости, и мы вместе вели приём. Мне не нужен был заработок. Я практиковалась для себя, чтобы не забывать науку. Уча Аврору, училась сама. В том числе и татарскому языку. Она продолжала подозревать меня в мусульманском родстве. То что-нибудь вворачивала в разговоре из Корана, то заговаривала по-татарски. Я многие слова понимала, но переспрашивала. И "запоминала". Меня учили с детства, что лучший способ уцелеть - стоять на своём до конца. В данном случае надо было до конца стоять против того, чем я гордилась. Я больше не принадлежала к гордому и талантливому народу, который меня породил и воспитал. Я была теперь навеки русская. Я могла только ненавидеть за это нескольких негодяев, которых никогда не видела и никогда не увижу. Они, скорее всего, не чеченцы и не русские. Они вообще никакие. У негодяев нет ни национальности, ни культуры. Они молятся золотой отливке, их надо вырезать поколенно. Так думала я очень часто. И запрещала себе так думать. Потому что теперь, в мирной Сибири, я вспоминала другие фразы из Корана. Малочисленные и суровые, но внушающие всё же надежду.

"Если бы два отряда из верующих сражались, то примирите их. Если же один будет несправедлив против другого, то сражайтесь с тем, который несправедлив, пока он не обратится к велению Аллаха. И если он обратится, то примирите их по справедливости и будьте беспристрастны: ведь Аллах любит беспристрастных".

"А те, которые уверовали и творили доброе, - Мы искупим у них дурное и воздадим им лучшим, чем они творили... Мы введём их в число благих".

Аллах прощающ и милосерд. Но, увы, только к тем, кто уверовал в Него. Иначе - "когда вы встретите тех, которые не уверовали, то - удар мечом по шее, а когда произведёте великое избиение их, то укрепляйте узы". Вот тебе и беспристрастность...

Ох, как много я думала над этим божественным эгоизмом! Все боги - истинные, все ненавидят друг друга, но никакого вреда, разумеется, друг другу причинить не могут, потому что бессмертны. Вот и заставляют смертных человечков сражаться друг с другом - "во имя своё". Закон энтропии: всё стремится к одному градусу. И к одному богу. Но никогда этому не бывать, потому что есть разум. Для того он и существует, чтобы распределять в природе энергию. Но эта красивая гипотеза не очень мне понятна. Я просто сделала бы её своей верой. Только чтобы разум не кичился и

признавал всё, что есть в Природе. Как я признаю своих бывших единоверцев, так и им надлежит признать меня, верующую только в Разум Природы. Не с именем Аллах или Кришна, а просто так. Что есть, то и есть... Но этим рабам обязательно нужно сражаться и убивать - "мечом по шее". И хоть бы настоящими фанатиками были, а то ведь в своём кругу не стесняются, братаются вокруг золотой отливки, истинного своего бога. Гибнут за презренный металл. Скоты. Недоумки. Всех под нож! Всех нетерпимых - к стенке! Я заставлю вас быть счастливыми! Хорошие слова. Жаль, не мои. Я одно усвоила прочно: нельзя даже произносить слово "справедливость" в применении ко всем. Нет такой справедливости, чтобы для всех сразу. Она - как энергия: если перетекла сюда, то где-то её стало меньше. Одно на всех одеяло. Это нутром понимают все. Но продолжают болтать о справедливости.

Итак, если не шутить, каков же выход для беззлобного человека? Вот для меня, для Маши Микулиной. Раскаившейся убийцы. Творить добро, чтобы Аллах ввёл меня в число благих? Но это опять почти шутка. Аллах-то после смерти, может быть, и введёт, да мне опора нужна сейчас. Сегодня, завтра, пока живая. Если снова встречу этих уродов, не отправить ли их с приветом к моим братьям, погибшим за родину? Или прервать эту цепь убийств, дабы поистине сотворить благое? Но для кого это будет благом? Только для уродов. Потому что они мечтают теперь только об одном - опередить меня, ибо они определили мне смерть. Тупик. Они будут ждать меня в Томске, в психодиспансере, у Мишки. Он сдал меня или они сами как-то получили там информацию обо мне - это уже не важно. Неотвратимость кары Аллаха - пример для правоверных, вот что главное. Иначе как удержишь народ в покорности режиму? Мою красивую отрезанную голову сфотографируют и будут показывать в домах: Аллах таки ж акбар. Всех под одно одеяло - и не движись.

Меня всегда удивляло, что кровожадный Мухаммед приравнен к непротивленцу Иисусу.

Короче! С волками - только по-волчьи. Бо они человечесьей мовы не разумеют. Вот это и будет - без шуток. Где встречу, там и убью. Или погибну с именем собственной справедливости на устах. Зря меня, что ли, волки воспитали...

* * *

После маленькой победы над южными гостями Маковы стали часто бывать у нас, а мы — у них. Деревня любовалась, когда мы шли четвером по улице. Две чернявых красотики и два рослых славянина. Наша с Авророй старая учительница это нам сказала и добавила: "Людям кажется, что вся Россия такая скоро будет. А может, и в самом деле?.."

Маша азартно обучала Аврорку медицине, а меня как бы сдала Сергею, в реабилитацию. Так и выразилась: "Он здоровенный, он тебя восстановит тренировками". А какие у двух бывших десантников могут быть тренировки - понятно. Это мне в самом деле помогало крепко. Плюс правильное питание, с минимумом мяса, с мёдом и травами. Боль от ранений пряталась всё глубже.

К маю нам на склад привезли ещё двоих напарников. Мы уже посмеивались про себя над Босым: "Опять нашёл каких-нибудь чудаков. Кто же нормальный пойдёт на эту работу?" Так оно и оказалось. Мыкола Хаменко и Лев Рубашка оказались не только земляками с Западной Украины. Этому совпадению можно было не удивляться, потому что половина фамилий в нашей геофизике - украинские. Второе совпадение - вот что действительно удивляло. Оба они работали раньше в районной газете "60-я параллель", а теперь оба решили стать профессиональными писателями. Обоим было под сорок лет.

Но на этом сходство и заканчивалось.

Мыкола был рыхлый тяжеловес в толстых очках. Он когда-то закончил мелиоративный техникум, но по специальности никогда не работал. Сразу приехал на томский север и устроился рабочим в ПРС - подземный ремонт скважин. Обморозил там все пальцы на руках и попал в больницу. Из больницы написал в "60-ю параллель" свою первую статью, которая клеймила ненаучную организацию труда в ПРС, из-за чего рабочие терпят неоправданные лишения и обморожения. По выходе из больницы увалень в толстых очках и с авторучкой в забинтованных пальцах стал посиживать за свободным столом в редакции. Обработывал чужие материалы, писал свои. Так там и остался надолго. Завёл со временем пишущую машинку. Толстыми обмороженными пальцами стучал на ней свои обличения. В чём-то перестарался, попросили уволиться. Тогда и стал охранником взрывчатки. Благо в зарплатке не потерял, а во времени выиграл. Он ещё в газете пытался публиковать свои нравоучительные рассказы. Но герои были слишком узнаваемы и карикатурны. Редактор не решался с ними конфликтовать, потому что они были людьми заслуженными и не столь уж плохими, как рисовал их Мыкола. Ему говорили, что низок художественный уровень и тому подобное. В посредственной литературе всегда есть, к чему придраться. Теперь настырный Мыкола решил стать настоящим профессионалом и всё своё время посвятить оттачиванию стиля и выстраиванию сюжетов. Правда, злые языки из аппаратного цеха вскоре стали поговаривать, что всё проще: писательский хлеб представляется ему наиболее лёгким: можно писать как угодно и выдавать это за модернизм. Сам он называл такое к себе отношение снобизмом. Особенно доставалось Толе Второму. И не только за то, что "не понимал настоящей прозы", а и за шахматное мастерство, и за то, что даже в физической силе этот сноб ни в чём Мыколе

не уступал. К тому же Толя носил украинскую фамилию, а национальной гордости по этому поводу не проявлял. Мыкола гордился своим отдалённым родством с каким-то полковником времён Мазепы и Кочубея, русских называл москалями и кацапами и ждал того же от Толи. А тот в ответ издевался: "Стыдно, землячок: ешь русское сало и русских же поливаешь". Его поддерживал и Толя Первый, тоже носитель украинской фамилии. Но на него Мыкола так не обижался. Во-первых, этот Толя был гораздо старше Мыколы. Во-вторых, он имел звание майора в отставке, а Мыкола вышел после действительной всего с одной лычкой, хоть и широкой. В-третьих, Толя Первый служил на Байконуре и видел живьём Королёва и Капицу. А в-четвёртых, он так ловко поддавался писателю в шахматы, что Мыкола за доской чувствовал себя наравне с великими и за это всё прощал. Кстати, писателем он сам себя стал называть с первого дня, чего Лев никогда не делал.

Лев Рубашка был уже вполне известным поэтом и фантастом. Он никогда ни с кем не спорил, разве что деликатно и с сомнением высказывался, если просили. Он буквально всё умел делать руками, чем сразу завоевал уважение аппаратчиков. В отличие от Мыколы, он был давно женат, имел сынишку и дочь. В отличие от бездомного Мыколы, он имел в Северном квартиру. В отличие от необразованного Мыколы, он имел высшее педагогическое образование с литературным профилем. В отличие от Мыколы, он был членом Союза журналистов, и из газеты его не отпускали. Но после выхода второй книги он посоветовался с женой-журналисткой и перешёл в охранники истинно ради свободного времени. В отличие от экономного Мыколы, он писал не пером, а только на машинке и изводил зря массу бумаги: мог вырвать, смять и выбросить едва начатый лист, на котором можно было бы ещё столько увековечить мыслей. Мыкола же писал сначала в тетрадке, много черкал, а потом всё перестукивал набело в трёх экземплярах. И тем не менее, Льва читали радостно, а над Мыколой посмеивались. Даже придумали ему прозвище, которое произносили с обидной интонацией - Коля-писатель.

Два таких разных человека не могли жить в одной комнате. Мыкола раздобыл себе где-то старый балок, и за пару бутылок водки какой-то тракторист установил это жилище в просеке, между автотрассой и складом, в сотне метров от шлагбаума. Начальство поскрипело, но согласилось: чем ближе к складу отдыхают охранники, тем надёжнее.

Что касается Льва, то он тоже не смог жить в нашем доме, даже в комнате с отдельным входом. Он вполне серьёзно заявил, что, во-первых, пишет только по ночам и не хочет мешать нашему отдыху своим стуком, а во-вторых, он не может сочинять полноценно, если в радиусе тридцати метров есть люди. В первые же дни он выбрал в лесу место, натаскал сухих бревёшек и начал строить дом. За две вахты у него получился этакий шалаш с одним окошком, которому мы дали прозвище "вигвам". Толя Второй подвёл туда электричество, они вместе отремонтировали списанный электрический обогреватель да ещё установили небольшую железную печку, которую оставили строители склада.

Так вышло, что со Львом мы сразу подружились. Он тоже немного рисовал, очень хвалил Машины рисунки, присмотрелся к моим резчицким инструментам, отыскал в посёлке кузню, отковал себе такие же и начал очень успешно резать сам. Как человек практический, хоть и поэт, он резал не бесполезные фигурки, а разделочные доски, подносики для тортов и даже изобрёл досочку заварочную. Размером она была такая, чтобы прикрыть кружку с чаем. Лев изготавливал её из старого кедра и утверждал, что при заваривании аромат кедровой смолы даёт чаю дополнительный букет. На обратной стороне он вырезал кедровую веточку с шишками, и на стене она смотрелась как украшение.

Поначалу эти двое дружили между собой, как творцы из одного цеха. При этом Мыкола безжалостно эксплуатировал безотказного коллегу по разным хозяйственным делам, потому что сам ничего толком не умел, а комфорт любил. "Лёвка! Резани мне такую досочку для заварки! Ну и блюдо заодно, только не с подсолнухом, а с виноградом и с обезьянами... Пошли, поможешь мне строить сортир со всеми удобствами. Только не вигвам, как у тебя, а правильный, как у белых людей". И Лев шёл, потому что не мог устоять перед напором. И вырезал блюдо с обезьянами. Он был слишком деликатен, чтобы отказывать. И жалел Мыколу за его бездарность. И очень деликатно обсуждал с ним его сочинения.

Нам Мыкола всего однажды показал свою писанину. Маша прочла мне вслух один рассказ и дальше читать не стала: "Одуреть можно". Автору она сказала:

- Николай! Тебе надо сначала всерьёз позаниматься русским языком, если уж ты на нём решил писать.

- А где у меня не так?

- Ну вот, хотя бы: "А с глаз её, ставшими ещё громаднее, показалось, хлынет целое море слёз".

- Шо же тут не так?

- Украинизмы лезут слишком. И управление нарушено.

- Та шо ты понимаешь...

Он забрал рукопись и ушёл, хлопнув дверью. Правда, после этого потребовал, чтобы Лев привёз ему русский фразеологический словарь. Но на Льва вдруг нашла противность. Они как раз достраивали сортир. Лев положил молоток и молча пошёл прочь.

- Лёвка! Ты куда?

- За словарём.

И не вернулся. В тот же вечер показал нам стихотворение:

В посудной лавке служит слон.

Он любит слушать граммофон.

Весь день до вечера оттуда

Гремят оркестры и посуда.

Безумно музыкальный слон.

И объяснил:

- Этот жанр называется лимерик. Узаконенная нелепица. К образу Хаменки подходит вполне.

Так Мыкола получил у нас прозвище - СПЛ - слон в посудной лавке.

Мыкола не дождался словаря. Когда заступали со Львом на смену, он начал в грубой форме выяснять отношения. Всё это было при нас. Лев сказал:

- Не смейся людей.

- А шо я говорю так смешного?

Лев ответил впервые без деликатности:

- Не нужен тебе словарь. Ты забыл украинский и уже не выучишь русского.

- Ты хочешь сказать, шобы я бросил писать? Это они тебе сказали?

Мыкола указал толстым пальцем почему-то на меня. Лев деликатно ответил, что у каждого должна быть своя голова. Мыкола закричал:

- А у меня, значит, нет головы?

- Я этого не говорил. Это ты сказал.

Маша засмеялась. И сразу вышла. Я остался и сказал:

- Не надо скандалить в караулке.

- А ты, рядовой, помолчи! Отбил у меня Рубашку и радуешься?! Выйдите из караульного помещения, рядовой Микулин! Ваша смена кончилась!

От старшего сержанта Хаменко пахло алкогольным перегаром.

* * *

"Замкнутость пространства очень способствует порче отношений". Это я читала в книге по космической медицине. Теперь пришлось увидеть самой, в караулке при складе взрывчатки. Третий раз подряд.

Я бы уточнила формулировку. "Замкнутость пространства быстро проявляет дурные свойства природы, которые человек в обычной жизни прячет. Или просто не может проявить. Или вообще о них не знает. Но вот попал в тесноту - и зверь выпрыгивает наружу. В большом коллективе сразу со всеми не померяешься силами. А с одним-двумя - вроде не страшно". Вот Мыкола и попробовал.

Делал он это своеобразно - как ему представлялось, интеллигентно. Разговаривал со всеми скупко, только по службе и только на "вы". И что-то всё время писал. Только раньше он писал как бы напоказ, а теперь сразу закрывал тетрадь, если в караулку входили.

Жил Мыкола в своём балке безвыездно, в Северном бывать не любил. Он там не имел ни друзей, ни женщины. А в Лидере он натоптал дорожку в студию местного радио и читал там по вечерам свои назидательные рассказы. Объявляли его так: "Писатель Мыкола Пламя читает продолжение своего рассказа из жизни вахтовиков". Ему этого хватало. Псевдоним Пламя он произвёл от фамилии своего знаменитого на Украине националиста-предка, а потом даже взял его фамилию. Ради нового паспорта пришлось поехать в Северный и потратиться, но этой тратой он гордился. С фамилией Пламя он съездил в отпуск, куда-то на львовщину. Вернулся оттуда героем. Говорил, что с русскими деньгами был там королём. Говорил также, что свобода дороже денег, и он всей душой с украинскими борцами за нэзалэжность, то есть независимость. Толя Второй, конечно, съязвил:

- Что ж ты не остался помогать спасению родины от москалей?

Мыкола, как в известном анекдоте, ответил уклончиво - послал Толю подальше.

Бороться за свободу он начал в Лидере, прямо на базе родной геофизики. Тут и открылась тайна его секретной тетрадки. Он просто сочинял в ней заметки для собственной стенгазеты, которую вывесил в общежитии, рядом с кабинетом начальника смены. Газета называлась "Пламя". Под названием было написано, что это "орган большевистской организации вахтового посёлка Лидер". Никаких фамилий, кроме своей, Мыкола не называл. Только привёл список аппаратчиков, которые будто бы поддержали эту его идею. Список был приведён в конце газеты. Аппаратчики, партийцы и начальство читали рассуждения Мыколы о свободе вообще, о свободе украинского народа в частности и о его собственной свободе на базе и на складе. Получалось, что писатель Пламя терпит притеснения повсюду, но мужественно борется и ни пяди свободы не уступит. При этом он живописал подробности нашей службы на складе, нашего быта и наших отношений. И делал намёки о "нездоровой нежной дружбе втроём", опять же направленной против него. Центром композиции

было "Открытое письмо начальнику экспедиции Босому Игорю Олеговичу". Оно было написано с большим холуйским пиететом и содержало просьбу "разобраться с такими охранниками своей властью и найти им более достойное служебное применение - на помойке". Читавшие сначала хихикали над тем, как трудно Мыколе склонять свою фамилию. Потом жалели "одичавшего Мыколу". Потом сняли стенгазету и спрятали. Потом показали нам с Иваном. Мы согласились: "Да, маленько одичал. Показывать это Босому не стоит". Но Мыкола изготовил газету в трёх экземплярах. Оставшиеся два увёз после очередной вахты в Северный. Один вывесил в конторе, второй положил перед Босым. А сам тут же вернулся в свой балок и начал новую газету. При этом пил собственноручную брагу и из-за этого становился агрессивным. Правда, с кулаками ни на кого не лез, а просто высказывался, грубо и глупо. Мой дед в таких случаях говорил: "Узда потерялась".

Мы уже знали, что Босой получил нелепую стенгазету. Ждали его приезда. Однако история завершилась немного раньше. В одну из ночей, когда мы с Иваном дежурили, а Лев стучал на машинке в своём "вигваме", Мыкола появился, изрядно порезанный, в милицейском участке, в посёлке. Наговорил милиционерам, что на него напал охранник Микулин: разбудил, наставил карабин и начал рубить топором. И показал раны - на руке, на животе и на спине. Милиция не помчалась сразу на режимный объект, чтобы не попасть под огонь озверевшего охранника Микулина. Она пошла к начальнику нашей смены. Палыч позвонил на склад. Мы с Иваном как раз начали очередную партию в нарды. Я взяла трубку. Палыч спросил дежурным тоном, всё ли у нас в порядке на объекте. Я, как обычно, ответила: "Нападений на склад не наблюдается". Он попросил передать трубку Ивану. Задал ему тот же вопрос, чтобы вслушаться в голос. И сообщил, что сейчас приедет к нам в гости, да не один. И скоро на пустом шоссе появились фары "элпээски". Шёл снег, было далеко за полночь. Машина свернула в нашу сторону и сразу остановилась. В свете фар появились две фигуры: одна - Палыча, другая - армейского вида. Они пошли впереди машины. Иван пошёл их встречать. Я осталась при карабине, как положено.

Было видно, как из машины выпрыгнули ещё трое или четверо и идут за ней, как пехота за танком. Напротив балка Мыколы остановились и попринюхивались к заметаемым следам. Потом оставили машину у шлагбаума и всей толпой пошли ко мне, уже без предосторожностей. Сразу спросили топор. Иван принёс из сених наш колун. Капитан милиции потрогал лезвие и показал Палычу. Тот крикнул и ухмыльнулся: "Не то". Капитан спросил, нет ли топора поострее. Иван сказал, что второй топор уже месяц гостит у Мыколы. И спросил, а в чём, собственно, дело. Нам коротко описали ситуацию. Спросили, не появлялся ли у нас Мыкола. Мы ответили, что видели только свет в его окошке. Тогда они спросили, что это за игра, в которую мы играем. И можно ли её отложить, чтобы Иван съездил с ними в посёлок и дал показания. Он с ними съездил и к утру вернулся пешком. Тут как раз и Лев явился на смену. Иван рассказал, что врач не нашёл у Мыколы рубленых ран, только резаные, поверхностные. И ещё нашёл среднюю степень алкогольного опьянения. В тот же день снова приезжала милиция и осматривала балок Мыколы. Нашли его имущество разбросанным и окровавленным. Нашли артельный топор с давно сломанным топорщиком. Нашли несколько разных ножей, но без следов крови. Нашли кровь на разбитом окне. Нашли двухведерную бутылку с брагой. Нашли следы попойки. Подумали и отступились: повесили на Мыколу пьяный дебош в собственном жилище.

В общем, когда приехал Босой, бедный Мыкола уже охранником не был. Работы на базе для него не нашли, и после выздоровления он насовсем уехал в Северный. Там, говорили, устроился "секьюрити" в аэропорт и очень строжился, когда пропускал пассажиров на посадку. Говорили, что сержантские лычки, за неимением погон, он нашёл на рукава. И фамилию сменил обратно, на почти прежнюю - он теперь не Хаменко, а Хоменков. И рассказы писать не бросил. В общем, обрусел.

Когда исчез Мыкола, Лев сказал, что в его трагедии слегка замешана я. Была влюблённость. Мыкола говорил о ней Льву. И даже просил пересказать это мне, потому что сам признаться не решался. Из-за этого ненавидел Ивана. И признавался Льву в чёрной зависти - "как честный писатель". И он, Мыкола, ещё напишет об этом рассказ или даже повесть. Они и поссорились не столько из-за русского языка, сколько из-за того, что Лев "отказался быть сводником".

* * *

Босой сказал: "Не везёт этому складу. Придётся его закрывать". Это он так шутил. Но шутил только наполовину. На томском севере уже упразднили нефтеразведку и начали сворачивать бурение. Людей увольняли из всех организаций, в том числе и из геофизики. Взрывчаткой на месторождениях вокруг Лидера становилось просто незачем пользоваться. Босой сказал: "Ещё год продержимся, а т-т-там, ребята, не обижайтесь. Сами видите - инженеров, геофизиков, водителей увольняют. Прост-т-то вам повезло: сторожей первыми нанимают и последними увольняют".

Лев загрустил. Он сочинял бессмертный фантастический роман, который показал бы человечеству правильный путь. Работы оставалось на полтора-два года. А тут - всего год. Спешить он принципиально не умел. К тому же семейные финансы требовали, чтобы в Северном он не сочинял всякую ерунду, а подрабатывал в столярной мастерской. Дети у него вступили в самый

затратный возраст, когда потребляли уже как взрослые, а зарабатывать ещё не могли. И любимая жена стала нервная и больная, не писала больше очерков и репортажей, а работала корректором и зарабатывала всего ничего. Главе семьи приходилось выбирать между судьбами человечества и собственных домочадцев. Лев склонялся к тому, чтобы выбрать домочадцев. А человечество пусть выкручивается само, как сумеет.

Босой стал нервным. Наезжал на базу всё реже. При встречах жаловался на то, что со всех сторон его рвут. При этом всё сильнее заикался. Рвали его и по поводу охраны взрывчатки: вынь да положь полный комплект сторожей. А тут ещё уволился по старости напарник Алексея. И Босой решился, как он выразился, "на половое преступление". В конце зимы заявил нам, что мы с Машей - самые надёжные охранники, поэтому он забирает от нас Льва, чтобы укрепить вахту брата, а в нашу вахту принимает двух женщин. Сказал: "Я п-поним-маю, чт-то Ивану будет труд-дно в таком-м м-малиннике, но при т-такой жене м-можно справиться-ться".

* * *

Это был уже четвёртый год нашей работы на складе. В конце зимы нас опять послали в Томск на медосмотр. Я ждала этой поездки с отвращением. Грызло ожидание драки. Иван сказал, что на всякий случай неплохо бы вооружиться. Но до Томска можно было добраться только по воздуху, а "секьюрити" в аэропорту могли отобрать даже мой складной нож. Не только потому, что большой, а просто они там стали так бояться терактов, что даже отбирали у женщин маникюрные ножнички.

В общем, мы прилетели в Томск налегке. Поселились на этот раз у Палыча, по его дружескому настоянию и из собственных соображений секретности: в гостиницах нас легче было найти. Палыч, конечно, ничего не знал и не узнал.

Прилетели днём и сразу от Палыча пошли по магазинам - вооружаться. Теперь вооружиться в России было нетрудно. В охотничьих магазинах для покупки ножа или патронов разрешение из милиции не требовалось, на газовое оружие - тоже. Там же, в магазинах, нетрудно было высмотреть и человечков, имеющих на продажу стволы под любые патроны. Однако у таких магазинов могли вертеться и мои земляки. Им не стоило труда сообщить, что по прибытии в Томск мы захотим вооружиться. Поэтому не пошли мы ни в "Браконьер", ни в "Охотник", ни в "Оружие". Мы зашли в хозяйственный магазин и приобрели гвоздодёр и несколько кухонных ножей. Когда выбирали ножи, я жеманничала и капризничала, как добрая хозяйка. Иван подыгрывал:

- Тяжеловат для тебя этот нож.

А я отвечала:

- Ты ничего не понимаешь. Зато он режет сам. И ещё вот этот и этот.

Одежда на нас была свободная, инструменты в ней распределились неброско.

Медосмотр мы прошли без приключений. Самое интересное, конечно, произошло в кабинете Мишки-еврейчика. Первым зашёл к нему снова Иван. И сразу вышла медсестра. Сказала мне: "Зайдите тоже". А сама ушла прочь.

Михаил Ефимыч не за столом сидел, а стоял рядом с Иваном и улыбался. Он пошёл мне навстречу и потряс за плечи. И при этом всё улыбался. Он забрал наши бланки и сразу всё подписал и поставил печати. И заговорил уже без улыбки:

- О чеченцах больше не думайте. Они - нормальные ребята. В прошлом году спрашивали о вас, я их послал. Они сказали, что всё равно узнают. И предложили поговорить начистоту, как честные враги. Я сказал, что я никому не враг. Если они имеют претензии к евреям, то это глупо. Пусть ищут всемирное сионистское правительство и туда обращаются со своей враждой. Если найдут. А я - такой же работяга, как вы. И язык знаю только один - русский. Правда, ещё латынь. И пусть они идут работать, как Марьям Давлатова, то есть Маша Микулина. Тогда я буду их уважать. А с волками мне выть не о чем. Вот тут они интеллект и проявили. Сказали, что не охотятся за тобой, а в самом деле просто хотят всё узнать - не более. Я спросил: "Но зачем? Она же от вас отказалась". Они ответили, что чеченцы друг от друга не отказываются, не то что русские. Сказали, что я должен их понять, потому что у евреев то же самое. Я сказал, что понимаю, но не верю им, потому что и мусульманам, и евреям их бог позволяет обманывать иноверцев. Они ответили, что бог на всех один, только не все правильно его понимают. Но в религиозную дискуссию они вступать не хотят, а просто клянутся Аллахом, что не причинят вам обоим зла, а только передадут привет с родины.

Тут я его перебила:

- Они передали мне привет - от погибших родственников. Притом в очень патриотической форме.

Он ответил:

- Да, они мне потом это сказали, когда от вас вернулись. Очень уж вы там оцетинились. Они всё поняли. Ты ведь не одна так ушла. Чеченская нация теряет людей не только в войне, но и так же, как тебя. Нормальные мирные чеченцы гордо уходят и расселяются по России. Старики в Чечне начинают думать, что в этом расселении есть новый смысл для народа. Такой же, как у евреев. Главное - единства не терять. И сохранить культуру. А резню пора кончать, пока всех не потеряли...

В общем, если даже к вам здесь подойдут, не волнуйтесь. Могут даже помощь предложить. И ничего взамен не попросят. Во всяком случае, так они говорят. Смотрите, конечно, сами.

***

Никто к нам в Томске не подошёл. Никто по пятам не ходил, из-за угла не целился. Как прилетели, так и улетели. Только при досмотре вещей клерки в форме разглядели в багаже наши инструменты и сказали, что ножи и гвоздодёр придётся сдать на хранение в милицию, а когда вернёмся, нам их отдадут. Маша была всё это время и без них на взводе - всё ждала контакта с земляками. Да и мне было не по себе. Так что теперь мы дали себе волю и устроили скандал. Мы кричали, что вообще никогда в этот город не вернёмся. Мы потрясали паспортами с деревенской пропиской, вахтовыми удостоверениями, разрешениями на служебное нарезное оружие, взывали к совести и грозили, что дойдём до самых высоких начальников. Кончилось тем, что через их дурацкий "накопитель" пошёл экипаж нашего самолёта. У всех троих пистолетная кобура под тужуркой деформировала статную фигуру. Командир вслушался в перепалку и сказал, что наши инструменты полетят в пилотской кабине. "Секьюрити" тут же стали приветливыми и сказали: "Вот видите", будто это они всё так хорошо устроили. Весь полёт мы купались в уважительных взглядах пассажиров-северчан. Кое-кого из них досмотрщики тоже пощипали, только успешнее.

В конторе Босой сказал:

- Эту вахту будете работать уже вчетвером.

Мы спросили, кто эти женщины. Он ответил, что обе - жёны наших работников и обе - из орска. Та, что жена начальника партии Вити Репкина, работала инспектором столовых. Они с Витей были несколько лет в разводе, а теперь снова встретились на каком-то месторождении и решили больше не расставаться. Вот она и готова перейти из инспекторов в сторожа, лишь бы к Вите поближе. А вторая - повариха из северской столовой. Она в гражданском браке сошлась с одним из наших шофёров и хочет летать на вахту вместе с ним.

Мы знали Витю Репкина. Ему было под сорок. Он бывал у нас на складе, потому что дружил со Львом. Ему Лев даже давал читать свои рукописи. Витя слыл среди партийцев интеллектуалом и занимался марафонским бегом. Правда, бегал нерегулярно, между запоями. Он одно время был даже начальником смены, но перед нашим приходом на склад стал начальником партии. Говорили об этом разное. Толя Второй считал, что так он спасается от пьянства, а Палыч сказал, что просто начальник партии больше зарабатывает. Лев тоже склонялся к этой версии, а он-то Витю знал.

С гражданским мужем второй нашей сменщицы мы тоже были знакомы. Звали его Гена Губин. Ему было за сорок. В прошлом был неплохим боксёром. Потом убил кого-то в кулачной драке и отсидел двенадцать лет. Он был долговяз, угрюм с виду, но нрав имел добродушный и умел весьма тонко шутить. Даже в совсем пьяном виде он казался лишь чуть-чуть навеселе, притом становился добродушнее, чем трезвый. Он отличился тем, что восстановил своими руками списанный вездеходный автобус и теперь был на нём незаменим: куда велели, туда ехал, в любое время. Мог заменить любого водителя на любой машине. В свободное от поездок время подрабатывал на базе сантехником. Он вообще жил на базе, только иногда навещал в Новосибирске стареньких родителей - деньги им возил да ремонтировал избушку на окраине города.

И с Витей, и с Геней у нас были хорошие отношения. Оба заранее подходили и спрашивали, не против ли мы, чтоб их дамы сердца работали сторожами. А как тут будешь против, если всё уже решено? Да и после всех предыдущих неудач со сменщиками нам оставалось только надеяться на чудо.

И чудо произошло. Только не счастливое. Лучше назвать его не чудом, а редким совпадением.

Прекрасная маркиза.

Я всю жизнь имела дело больше с мужчинами, поэтому появление сразу двух женщин рядом меня тревожило. Правда, Ивана мои тревоги никак не касались. Я его ни к кому не ревновала. Есть мужчины, у которых надёжность написана большими буквами на лбу. Их не ревнуют. Их обожают. Я такого ждала и дождалась. Меня беспокоил сам факт присутствия женщин - в таком месте, где и мужчины не в своей тарелке. Они ведь могут начать беситься ещё раньше, потому что их суетность - природна.

Как кино, впечатался в память момент их появления. Автобус Гены остановился у нашей избушки, из салона выпрыгнул Витя, а в двери застряли две малорослых дамочки с вульгарно раскрашенными лицами. Одна была худенькая и нарядная, со взбитыми отбеленными волосами, в платье до пола. Вторая была одета, как деревенская баба, собравшаяся в город, круглое курносое лицо и прилизанные волосы лоснились, толстое тело колыхалось. Они не решались выпрыгнуть из автобуса, потому что трап лежал в салоне, а вместо ступеньки в метре над землёй был натянут - для героических мужчин - обрывок цепи.

Витя лихо выпрыгнул, не пользуясь цепью, и принял на руки худенькую. Тут подоспел Гена и снял с высоты толстую. Стало ясно, что худенькая - это Матильда Репкина, а вторая - Клавдия

Ковалёва, бывшая повариха. Гена поднялся в салон и начал подавать Вите сумки с продуктами. Я сказала тихо:

- Ну, Иван, держись, они тебя закормят.

Иван засмеялся. Матильда не слышала моих слов, но видела, что говорю о них. В её взгляде мелькнуло что-то недоброе, но сразу исчезло, будто померещилось. Она посмотрела на мужа и улыбнулась ему широкой, но жутковато кривой улыбкой. Все верхние зубы отлиты были из жёлтого металла. Золотая отливка...

Из кабины автобуса тем временем вылез, отдуваясь, тучный Босой, пожал руку Ивану, и представление началось. Он представил нас друг другу, выразил полагающиеся к случаю надежды, и все двинулись в караулку.

Тут выяснилось, что допуска к оружию у обеих дам нет, поэтому нам придётся их "подстраховывать". Босой сказал:

- Вам же проще: меньше писанины. Вы всё равно тут живёте, а они на отдых будут уезжать на базу, к мужьям под бочок, ха-ха. Допуски на них к осени оформим. Сами знаете, это дело длинное.

Очередное неудобство. Один из нас теперь должен был постоянно находиться при оружии, на случай внезапной проверки. Прощайте, мечты о совместных прогулках по лесу, о походах на клюквенные болота... Нас не только лишили умного и надёжного Льва, но и навязали явно некачественное общение. Из склада ВМ в последний год сделали богадельню. Эти мысли, наверно, отразились на моём лице. Я догадалась об этом по второму взгляду Матильды. Он не обещал мира.

Но поначалу жизнь изменилась мало. Поначалу новые сторожихи ещё присматривались и потому принимали правила, по которым жили мы.

Их привозил утром Гена или Витя, они шли с сумками от шлагбаума и всегда оживлённо беседовали. Разговор продолжался почти без перерыва до следующего утра, когда за ними приезжал один из мужей. Если во время их дежурства рядом оказывался кто-нибудь из нас, его старались втянуть в беседу. Матильда любила рассказывать о своей жизни, Клава - о своей. Я несколько раз послушала, как Клаву в восемнадцать лет прокляла родная мать - по всем правилам, перед иконой. За что, Клава не говорила. Историю с проклятием она обрывала смехом и сразу начинала жаловаться: какие тяжёлые были кастрюли в столовой и как плохо стало теперь с продуктами. А Матильда рассказывала, как жила с первым мужем, то есть с Витей Репкиным, как не было детей, а ей хотелось, как увлеклась офицером пожарной охраны и ушла от Вити, как родила сына с нарушенной психикой, как мучилась с обоими, потому что пожарный пил, а сын "вытворял всякое", как через двадцать лет встретила снова Витю и добилась, чтобы он бросил большую жену и вернулся к ней. Она говорила медленно, но без остановок и так важно, будто читала лекцию:

- Я взяла его стихами, мы встретились случайно на месторождении, я там инспектировала столовую, и целые сутки разговаривали, а через месяц встретились снова, и я положила перед ним общую тетрадь со стихами, он прочёл и развёлся с женой, а я ушла от своего пожарника...

Она показывала нам эту тетрадь. После разговоров о поэзии в обществе Льва и Толи Второго её вирши невозможно было ни слушать, ни читать. Это было даже хуже, чем застольные поздравления юбилярам. Там хоть просто добрые друзья желают человеку "быть вечно молодым", а эта вскрывала, как патологоанатом, собственную постельную страсть: "мои бёдра помнят твои огненные пальцы" и тому подобное, да ещё без рифмы. Клаву эти вирши приводили в экстаз, она их переписывала для соблазнения Гены. Обе поглядывали при этом на меня. Приходилось выдавливать что-то вежливое и искать очередного предлога, чтобы уйти. Они всё видели на моём лице, потому что для них я не обременяла себя театральными упражнениями. Я чувствовала, что без меня мои кости моют постоянно, но становиться для них своей было выше моих сил. Про себя я звала их так, как звали все вахтовики ворон на столовских помойках - "орсовские косачи". А Иван почему-то прозвал их "каштанками".

Собственно говоря, до самой осени отчуждения между нами и "каштанками" не было. Они были старше нас по возрасту, мы - старше их по службе. Получалось два самостоятельных маленьких коллектива. Как говорится, вооружённый нейтралитет. Да ещё вооружёнными были только мы с Иваном. Ключ от сейфа мы постоянно носили в кармане, а "каштанок" карабин не интересовал. Они всё лето рылись в огороде, часть которого мы им отделили от своих угодий. Когда просили отпустить их пораньше к мужьям, мы охотно отпускали: без них нам всяко было способнее. Благодарность за разделанную землю, за подстраховку, за терпимость к их выходкам - всё это держало их в некоторой зависимости, и они нас терпели без видимых усилий.

Кстати, о выходах. Время от времени они поочерёдно бросали пост и убегали за три километра в посёлок - проверить, не изменяют ли мужья. На наши замечания отвечали: "Ну вы же всё равно здесь и не спите. Что вам, жалко?" Однажды Матильда приехала на вахту с двухдневным опозданием. Объяснила это тем, что у Вити был праздник, день геофизика, и её "тоже оставили". Иван назывался у нас бригадиром и составлял рабочий табель. За эти два дня он поставил Матильде прогулы. Она устроила негромкий скандал: "Тебе что, жалко?" А в конце мая Матильда устроила поджог.

Иван спал после ночной смены, я сидела в караулке вместо "каштанок", а они в сотне метров от избушки рылись в огороде. Я читала и поглядывала в окно на дорогу. Всё было штатно. Вдруг над огородом поднялся дым. "Каштанки" заматались. По высокой сухой траве пополз огонь. Они били его лопатой и какой-то веткой и отступали. Рядом был завал из корневищ, который оставили строители, дальше - подсохший лес. Рядом же был тарный склад - дощатый сарай, где хранились не только фанерные ящики от взрывчатки, но и снегоход, бензин, доски, олифа, масло. Рядом был и противопожарный водоём, но о нём "каштанки" забыли, да и ведра у них не было. Я разбудила Ивана, схватила ведро и бросилась к водоёму.

Круг огня расширялся быстро, ветер крутил, и непонятно было, куда понесёт. Могло метнуть факелок через канаву, за колючую проволоку - там тоже оставалась сухая трава вокруг хранилищ. Хоть и невелика вероятность взрыва, а всё равно противно: отвечать за пожар придётся нам с Иваном. Я плеснула из ведра. Расход воды большой, результаты мизерны. Огонь обошёл залитое и с треском двинулся дальше. Такие пожары мне никогда не приходилось тушить.

Спас положение Иван. Он прибежал с ведром и огородной лейкой. Сказал: "Не лейте, только таскайте мне воду". И пошёл по краю пожара, гоня перед собой душ. Через десяток минут огонь уже не распространялся. Мы затаптывали посреди очага головешки и растаскивали тлеющие корневища из завала. До живого леса огонь не пустили. Иван спросил:

- Как загорелось?

Матильда дрожащими пальцами закурила и ответила:

- Вот так же решила отдохнуть, закурила и бросила спичку в траву. Шла, зажигала и бросала, зажигала и бросала...

- Зачем?

- Не знаю. Захотелось и всё. Думала, наверно, что успею затоптать.

Посмотрела на Ивана ясным взглядом и ласково попросила:

- Не надо никому говорить. Я всё поняла.

Иван молча кивнул и ушёл. Мне там тоже было нечего делать, но я всё-таки напомнила:

- Мы ведь по инструкции должны отбирать спички у всех, кто приезжает на склад. А не то что самим... Не забывай, пожалуйста. - И попросила: - Побудьте здесь ещё некоторое время, последите, не выскочит ли огонь.

В глазах Матильды было что-то тёмное. Клава непривычно молчала. Перед уходом они и меня в два голоса попросили "никому не говорить". Просили не дружески, а униженно. Мне это сильно не понравилось.

Витя Репкин всегда казался очень уверенным, знающим и умелым. Он в своей работе действительно считался первым специалистом. Его партия зарабатывала больше всех. Правда, поговаривали, что он просто умеет ловчить. Постоянно вертится у заказчиков и получает лучшие, дорогостоящие заявки, что-то там химичит с материалами подземной съёмки. Но никто его на этом не поймал. Зато компьютер он освоил первым, от этого и успех. Попутно он с помощью компьютера пытался выиграть в какой-то денежной игре: покупал билетки, подсчитывал вероятность и зачёркивал клеточки по компьютерной системе. Но, кажется, дальше фифти-фифти дело не пошло. Ходили слухи о Витиной жадности и скупости. Будто он на конторских праздниках - вроде Дня нефтяника или геолога - припрятывал закуску и выпивку и уносил это домой. Будто получал на свою партию консервы и часть этих банок присваивал. Будто даже получал за это по морде, от своих же.

У меня к Вите была только одна претензия. Чтобы водители не растаскивали на запчасти законсервированную технику, эти машины Босой приказал перегнать к нам на склад и выстроить в линейку напротив окна. Подойти к линейке можно было только механику, и то - с пропуском за подписью самого Босого. А Витя однажды приехал по-свойски к жене и сразу полез под капот одного из грузовиков. Иван ему помешал. Витя обиделся. Сказал, что старается для производства, чтобы его машина не отказывала на заявках. Он был слегка пьян. Это нам тоже было поперёк. И мы его выпроводили. На следующее утро он приехал за Матильдой и сразу подошёл к Ивану с извинениями: мол, пьяный был. Конфликт красиво погас. Однако мы напрасно не сделали выводов. Они с женой в этом оказались похожими: грешить, каяться и грешить дальше. У Вити на базе стояла будка от списанного подъёмника, набитая запчастями, на зависть механику. Но ведь никто Витю на краже не поймал.

Слабым местом у Вити была только Матильда. Он в своей партии был первым после бога, зато она вила верёвки из него. Что велела, то делал. Через него она и добилась, чтобы её психически больного сына Босой взял на работу. Витя имел влияние на Босого, поскольку его партия давала конторе основную часть доходов. Но этого влияния хватило только на то, чтобы парня приняли разнорабочим на базу. А маме хотелось, чтобы он работал рядом с ней на складе. Шла какая-то закулисная возня, чтобы создать должность рабочего на складе взрывчатки или как-нибудь перетасовать охранников. Нам Босой об этом не говорил. Но слухи по базе ползли и доходили до нас. Дошли наконец и подробности о том, что везде, где бы эта Матильда ни работала, она обязательно обрастала конфликтом, как шерстью. Когда начинала где-то поварихой, попыталась

подсидеть заведующую производством, но опытные бабы съели её. Поработала потом в разных фирмах, везде конфликтовала и снова оказалась в орсе, уже инспектором, и стала есть тех, кто съел её. Но не успела, встретила Витю. Теперь начала что-то непонятное среди геофизиков.

Осенью Репкиной вручили разрешение на оружие. Она сразу схватилась за карабин, начала его изучать и для начала пальнула в пол. Сказала, что случайно. Но я вспомнила весенние спички в траву и не поверила.

Выстрел в караулке - это ЧП. Приехал новый начальник смены, который заменил нашего друга Палыча, уволенного почему-то по сокращению штатов. Нам сказать о выстреле было нечего. Матильда приняла оружие под роспись, пальнула в пустой караулке. Её пожурили для начала и списали всё на случайность. А когда начальник уехал, она призналась нам и Клаве, что забыла патрон в стволе и нажала просто так, чтобы спустить курок. Странно было слышать это признание. Насколько помню из курса психиатрии, некритичность - первый признак неадекватности. То есть, научно говоря, у психа для себя всегда одна оценка - высшая.

Когда мы остались с Иваном одни, он сказал:

- Нам теперь надо её бояться. Куда ещё она может направить ствол?

Он тоже вспомнил весенний пожар. А я вспомнила психически больного сына. У этого парня было большое сходство с мамой в манерах. Так же основательно говорил всякую ерунду, глядел при этом такими же ясными глазами, так же задумывался в работе и что-нибудь рушил. О его странностях раньше на базе не знали, но уже начали примечать. Мы с Иваном решили всё же выложить Босому свои опасения, когда приедет. Но не пришлось. Не успели.

Дружба Матильды с Клавой крепла. Меня они в разговоры больше не тянули. Даже более того: замолкали, когда я входила в караулку. И свою стряпню нам больше не предлагали, ели сами. Это, впрочем, меня устраивало. Никогда не любила есть из чужих рук. Готовили они хорошо, но в меня их стряпня всё равно не лезла, будто у них руки грязные.

* * *

В октябре уволился Босой. По слухам, его выжили. Он был сильным профессионалом с большим полевым стажем, но над ним Москва посадила кабинетного геофизика. А тот окружил себя такими же. А Босой сам рассчитывал стать главным в тресте. А тут и пенсионный возраст. Кабинетные интриги - не моя сфера понимания. Нам внизу, в принципе, должно быть безразлично, кто руководит производством. Лишь бы не вредил. Но Алексей на пересменке сказал, что после его брата дела пойдут вниз. Он сказал, что наша геофизика похожа сейчас на всю Россию: верх взяли не те, кто производит, а те, кто потребляет. И так будет до тех пор, пока не высосут все запасы. Тогда нужда заставит снова производить. Если останется - кому.

Алёшка всегда был философом. Он бродил по тайге и размышлял о планете и о человечестве. У него перед глазами человечество расплзлось по Земле, как лишай, как раковая опухоль. Он так по этому поводу горевал, что предсказывал всеобщую нашу гибель. И говорил, что это будет уже не в первый раз. Он ничего об этом не читал, но говорил, что ему "дано знание". И старик Ефимыч, который с ним работал, говорил такое же. Оба уверяли, что человечество - ошибка Природы, которую Она никак не может исправить.

Мрачный и циничный народ эти лесные отшельники. Нам с Машей впору было становиться такими же. Нам четыре года казалось, что мы достаточно удалились от общества, но оно достало нас и на лесном складе. Даже хорошо организованная кавказская банда не смогла нам так навредить, как навредили две тупые бабы.

В декабре меня отправили в отпуск. Насильно. Когда-то Босой пообещал, что нам с Машей вместе в отпуск ходить не придётся. И мы не ходили совсем. Все четыре года. А Босой не возражал. Говорил: "Склад ВМ - моя вечная головная боль" и был только рад, что хоть одна смена абсолютно надёжна. Даже его братан мог оставить в караулке одного Ефимыча и уйти на два дня в тайгу, а тут - инспекция РГТИ: "Почему на складе один охранник вместо трёх?" А у нас с Машей за все эти годы - ни одного замечания. И Босой соглашался: "Зачем вахтовику отпуск, когда он и так две недели каждый месяц гуляет?" Но едва он уволился, на нас тут же обрушили "охрану труда". Я остался в деревне, а Маша оказалась наедине с "каштанками".

Отдых выдался у меня даже бестолковее, чем ожидал. Сосед Алёшка приходил часто, много ругался на политические темы, предсказывал гибель России, а потом и всего человечества и из-за этого всегда был пьян. Танька к нему больше не ходила, а попыталась восстановить довоенные отношения со мной. Явилась в пургу, с водкой и закуской. Сказала, что её никто не видел. Сказала, что в такую погоду выгонять её нельзя. Ну и так далее, начала раздеваться. А я уже неделю был без Маши, во мне всё напряглось. Танька видела, как мне трудно и тёрлась, и просила закрыть глаза. Но я на неё смотрел в упор. И рук не поднимал. И помнил её предательство. И думал, что она склоняет к предательству меня. И сама предаст при первой возможности. И точно знал, что едва закрою глаза, я перестану думать и потеряю себя, потому что очень хочется. А в это время где-то в лесной караулке восстанет покойный шатун и разорвёт мою чеченочку... Я сказал:

- Там Лёха пьёт в одиночестве. Иди к нему, тут близко.

- Я к Лёхе ходила, чтобы быть поближе к тебе.

Она это сказала очень беззащитно. И прильнула и закрыла глаза. Но она их закрыла, потому что в них не было правды. В них было предательство. Я сказал:

- Тогда провожу тебя домой. Одевайся.

- Нет, я останусь.

- Тогда я пошёл за твоим отцом.

- Да ты мужик ли?!

- Нет. Я не мужик. Одевайся.

И подал ей шубу. Она боялась отца. Но ещё сказала:

- Всё равно нас вся деревня увидит вместе.

- Тебя одну не увидели, авось и двоих не увидят.

- Н-ну, ты не мужик...

Мне было трудно быть не мужиком. Она была мягкая. Вот рвануть сейчас с неё шубу... Но я придумал такое, от чего стало смешно: "Она СЛИШКОМ мягкая. Как толстая Клава. И как кисельная Матильда. Обе ко мне прикасались. Особенно Матильда. А такой ПРАВИЛЬНОЙ мягкости, как у Маши, нет ни у кого. И я проводил Таньку до её дома. Шли под ручку, и никто нас не встретил, потому что было воскресенье и мела пурга.

После этого я стал держать дверь на задвижке. Танька всё время казалась где-то рядом. Наверно, ворожила на меня у какой-нибудь бабки. Мучительный отпуск.

Маша вернулась мрачная. Сказала, что у "каштанок" появились к ней нелепые претензии. Она, мол, нарочно им вредит.

В самом деле, всё это было непривычно: бабы дрязги при боевом оружии. Дурачок Мыкола, да и все другие до него, бузили по пьяному делу - хоть и бессмысленно, а как-то понятно. У этих же всё было трезво, продуманно и, между тем, совершенно нелепо.

Началось без меня, потому что вдвоём мы были силой, а одна Маша казалась им беззащитной. Да так оно и оказалось.

Без бригадира все равны. "Каштанки" поняли это буквально. Когда в конце вахты подсчитали отработанные часы, у Маши получилось больше. Она первой начала вахту, последней заканчивала, а Клава ещё и проехала двое суток в какую-то деревню к родственникам. В общем, они подняли крик о равенстве и вынудили Машу отдать им свои отработанные часы. Теперь больше стало у Клавы, но это "каштанки" объявили справедливым. А Маша ведь воин, ей эти мышинные игры - вне природы. Она по-мужски плюнула и уступила. И зря. Они решили, что теперь можно всё. Начали придираться к её образу жизни: неприлично снегом во дворе обтираться, незачем бегать за шлагбаум и по трассе, что за книжки ты читаешь и тому подобное. Она - ноль внимания. Тут муж Клавы напился в гараже. Клава потребовала его к телефону и стала звать на склад ночевать. Пьяного. К боевому карабину. А у самой и допуска нет. Маша взяла у неё трубку и сказала Генке, чтобы не приезжал. Он, конечно, послушался. И началось самое неинтересное. Клава позвонила на караульную вышку. Оттуда прибежала заспанная Матильда. И обе начали кричать, что Маша "соблазняет их мужей". Именно кричали. Маша ушла из караулки. Они тут же позвонили новому начальнику смены и громко пожаловались, что "охранница Микулина создаёт им нетерпимые условия, не даёт нести службу и вообще она чеченка, террористка и готовит взрыв нефтехранилища в Лидере, у них есть неопровержимые данные". Тут у Маши кончилось терпение. Она выкинула "каштанок" во двор и заперла за ними дверь. Сказала: "Остыньте и марш на вышку, а к оружию больше не подпущу". Они на вышку не шли, долго били в дверь ногами и ругались так, что ей хотелось их убить. Потом обе замёрзли, но на вышку всё же не пошли, а вооружились поленьями и начали бить в караулке окна. Маша взяла карабин, дослала патрон и сказала, что ей, террористке, терять уже нечего, поэтому она их сейчас тут положит, если не уберутся на вышку. Они убрались. Но не на вышку, а в посёлок. Пешком. Среди ночи.

Пока они шли, Маша продумала их возможные действия и позвонила начальнику смены. Описала ситуацию и сказала, что эти двое постараются всё повесить на неё, но лучше милицию на склад не присылать, потому что она после восьми вечера имеет право никого к складу не подпускать и применит оружие без предупреждения. Начальник смены спросил: "Ты что, правда - чеченка?" Она ответила: "Чеченка, украинка, русская и советская. Приезжай утром, покажу паспорт. И в контору позвони, в отдел кадров. И в Томск, в разрешительную систему УВД". И бросила трубку: надо было срочно завешивать окна одеялами и топить печь.

В общем, к утру все повели себя так, будто ничего не произошло. Начальник смены - Малышкин его фамилия - привёз "каштанок" и почти трезвого Гену. У Клавы был подбит левый глаз. Гена сказал Маше: "Вот, я её поучил, она к тебе больше не полезет". А Клаве он сказал: "Вот Маша - настоящая женщина". Эти слова Маша восприняла как приговор: теперь-то её возненавидят смертно.

Начальник смены и Гена вставили новые стёкла. Это было очень хлопотно, потому что мешали решётки, и пришлось вынимать рамы. Потом "каштанок" оставили дослуживать, а Машу увезли с вещами, насовсем, потому что завтра всё равно вахта кончалась.

После этого рассказа Маша предложила составить план поведения на следующую вахту. Я сказал: "А чего составлять? Будем теперь служить без поддавков, вот и всё. Вместе они теперь сидеть в караулке не будут. Клаве карабин не полагается, пусть дежурит на вышке. Репкиной лучше бы тоже оружие не давать, ну да шут с ней. Будем присматривать. Авось год - как-нибудь, а там - всё равно всех уволят". Маша молча кивнула. Потом спросила: "А как ты думаешь, откуда они узнали?.." Я ответил, что вариантов много: "Могли каким-нибудь способом сообщить кавказские земляки. Сергей с Авророй молчать не присягали. Мог сказать кому-нибудь сосед Алёшка. Тому же Босому, например, а тот - ещё кому, мало ли... Да эта малохольная Матильда могла просто придумать. С неё станется". "Но почему?" Вот на этот вопрос я ответить не мог. Если даже женщине недоступна такая логика, то что взять с меня? Решили, что когда-нибудь всё выяснится само собой.

* * *

Иван не проявил ни малейшей ревности. Ведь мог бы хоть пошутить: неужели, мол, "каштанки" не имели никаких оснований для женских подозрений? Чистая душа мой Иван. А у "каштанок" основания были. Притом у Матильды больше, чем у Клавы. Гена просто назвал меня при Клаве "настоящей женщиной" - и ничего другого не было. А Витя - тот, видно, остыл уже после тетради стихов, а больше ему не писали. Вот и потянуло на свеженькое. Ухажнул за мной в день приезда. Прямо в машине. Сел между мною и Матильдой и незаметно взял за руку. И страстно сдвинул. Я повернула к нему голову. Он закурил нижнюю губу и страстно покрутил головой. Я попыталась мягко освободиться. Он держал крепко. Я встала с лавки и повернула руку в сторону большого пальца - так разжимают любой захват. Перешла к окну над кабиной и до самого склада смотрела вперёд. Полагаю, Матильда ничего не видела, иначе тут же вцепилась бы Вите в лицо. Она, говорили, в Северном уже такое делала. Всё складывалось пусто и дико. И называлось крепким русским словом "блуд", от которого происходит злое и презрительное ругательство. Я это ругательство Вите шепнула. Он улыбнулся. Клава и Матильда в это время были заняты друг другом, а Гена был за рулём.

Новый начальник смены тоже повёл себя блудливо. За пару дней до скандала зазвал меня в пустую диспетчерскую, сел рядом, начал спрашивать, как дела на складе, и тоже взял за ручку. За правую. Я вырваться не стала. Я постучала себя свободной рукой по колену и сказала: "Отпусти, Валерий Антонович, а то станешь глухой на правое ухо". Он уже был хромой на левую ногу, намёк понял и обиделся. Но руку отпустил и с тяжёлой улыбкой сказал, что у него просто есть доверительный ко мне разговор. Он, мол, в прошлую вахту ездил на охоту. С нашим карабином. Я поверила: когда мы с Иваном сутки отдыхали, Матильда с Клавой могли отдать ему второй карабин, который постоянно стоял в сейфе из-за того, что у Клавы не было к нему допуска. Мы-то в их дежурство в сейф не заглядывали. Я спросила: "И зачем же мне это признание?" "Да вот опять собираюсь на охоту. А поскольку ты с женщинами теперь всё время дежуришь, то факта больше не скрыть. Вот и хотел твоего понимания. Разрешить? На пару суток..." И снова взял за руку. Я встала, освободила руку и сказала, что своей работой дорожу и в таких играх не участвую. Он тоже встал и молча ухромал в свою комнату.

По здравом размышлении, некоторую логику из всего этого можно было выстроить, но всё равно получалась она какая-то хромая. Ну не могли нормальные люди бить окна по столь косвенным причинам. И Ивану я об этом промолчала.

Мы решили держаться на вахте нейтрально, будто ничего не произошло. И самим, когда приехали, показалось, что все участники конфликта держатся так же. И казалось так целые сутки. А когда Малышкин привёз "каштанок" на смену, Матильда открыла сейф, извлекла оттуда коробку с патронами, высыпала их на стол и принялась пересчитывать. Раньше у нас никто так не делал: доверяли друг другу. Она сидела и считала, а остальные стояли и смотрели. На круглой Клавиной рожице застыло торжество, Иван мрачно ухмылялся, начальник смены безразлично смотрел в окно. Пересчитав патроны, Матильда сложила их в коробку и потребовала, чтобы ей предъявили остальные восемь. Я сказала:

- Они в карабинах.

- Достань.

- Зачем? Всё смазано. Открой затвор, надави пальцем на верхний патрон - сразу поймёшь, сколько их там.

Матильда сказала, почему-то не мне, а Малышкину:

- Карабин полагается сдавать без патронов. Я видела в Северном инструкцию.

Я ответила:

- Такой инструкции у нас нет. Хочешь - сама разряжай.

Малышкин молчал. Матильда неумело и с опаской отковырнула крышку магазинной коробки. Кое-как вытрясла оттуда четыре патрона. Кое-как защёлкнула крышку. Ещё дольше провозилась со вторым карабином. Все молчали. Она высыпала патроны в карман куртки и расписалась в постовой ведомости: приняла оружие и боеприпасы. Я сказала:

- Патроны в масле, мусор налипнет, потом их - в карабин...

Она рявкнула:

- У нас нет мусора! Это у вас!

Я сказала:

- Мы не курим.

Я давала ей понять, что у всех курящих табак в карманах. Но она не поняла и выпалила:

- Сдали смену - свободны! И не заходить в караулку!

Иван, наконец, заговорил:

- Вот что, граждане. По инструкции, один охранник должен находиться в караулке, другой - на вышке. Как старший здесь, я буду это теперь контролировать. Говорю при начальнике смены.

Матильда взвилась:

- Нашёлся начальник! - И к Малышкину: - Скажи ему!

Малышкин сказал:

- Сами разбирайтесь. Я ничего не слышал.

Иван сказал:

- Как это не слышал? Я обязан писать докладную начальнику смены...

- Никаких докладных я не приму!

И ухромал к машине. Он разрешил войну. Клава сообщила:

- Нет тут больше старших! Отменили!

Война началась холодная. До последнего дня вахты нам мелко пакостили и отпускали глупые бытовые колкости. А в последний день устроили погром.

Последняя смена была на этот раз у "каштанок". Мы уехали ночевать на базу, а на следующее утро прибыла бригада Алексея, и Иван решил съездить с ними на склад, чтобы показать стеллажи и ящики, куда мы убрали от вредных баб артельную посуду, инструменты и собачий корм.

Перед любимой караульной избушкой Иван сразу увидел кучу поломанных досок. Это были останки стеллажей. Рядом, у стены, были составлены все наши ящики и свалены вещи. Всё это за ночь припорошило снежком. Иван потерял дар речи. Потом пошёл к "каштанкам" с вопросами, но они подняли визг: "Посторонние в караулке!" Расписались в постовой ведомости и убежали в машину. Иван осмотрелся в избушке. Выброшены были и наши кровати, и столик - в общем, остались голые стены. Иван стал звонить на базу и требовать начальство. Приехал наш бывший главный инженер, которым теперь заменили Босого. Холодно сообщил, что это, конечно, не порядок, но всё равно принято решение переселить всех охранников в общежитие, поэтому, мол, пока занесите вещи обратно, а с новой вахты вам надлежит сразу переселиться на базу.

"Каштанки" ходили по общежитию с видом победителей и смотрели мимо нас. Клава снова сверкала подбитым глазом. Гена приходил к нам с извинениями и опять называл меня Настоящей Женщиной. Так и сказал: "С двух больших букв. Береги её, Ванька". Иван попытался поговорить об их вандализме с Витей Репкиным, но тот вдруг заявил:

- Если ты будешь мешать моей жене работать, я тебя сломаю, вот этими руками.

Мешали как раз нам, и мы написали в службу безопасности заявление, что есть вот такая угроза, поэтому просим иметь в виду, что в случае драки Ивана зачинщиком не считать. Всё выходило до пошлости противно. Пора было увольняться. Но, во-первых, мешало самолюбие, а во-вторых, в Пасоле работы не было. Там мы могли бы только охотиться, рыбачить и собирать дары тайги. Нам предлагалось одичать. Если бы это делала сама Природа, тогда некуда деться. Но это делали хамы. А Мишка-еврейчик, помнится, говорил, что плох тот интеллигент, который не может дать отпор хаму. Мы решили побороться до конца, до увольнения.

Кстати, об увольнении успели поговорить с Толей Первым и Толей Вторым. Они уже знали, почему так резко упало производство нефти. Началась очередная смена хозяев. Все нефтяные месторождения продавались с аукциона. Самым вероятным покупателем называли международный концерн "Фаберже-Сервис". Их машины уже год ходили колоннами по шоссе мимо нас: впереди - милиция, следом - тяжёлые спецмашины, вроде наших, только понаряднее, а сзади - медицина. И флаг с именем фирмы. Нас от этого корёжило, во мне просыпалась и ворочалась террористка. Толя Первый сказал, что в Томской области почти не осталось крупных предприятий, которые принадлежали бы Томску.

- Всё куплено или москвичами или иностранцами. Вообще, ребята, наша держава теперь - территория, народ - население, а поодиночке мы все - аборигены, дешёвая колониальная рабсила. Моя внучка в пятом классе. Показала конспект по истории. Знаете, кто открыл Сибирь? Англичане! С этим надо бороться.

Толя Второй сказал, что Россия погибла, что бороться некому и незачем.

- Пусть история катится сама. Её можно чуть ускорить или чуть притормозить, но направление она выбирает сама и задавит любого, кто пытается помешать.

Они, как обычно, заспорили. А мы с Иваном участвовать не стали. Мы люди практические. Наши истины рождаются не в споре, а в размышлении. Зато потом мы ни с кем ничего обсуждать не станем. Если мы определим свою судьбу, нас не остановить. Аллах таки ж акбар.

* * *

Признаться, после погрома я растерялся. С женщинами воевать - не умею. А с Витей сражаться на кулачках - не та квалификация. Десантник в рукопашной действует автоматически и может в простой драке ударить наповал. Поэтому я согласился с Машей и отнёс это позорное заявление в службу безопасности. Там сидели двое лейтенантов моей комплекции. Внимательно выслушали. Старший сказал: "Опять геофизика. Позавчера одному вашему шофёру сломали челюсть на танцах: десанником себя вообразил. И вот снова десантник..." Второй увидел мою обиду и сгладил: "Ты-то как раз правильно поступаешь. Мы с этим Репкиным поговорим".

На другой день мы уехали домой. И попытались поискать там себе работу. Посовещались, конечно, с Авророй и Сергеем. У него в лесном хозяйстве ничего не было, сам собирался переходить в Газпром и обещал там поспрашивать что-нибудь для меня. Аврора же предложила Маше создать коммерческую медсанчасть на базе её медпункта.

- Если зарегистрировать не удастся, так это даже лучше. Налоги не платить, а народ нас никакой инспекции не выдаст, потому что здоровье дороже. У нас тут жил один старик, знахарь. Лечил за харчи и плевал даже на КГБ, потому что он тамошнему начальнику вылечил жену от бесплодия. Так то при советской власти, тогда строго было. А теперь - свобода, всем на всех плевать.

Это было не очень убедительно, но Машу немного успокоило. Народ в самом деле не выдаст, в этом мы убедились. Кавказцы больше не давали о себе знать. Значит, тоже поверили.

Мы решили, что будем работать в геофизике до конца. Но на следующую вахту уже ехали без прежней радости. А уж точнее - просто с отвращением.

* * *

Жизнь вахтовика тем особенна, что не замечаешь, как она проходит. Вроде только что был январь, наши вещички мёрзли на улице, а вот уже и снег сошёл. И своё имущество мы теперь в конце каждой смены перетаскиваем в старую будку от списанной "элпээски". Она стоит в полусотне метров от караулки, у леса. Зимой туда приходилось после каждой метели чистить тропу. Теперь проще - по травке. Но всё равно неудобно. И глупо - таскать взад-вперёд книги, инструменты, одежду, посуду. Но если не таскать, украдут кастрюлю и не захотят о ней даже разговаривать. А всё прочее выбросят на улицу. И жаловаться некому. У начальника смены один ответ: "Это ваши проблемы". Утром он отправляет нас на машине из общежития, а через сутки та же машина привозит на склад "каштанок", а нас увозит. Минимум контактов - вот всё, что для нас "могли сделать". Ну и чёрт с ними. Нам работать до осени.

Но огород мы всё же засадили: топинамбур, чеснок и лук-батун вылезли сами, укроп - тоже с прошлого года, а картошка семенная ждала с осени, куда ж её девать... У Ивана любимая поговорка: "Помирать собирайся, а жито сей". "Каштанки" уже ничего сеять не стали, но и к нашим грядкам не лезли. Впрочем, мы на эту тему посмеивались: устоят ли они перед горохом, когда нальются стручки? Черноватый получался юморок.

Но у нас последнее время всё как-то чернело и в таком виде входило в привычку. Иван даже пошутил: "Как на войне". А я подумала: "Только теперь мы с тобой по одну сторону фронта". Впрочем, не было тут фронта, как не было его и в Чечне. На то и гражданская война. Размышляя таким образом, я додумалась до того, что гражданская война - это совсем не обязательно перемещения войск и стрельба. Гражданская война - это состояние людского духа. Это ненависть, которая висит в пространстве и отравляет души. В общем, если бы получила диплом врача, то работать бы мне с Мишкой в одном диспансере.

А Иван начал писать стихи. Они поначалу получались какие-то трагические:

Пускай борьба проиграна сейчас

И лягут крылья в новую могилу.

Мы завещаем тем, кто после нас:

- Лишь притяженьем мерьте вашу силу.

Потом перешёл на любовную лирику. Дарил её мне, и я гордилась, потому что это были настоящие стихи, не то что в тетрадке Матильды:

Прекрасен рот, которым пьёшь Ты росы.

Прекрасна та роса, которую Ты пьёшь.

Чудны Твои глаза, распахнуто-раскосы.

Прекрасен этот мир, пока в нём Ты живёшь.

При этом он говорил, что единственная настоящая религия - это любовь человека к человеку. В ней нет страха и есть вера, которую можно потрогать. Я спросила:

- Потому ты и пишешь меня с большой буквы?

Он засмеялся:

- Если бог есть, то он, конечно, женского пола!

Я спросила:

- А как тогда быть с "каштанками"?

Он ответил вполне серьёзно:

- А чем божьи экскременты лучше человеческих? Что с ними делают?

Я сказала, что цивилизованные хозяева ЭТИМ удобряют почву на огороде. И тогда он выдал философскую концепцию, до которой, по-моему, никто, кроме него, не додумался:

- Ты не находишь, что главная черта в человеке - негативизм? Когда он жил в пещере, то старался устроить свой быт покомфортнее, а когда стал жить в современных условиях, его потянуло обратно в пещеру.

- Хочешь сказать, что у "каштанок" такое стремление к разрушению - от лишнего комфорта?

- А разве нет? Социальная патология!

Я позавидовала. Ведь это у меня было почти высшее образование, это мне полагалось создать такой изящный термин - социальная патология. И я сказала об этом Ивану. И мы посмеялись. А потом я ему возразила. Я сказала, что в социальном смысле он, конечно, прав, но вот с точки зрения психиатрии всё получается с этими дамами гораздо проще. Мы тут имеем редкую случайность, когда судьба зачем-то объединила сразу трёх врождённых вандалов. В одиночку такой урод шалить открыто не решается, а если рядом такой же, да ещё начальник содействует, потому что сам вандал... Иван снова засмеялся и признал, что наука права, как всегда. И сочинил по этому поводу стишок:

Увы, нет истины нигде:

Ни в жизни нет, ни даже в смерти,

Нет ни в безделье, ни в труде -

Нигде, ни в чём - вы мне поверьте.

Ищите истину в вине,

Ищите в трезвости железной,

В любви ли, в ненависти - нет!

В уме, в безумье - бесполезно.

Нет истины, поверьте мне.

Ни в белом нет её, ни в чёрном,

Ни на Земле, ни на Луне -

Нет! Эта истина бесспорна.

Я спросила лукаво:

- Как же это - в любви нет истины? Ты ведь другое говорил...

Он честно признался, что в данном случае пошутил - из скромности и для красного словца:

- Именно этого слова просил текст. Но психиатру поэта никогда не понять.

И мы снова смеялись. И я удивлялась - уже не как врач, а просто как жена поэта: сколь велик в человеке природный запас прочности, если и в отчаянном положении он может видеть смешное. Но тут же подумала, что всё на свете надоедает, особенно отчаянное положение. И не такое уж оно отчаянное, если привыкнуть. Сказала об этом Ивану. Он согласился. Но тут же сказал, что лучше не привыкать. Лучше ломать ситуацию, чтоб не у нас кости трещали, а у неё. Что возьмёшь, десантник.

- Ты же сама меня этому научила. Я ведь справился с болью.

Но зрачки у него при этом были расширенные. Ему было всё ещё больно.

* * *

Писать стихи человек начинает, конечно, в потрясении. Чем естественнее потрясение, тем искреннее стихи. Это я вывел для себя как оправдание: почему необразованный Ванька из сибирской деревни вдруг начал думать в рифму. Пришло даже стихотворение на эту тему:

Бывает, жить невмоготу,

И голова гудит, как с браги...

Но пальцы тихо на бумаге

Из строчек что-то там плетут,

И в ритме слабого движения,

Как в колыбельном хороводе,

Слабеет горечь поражения,

И раздражение уходит,

Спокойной силой тело полнится,

И нет непонятых стихий...

Когда вам надо успокоиться,

Попробуйте писать стихи.

Это были слабенькие вирши, я скомкал листок и бросил в печку. А спичку вслед не бросил.

Наутро мы сдали смену и уехали в общежитие. Маша поставила на подоконник очередную свою картинку, которую мы назвали "Последняя вахта мая", и завалилась спать. Мы жили в тесной комнатке, где едва помещались две узеньких койки и тумбочка. Удобство было всего одно: тонкая

стена у моей койки выходила не к соседям, а к лестничному пролёту. Когда Маша перебиралась ночью ко мне, в соседней комнате ничего НАШЕГО слышать не могли.

Мне спать не хотелось. Ночь прошла на дежурстве в каком-то полубреду. В голове метались какие-то рифмы и образы, а простреленные внутренности грызла боль. Хотелось воздуха. К тому же за стеной бормотал телевизор. Я запер Машу своим ключом и ушёл из посёлка по шоссе, которое вело к нашему складу.

На воздухе в самом деле полегчало. Я шёл по левой обочине и вежливо отмахивался от водителей, которые обгоняли и сигналили: не надо ли подвезти? Я шёл, конечно, не на склад. Ещё был жив "вигвам" нашего друга Лёвы, и мне захотелось посидеть там, повспоминать. Ведь это он заразил меня стихами. Он-то был настоящим поэтом. Читал мне всё, что сочинял. Называл меня благодарным слушателем. И моя критика ему нравилась: "Хорошим читателем быть ничуть не легче, чем хорошим писателем". Теперь к "вигваму" уже подбирались "каштанки": жаловались начальнику смены, что, мол, не положено быть строениям в зоне охраны. Очередная нелепость сошедших с ума баб.

Если пройти мимо склада по шоссе метров триста и свернуть на боковую дорогу, то ещё через триста метров будет тропа, по которой Лев ходил из "вигвама" за клюквой. Мы все ею пользовались - до ближайшего ягодного болота было двадцать минут хода. Я свернул на эту тропу и скоро сидел в "вигваме". Под окном Лев развёл когда-то настоящий цветник. А теперь на клумбе зияли одни ямки: Клава с Матильдой перевезли все цветы под свои окна, к общежитию. Об этом я и решил написать стихотворение. Получалась какая-то ерунда:

Возложите венок на мою погребённую страсть.

Украдите цветы для венка, эта кража - ничто.

Каждый проданный вам - это преданный вами цветок.

И цветы, и любовь не дороже купить, чем украсть...

Ну и так далее, в этом же духе. Стихи не получались, я злился. Было понятно, что после бессонной ночи ничего доброго не сочинишь. К тому же боль, которая унялась на ходу, теперь, в покое, вернулась. Я уже собрался уходить, как в дверь тихонько постучали.

В это весеннее время вокруг "вигвама" не было ни грибов, ни жимолости, так что и гулять здесь было некому. Я понял, что это "каштанки" случайно разглядели меня на дороге и пошли проверить: не притаился ли я в "вигваме" перед нападением на склад.

За дверью стояла Матильда. Она имела вид скорее робкий, чем нахальный. Смотрела под ноги и ковыряла палую хвою носком сапога. Она стеснялась такой обуви, потому что была в нарядном длинном платье и вся покрашенная, но без сапог к "вигваму" не пройти. Я грубо спросил:

- Что надо?

- Можно войти?

Она спросила робко, а руки держала в карманах. Я подумал: "Шут с тобой, смотри и запоминай, что стащить здесь нечего". А вслух спросил:

- Зачем?

- На два слова.

Она вошла вслед за мной, огляделась и хотела сесть, но передумала. Я тоже стоял. Она вынула руку из кармана и показала мой листок из печки, разглаженный и аккуратно сложенный.

- Это ведь твои стихи.

Я про себя чертыхнулся, но кивнул. Она сказала, что тоже пишет стихи и хочет их мне показать. Я уже знал, как она пишет, и чувствовал себя очень по-дурачки. Ни как хозяин дома, ни как мужчина, ни как поэт, наконец, я не мог отказать даме, которая пришла в гости со стихами. А отказать очень хотелось. Да просто хотелось её придушить. Свернуть эту цыплячью шею. Из-за такого напряжения усилилась боль внутри. Но я уже кивнул.

Она вынула вторую руку. В ней был зажат второй листок.

Полбеда, если бы это были просто плохие рифмы. Они были посвящены мне. С той же страстью, что в тетрадке для Вити, дама желала, чтобы я горячими пальцами трогал её бёдра и соски. Прочитав стихотворение, она в прозе добавила, что пошла на скандал, чтобы привлечь моё внимание. И теперь она видит, как я на неё посматриваю, и она чувствует, что мы оба готовы...

Я сказал: "Пошла вон". Она ответила, что это не провокация, что она всё это от сердца и что Клава в курсе и не возражает. Я повторил: "Пошла вон". Она сказала: "А ты выброси меня собственными руками". Я взял её за плечи, а она за миг до этого метнулась вперёд, и получилось объятие. И платье на ней было такое тонкое, а движения такие умелые, что я почувствовал себя так же, как с Танькой, когда она в декабре приходила ко мне домой. Зверь во мне мгновенно встал на дыбы, и она это почувствовала. И прижалась сильнее и задвигалась легонько. И подняла ко мне зовущий рот. Вот это и была ошибка. Рот был густо покрашен. И кожа на лице была несвежая, потому и натёртая чем-то. И страсть в глазах, хоть и была настоящая, но не избавляла от какого-то скотского состояния.

- Пошла вон.

Я её вытолкал, запер дверь и ушёл. Она стояла молча, с опущенной головой. Мне было её жалко и противно. Внутри ничего не болело, точно как в драке.

Я не пошёл обратно прежней дорогой. Почему-то фантазия родила нелепую картинку: Матильда прибегает в караулку, кричит Клаве: "Этот гад меня не захотел!" и залегает с карабином у поленницы, дожидается меня на шоссе и открывает огонь. Стреляет она из рук вон плохо, будет напрасно жечь патроны... Чушь, конечно, но я пошёл с тропинки не в сторону шоссе, а дальше, по боковой дороге. Она вела к 16-му кусту, где кланялись качалки, от него сворачивала к посёлку, и я всё равно попадал домой, только на полчаса позже.

Конечно, я не боялся, что в меня будет стрелять оскорблённая дама. Мне нужна была смена обстановки, чтобы подумать об этом гадком событии. Ведь я был готов изменить Маше, это факт. Даже измена с Танькой была бы логичнее: старая любовь. А тут ведь любовью и не пахло. Душно пахло дорогой косметикой, стыдно пахло звериностью, когда всё равно, какая под тобой самка. Пахло ещё мстью: и этой самке, и её кретину Вите Репкину. Я шагал не спеша и ехидно себя спрашивал: "Если бы не посмотрел в лицо, неужто бы спарился?" И стеснялся, как маленький, любого ответа, потому что ни в одном ответе не было всей правды. В общем, вполне поэтическое состояние. Только вот стихи почему-то на ум не приходили. Что-то более благородное должно быть в искреннем потрясении, чтобы оно стало поэтическим.

И я заставил себя не думать больше о блуде. Он не от человека и не от бога, если бог есть. Блуд подсказывает человеку лукавое животное, которое в нём всегда живёт. Оно любит то, что проще: украсть, отнять, убежать, обмануть, предать, струсить. От него нельзя избавиться, как не избавишься от стука сердца или от цвета глаз. С ним приходится жить до смерти, потом его закапывают вместе с телом. Может быть, потому люди и заводят комнатных животных - для утехи своего внутреннего зверя...

О блуде долго думать тоже не с руки. Надо было развеселиться. Я стал вспоминать смешное. И вспомнил опять о "каштанках". Ещё до скандала рассказала Маша. Они ехали на склад вдвоём с Матильдой. Сидели тесно в кабине рядом с Геней. Когда свернули с шоссе, подслеповатая Матильда воскликнула: "Смотри, Гена! Клава уже вышла тебя встречать! В твоём любимом синем платье!" Зоркий Гена хохотнул и сообщил, что это не Клава. Это синяя железная бочка для стока воды, а на ней — перевернутое ведро. Матильда ужаснулась собственной бестактности и начала извиняться, а Гена ухмыльнулся и сказал: "Да чего там. Правда, похоже". Сразу вслед за этим я подумал, что подслеповатая Матильда, конечно, не попала бы в меня, если бы стала стрелять. Но если бы попала, это была бы моя последняя пуля.

Маше, конечно, об этом приключении - ни слова. Хоть в ней ума на десяток Матильд, а беречь жену всё-таки надо. Я осторожно вошёл в нашу комнатку. Она показалась бесконечно уютной. Нашкодивший пёс вернулся в свою конуру. Тихонько лёг на свою койку и собрался было заснуть, но тут Маша проснулась и перебралась ко мне. И я снова стал человеком.

* * *

Я спросила:

- Мы с тобой - заговорённые или неприкаянные?

Иван быстро ответил:

- Нет уж. Если кто-то неприкаянный, то не мы.

И страсти в нём было тем утром - на четверых: на чеченку, на украинку, на русскую и на советскую. И уснул потом, как убитый.

Нет, нельзя применять к нему это слово. Я среди русских стала суеверной, как они: что скажешь, то и сбудется. Я и так его уже убивала. А теперь он уснул - как младенец. Я перебралась на свою койку и стала думать: долго ли могут слёзы сами течь, если их не вытирать. Смотрела сквозь них на часы и не вытирала. Слёз хватало на десять минут. Это, наверно, с полстакана. Вот столько могу пролить разом о своём погибшем ребёнке и обо всех следующих, которых, наверно, уже никогда не смогу родить. Четыре года уже не могу, хоть и стараемся. Ещё через год-два-три Иван ко мне совсем привыкнет, начнёт страдать от бездетности, а потом прогонит. Он настоящий мужчина, он хочет себя продлить. Да и я хочу. Только он - заговорённый, а я теперь - неприкаянная. Чеченка, но украинка. Живу на родине, но беженка. Жена, но не мать. И не такая уж большая плата за все эти беды - полстакана слёз. Да и полезно слёзы лить: душа добрее и светлее. И мысли после этого яснее. И вот я уже думаю, что не совсем моё бесплодие. А если совсем, то Иван меня не бросит. А если захочет бросить, я сведу его в лес, раскрою свой верный Зил-бухар и скажу: "Это я тебя тогда прострелила двумя разрывными. А родить тебе не могу вот по такой-то причине. Поэтому, мой единственный, зарежь меня здесь и оставь на диком сибирском мохе - пускай растащат меня по молекулам добрые лесные жители..."

Кстати, "на мохе", "на мхе" или "на мху"? Слабовато владею родным русским языком. И родной чеченский помаленьку забываю. Стану скоро полуязычная, как бедный Коля-писатель.

* * *

В мае Маша получила письмо от деда. И стала вне себя от радости. Она-то думала, что он погиб вместе со всеми. Она рассказывала, что незадолго до того, как попала в Ростове под взрыв, их дом в чеченском ауле штурмовали русские спецназовцы, потому что в нём засекли банду. Погибла вся её семья. А вот дед, оказалось, уцелел. Вот что он ей написал: "Верные люди рассказали, что ты больше не вернёшься домой. Если бы ты и хотела вернуться, возвращаться всё равно некуда. Наш дом восстанавливать некому. Я живу теперь в доме твоего брата Руслана. Что он погиб, ты знаешь. Аслан тоже погиб. Его нашли в горах. Я остался с одними женщинами. Плохая старость. Ты не стала врачом. И совсем уехала от нас. Меня лечить не надо. Я скоро умру. Вымирает наш народ. Его надо лечить. Подумай об этом, дорогая. Мне уже ничего не надо. А народ должен жить". Маша сказала, что письмо написано рукой деда, но конверт подписывал не он. Я сказал, что не могу считать этих людей врагами. Я точно так же заботился бы о спасении народа. В этих людях, что прислали письмо, я вижу не злобу, а обиду. И заботу. Поэтому ни в чём неволить Машу не могу. Захочет вернуться на родину - пусть возвращается. Только я с ней не поеду, это понятно. Она сразу стала грустной и спросила: "Что, уже привык ко мне?" Я не понял: "Что плохого в привычке? Конечно, привык". Она вздохнула: "Привычка со временем заменяет любовь. К кому привык, отпускать жалко, но можно. А кого любишь, того не отпустишь". Была она при этом печальная, как конец сентября. Я спросил: "Почему так обо мне думаешь?" Она ответила: "Ты ребёнка хотел, а я не могу. Вот и начал... разлюбить. Такую и прогнать не жалко". Она в словах всегда была ловчее меня, хоть и чеченка. Ответить нечего. Вышло, что разлюбил. Не мог же я в доказательство рассказывать о Таньке и о Матильде. И разозлиться не мог. Это было бы признаком бессилия. Пришлось выйти во двор и поколоть дровишек, чтобы мысли пришли в порядок. Когда она вышла ко мне, у меня уже был ответ. Мол, каждый любит по-своему. Но она опередила: "Ванечка, прости дуру. Это я так боюсь тебя потерять. Не отпускай меня никогда и никуда. Пожалуйста. Пока любишь".

Я ответил, что люблю её всегда. И мы сели писать письмо деду.

Это было коротко, но очень, очень мучительно. Мы написали, что Маша попала в Ростове под взрыв и всё забыла. И поехала, куда глаза глядели. А по пути встретила меня, совсем больного: меня поломал медведь. Теперь она всё вспомнила, но я совсем нездоров, меня надо выхаживать, поэтому пока она домой ехать не может. Она надеется, что внучатые невестки помогут деду в его старости, а сама она теперь сибирячка. Она не забывает свой народ и свой язык. И детям она даст чеченские имена - Руслан и Аслан. В конце мы пожелали деду долгого здоровья и выразили надежду, что когда-нибудь его навестим.

* * *

Мы с Иваном написали деду совершенно дурацкое письмо, и я пошла с ним к почтовому ящику. Раз в два дня из него высыпали письма и увозили на попутной машине в райцентр. У меня был с собой чистый конверт и листок, и я прямо на лавочке у ящика сочинила в Чечню совсем другое письмо. Очень короткое. "Дорогой дед! Я тебя люблю и рада, что ты жив. Домой вернуться не могу. Прости и забудь меня. Твоя внучка Марьям". Залепила конверт, но и это письмо не отправила. Решила: пусть будет горько один раз, чем размазывать кашу по тарелке. Не отвечу совсем, пусть думают, что я всех забыла или уехала или умерла. Семь бед - один ответ. Аллаха нет, но Он всё видит. Мои преступления оплачены моими муками. Квиты.

* * *

На медкомиссию нас больше не послали. Это означало, что ликвидация нашего склада - вопрос решённый.

Июльская вахта прошла в сборах. Мы укладывали в ящики свои пожитки, которых за четыре года накопилось изрядно. Инструменты, посуда, всякие деревяшки, справная спецовка - без всего этого можно было бы и обойтись, но раз оно есть и можно вывезти, то не бросать же. Мы даже подосиновики продолжали собирать и сушили на специальных рамах. Резали их на ломтики и нанизывали на нитки. Маша стала настоящей деревенской сибирячкой, у неё ничего не пропадало. Только потешались, когда эти рамы с грибами приходилось прятать от "каштанок" в нашу будку. Они тоже прятали всё своё, и наворованное, в Витину будку с запчастями и запирали на два замка.

Стычек между нами уже не было. Все процедуры один раз в сутки выполнялись машинально. Я старался вообще не смотреть на Матильду, чтобы ей опять не померещилась мужская страсть. У меня к ней не было уже злобы. Жалость была. Мы с Машей поговорили об отношении к этим бедолагам и решили: чем человек мельче, тем большей жалости он заслуживает.

К "вигвamu" я ходил всего один раз, и то во время своей смены. Это было к концу вахты. Маша вернулась оттуда с грибами и сказала, что все стёкла в "вигваме" побиты. Это, конечно, сделали "каштанки". Я молча собрался и забил пустые окна досками. Да так, чтобы труднее было отодрать.

Хотя эти бабы уже показали свою силу, когда зимой отрывали от стен наши полки и стеллажи. На двери "вигвама" я написал мелом: "Не надо ломать. Мы ещё вернёмся". Так, для куража.

"Каштанки" всю вахту выглядели то ли уставшими, то ли присмирившими. Но один раз я поймал на себе взгляд Клавы - такой яростный, что понял: последний бой нам ещё готовят. Матильда свои глаза старательно отводила. Но мы знали, что в этом заговоре она - душа и разум, а Клава - только восторженный исполнитель. А я знал и немного больше: отвергнутая женщина умрёт, но отомстит обязательно. Однажды пришла мысль: может, стоило тогда, в "вигваме", смягчить её ненависть порывом недоброкачественной страсти? Как в том анекдоте, накрыл бы лицо газеткой... Но напряг немного воображение - и жалость к ней прошла. В своих бедах человек чаще всего виноват сам. А уж в грехах - всегда.

И вот что - о бедах и грехах. Не было моего греха в том, что попал на чеченскую войну. Вся армия попала, вот и я попал. Вся рота гоняла бандитов по горам, а с ней и я. Вся рота полегла в том бою, а я, хоть и полёг, но вот жив ещё. И тут моя беда. Мёртвые боли не имеют, а меня боль грызёт, и трудно мне без наркотиков. И Маша не может родить, наверно, из-за меня. Провериться бы, да в деревне этого нет, а в город за этим не поедешь. Она винит себя, я - себя. Идеальная пара неприкаянных. Я теперь хорошо понимаю тех парней, которые после увольнения из армии снова и снова едут на войну добровольцами. Там нет неприкаянности. Пусть на убой, но ты там нужен. Плевать, что кто-то на этом наживается: он обделён настоящей жизнью. Плевать, что кто-то погибает в бою: это настоящая мужская смерть, даже если тебя добил душман ножом. На всё плевать, потому что жизнь без войны - пресна. Но я не напишу об этом стихов. Самые прекрасные стихи, которые проклинают войну, уже написаны, я их читал и даже пел. А те, в которых война прославляется, - сплошная ложь. Конечно, человек так устроен, что не может без борьбы, а война - её разновидность. Но славить убийство могут только духовные уроды или те, кто об этом только слышал от уродов. Война - просто заразная болезнь. Не всякий заражается, есть люди с иммунитетом. Это нормальные люди, с большой буквы. Я и сам такой. Но мне больно. И я точно знаю, что, если вернусь на войну, боль меня отпустит, без всяких наркотиков. И утешаюсь только тем, что, раз я создан для борьбы, то пусть это будет борьба с болью. Любовь не хуже войны снимает боль. Вот её, любовь, и следует воспевать в стихах. Каждым стихотворением закрывая тему.

* * *

После июльской вахты мы вывезли всё своё имущество домой. Оставались только разные деревяшки, которые хозяйственному Ивану было жалко бросать, поэтому он всё ещё держал их под замком в своей будке.

А я махнула рукой даже на огород. Мы что-то с него ели, даже молодую картошку уже подкапывали, но весь урожай предстояло бросить на корню. Я даже рисовать перестала. Все лица были уже нарисованы, все пейзажи - тоже. Последняя акварель - портрет в пейзаже: толстый зад Клавы, ворующей горох среди нашей картошки на фоне цветущего топинамбура. Потом набрасывала в блокноте потешных насекомых - вот и всё.

Я вообще с весны, после разговора с Авророй о знахарской лечебнице, только тем и занималась, что изучала растения и рецепты. И засушила за лето целый мешок разных трав. Даже удалось ответить Клаве благородством на подлость. Она вдруг слегла в августе с радикулитом. На севере август холоднее и дождливее сентября. Будто осень начинает пристрелку. Клава слегла по непонятной причине. Было и ветрено, и дождливо, но ведь могла бы сидеть, как обычно, в караулке. А она, видно, где-то бродила, подняла на холоде что-нибудь тяжёлое - и застудила поясницу. Или "вигвам" пыталась ломать? Гена привозил к нам Гришу получать заряды, и, пока тот возился в хранилищах, пожаловался: "Моя дура простудила спину. Завтра вторая дура будет дежурить одна. А моя орёт благим матом, совсем боль не терпит". Я дала ему настойку сабельника, очень густую, специально для такой растирки. И предупредила, чтоб не пил. Он спросил: "А что, на водке?" Я сказала, что на медицинском спирту. Но пить сабельник можно только в холодное время года, так что смотри, мол. Он обещал внутрь не употреблять. На следующее утро обеих "каштанок" привёз другой шофёр. Клава с порога напустилась на меня: "Погубила мне мужа!" Я спросила: "Но тебя-то он растирал?" "Он меня вылечил, а остальное выпил!" "Я ж ему говорила..." "Ничего ты ему не говорила!" С тем и уехали, проклинаемые. Клава истерически кричала вслед: "Чтоб не смела к нему заходить!" Иван откровенно смеялся. В общежитии мы сразу пошли к бедному страдальцу. Он сидел за столом в согбенном состоянии и, увидев меня, сказал: "Королева, посмотри на дурака". И объяснил, что сильно болит низ живота, где мочевого пузыря. И очень славно стеснялся произносить это название. Я спросила: "Сегодня выпил?" "Ну да! Второй раз её натёр, она вскочила, как молодая, а остальное куда девать? Там и было-то с полстакана. Только выпил - сразу боль". Я сказала: "Любому хватило бы и чайной ложки. Терпи до обеда и пей побольше воды. Само пройдёт". В общем, самолечение опасно.

На завтрашней смене ничего не произошло. Клава как будто смирилась со своим позором, но смотрела недобро, была сильно скована в движениях. Я чувала, что она уже что-то натворила, и

решила проверить "вигвам". Сказала об этом Ивану, и мы оба посмотрели в ту сторону: обычно "вигвам" был вполне различим за мелкими осинками и берёзками, которые постепенно заселяли нашу складскую расчистку. И ничего не увидели. На месте были высоченные пихты и кедры, среди которых Лев поставил своё жилище, а самого жилища видно не было. Иван выругался и побежал туда. Вернулся очень скоро и очень грустный. Сказал:

- Раскатали, дуры, по брёвнышку. Вот и лечи таких.

Мне уже было всё равно. Я засмеялась:

- Лечить-то больше нечем. Она сегодня снова сляжет, а всё лекарство Гена выпил.

Так на следующий день и случилось. Матильду привёз Гена, но вместе с ней прибыл и начальник смены. Гена стал копаться в машине, а Малышкин, виляя хвостом и хромая сильнее обычного, подполз ко мне.

- Слышь, Дмитриевна. Радикулит меня прошиб. А у тебя, говорят, растирка есть...

- Кто говорит?

- Да вон, Генка. Может, пособишь? Хоть вахту дотянуть...

Врал, конечно. Для Клавы старался. Я вылила ему остатки зелья в крохотный флакончик и повторила предупреждение, чтоб не пил. Он ухмыльнулся:

- Да Генка уже проинструктировал. Вон как стесняется, даже не подходит.

- А как он себя чувствует?

- Да здоров уже, как бык!

Удивительно подобострастно ведут себя дурные люди, когда что-нибудь хотят получить. Смотреть тошно. Я спросила:

- Что, Матильда будет дежурить одна?

- Да днём пока одна, а вечером Репкин вернётся с заявки, поможет ей ночью...

И заговорщически ухмыльнулся. Гнусный человечек.

После него подошёл всё же Гена. Обаятельно смущаясь, сказал:

- Прости, королева, за вчерашнее.

Я решила свести всё в шутку и сказала:

- Тогда уж не королева, а маркиза.

- Почему?

- А ты знаешь песенку о прекрасной маркизе?

- У которой сгорел весь дом?

- Да, с конюшней вместе. Когда пылало всё поместье.

- Ну, все слова не знаю. А что?

- Как думаешь, какой род занятий был у этой маркизы?

- Какие занятия? Она же - маркиза! Что хотела, то делала...

- Тогда вспоминай. Там есть такие слова: "Пятнадцать дней, как я в отъезде..." Ну, чем она занималась?

Гена подумал и - понял и захохотал:

- Пятнадцать дней! Вахтовым методом работала, как ты! Весело. Но пусть она будет маркиза. А ты - всё равно королева.

Оставалось отработать две смены - и мы свободны. Той свободой, которая пуще неволи. Но уже не было безнадежности. Как-то удалось привыкнуть. Не пропадём и в родной деревне. Мы оба - деревенские.

Погода на последнюю нашу смену выдалась тихая и чистая. Луна в сиреновом небе висела, похожая на яичный желток. Машины по шоссе ходили редко и как-то празднично сияли огнями. Всё было в последний раз. Завтра отдежурят Матильда с Витей, и все разъедемся в разные стороны навсегда. И дай бог не встречаться.

Мы в караулке играли с Иваном в нарды, он проигрывал, как всегда. По радио рассказывали очередные ужасы о войнах в разных частях света, где есть нефть. В зависимости от российского отношения к войне, одних там называли миротворцами, а других - бандитами или одних оккупантами, а других - бойцами сопротивления. Мир жил привычной суетной жизнью. Только у нас, во глубине сибирских руд и нефти, было спокойно, и празднично играла на песке луна. А мы играли в нарды.

Около полуночи вдруг сильно хлопнуло под полом. Два года назад Иван снял пол в переходном тамбуре между кухней и караулкой и вырыл там погреб. Но он оказался пригодным только на лето, потому что зимой в нём всё замерзало из-за неудачной конструкции дома. Хлопок произошёл в погребе. Мы всё это лето им не пользовались. Могла взорваться какая-нибудь бутылка с брагой, о которой мы не знали. Но уж больно сильным для бутылки показался хлопок, аж дом подпрыгнул. Мы разом вскочили. Иван сказал: "Брага в погребе?" Я ответила: "Похоже, но не очень". Он сказал: "Вот паразиты!" и толкнул дверь тамбура. Оттуда ударило огнём, ему было тесно в тамбуре, он там бушевал, это было совсем не похоже на брагу. Дверь открывалась не до конца, её чем-то заклинило. За секунду удалось разглядеть, что огонь бьёт из открытого погреба, и там он тоже бушует. Скорее всего, этим взрывом выбило крышку люка, и она заклинила нашу дверь.

- Огнетушители!

Но в караулке висел всего один огнетушитель, остальные - в проклятом пылающем тамбуре. Там же, в тамбуре, был единственный выход из дома. И этот выход был заперт мощной задвижкой, до которой теперь, сквозь огонь, не дотянуться. Мы оказались в клетке с толстыми решётками на окнах. Мы знали, что единственный огнетушитель давно просрочен, и он не сработал: жалкое сиплое шипенье и тонкая мутная струйка. За то время, пока была приоткрыта дверь, огонь проник в караулку и быстро пополз по обоям во все стороны. Толстые бумажные обои горели превосходно. Я бывала в пожарах. Я поняла, что жить нам остаётся несколько минут. Иван это тоже понял. Он притянул покрепче дверь и начал курткой давить огонь, а мне крикнул:

- Карабины!

В последнюю вахту нам было велено держать оружие в сейфе. Малышкин даже хотел было увезти с собой ключ от сейфа, но Иван сказал: "Тогда распишись за оружие", и он повесил ключ на тайный гвоздик под столом. Теперь это могло стать спасением. Я открыла сейф и достала карабины. Они были уже приготовлены к сдаче в северскую контору: разряжены и густо смазаны. Перед стрельбой смазку надо бы удалить, но когда? Я положила карабины на стол и открыла металлическую коробку с патронами. Начала заряжать карабин. Иван уже сбил пламя и взялся за второй ствол. Я сказала:

- Лучше вынь раму.

Внутренняя рама двойного окна была всего лишь закреплена согнутыми гвоздями, чтобы проще вынимать, когда мыть окна. Иван быстро отогнул гвозди, вынул раму, зачем-то аккуратно приставил её к стене и лишь тогда попробовал на прочность решётку. Она крепилась на шести толстых и длинных гвоздях, забитых в оконную коробку. Шаталась коробка, но решётка держалась в ней намертво. Я сказала:

- Попробуй коробку.

Он рванул. Коробка готова была вылететь, но её держали облицовочные доски, которыми строители закрыли щели. Иван рванул одну доску. По другой я ударила прикладом. Когда оторвали доски, выяснилось, что четыре боковых гвоздя в самом деле почти ни за что не держатся, но верхний и нижний забиты в брус, их придётся отстреливать. Хватило трёх пуль... Когда огонь ворвался в караулку, мы как раз вываливались из окна вместе с оружием и патронами. Иван сказал: "Журнал!" и вернулся в караулку. Огонь ещё не дошёл до стола. Иван схватил не только постовую ведомость и журнал сдачи оружия, но и прихватил мой блокнот с рисунками и наши слегка обгорелые куртки. Весь в дыму, выпрыгнул из окна и сказал ужасно спокойно:

- Ну-с, меры к тушению пожара мы приняли, теперь, по инструкции, надо позвонить в пожарную часть.

Отдал мне охалку спасённого и бросился к уличной кладовке. Я только тут вспомнила, что там тоже есть огнетушитель. Отнесла всё имущество к поленнице и побежала к тарному складу - там тоже висел снаружи огнетушитель.

Сработал только один из двух, который принесла я. Но огонь уже съел телефонный аппарат вместе с проводами и радиостанцией. Делать стало нечего. Пожар невысок, из посёлка не виден за лесом, никто оттуда не приедет. И нам туда идти незачем.

Может быть, эта лунная ночь выдалась холодной, но рядом с горящим домом холодно не было. Потом мы грелись у остывающего пожарища. Тепла хватило как раз до утра, когда нам привезли смену. К тому времени мы успели обследовать "очаг возгорания", как называли бы пожарные, если бы приехали. Одна скукоженная жестянка в подвальной яме показалась нам корпусом детонатора. Иван предположил, что если бы моток детонирующего шнура лежал у нас в погребе вместе с этим детонатором и радиовзрывателем, мог произойти как раз такой пожар. Я согласилась: дело было знакомое.

Схема диверсии для нас рисовалась ясно. Когда в скважине не срабатывает связка перфораторов, их надо осторожно извлечь, привезти на полигон и уничтожить. Вместе с зарядами уничтожаются и детонаторы, и детонирующий шнур. Делает это комиссия из хорошо знакомых людей: скажем, взрывник, начальник партии и начальник смены. По договорённости между собой они могут составить только акт на уничтожение, а всю взрывчатку сохранить для рыбалки или ещё для чего... Что-нибудь такое Витя мог держать в нашем погребе, а уж как оно взорвалось - одному Аллаху известно. Может быть, случайно, а может - нас хотели спалить. Очень уж удачно загорелось, в самом уязвимом месте. И в самое подходящее время.

Вместе с Матильдой и Витей Гена привёз и Малышкина. Все подозреваемые были тут, будто хотели жаркое из нас попробовать по-свежему. Матильда выглядела разочарованной и уже не отводила тяжёлого взгляда. Витя держался нейтрально. Гена бросился ко мне: "Живая, королева!" А начальник смены сразу напустился:

- По инструкции, вы должны были сообщить о пожаре. Почему не сообщили?

Мы сказали, что разговаривать будем в присутствии пожарных и службы безопасности. Он тяжело задышал и отправил Гену по названным адресам.

Мы удобно сидели на поленнице. Гостям есть не предлагали. Но поленница была длинная. Они устроились там же, подальше от нас. Говорили между собой тихо, чтобы мы не слышали.

Я тихонько спросила Ивана:

- Если драться, справимся вдвоём без оружия?

Он засмеялся:

- Как делать нечего. Но драться не придётся. Они же понимают: нападение на пост.

Шла уже смена "каштанок", но пост мы ещё не сдали. А Матильда и не пыталась его принять.

Милиция и пожарные не ехали до обеда. Наше начальство нервничало: нас одних оставлять вроде неудобно, а разобраться хочется. Наконец люди в форме явились и сразу сообщили, что в посёлке взорвался какой-то блок на какой-то подстанции, погиб рабочий. Пока выясняли, что к чему... Малышкин сразу спросил:

- Диверсия?

Лейтенант из службы безопасности ответил:

- Просто бардак. На них уже составляли протокол за нарушение ТБ. Труба лопнула.

Пожарные принялись обследовать пожарище. Мы давали показания эсбэшнику. Показали ему жестянку. Он тоже признал в ней детонатор.

* * *

Вот и вся история. Подробностей о пожаре на складе мы так и не узнали. Дали эсбэшникам подписку о дальнейшем сотрудничестве и уехали к себе в деревню. Но никто нас больше не потревожил. И с Кавказа писем больше не было. Как будто болота вокруг Пасола поглощали всё, что могло нам помешать. И эти же болота снабжают нас багульником, голубикой, сабельником, аконитом и ещё множеством знахарских растений. Мы лечим односельчан и не боеем сами. После вахтовой жизни мой режим стал более упорядоченным, и боли внутри отпустили, больше к наркотикам не тянет.

А о вахте осталось множество воспоминаний, которые мы ворошим за нардами. Зашумит где-то машина - оба вскидываемся к окну: Гриша едет за зарядами? И часто поглядываем в окна без всякого повода: не идет ли кто? И ночные бдения у нас, хоть всё реже, но до сих пор бывают. Вот тогда и садимся за наши самодельные нарды. А потом убираем их подальше на шкаф, чтобы гости не удивлялись: что за шашки? Больше всего Маша любит, когда я рассказываю о последнем своём контакте с "каштанками". Она уже сидела в машине, а я забежал к Губину попрощаться. Гены в комнате не оказалось. За столом сидели Клава с Матильдой и пили водку. Я оглядел комнату, не обнаружил Гены и уже подался назад, как вдруг Клава громко сказала: "Она, значит, настоящая женщина, а мы - никто?" Вопрос был обращён явно ко мне. Спрашивали явно о Маше. И я растерялся. Сказать правду - оскорбить сразу двух женщин. Солгать - себе дороже. Целых пять секунд я размышлял и всё же сказал правду: "Выходит так". Повернулся к ним спиной и закрыл за собой дверь. Об дверь тут же что-то ударило, и донёсся звон разбитого стекла. Машу этот рассказ всегда веселит:

- Ну не было у них ни гранатки, ни карабина!

Однажды после такого воспоминания я спросил:

- Ты вернулась бы отсюда на войну?

Она пожала плечами:

- Вернуться можно туда, где уже побывала. А я на войне не была.

- А я бы вернулся. Чтоб ты меня ещё раз убила, а потом бы спасла от шатуна.

Её глазищи округлились.

- Ты с чего это взял?

- А с того, что ты иногда разговариваешь во сне.

У неё было такое лицо, что я расхохотался. Тогда она спокойно сказала:

- Не шуми. Детей разбудишь.

24.12.2004г.

Оглавление	Стр.
Заговорённые	1
Вооружённый курорт	16
Прекрасная маркиза	45

ЯБЛОЧКО

Русская антиутопия 20.. года

"Отойдём да поглядим,
хорошо ли мы сидим".

К Человечеству

"Временно с нами могла бы справиться
всемирная коалиция гоев; но с этой стороны
мы обеспечены теми глобальными корнями
разлада между ними, которых уже вырвать нельзя".
Приписывается Ашеру Гинцбергу.

Май. Нейтральная страна.

- Выключи радио, - попросила Мария.

- Зачем?

- Целый час об одном. Надоело.

- Да ты просто не слушай.

- Как же... Скоро это будет и о тебе.

- Тогда слушай внимательно.

- Вот будешь там, тогда и послушаю. Выключи.

- Ну подожди. Сейчас будет про мост. Это очень важно.

- Не хочу про мост. Чтоб ему сгореть.

Мария сама потянулась к приёмнику, но Артур сгрёб её, навалился и начал целовать...

- Ты всё врешь, - сказала она потом. - Ты уже там. Ты не вернёшься.

- Как это?!.. А ты?!.. Ещё как вернусь.

- Так не ездят совсем.

- Рад бы, да нельзя, - Артур вздохнул, но без сожаления. - Неудобно: сын такого папы... Что подумает человечество?..

- Твоё человечество - это я. Пусть мир выкручивается сам.

- Ты не человечество. Ты - моя вселенная. И с тобой всё в порядке. А человечеству я должен помочь. Тогда и нам будет лучше.

- Нам не может быть лучше, - прижалась, горячая. - Нам хватит.

- Уже хватит? - Он снова её сгрёб. - Неужто?

- Выключи радио. Цел же твой мост.

- Чтоб ему сгореть? - Артур засмеялся и выключил приёмник.

Май. Пригород нейтральной столицы.

Макс водил машину сам. Механик только подавал её к воротам. Именно к воротам, а не к ступеням крыльца. Как механик у истребителя, Георгий всегда ждал Макса у водительской дверцы. Перед отъездом они вместе осматривали аппарат: пинали колёса, заглядывали под капот и в багажник, качали рулевое и проверяли бортовые огни. Обоим нравилось употреблять эту смесь авиаторской и шофёрской терминологии, потому что Георгий был у Макса механиком и на его спортивной "сесне", и сам хорошо на ней летал, и катер Макса на озере обслуживал тоже он. Так установилось ещё в детстве, когда они вдвоём на этих же самых аллеях и дорожках осваивали сначала велосипед, потом мотоцикл, запускали сначала воздушного змея-"монаха", потом модели планеров...

В конце аллеи у ворот Макс увидел свой заметный - для дорожной безопасности - густо-оранжевый "линкольн", но Георгий не стоял, как обычно, у левой дверцы, а помогал садовнику Гарри обрезать кусты туи. Вместе с ними орудовала ножницами и дочь Георгия, очень кстати.

Все трое не прерывали работу, пока Макс не приблизился вплотную.

- Привет, ребята, - сказал он. - Здравствуй, деточка. Ты что это не в университете?

- Да есть ещё время, - ответил за дочь Георгий.

- А вы меня подбросьте, сколько будет по пути, - Мария улыбнулась и взяла из-под куста свою студенческую сумку.

- Недолёт в один квартал тебя устроит? - Макс тоже улыбнулся. Так они говорили всегда.

- Лучше не бывает!

- Тогда устраивайся. Только не сзади. Рядом садись.

Пока они с Георгием отдавались процедуре "предполётного" осмотра, Мария их сфотографировала.

- Тратишь плёнку на стариков, - проворчал отец.

- Для истории, папа!

- Для семейной, - уточнил Макс.

- А заодно и для мировой! - Мария засмеялась.

"Знала б ты, как это близко к истине", - подумал Макс, садясь за руль.

"Именно для мировой", - подумала Мария, садясь на переднее сиденье.

Гарри тем временем махнул охраннику, тот кивнул из будки и сдвинул ворота.

Машина помчалась в город.

- Вам, правда, университет по пути? - спросила Мария. - А то могу и на автобусе.

- Мне хочется тебя подвезти, - признался Макс. - Мы ведь теперь с тобой - брошенные оба.

- Да уж... - Мария будто бы согласилась, но упрёк в её голосе Макс слышался.

Она, конечно, знала всё. Хоть и обещал Артур, что ничего ей не расскажет, не поверил тогда ему отец. И мать не поверила. Мария была для Артура не просто возлюбленной. Она была другом детства, точно так же, как её отец для Макса. Но Макс с Георгием, при всей их дружбе, удалось сохранить некую родовую дистанцию, некую субординацию, что ли. А эти вот - влюбились.

Жена тогда сказала Макс: "Ещё неизвестно, как это случилось бы у тебя, если бы на месте Георгия росла бы рядом с тобой какая-нибудь Георгина. Они красивые". "Но ты ведь - с твоей родовой - тоже не пошла бы за красивого Георгия", - возразил Макс. "Может, и пошла бы, да не пустили". "Потому что разум на месте, - сказал Макс. - А разум торжествовать обязан. Торжество разума есть торжество Божье". "Когда торжество, а когда и торжество", - она переставила ударение в слове и ушла, с явным усилием не хлопнув дверью.

Разум восторжествовал. Артуру оставалось только нежно обозначить Марии отведённое ей место и начать всерьёз подыскивать партию из СВОИХ. Однако мальчишка не устоял перед чувствами и позавчера умчался на войну, никого не предупредив, кроме своей Марии. Если бы хоть вчера да если бы знать - сидел бы он сейчас в безопасной кутузке, а к моменту освобождения и война бы уж кончилась. Да какая там война, нынче войн уже не бывает. Так, миротворческая операция, точечные удары с воздуха, потом - "голубые каски", смена режима, освобождение очередного народа... Ну, ладно эта Мария. Пролетарское происхождение, безбожница, наполовину славянка. Она и сама бы туда помчалась, под бомбы, но их комитет находит, что война горячая - дело мужское, а вот война холодная - демонстрации, листовки, "дикая" пресса - это женское. Это у них называется - расшатывание изнутри. Максимализм, неизбежная глупость молодости. Одна славянская литературная героиня тоже пыталась остановить локомотив. И что кому доказала? Что можно доказать локомотиву истории?

"Всё идёт к единому управлению планетой, - думал Макс, краем глаза наблюдая за Марией. - Без этого человечество разграбит и сожжёт собственное жилище. Но как доказать вот таким оголтелцам, что их так называемое благородство - обыкновенная незрелость?"

- Скажи мне, малыш, - из-за большой скорости он поглядел на Марию только вскользь, - может ли разум ради собственного торжества пойти на торжество?

- Это вы о чём, дядя Макс? О любви?

Она уже давненько с ним немногословна. Сейчас могла бы и договорить, но скрыла второй вопрос: о своём любимом глобализме. Вернее - о ненавистном. Придумали же словечко. Будто сами не увлекались фантастикой, где на всех планетах - единое управление.

- В широком смысле, - уточнил Макс. - В самом широком.

- А в самом широком ничего нет, - был ответ. - Всё существует только в узком. И любовь. И сословная принадлежность. И национальные интересы. А в широком смысле - одна демагогия.

Сейчас ей самая пора сказать: "Остановите, я приехала. Вон мой автобус". Но не сказала. Думает о несостоявшемся свёкре: "С паршивой овцы - хоть шерсти клок". Подвезём, конечно. И высадим за квартал до университета. И вызволим из полиции после очередного уличного побоища. И отца с работы не выгоним. Всё будет - дружески. Ибо все люди - братья. Не родные, так двоюродные. Надо лишь не забывать об этой маленькой разнице.

Макс готов был в эту минуту честно признаться, что жаль терять Марию, красивую девчушку: и умненькая, и воспитанная, и с образованием в правильных отношениях. Но кровь уже сейчас даёт себя знать. Что последует с годами? Увы, увы, разум просто вынужден торжествовать. Иначе восторжествуют его противники. Вот такие, как Мария - умные, образованные, но ослеплённые эмоциями.

Что сказать ей сейчас? Ведь за этим и посадил в машину. Да и она ведь напросилась не просто так. Перед самой высадкой, уже с открытой дверью, каждый скажет своё.

Только очень похоже, что девочка не расположена к философии. Она без рассуждений врежет ему точно в нужное место, где больнее. А больнее сейчас там, где пусто, где был Артур, где и без неё сейчас кровит душа. Артуром попрекать легче всего. И "какой ты отец", и "какой ты друг", и даже вообще - "какой ты человек". Но в том-то, деточка, и дело, что "отец" и "друг" - это одно, а "человек" - куда с добром - очень даже другое. Для Макса быть человеком - это настолько другое, что лишь несколько жителей въезжаемого мегаполиса могут себе представить... Кстати, надо сейчас в конторе проверить у спецов: "въезжаемый мегаполис" - это грамматически приемлемое сочетание слов? Если в принципе да, то пусть введут в обиход: язык жив, пока развивается.

Въезжаемый город уже обступил машину, но она не замедлила хода. Постовые на островках безопасности дружески козыряли королю прессы, который сам водит свою телегу. Кстати, называть автомобиль телегой - это ввёл в городе Макс. Ему была необходима слава языкотворца, и он её поддерживал, благо в его положении это нетрудно.

Девять минут по скоростному акведуку, съезд в университетский городок, швартовка за автобусной остановкой в квартале от нужного Марии учебного корпуса - Макс не раз её здесь высаживал.

Она открыла дверь, оглянулась на Макса:

- Спасибо, что подвезли.

Он почувствовал, что это всё, и удивлённо спросил:

- Это всё?

Она кивнула и молча ушла.

Так прощаются с врагами. Зачем же напросилась в машину? И это фото на память... Нет, для истории!.. Объявила войну? Бедная девочка...

Макс позволил себе думать об этом до самой конторы. Это было необходимо, иначе чувства могли помешать делу. Он автоматически вёл машину и не думал как-то предметно об Артуре и Марии, а просто предавался своему горю, без всяких мыслей. Что предметное можно придумать и вообще - просто думать, потеряв сразу двух любимых людей? Он любил Марию почти так же, как Артура. Он любил её, как родную дочь. А они предали его, потому что вмешался в их личные отношения. Никогда не вмешивался. А вот стали они недопустимыми, и он - не допустил. Не мог допустить - и не допустил. Будучи в здравом уме и твёрдой памяти. И с совершенно ясным представлением о том, сто было, что есть и что будет. Вот именно так: не "может быть", а "будет". Знать, что будет - это его основное занятие. Не как короля прессы, не как отца и друга, а как Человека. Вот именно так - Человека с большой буквы. Должность, а не титул. Обязанность, а не привилегия. Единичная в этом сверхгороде, редчайшая в этой небольшой нейтральной стране, неуловимо редкая на всей планетке. Думать об этом нельзя и нечего. Этим можно и необходимо только жить. Не принадлежа себе и чувствуя себя неизмеримо беднее даже вон того бродяги, что спит под мостом на газете. Хоть и выпущена эта газета, судя по размерам, наверняка концерном Макса Фришмана.

Уже на подъезде к стометровой башне своей конторы Макс обнаружил вдруг, что всё-таки одна предметная мысль в его мозг прорвалась. Предметом неожиданно оказался Адам, старший брат Марии, старший друг Артура. Дети дружили втроём и радовали всех родителей. Здоровые умные дети, здоровые, нормальные отношения, правильные жизненные цели. Но три года назад Адама пришлось вычеркнуть. Парень явно перещеголял обоих отцов в юношеской экстравагантности. Георгий с Максом носили когда-то длинные волосы и босаяцкую одежду, бродили по Европе, слегка не ладили с полицией - в общем, выпускали пар, как многие. Этот же до семнадцати лет образцово читал историю и фантастику, потом алчно учился в университете, а вот четыре года назад всё это бросил и заявил Артуру, что есть время разбрасывать камни, есть время собирать камни, но есть ещё время строить из камней. Он заявил, что человечество, в массе своей, как раз этим всю свою историю и пытается заниматься, но постоянно рождаются уроды, которым кажется, что должно быть четвёртое время - рушить построенное. Для чего они рушат - это каждый раз объясняется по-новому. Нет ничего проще, чем найти объяснение чему угодно, даже несколько. А он, Адам, видит задачу своей жизни в том, чтобы защитить построенное. И кто не с ним, тот враг человечества. Артур и Мария немедленно к нему присоединились. Правда, к чести своей, учёбу не бросили. Но помогли экстремисту так энергично, что пришлось принять некоторые меры, в результате чего Адам стал "гражданином мира", то есть, бродягой-сопротивленцем, вроде Гевары, Бин Ладена, Хаттаба и прочих оголтелых, не способных толком объяснить, за что они борются, но твёрдо знающих, против кого и против чего. Макс не был уверен, участвует ли Адам в акциях террора, но подрывные статьи, написанные знакомым стилем, Служба Слежения обнаруживала во многих периодических изданиях, неподконтрольных Совету. Вышла и книга, подписанная псевдонимом, но с названием, определённо указывающим на истинного автора - "Время защищать воздвигнутое". Макс прочёл её за вечер. Это было посильнее всех бомб, которыми обвязывают себя террористы. Мальчик писал, что мировым культурам угрожает мясорубка, в которую их уже заталкивает некое "всемирное правительство", а на выходе получается несъедобный фарш, которым все отравятся. Макс запомнилась циничная фраза: "А жрать это варево человечеству придётся, потому что больше жрать ему будет нечего - всё меню в одной посуде". Адам собрал в книжонке и засилье штампованной кинопродукции, и торговлю оружием наперегонки, и зомбирующую рекламу, и валютные авантюры, и стандартизацию всего в мире - от резьбы на гайках до вкусов на отдых и на женский бюст. Много чего разнородного собрал, но выстроил так ловко, что и в самом деле высунулись из его конструкции уши этого мифического "всемирного правительства"... На очередном заседании Совета было решено вычеркнуть автора вредной книги, а рискованное издательство - проглотить. Второе произошло очень скоро и легко, а вот найти и по-настоящему ВЫЧЕРКНУТЬ Адама не удаётся до сих пор.

Макс понял, почему мысль об Адаме прорвалась в его мозг. Парень, конечно же, напрямую связан с Артуром и Марией! Ведь нет ничего надёжнее, чем дружба с детства...

Первое, что сделал Макс, войдя в свой кабинет, это звонок в Службу Слежения.

- Моего Артура не упустили? - спросил Макс.

- Ведём, - был ответ.

- По-моему, он направляется к Адаму, - сказал Макс.

- Понято, - был ответ. И сразу вопрос: - Обоих?

Ох, это их привычное деловое хладнокровие!

- По обстановке, - Макс отключил связь и позволил себе горько вздохнуть.

А теперь, до обеда, поработать здесь, с народом. Обозначить присутствие при управлении концерном, который легко сможет хоть полвека обходиться без Макса, потому что заряжен концепциями до конца света. Вот пусть и занимаются предотвращением конца света. А Макс поработает "для истории", как выразилась сегодня эта маленькая экстремистка. Он проведёт небольшое совещание по текущему положению дел и обронит это словечко, что пришло в машине. Он скажет: "На въездах в город поставить бы такие щиты, чтоб картинка с карапузом и текст: "Въезжаемый город обожает детей и чистоту".

Главное - в обед. Это будет на свежем воздухе, у маленького костерка, на огороженном и хорошо охраняемом берегу озера. Все члены Совета съедутся без шофёров. Любое подслушивание исключается.

Конец мая. Нефтяная провинция.

- Плотно они тебя пасли, - сказал Адам, поднимаясь.

- Не понимаю, - Артур остался на корточках перед убитым, - зачем я им?

- Пойдём, - Адам сунул в сумку чужой пистолет. - По дороге обсудим. Кажется, я разобрался.

- Я не знал его, - Артур продолжал всматриваться в убитого.

- Он тебя тоже не знал, - Адам усмехнулся. - А если бы знал, думаешь, рассказал бы что-нибудь?

У них ведь тоже дисциплина. Притом наказание только одно...

- И ещё одного не понимаю, - Артур встал. - Если бог всемогущ, зачем было ему проклинать всё человечество? Сам же создал, сам бы исправил...

- Это ты о генетике? - Адам увлёк его за собой, прибавляя шаг. - Так не по адресу интересуешься. Это не к богу, это ко мне. Я всё тебе растолкую. С тобой вообще легко - у тебя всего два вопроса.

- Итак, вопрос первый, - поторопил Артур.

- И это тоже не к твоему папе, - сообщил Артур. - Это тоже ко мне. Если бы ты был так ему нужен, тебя взяли бы в аэропорту или на пароходе, ты бы тут даже на берег не сошёл. Забрали бы на авианосец, и ты бы в течение всей победоносной миротворческой операции сидел в бронированной каюте под висячим замком и смотрел бы по телевизору, как доблестные пилоты-миротворцы утешают эту несчастную страну, вдавливая в неё подлинную свободу и демократию. Ты ведь, сынок, уже знаешь, что свобода и демократия бывают подлинные и неподлинные? Правда, они бывают ещё подлые, но не будем отвлекаться. В иллюминатор - наглухо задраенный - ты бы наблюдал, как эти доблестные пилоты возвращаются на борт. Не все, правда, но в подавляющем большинстве. А когда это большинство подавило бы чужую неподлинную свободу, тебя бы на этом авианосце завезли бы домой, к любящему папёнке. И к твоей возлюбленной, моей сестрёнке, которая уже сидела бы в тюрьме за политический экстремизм, который, допустим, выразился бы в попрании какого-нибудь государственного флага тувелькой на асфальте. И освободили бы девушку при одном простом условии: покинуть столицу страны, а лучше - покинуть страну, доучиться где-нибудь, где полиция полаянее, и главное - никогда и никак не иметь контактов с тобой... Понятно, да?

Артур шагал молча. Он был сосредоточен на том, чтобы не подвернуть ногу или не рассадить лоб среди руин, по которым они пробирались. Но он, конечно, всё слышал и понимал.

- Но это - по простому семейному варианту, - продолжал Адам. - Истинное же твоё положение таково, что ты, как меченый атом, приведёшь своего родителя ко мне. Вот так, братец. Его длинный щупальце из-за твоей благородной спины в нужный момент и в нужном месте должно было нажать на спуск вот этого инструмента, который у меня в сумке. Не веришь?

- Верю, - Артур ответил отчётливо и злобно. - Но не понимаю, зачем отцу убивать родного сына. Не в обиду тебе, конечно. Чисто теоретически.

- Ах ты, мой теоретик, - Адам уже давно не улыбался, он цедил свой яд сквозь зубы и выглядел жутковато. - Пойми ты, что есть и такая философия, в которой сын родной не так дорого стоит, как власть над целым человечеством. Даже при меньшем масштабе сынов режут без колебаний. Помнишь, был в Библии такой святой, который богу в жертву хотел сына принести? Не родному человечеству, а всего лишь богу! Бог его, правда, остановил. Сказал: "Проверка была". А потом подумал и собственного сына на крест послал, на мучительную жертву. Правда, тоже пощадил в финале. А твой папёнка, хоть и не имеет божественных возможностей, посягнул превзойти

Создателя в жестокости - отдать сына в жертву почти за просто так: за одного маленького экстремиста с библейским именем Адам. Не веришь?

- Поверить готов, пожалуй. Но понять, принять...

- А это от тебя и не требуется. Уверуй, ибо нелепо!

Они достигли самой середины ужасных промышленных руин и начали спускаться в подземелье.

- Самое безопасное место, - сказал Адам. - Здесь уже бомбить не будут.

Артур промолчал.

- Итак, - продолжал Адам, - признавайся, что за черти принесли тебя сюда? Ты ведь полезнее там, гораздо полезнее, это давно решено.

Он ждал ответа до самой глубины подземелья. В конце спуска Артур остановился и сказал:

- Я, видишь ли, просто живой человек. Меня разлучили с Марией. Не мог я там больше оставаться.

Теперь замолчал Адам. Он жестом пригласил Артура продолжать движение и сам пошёл впереди. Бункер не имел разрушений и был тускло освещён каким-то аварийным электричеством. Адам мог бы идти и быстрее, он в развалинах был проворнее, но теперь, видимо, сообщение Артура заставило его задуматься. Так молча и вошли в одну из дверей длинного коридора, оплетённого кабелями и трубами.

В обширном низком помещении не было вентиляции и было полно людей. Несмотря на глубину, жара стояла такая же, как на поверхности, да ещё и духота. Все люди были вооружены, но делом занимались только немногие у стола, покрытого обширной картой, остальные просто ждали, тихо беседуя группами или молча сидя на корточках у стен. Были представлены все рода войск - от уже несуществующей авиации до бессмертной верблюжьей кавалерии.

- О нападении молчим, - сказал Адам Артуру и подвёл его к столу.

Узнав, кто пришёл, работавшие кивнули и вернулись к карте.

Артур уже через минуту разобрался в ситуации, которая там была отражена. Авианосцы в прибрежной зоне, курсы доблестных американских пилотов, перемещения местных установок ПВО, перечёркнутый местный аэродром и - подлинная, возжеленная цель "миротворцев" - район нефтяных промыслов, куда на карте не проложен ни один бомбовый курс.

Предметом обсуждения был мост. Это огромное и уникальное сооружение авиация агрессора не трогала, потому что через него только и было возможно сообщение между прибрежной территорией и нефтепромыслами.

- С воздушным десантом у них ничего не получится, - говорил тот, кто вёл совещание. - Вторым раз на такие потери они не пойдут. У них там мамы бунт поднимут, свергнут собственного президента.

Офицеры мрачно засмеялись.

Поэтому, - продолжал старший, - они ураганно обработают побережье и высадут десант с моря. Плавсредства им позволяют. Наше слабое место - разведка. Место высадки нам не узнать. Можно только вычислить, догадаться, поймать удачу, как футбольному вратарю при пенальти. На всё побережье у нас никаких сил не хватит.

- Есть ещё беспилотные средства, - напомнил один из офицеров.

- Разумеется, - ответил старший. - Но только на крайний случай. Вы видели, как они их щёлкают... И боевые пловцы наши тоже к ним не подступятся. Не наш уровень - переиграть их в технике.

- Что же предлагается? - спросил офицер в морской форме.

- Если б было, - горько ответил старший, - я бы вас не отрывал от дел. Давайте мозговым штурмом... Смотрите сюда. Все их дороги ведут к мосту. Значит, возможны три направления: вот, вот и вот. И высадка возможна сразу в трёх местах: здесь, здесь и здесь. Всё, что у нас будет перемещаться, они подавят авиацией...

- Мост надёжно заминирован, - сказал один из офицеров.

- И сразу получим две страны, - возразил старший. - Это им и нужно.

- Обсуждаем проигранную операцию, - процедил моряк.

- Что предлагаете? - Старший спросил тоном человека, знающего ответ.

- Боевые пловцы, - сказал моряк с нажимом. И поспешил, опережая возражения: - Люди сами требуют. Они хотят зайти с моря, под прикрытием рыбацких судов. Для всех очевидно: только уничтожение авианосцев решает проблему.

- До прихода других авианосцев, - сказал один из офицеров.

- А как же их мамы? - возразил моряк.

- Все ваши люди погибнут наверняка, - сказал старший. - Вместе с рыбаками, кстати.

- Рыбаки требуют того же, - ответил моряк жёстко. - Они все вместе приходили. У них всё готово - и торпеды, и расчёты. Я сам пойду с ними.

- Дорогая вещь свобода, - сказал старший после тяжёлого молчания.

- Так пусть и янки это поймут, - быстро ответил моряк. - На собственной шкуре.

- Адам, - повернулся старший, - что скажете?

Все посмотрели на Адама.

- Есть решения, - сказал Адам, - которые солдат имеет право принимать сам... Они ведь защищают свои семьи.

- От подлинной свободы, - добавил едко моряк.

Всем было ясно, что вопрос решён.

- Ваша задача, Адам, - сказал старший, - когда всё произойдёт, дать подвигу максимальную и точную огласку. На весь мир.

- Всё готово, - ответил Адам, кивком простился и увлёк Артура дальше. За этим залом следовал ещё ряд помещений, он ветвился в стороны, и везде работали люди. В духоте и при слабом свете. Они были обвешаны самым разным оружием - от пистолетов и револьверов всех систем до русских автоматов Калашникова и коротких израильских "узи". Ручные гранатомёты, подсумки и ящики с боеприпасами громоздились на стеллажах и по углам, отражаясь в экранах неработающих компьютеров.

- Почему они не снимают оружия? - спросил Артур. - Здесь же штаб, тыл...

- Опасаются диверсий, - объяснил Адам. - Нам же с тобой пришлось, совсем рядом. Да и приказ...

В этой небольшой стране тыла не было...

В одном из помещений свет горел ярко, всюду работали компьютеры, светились экраны телевизоров, шли разные программы. Там Адам задержался.

Артур сразу понял, что это его ведомство, пропаганда.

Просмотрев несколько материалов на бумаге и поговорив о них с людьми, Адам осторожно ушёл за дверь, на которой горело табло: "Тихо! Запись"

Артур услышал песню на русском языке из ближайшего телевизора и подошёл. Тот, кто слушал песню и делал на листах бумаги какие-то пометки, оторвался от работы и поднял на Артура воспалённые бессонницей синие глаза. Сказал хрипло:

- Вижу, понимаете по-русски.

Артур кивнул, пожал ему руку и представился.

- Виктор, - назвал этот человек, по виду - ровесник Адама, только очень бородатый и более худощавый. - Но вы - не из России.

Артур снова кивнул и назвал свою страну.

- А-а, голова спрута...

- Вы о чём? - Артур не понял.

- О твоей стране, браток, - сказал Виктор по-русски. - И не обижайся. Нет страны, которая не была бы дерьмом.

- Это почему же? - Артур тоже решил поупражняться в русском языке.

- Ты же, вроде, друг Адама? Значит, его философию циничную знаешь. Нет страны, которая не была бы государством. Нет государства, которое не было бы орудием насилия. Нет государственных границ, на которые не было бы давления с обеих сторон. Нет государственной идеологии, которая не ставила бы себя выше других. Страна без этих признаков - обречена. Вот же, слушай, что поёт Россия. По всем каналам - эти хрипучие голоса, блатные песни, даже от женского имени.

- Что такое - "блатные"?

- Криминал, - объяснил Виктор. - Тюрьма, зона, банда... Все эти слова знаешь?

- А "зона"?

- Зона - это лагерь за колючей проволокой. У нас это широкое понятие, до размеров страны. В России нынче за решёткой живут честные люди: окна квартир защищают решётками от блататы. А бандиты - гуляют по улицам и управляют государством. Не везёт России. Целый век под бандитами... Слишком большая...

- Почему же ты - здесь? Не патриот?

- А я - урод, - Виктор оскалился так, что Артур почему-то сразу представил его в рукопашной. - У нас вся страна - в "горячих точках", и во всех я успел послужить. И в оконцовке вышло по песне: "Где свои и где чужие? Как до этого дожили? Неужели на Россию нам плевать?" Пытался не плевать, служил честно. Но так и не понял, кому. Ушёл в отставку. А не воевать уже не могу. Понимаешь?

- Нет. По-моему, воевать - это для человека неестественное состояние.

- У-у-у, ты действительно здоровый человек - Виктор выдернул из-под стола табурет. - Садись, здоровый человек.

Артур молча сел, ожидая лекции. И не ошибся. Виктор настолько устал, что встряхнуть сознание было просто необходимо, чем он и занялся с заметным удовольствием.

- У тебя высшее образование, надеюсь?

Артур кивнул.

- Все экзамены хорошо сдал?

- Высший бал.

- И философию сдавал?

Артур кивнул, готовясь к подвоху.

- Зря сдавал! - Виктор оскалился. - Надо было себе оставить. Ты вспомни, что говорил великий философ Маркс: "Жизнь - это борьба". Так? А война - это разновидность борьбы. То есть - что? Война - разновидность жизни! Притом самая интересная.

- Для наблюдающих, - уточнил Артур. И блеснул русским словом: - Издаля.

- А это уже немало, - Виктор был невозмутим. - Особенно в эпоху телевидения. Зрелище, сопереживание, гемоглобин, так ведь? Но не забудем и об исполнителях, то есть об уродах! Вроде меня. Они рождаются для войны, в мирное время становятся бандитами, полицейскими или спортсменами-экстремалами. Врождённая агрессивность. Она есть у всех, а у этих - повышенная. Ты с парашютом не прыгал? На скалы не лазил? А с ледников на лыжах не спускался? Под воду с аквалангом не ходил? Ну, медведя из берлоги, точно, не поднимал... Но это ещё не вполне уроды. Уроду обязательно надо, чтобы в него стреляли. Уродами иногда - не очень часто - рождаются. Это - патология. А в основном - становятся. Как я. Вот видишь эти бумажки? Отчитываюсь. Я - военный советник. Называюсь. Я просто тут присел, чтобы музыку послушать. Пока отчёт пишу. А сдам его, внесу свои предложения, получу инструкции - и снова под пули. Все результаты первого американского десанта - моя работа.

- Теперь - оборона моста? - Артур блеснул осведомлённостью.

- Не-е-ет! - Виктор засмеялся. - Мост оборонить невозможно. И притом не нужно. Разве что от самих хозяев. Это ж каково будет его потом - над такой пропастью - восстанавливать! Он - часть неприкосновенной цели. Для всех, кто тут дерётся. Нефтяные промыслы, комплекс мост-нефтепровод и нефтяной терминал в морском порту - вот из-за чего вся драчка. Кто этим владеет, тот в стране и хозяин... Впрочем, это уже не философия. Это политика с экономикой. Не по нашей части. По нашей - в данном случае - погубление десантов. Один погубили, скоро будут сразу два - морской и воздушный. Это - азбука. Погибельная и для нас. А вот грамматика - у каждого своя. Кто грамотнее, тот и жив. Полагаю, в штабе сейчас решают насчёт уничтожения авианосцев подводными пловцами. На время это даст кое-что, а вот если примут мой план, эффект будет выше... Они насчёт человеко-торпед, поди, уже там договорились?

Артур кивнул.

- Вот и ладушки, - русский поднялся. - Как раз моя очередь...

Он шагнул было к двери, но вдруг с неувимой быстротой вернулся к Артуру, как-то мимоходом свалил его вместе с табуреткой и тут же исчез. Сразу распахнулась дверь, загрохотала автоматная очередь, и на Артура посыпалось битое стекло - вероятно, от телевизионного экрана, потому что русская музыка сразу прервалась. Почти немедленно замолк и автомат.

Сквозь ножки стола Артур видел, как из аппаратной выскочил Адам с пистолетом в руке, за ним парень и девушка - тоже с оружием наперевес. Они мгновенно рассыпались в цепь, но ничего делать уже не пришлось. Русский сидел на корточках перед стрелявшим и щупал у него пульс.

- Кажись, не убил, - он посмотрел на Адама. - Опять по твою душу?

- Янки хорошо им платят, полагаю, - процедил по-русски Адам. - Прости, Витюша, опять ты вкалываешь из-за меня.

- О-о-о, сколько исконно русских слов! - Виктор нежно похлопал его по груди. - Я немного и для себя старался, согласись. Да и вообще...

- Что вообще? - спросила девушка с лёгким вызовом, убирая пистолет в кобуру.

- Да так, - Виктор покачал головой. - Дурацкая какая-то ситуация. Вы - не местные. Я - не местный. Этот вот - не местный... А убиваем и местных, и друг друга. Ради чьей, бишь, свободы? А, ребята? Но ведь нравится! Всем - нравится, ядрёна вошь! Даже им самим. А почему?

- Ты циник, Виктор, - отрезала девушка. - Все герои почему-то циники.

- Я не герой, сколько тебе говорить. Я - урод... Но речь не обо мне, а о свободе. Кто-то правильно сказал: "Свобода приходит нагая". Жаль, что не я. Это очень точно: свобода - нагая... А вот какая она уходит, скажу вам я... Впрочем, Анечка, можешь сказать и ты. Ну-ка?

- Ты, Витюша, врождённый философ, - сказал Адам и одной рукой обнял девушку, а другой тоже начал убирать свой пистолет.

- И тоже весь нагой, сказал Виктор, отпихивая под стол автомат покусителя. - Так что же, Анюта, в каком виде уходит свобода?

- Она вообще не существует, - сказала девушка строго. - Ты ещё не убедился?

- Скучный ты человек, - Виктор был явно огорчён. - Если философ на тебе женится, вам будет не о чем поговорить.

- Ну почему же... - начал Адам.

- А потому что философия - это наука о несуществующем. О свободе, об этике, о каких-то категориях... Кто-то верно сказал: "Во всяком знании столько истины, сколько математики". А я добавлю, для Анюты: и физики.

- Ладно, ладно, - девушка освободилась из объятия Адама, чтобы нагнуться за автоматом. - Смотри, какой ёмкий магазин: всех хотел завалить... Так что... Витюша, какая, говоришь, уходит свобода?

- А такая же, какая приходит! - Виктор, смеясь, оторвал от разбитого телевизора шнур и начал связывать поверженного врага. - Она ведь, хоть и не существует, а всё равно когда-нибудь кому-нибудь кажется. Кто победил сию минуту, она тому и кажется. И, конечно, нагая. Победителю всегда хочется чего-нибудь нагого. Так ведь, мужики?

И обволок девушку шальным солдатским взглядом. Она на миг смущённо опустила глаза, но сразу подняла их сердитыми и сказала для всех:

- Вот она, подлинная цель всех войн! Ишь, мужичьё...

Мужичьё с удовольствием захохотало.

- Пойду, однако, - Виктор начал собирать свои размётанные пулями бумаги. - Порвал немного отчёт, гадёныш, но прочесть можно, ничего. Некогда переписывать. Не считите за труд, ребята, допросите его сами. Прямо этим шнуром, ежели неразговорчивый: вилка целая, концы... нагие... Ну, пока.

И вышел, как вытек.

- Никогда не могу отследить, - сказал Адам, - где он начинает шутить, где на серьёз переходит.

- Он всегда шутит, - сказала Анна с лёгким раздражением. - И обо всём...

- Образ жизни, - сказал тихо Артур. Он сидел на своей табуретке, сгрел ботинком битое стекло и чувствовал себя лишним.

Адам, старый старший друг, сразу это заметил. Он сказал Анне и молчаливому парню из студии, чтоб продолжали запись, а сам присел на табуретку Виктора. Когда ушедшие закрыли за собой пробитую пулями дверь, он сказал:

- Ты себя не вини. Это всё, конечно, не твоё, но раз уж ты здесь, надо жить по-здешнему. Давай допросим этого паразита - он, по-моему, уже очнулся.

Середина июня. Нейтральная страна.

Закончив короткое совещание с редакторами газет, Макс выпил яблочного сока и вызвал на связь Службу Слежения.

- Вы упустили Артура, - сказал он, поздоровавшись.

- Мы упустили их всех, - раздалось в ответ. - И всех потеряли своих. Там работают русские. Да и сам Адам...

- Зайдите ко мне, - сказал Макс.

Пока начальник Службы Слежения добирался до его кабинета, Макс по прямой связи обзвонил членов Совета и обосновал необходимость внеочередной встречи. Мастер-Вычислитель Пётр и Эксперт Алекс не возражали, Пророк Андро заметил, что оснований для особого беспокойства нет, но он, разумеется, приедет.

"Вот нервы, - подумал Макс. - Американцы потеряли два авианосца, Штаты вторую неделю в трауре, в Совете Безопасности ООН трещат копыя по поводу недопустимости каких бы то ни было вторжений, а у главного Пророка планеты "нет оснований для особого беспокойства". Впрочем, у каждого из нас темперамент должен соответствовать функции".

Доложили о приходе начальника Службы Слежения. Макс вернул на лицо невозмутимость.

Храбрый и хитрейший из тайных агентов был ещё сравнительно молод, но перед Максом не робел. Он вошёл уверенно, приблизился на расстояние корректности и указал глазами на стул:

- Могу?

Макс кивнул, и служащий спокойно сел. Если бы попросился на встречу сам, он заговорил бы ещё садясь, показывая, как ценит время. Но тут стоило молча ждать начала неприятной беседы, держа наготове единственный аргумент: "Большого сделать в этих условиях мои люди не могли". Гибель группы оправдывала всех исполнителей, но с начальника, разумеется, ответственности не снимала. От него требовалось сдержанное самобичевание, уверенная готовность к повторению действий и, пожалуй, почти скрытое сочувствие к шефу (сына приговорил!), выраженное лишь тоном разговора.

На все эти условности требовалось время, и в силах Макса было отменить их вовсе, что он и сделал, получая таким образом право на дополнительное уважение и ещё более интенсивную ретивость подчинённых. Усиливая значимость разговора, Макс обратился к начальнику Службы Слежения по имени:

- Григорий, прошу вас лично, с кратчайшего расстояния, поруководить повторной операцией. Срочность - высшая.

Практически это означало приказ убивать самому.

- Вот план, - Григорий положил перед Максом листок бумаги.

Это была контурная карта района операции, с именами основных участников, включая Григория, с направлениями их перемещений и датами намечаемых событий. Имена были, конечно, зашифрованы цифрами и цветом, но так, чтобы Макс легко всё понял.

Макс разобрался с планом в одно касание, сделал всего одну пометку и вернул бумагу. Григорий взглянул на пометку и уставился на Макса:

- Да-а-а?

Макс кивнул.

- И не боятся второго траура?

- От вас зависит, - сказал веско Макс.

- Да-а-а, - повторил Григорий. - Ну, есть... Пойду?

Макс кивнул. Он не сомневался, что личная ответственность за вторую группу американских авианосцев очень сильно поможет Григорию. Но необходима и моральная ответственность Совета, которую можно обозначить лишь одним способом. Когда начальник Службы Слежения встал, Макс тоже поднялся, подошёл вплотную и, пожимая руку, тихо-тихо сказал:

-Удачи, Мастер-Вокатор.

Глаза Григория вспыхнули всего на миг, по губам скользнула победная усмешка, он крепко, но бережно сдал руку Главы, коротко кивнул и быстро вышел. В каждом его движении Макс видел победу. Ничего другого им просто не позволялось.

Июль. Нефтяная провинция.

- Ты не удивляешься по утрам, что ещё жив? - спросила Анна, подливая в чашки кипяток.

- Я каждое утро удивляюсь, откуда у нас ещё берутся кофе и сахар, - Виктор добавил себе того и другого и стал медленно размешивать. - Удивляюсь, откуда берётся в этих горах вода. Я порой даже воздух удивляюсь.

- Кофе кончается, - Адам вошёл в пещеру, - сахар последний. Остались только галеты...

- Всё остальное течёт и не меняется, - продолжил Виктор. - Мы с Анютой про любовь к жизни разговариваем, а ты - со своими галетами. Тоже мне философ. Ну-ка признавайся, ты по утрам не удивляешься, что ещё жив?

- Я этому удивляюсь, сколько себя помню, - Адам взял свою чашку. - Я потому и стал философом. Кстати, где мой коллега?

- А куда бы я делся? - Артур выглянул из спального мешка. - По какому поводу праздник? Гляди-ка, и костёр, и кофе горячий... Даже сахар!?

- Вылазь, вылазь, боец невидимого фронта, - Анна поманила его четвёртой чашкой. - Садись, пока горячо.

- Что празднуем? - Артур подкатился к "столу" вместе с мешком да в нём и сел. - Неужели связь?

- Какая связь? - Виктор покачал головой. - Ай, боец, какая связь... Нас ведь день и ночь пленгуют.

- Какая, какая, пассивная, - Артур блеснул эрудицией. - На прослушку.

- Да ведь не с кем, - Виктор снова качнул головой. - Поверь ты наконец. НЕТУ БОЛЬШЕ НИКОГО! Здесь уже не страна, а территория, не народ, а население, не правительство... Впрочем, правительства тут и не было. Так, шарик надувной... Ну, давай заправляться и - побежали.

- Куда же? - Артур потянулся к листу вертолётной обшивки, на котором стояли чашки и котелок.

- Однако Россия будем бежать, - Виктор заговорил по-русски. - Сибирь будем скрываться. Тайга будем ходить, белка искать. Томский город - моя родина.

- Что, что он говорит? - Артур даже потряс головой. - Я так не понимаю, Витья. Какая белка?

- Анютке, вон, на шубу, - Виктор был невозмутим. - Петлём будем белка брать. Анюта, переведи ему.

- Мой русский ещё не на этом уровне, - сказала Анна серьёзно. - Шуба из белки - это мне понятно. "Белка брат" - это, по-моему, умышленная ошибка в падежах. А что значит - "тайга ходить" - не поняла вовсе. Что есть "тайга"?

- Это джунгли, сельва, дикие заболоченные заросли, - сообщил Виктор. - Только на русском севере. Что есть Сибирь, перевести?

- Про Сибирь, - Анна обиделась, - весь мир знает без перевода. Я поняла: Сибирь и тайга - это одно и то же.

- Нет-нет, не одно, - Артур жадно принялся за кофе. - Я смотрел школьный атлас с картинками. Там, в Сибири, есть и степи, и горы, там косят сено и возят на лошадиных санях. Я правильно сказал, Витья? Сани ведь - лошадиные? Или конические?

- Не Витья, а Витя, - поправил тот. - Ты сказал технически правильно, только "лошадиные сани" у нас не говорят.

- Но ведь "собачья упряжка" - говорят?

- Говорят. И "пароконная повозка" - говорили.

- Ну, это уж совсем странно, - вмешалась Анна. - "Паровая повозка" - это я могу понять - паровоз. "Коническая повозка" - не говорят, но тоже понятно. А вот пар и кони вместе - это как?

- Потом поймёшь, - Виктор засмеялся, - на месте. Пару коней запряжём и поедём - сразу поймёшь.

- Русский язык выучить невозможно, - объявил Артур с тоской. - Я уже стар для этого. В нём надо вырасти.

- А вот ваш Маркс, - Виктор мстительно ухмыльнулся, - выучил русский в пятьдесят лет.

- Не выучил, - поправил Адам, - а пытался учить. И не наш этот Маркс, а общий.

- Он всё считал общим, - подтвердил Артур.
- В том числе и женщин, - вставила Анна.
- Ну, это детали, - Виктор вздохнул над пустой чашкой и бросил её в рюкзак.
- Для тебя всё детали, - огрызнулась Анна.
- Нет, не всё.
- А что же?

- На месте узнаешь, - ответил Виктор неопределённо и достал из рюкзачного кармана карту местности. - Сюда, ребята. Вот здесь и здесь мы дали им себя послушать, поэтому вот на этой линии они нас и ждут. И следом бегут, конечно. Поэтому сейчас спустимся вот в эту неудобницу... Что? Ну, неудобное место. И будем сплавляться по речке навстречу погоне, у самого бережка, чтоб не засекали с воздуха. На чём? На берегу найдём. И по реке - до самой российской границы. А как через неё протечь, я знаю. Полная гарантия.

Через два дня. Граница на Кавказе.

- Эй, на левом берегу! Пост принял лейтенант Накада, "голубые каски" армии США.
- Привет правому берегу! На посту капрал Дизраэли, "голубые каски" Британии. Что нового, Дудзи-сан?
- Всё тихо, Сэм. Но просили посматривать на воду. Эту последнюю группу ведёт русский, хорошо подготовленный. Они шли на юг, но вдруг потерялись.
- Могут попытаться уйти в Россию?
- Они же русские...
- А-а-а, берёзки любят... Далеко до берёзок. Даже если прорвутся к нам в Азер-бай-джан (чёрт, какое странное и трудное название!), Кавказ им не одолеть, Каспий не переплыть, калмыцкие или казахские степи не пройти.
- Странные люди. Что им нравится в холодных широтах?
- Берёзки. Не веришь?
- Пустой народ.
- Большие дети.
- Ну, спокойной тебе смены, Сэм.
- Взаимно. До связи.

День прошёл спокойно. Американские миротворцы на иранском берегу Аракса к вечеру выбрались из тени, чтобы поиграть в волейбол. Лейтенант Накада с рядовыми не развлекался. В просторном помещении караульной вышки он отрабатывал приёмы боя сразу с двумя нунчаками, успевая одновременно смотреть видеобоевик и поглядывать на реку. В верховьях Аракса накануне был сильный ливень, серо-жёлтая от глины вода поднялась и выглядела грозно, кувыряя в мутном потоке сорванные с корневищ коряги.

Быстро падали горные сумерки, видимость уже стала неверной, и волейболисты всё чаще роняли мяч. Накада прервал упражнения, остановил кино и постоял на той стороне балкона, что выходила к реке. Из-за поворота несло какой-то очередной крупный предмет. Лейтенант на всякий случай встал ближе к пулемёту: большая скорость течения много времени на стрельбу не даёт.

Предмет быстро приближался, держась стремнины у дальнего, левого берега. Накада сощурился, вглядываясь, и скоро уверенно стал целиться. Солдаты внизу бросили игру и сгрудились на берегу.

Река несла плот, связанный из нескольких коряг таким образом, что он гибко повторял волнения воды и при этом не крутился и не кувырчался. Мастерски изготовленное плавсредство управлялось всего одним человеком, который сидел на "корме", вцепившись в рулевое весло, сделанное из длинной жерди.

Соблюдая однозначную инструкцию, Накада пустил первую очередь впереди плота, предлагая повернуть к правому берегу. Но пловец не дрогнул, и вторая очередь снесла ему голову. Убитый слегка завалился вперёд, но весла не выпустил.

- Сэм! - позвал Накада в радиотелефон.
- Вы в кого там стреляете? - раздалось в трубке. - Рядовой Черчилль.
- Рядовой! Это лейтенант Накада. Попробуйте поймать плот. Там труп. Возможно, пригодится для опознания. Правда, он немного без головы.
- Ясно, сэр.
- ...Через час капрал Дизраэли вызвал Накаду на связь.
- Дудзи, это Сэм. Мы поймали твой плот. Опознавать некого. Ты убил чучело. Голова была из травы, в женском чулке. Одежда - армейский камуфляж. Уловил?
- Русские, Сэм, понятно. Пробуют нас на зоркость.
- И на меткость, ха-ха... Так что светите хорошенько на воду. Но свой берег не забывайте: они могут и сушей пойти.
- Спасибо, Сэм. Вы тоже не зевайте. Бессонной тебе ночи.

- Взаимно, Дудзи. Бай!

Сэм Дизразли отложил трубку и усмехнулся: "Не пойдут они сушей. Им теперь скорость нужна".

На следующее утро. Горы Азербайджана.

- Это огромное везенье, что никого не зацепило, - сказала Анна. И поплевала через левое плечо.

- Повезло, что хороший стрелок, - поправил Виктор. - И хороший пулемёт, М-61.

- Значит, американцы, - сказал Адам.

- Какая нам разница, - сказал Артур. - Чучело жалко.

Все засмеялись. Виктор хлопнул новичка по спине.

- С крещением тебя, Артурчик.

- Да уж сколько крестили...

- Он имеет в виду не стрельбу, - сказал Адам. - Аракс, конечно, река мусульманская, но здесь когда-то была Советская Россия, так что ты этой ночью получил что-то вроде православного крещения... мусульманской водой. Так, Витья?

- Ну да. Ты, Артур, теперь не раб божий, а почти язычник - человек свободный и почти равный богам.

- Православие, - возразила Анна, - это же просто ветвь христианства.

- Формально - да, - согласился Адам. - А по сути у них тут всегда была очень живописная смесь. Деве Марии, например, поклонялись больше, чем самому Саваофу.

- И это естественно, - вставил Виктор. - Она всех добрее.

- Андрею Первозванному, - продолжал Адам, - они посвятили военно-морской флаг и поклонялись как богу. День крещения Христа у них совпадает с распутным языческим праздником: Иоанна-Крестителя они превратили в Ивана-Купалу... Мне кажется, христианские святые просто пополнили их языческий пантеон. Они туда и античного Гермеса приобщили, и египетскую Изиду... Вот вам православие.

- Право славянское, - Виктор усмехнулся. - Тут ты прав, конечно.

- Наука всегда права, - изрёк Адам с важностью по-русски. И предложил: - Не пора ли нам совершенно перейти на русский язык?

- Пора, пора, - Виктор закивал. - Bravo, наука.

- Разоружаться и переодеваться в гражданское, - добавила Анна почти без акцента, но с излишком старания, выдающим Западную Европу.

- О-кей, - согласился Артур, - то есть ладно. Как лутше, Витья, "ладно" или "хорошо"?

- Одинаково, браток. Только не Витья, а Витя. И не "лутше", а "лучше".

- Спасибо. Ты меня часто подправляй, ладно?

- Хорошо. Буду подправлять.

Все засмеялись. Всем хотелось смеяться. Всем казалось, что самое плохое - позади.

- Аньютя, - сказал Артур, - я найду тебе много белок на шубу.

- Однако, - Виктор улыбнулся лукаво, - а Мария твоя как же?

Артур помрачнел и отвернулся. Это было табу. Так шутить не полагалось даже командиру.

- Не серчай, браток, - Виктор немедленно покаялся. - Ну, прости солдафона.

- Хорошее слово - "солдафон", - процедила Анна. - Точное.

- А Марию я найду... саму, - сказал тихо Артур. - Правильно по-русски?

Начало сентября. Нейтральная страна.

Макс, как всегда, дошёл до машины пешком. Механик ждал его не у дверцы, а рядом, у куста алых роз. И манил к себе. Макс приблизился. Цветущий куст окатил его густым ароматом.

- Узнаёшь? - Георгий тронул розы.

- Даже более того, - Макс почувствовал досаду и недоумение. - Каждый день два раза мимо хожу.

- Неужели забыл запах? - Георгий всё видел. - Мы все студенты, хиппуюем в Лозанне - ты, я и Фаина. Она ещё ничья, и неизвестно, кому достанется. Дарим ей розы и загадываем, чьи возьмёт...

- Да помню, помню, конечно, - Макс оттаял. - Она взяла твои, точно такие, с этим же запахом...

- А вышла потом за тебя...

Эти слова явно сорвались у Георгия, против его желания, и возникла какая-то неловкость, неуместность, и неясно стало, зачем он вообще затеял этот разговор. "Поддался минутному порыву", - подумал Макс. Георгий всегда был излишне эмоционален. Это удивительно для человека его профессии. Но совсем не удивительно для людей его расы. Так что всё нормально, надо быстренько исправить эту несурзность, призвав другие эмоции, которые погасят вспышку.

- Да, чёрт побери! - Макс хлопнул старого друга по плечу. - Верить ли, я её до сих пор к тебе ревную! Недавно заспорили как-то о любви, а она и говорит: "Ещё не известно, за кого я пошла бы сейчас - за тебя или за Георгия". Так-то, старый ты чёрт!

Кажется, с чертями он немного перебрал, но Георгий принял тон и тоже оживился, хоть и не стал трогать шефа руками.

- Смотри, смотри, - сказал он с напускной строгостью. - Мы ещё не такие уж старые. Да и чертями к тому же были изрядными!..

Макс обхватил Георгия рукой за плечи и увлёк к машине, тот его обнял за талию - так и обошли они "линкольн", дружно пиная колёса.

- Ну, как Мария? - спросил Макс, садясь за руль.

- Перебесится, - ответил суховато Георгий и помрачнел.

Мария теперь только мелькала вдали и близко к Максиму старалась не оказываться. Она ушла из его усадьбы, переселилась куда-то в город, поближе к университету, лишь изредка навещая родителей. Так сказал Максиму Георгий. Грустно сказал.

Собственно, отношения с механиком из-за его дочери у Максима не изменились. Всё же дружба с детства - это некая самостоятельная система, которую внешние причины могут лишь несколько пораскачивать, но - не сломать. Правда, Максиму потребовался некоторый небольшой труд, чтобы убедить себя, что Мария для них обоих - нечто внешнее. Как-никак, все трое детей выросли на руках у обоих. Но всё же НЕ СВОИ дети, дети пусть друга, но не из СВОИХ, оставались для Максима чужими. И этот слишком уж образованный Адам, ставший международным террористом, и даже милая его сестра, типичная арийская красавица, слишком уж свободная да и тоже, кажется, повторяющая путь братца. Бог с ними обоими. ИХ БОГ. Поистине, больше не о ком думать...

Макс тряхнул головой, несколько сбавил скорость "линкольна" и стал думать о главном из этих троих - о сыне. Артур, как ни крути, был наследником состояния и мог, даже обязан был стать продолжателем дела. Его близкие связи с ЧУЖИМИ, участие в их сопротивленческих усилиях, даже любовная связь с одной из их девиц - всё было полезно для его становления. Как наследника и продолжателя. Для него полезно даже побыть вместе с Адамом под американскими бомбами и поучаствовать в охоте на человека - в качестве дичи. Начальник Службы Слежения правильно понял приказ, и Артур ни в одной из вокаций Службы не был уничтожен. Однако дело ушло за край допустимого: группа, в которой уцелел Артур, исчезла бесследно где-то на севере Ирана, усилия по её обнаружению прекращены.

Чисто человеческая боль в душе мешала Максиму ехать быстро. И странность: мысли всё время сбивались с Артура на Марию. Глупейшие сомнения: "Вот если бы не разлучил, если бы позволил сыну дофлиртовать до..." И до чего же? Слишком серьёзен сын: он бы на ней женился. А это - излишне. Более того - недопустимо. Женщина должна быть только из СВОИХ. Иначе - конец роду. Дело - делом, но есть же и семья. И от дела семью не оторвёшь, как не оторвёшь руки от руля на повороте. А жизнь каждого - сплошные повороты. Каждого из тех, в число которых входит Макс Фришман. А он к тому же - Глава...

"А что менялось бы, - думал Макс, - если бы отец Артура и не был Главой? Каждый из НАШИХ - в чём-нибудь да глава. Нас нет без этого. Возглавлять - НАШ удел. Вести, указывать, мыслить за всё человечество - это НАШЕ дело, каждого и любого из НАС, как бы ни был он мал среди людей. ЗНАТЬ, ВИДЕТЬ и НАПРАВЛЯТЬ. И кто из наших не с нами, тот против нас. Это не образное выражение, это - закон Природы.

Он думал об этом без той высокой гордости, которая осеняла когда-то его амбициозную, талантливую молодость. Теперь это была скорее обречённость бога, не смеющего позволить себе ничего излишне-людского. Отдать сына... Чего здесь больше: гордости, боли, долга?.. Долга, конечно. Возраст - это уже не амбиции, это долг. В каждом движении и до последнего дыхания. Долг - выше любви, сильнее жизни. Мотылёк летит на огонь, не осознавая смерти - так просто велит Природа. А Макс - осознаёт... И все, кто с ним - едины. Все вместе - Разум Природы... Только обидно, когда кто-нибудь из СВОИХ гибнет малой ценой. Артур вот, может быть...

И всё же сильно кто-то сказал: "Человеческое, слишком человеческое". Оно с возрастом донимало Максима, как ни странно, всё сильнее. Казалось бы, к старости должны гаснуть страсти, должен трудиться на полную мощь и торжествовать разум. Как предписано Человеку Природой. Но Макс уже не раз ловил себя на том, что делал ДЕЛО привычно-автоматически, по веками отработанной и с детства усвоенной схеме, а подсознание, свободное среди привычных трудов для творчества, для изобретения новых деловых комбинаций, вдруг начинало заниматься фантазиями, вовсе ему не положенными, никакими правилами не предписанными. Там варились воспоминания о молодости, запретные, давно преодоленные эмоции.

Та, что была сейчас Максиму женой, на самом деле ею не была. Она всегда умна и рассудительна, она и сейчас красива до величавости, она, наконец, до сих пор темпераментна ночами, а иногда, если случается, и днём. Но она - часть ДЕЛА. Она пришла в нужное время и заняла своё место рядом с Максимом, вытеснив ту, которой оно было в самую пору... Тогда Максиму пришлось трудно. Но он был молод и крайне амбициозен. В его разуме легко достало сил сделать то, с чем сейчас не справился Артур: отринуть страсти, включить разум на полную мощь, достойную бога, и выполнить своё предназначение - без истерики и бегства. Макс - выполнил. Не всё, далеко не всё, но уже есть вполне материальные результаты, от них выстроены вполне осуществимые планы, программы, и видна ТА САМАЯ перспектива, что предначертана... С Артуром или без Артура - ДЕЛО будет

исполняться. Артур для Макса сегодня - это то самое "слишком человеческое", то есть недопустимое, подлежащее подавлению и подавляемое. Но куда девать горечь, горечь...

Езда закончена, руки свободны для другого руля. Макс прибыл сегодня не в контору, не в город. Он там, где не ступает нога человека. Здесь место встречи богов.

Эту скромную виллу с видом на широкий альпийский луг, отороченный стеной голубых елей, за которыми высился вечно заснеженный хребет, Макс любил не меньше, чем океанский пляж, где проводили прошлую встречу. Такой же вкусный воздух, такое же просторное небо, такое же абсолютное отсутствие лишних глаз и ушей. Каждый человек любит себе подобных и не может без них существовать, но чувствует себя комфортно только с некоторыми, а то и в одиночестве.

Высокие проблемы гораздо лучше обсуждаются на природе, чем в этих прежних угрюмых залах, задрапированных чёрным сукном, в этих ритуальных фартуках, расшитых золотыми каббалистическими знаками, в этих коронах, с этими жезлами и прочей, честно говоря, цирковой бижутерией. Это - для начинающих, для приобщения к масштабам...

Теперь всё проще, природнее, пропорционально величю задач. Прочные плетёные кресла вокруг низкого плетёного стола, посреди обширной, но уютной веранды. На вершине Планеты, в центре Вселенной. Где мы, там и вершина. Где мы, там и центр. Места наших встреч так и называются - центры. Центр - Вершина, Центр - Пляж, Центр - Островок. Есть ещё Центр экстренных встреч - Крыша. На высотном здании одной из нейтральных столиц. Место не из любимых (кто любит экстренность?), но - легче и быстрее всего добираться...

Итак, все уже ждали Главу на Вершине. Он прибыл последним не из соображений престижа, просто так получилось. О личном престиже здесь давно никто и не вспоминал. Не на Олимпе, не до пустяков. "Самые малые да возвысятся" - это сказано о них.

Не было при встрече ритуальных объятий, как бывало очень давно, или рукопожатий, как потом. Даже кивков приветственных не было. Пробуждаясь утром, две руки разве обнимают собственное тело, разве пожимают друг друга, а голова разве кивает сама себе?

Макс опустился в свободное кресло, улыбнулся великим друзьям и сообщил:

- Хороша погодка.

- Создатель заботится, - отозвался Пророк Андро.

- А что обещает? - спросил его без улыбки Эксперт Алекс.

- Знамо дело, - улыбнулся Мастер-Вычислитель Пётр, - катаклизмы мировые.

- Победу, победу, - поправил Мастер-Вокатор Григорий, - много побед.

- Нам бы одну, да окончательную, - сказал Андро.

- Итак, - Макс вернул всех к делу, - что имеем в России?

- Да-а-а, - протянул Алекс. - Мало просто иметь Россию...

- Имеем проблемы, - доложил Григорий. Его теперь приглашали на Совет Экзекутивы всё чаще, и прежний налёт неуверенности с него почти сошёл. - Даже управляемость самих органов управления затруднена непривычно большими расстояниями. Нерационально большими. Правая рука не всегда успевает узнать, что натворила левая. Мечемся, но всё равно не догоняем.

- Меры? - Макс посмотрел на Эксперта.

- Мера одна, - ответил тот, - раздробление до оптимальных размеров. Вон в бывших национальных республиках СССР - справляемся. Там и нашим общинам легче.

- М-да, - согласился Макс, - общинам расстояния мешают, конечно.

- Ещё как! - подхватил Пётр. - Буквально по закону физики: влияние убывает пропорционально квадрату расстояния.

- А внедрение? - Макс обратил вопрос к Григорию.

- Не хватает людей, - был ответ. - То, что раньше происходило тихой сапой и не быстро, теперь надо делать силой, а у них, у тамошнего населения, на силу реакция обострённая. Тоже по закону физики.

- Сила вообще - не наш стиль, - сказал Алекс. - Она в подавляемых фанатизм порождает.

- На себе проверено, - Макс усмехнулся, вспомнив молодость. - Но это - эмоции. Эмоции наши, населения и прессы. А задача сегодня состоит в том, чтобы управлять территорией, не деля её. Иначе порвём инфраструктуру.

- А зачем НАМ такая ИХ структура? - Мастер-Эксперт, как всегда, горяч. - Пускай всё ложится! Будем поднимать по частям да так и поделим.

Макс улыбнулся ещё шире. Он сам был Экспертом и горячился того не меньше, даже по более лёгким поводам. Такова суть Эксперта: очевидность собственных умозаключений являет ему всех окружающих полными идиотами.

- Милый мой, - сказал Глава негромко и грустно, - там уже не просто всё лежит. Там всё растоптано и размазано, кроме одной известной отрасли. Там сейчас хуже, чем на заре большевизма. Там надо не поднимать, а отдирать, отскабливать и выковыривать. Но ведь не своими же руками. Каждый должен сам вылизывать свой зад, как та кошка в русском анекдоте - добровольно и с песнями.

- Что же сыграет роль горчицы? - Григорий сразу перешёл к делу.

- Вот об этом и посоветуемся, - Макс перестал улыбаться. - Их нельзя разрывать на такие части, которые бы не были связаны. То есть, расчленив необходимо, в этом наша глобальная цель, но - не одним ударом. Это не Гордиев узел. Григорий прав: с силой нельзя спешить. Нужно сделать так, чтобы их лидеры - сами! - призвали население разделить территорию. В интересах управляемости. Но - не разрывая связей, вот что самое интересное. Как растёт на грядках клубника? Усы-побеги сначала связывают кусты между собой, потом отсыхают, и огороднику остаётся их только удалить... Что видит Пророк?

Все посмотрели на Андро.

- Пророк, - начал тот не спеша, - видит трудности с подбором лидеров. Бо-о-ольшие трудности. Многие годы неудач породили в народе... в населении - неверие огромной силы. А поскольку этот... это население веками приучено верить не столько в себя, сколько в лидера, то и вся сила неверия теперь обращается на лидеров. Малейший промах - и лидер равен нулю. Распад Советского Союза произошёл почти естественно, по границам союзных республик. Распад же России напоминает мне превращение кристалла в песок: масса мелких кристалликов, того же качества... - Пророк замолчал и задумался. Покачал головой и вздохнул. - Нет, это не совсем удачное сравнение. Но вы меня поняли. Я вижу картину, которую почему-то очень затрудняюсь описать. Я вспоминаю почему-то старого турецкого министра, который века два или три назад сказал: "Россия нас мёртвая задавит". Это я тоже не могу вразумительно объяснить. Как объяснить чувство внезапной тревоги посреди праздника победы? Хмель пира мешает осознать тревогу... Но погодите, не перебивайте, я скажу ещё... - Андро в общем молчании налил себе воды, выпил, чуть помолчал и заговорил опять. - Главная трудность момента в том, что эти так называемые русские (Говоря "так называемые", я имею в виду их очень серьёзную шутку: "Кто в России не татарин?") абсолютно безоглядно пойдут лишь за лидерами, которых выдвинут сами, из самых своих низов. Других они обязательно посчитают нашими ставленниками...

- Нашими? - Макс один имел право перебить вот так, на полужае. - Это точное слово?

- Да, - Пророк глубоко кивнул, после чего поднял лицо к белым склонам гор. - Я ВИЖУ, что они во всём разобрались. Им кто-то помог, и они разглядели НАС. Я дважды оговорился и теперь сознательно оговорюсь в третий раз. НАРОД. Не население в России, а народ. Это - главная трудность. Массовое сознание не расплылось при разрушении кристалла. Полевая связь...

Андро замолчал, и все молчали долго. Несколько раз младший из всех, Мастер-Вокатор, делал вдох, чтобы заговорить, но так и не решился. Очень уж проста была речь старика. Очень уж легко было возразить. Слишком легко. В этой простоте и лёгкости таилась какая-то непостижимая глубина.

- Что скажет Эксперт? - спросил наконец Глава.

- Есть над чем подумать, - был ответ. - Действительно, хмель пира... Полгода оккупации... Я имею в виду миротворческие силы в России... И никакого сопротивления, хоть бы выстрел... Так охотно легли и хвостом виляют... На самом деле, впускали в пасть?... Можно и поспорить, но лучше - подумать. По сумме впечатлений есть подозрение и у меня... В общем, прошу месяц на целенаправленные размышления.

- Месяц? - Глава усомнился. - Не мало ли для исторического времени?

- Нет-нет, - возразил ему Пророк, - не мало. Историческое время, по-моему, начало сжиматься.

- Что скажет Вокатор? - Макс почувствовал, что соблюдение ритуала как никогда сейчас помогает ему сохранять самообладание.

Задумавшийся Григорий вздрогнул.

- Да-да, принимается... Для меня многое прояснилось. Задача понятна: месяц на сбор самой свежей информации, минимум активности и - ждать вычислений.

Все посмотрели на Мастера-Вычислителя Петра, который за всю беседу обронил всего одну фразу - насчёт мировых катаклизмов. Будто бы пошутил, а попал в самую точку. Сейчас он уставился отсутствующим взглядом на снежный хребет и, казалось, не слышал разговора. Но на последние слова Григория его реакция была мгновенной.

- Вычисления уже начаты. Пока аналитические, но уже с закладкой возможно-необходимых действий. По ходу сбора свежей информации будут, конечно, небольшие коррекции, но в целом картина совпадает с тем, что видит Андро. К сожалению.

- Быть тебе, сынок, Пророком, - обронил старик.

По пути домой Макса уже не мучили проблемы непутёвого сына и его необузданных друзей. В мозгу медленно, цепляя острыми углами, вращался кристалл, с которым так неудачно сравнил Россию Пророк Андро. Да нет, удачно сравнил, если самого Главу так задело. Кристалл имел почему-то форму куба с белыми, синими и красными гранями, всех по две. Ну, цвета - понятно, от русского флага. А куб-то почему? Пирамида - рациональнее... А-а-а, вот что: они масонскую символику не примут. Орёл у них - двуглавый, кристалл у них - куб, чётное выбрали, дуалисты... Лезет же в голову чепуха. Ничего каббалистического, просто чепуха, хоть останавливай машину и выходи дышать выхлопными газами... Тоже не годится. Макс добавил оборотов кондиционеру, тряхнул головой и попробовал думать о товарищах. Крепкие, сильные, умные люди. У Петра -

безусловные задатки Пророка, достойная смена старику. Но и сам старик силён: вон как мощно высказался насчёт русского кристалла! И очень образно - о его разрушении: не в пыль, а в мелкие кубики. Этакая голография: в каждом кубике - вся картина. А ещё точнее - океан: как на капли ни разбивай, как ни испаряй - всё равно сольются... Но нет, это всё - о евреях! Это они больше двух тысяч лет были каплями Божьего океана, паром Его облаков! Это они сохранили, пронесли нацию, культуру через все гонения и скитания. По силам ли это русским? Или это нам - НАМ! - не по силам раздавить их кристалл, расплескать их грязную, мутную лужу... Ну-ну, зачем же так... Будем честными: эта нация так же нераздавима, нераспескаема, как китайцы или индусы. И будем честными до конца: не свойствами воды она обладает, а - прав Пророк! - свойствами кристалла. Можно ушибиться, можно порезаться, а может и раздавить... И Эксперт высказался интересно: "впустили в пасть". Да только не в собачью, в медвежью. Это на гербе у них уродливая, чужая птица. В душе они - гризли!

И снова Макс подумал о Пророке. Снова старик был прав, когда сказал, что месяца для размышлений многовато. Сжимается, сжимается историческое время, не даёт простора для маневра... Макс это и сам ВИДИТ, недаром десять лет был в Совете Пророком и передал эту функцию самому достойному, когда был избран Главой. Кого-кого, а пророков среди нас хватает, думал Макс без всякой гордости. Нам бы столько же хороших вокаторов. Таких, как Григорий. А лучше бы - массово: ведь явно настало время великих вокаций, а у нас, как говорят эти русские, "на охоту ехать - собак кормить".

Сам Глава охотником не был, но уверенно знал, что сытая собака хорошо гнать зверя не может.

Сентябрь в России. Один из штабов.

- Отставить прессу, - сказал Голубь. - Никакой прессы.

- Но будут писать ложь, товарищ генерал...

- Запомните, майор, - сказал Голубь, - никто, никогда, ни о чём не может написать правду.

Сколько писателей, сколько рассказчиков, столько и ЛЖЕЙ. Или ложь не имеет множественного числа?

- Не имеет, товарищ генерал.

- Вот видите! А правда - имеет. Чувствуете разницу? Из многих правд складывается одна ложь.

- Или истина, товарищ генерал?

- Ха! Истина, майор, тем и хороша, что недостижима. Её можно сделать своими руками, но нельзя описать со стороны. Поэтому повторяю: и сейчас, и впредь - никакой прессы. Нехай ищут истину у неприятеля. Или в вине - в чьей угодно. А мы свою истину - просто сотворим. Народ простит, верно? Мы ж ему служим, а не прессе, да?

- Есть, товарищ генерал.

Восточное побережье Камчатки

Авианосец "Алион", плотно окружённый кораблями прикрытия, хорошо просматривался даже в полевой бинокль на траверзе острова Карагинский. Из Оссоры группу видно не было - мешал остров. Помня историю с подрывом двух авианосцев боевыми пловцами весной в Персидском заливе, командование авианесущей группы "Янки Дудль" постоянно сохраняло на рейде чрезвычайные меры против подводных камикадзе. Оба крейсера, все фрегаты и вспомогательные суда и, разумеется, сам авианосец походили теперь на краболовную флотилию, каких немало теперь браконьерствовало у Сахалина и вдоль западных берегов Камчатки. Мало того, что на всех судах напряжённо несли круглосуточную вахту сигнальщики, артиллеристы и гидроакустики, так и сами корабли были обвешаны мелкоячеистыми стальными сетями, опускающимися до глубин, недоступных аквалангистам, и оснащёнными активной сигнализацией, настроенной на движущегося вооружённого человека. Специалисты - на закрытых совещаниях - утверждали, что эти меры ничего, кроме потери хода и маневренности кораблям не дают. Высокое начальство соглашалось, но снимать сетки не разрешало, считая, что, видя защиту своими глазами, рядовые моряки чувствуют себя спокойнее. Да и остойчивость судов во время осенних штормов - повыше.

Дежурство у восточной окраины России считалось среди американских морских миротворцев почти курортным: хоть и не калифорнийский климат, зато и опасности почти никакой. Японцы вон вообще из своих портов не выходят, союзнички чёртовы. Да они практически и не союзники, а так, скорее наоборот - сдерживающая американцев сила под флагом ООН. И Хиросиму они не забыли, и Нагасаки помнят, и базы американские на своих островах едва терпят, и вообще их национализму - только завидовать. Он у них - как стальная сетка вокруг американского корабля - не сунешься, если сами не захотят. На том и процветания добились, и в массовой культуре не захлебнулись. Поистине, "Япония - непотопляемый корабль", нация себе на уме.

Потому и за японскими рыболовецкими шхунами, снующими здесь повсюду, группа "Янки Дудль" следила в оба: всё же "камикадзе" - слово самурайское.

Скоростной траулер с хулиганским названием "Сакэ-Мару" прошёл вдоль острова Карагинский, совершенно не скрывая своего интереса к американской авианесущей группе. Палубный штурмовик номер 64 пару раз спикировал на японцев, и оба раза коренастый человечек с полубака махал пилоту оранжевой зюйдвесткой. И спецовка на нём была вся оранжевая, совсем не такая, какую капитан Сансиро привык носить в штабе сил самообороны.

Когда штурмовик вернулся на палубу авианосца, капитан Сансиро вернулся в рубку траулера. Просмотрел видеосъёмку, сделанную его подчинёнными, отслушал запись американских радиопереговоров и остался удовлетворён. Его шхуна обогнула остров с севера, дозаправилась в Оссоре и немедленно ушла на родину. Очередной американский облёт ничего предосудительного в действиях японцев не выявил.

Записи американских полётов и переговоров остались в Оссоре у русских.

- Вот образцовый, правильный национализм, - сказал Виктор, глядя вслед "Сакэ-Мару". - И Сансиро этот - просто прелесть. Человек-государство. Когда смотрю на японца, вижу позади него всю Японию. Ни с кем такого не чувствую.

- Как это понимать - "правильный национализм"? - спросила Анна сварливо. - По-моему, национализм правильным в принципе быть не может.

- Только неправильным, да? - Виктор улыбнулся и подмигнул Адаму.

- Именно да, - сказала Анна. - Или обоснуй.

- Пусть тебе Артурчик обоснует, - Виктор стал серьёзным. - А мы пока займёмся подарком этого националиста.

Он похлопал по ладони пакетом с японскими записями и удалился в студию, устроенную прямо при конторе порта. Адам нахмурился и ушёл за ним.

- Нас не взяли, - сказала Анна. - Секреты у них... Ну, давай, объясняй, философ.

- Хорошо, - Артур покорно вздохнул. - Но учти, это философия Виктора.

- Знаю, знаю, - Анна усмехнулась. - Сам ты - интернационалист.

- Между прочим, - Артур был серьёзен, - в представлении Виктора...

- Что ты всё про этого Виктора заладил? Давай про образцовый национализм...

- Да от него же это идёт, - не сдался Артур. - Ты не вздыхай так тяжело. Хоть ты его и недолюбливаешь, а голова у него варит убедительно. Вот смотри, вполне приемлемая схема. Весь интернационализм, по Виктору, состоит из правильных национализмов. То есть из таких, которые высоко ставят собственную культуру, но при этом чужие культуры не ставят ниже. Помнишь, у него шуточка: "Дурак - это не отсутствие ума..."

- ...это такой ум", - договорила Анна нетерпеливо. - Дальше.

- Другая нация, - продолжал Артур, - это не хуже и не ниже моей, это просто другая культура. В самом широком смысле. Можно иметь с ней общие стандарты на болты и гайки, на единицы измерения, на размеры одежды и обуви...

- ... на объём бёдер и бюстов, - перебила опять Анна. - Это уже из Адама. Дальше! Чем, наконец, "правильный" национализм отличается от "неправильного", скажешь ты или нет?

- Да отсутствием агрессивности, - сказал Артур с досадой. - Куда ты спешишь, почему не даёшь выстроить картину?

- У тебя какой-то не мужской характер, - Анна улыбнулась ему, как обиженному малышу. - Ты любишь порассуждать, разжевать... Посмотри на этого Виктора: сказал - отрезал.

- Он - грубый славянин, - Артур вздохнул. - Другая культура.

- Ты - очень правильный националист, Артурчик. Наверно, твоя Мария - такая же. Будете идеальной парой.

- Она не такая же, - сказал грустно Артур. - Она - как Виктор.

- Да какого чёрта они там секретничают?! - Анна шагнула к двери студии. - Эй, так не годится, ребята! Это совсем неправильный национализм!

Но дверь оказалась запертой изнутри. Анна подёрнула ручку, повозмуцалась немного и вернулась к Артуру.

- Давай, философ, порассуждаем, так и быть. Японцы, значит, правильные. Они терпят нас с русскими и терпят американцев...

- И всех остальных, - Артур воодушевился. - Но они никому не позволят изменять свою национальную культуру чем-то таким, что ей чуждо. Вон, ты видела, что творится в России? Когда-то русские войска занимали Париж, и от русского слова "быстро" там появилось название ускоренных кафе - "Бистро". А недавно в Томске ты сама видела - "Сибирское бистро". Русские своё переняли у иностранцев! И не почувствовали унижения!?

- Неправильный национализм, - оценила Анна саркастически.

- Да это - полное отсутствие национализма! Это хуже аборигенства! Вместо прежнего "Продукты" - мне Виктор показывал! - они пишут на магазинах "Продмаркет"! Полурусское что-то! Это... обидно!..

- Виктору? - Анна оскалилась.

- Культуре! - Артур не заметил сарказма. - Национальная культура, конечно, должна быть гибкой, но при этом она должна быть... цельной!

- Ну, так и "магазин" - слово нерусское, - издевалась Анна. - На Западе оно означает то, что у русских "журнал" - тоже, кстати, нерусское. Не слишком ли у них вообще гибкая культура? Может, потому и дали себя оккупировать, гибкости ради?

Артур опустил голову, не находя слов. Ему было обидно за русских. Они были ему искренне симпатичны. И все эти мелочи, "шопы" и "маркеты" на вывесках нерусскими буквами, не мешали Артуру видеть подлинно русское... Хотя бы тот же Виктор: какое знание языков, в том числе и родного, сколько умений самых разных, не только военных, какая самостоятельность мышления!.. А любовь к людям! А чувство справедливости! Был бы Артур девицей, влюбился бы, а эта Анна - галета какая-то...

- Ну-ну, не обижайся, - галета погладила его по голове. - Всё я правильно понимаю. Мне просто обидно, что у них от нас секреты. Ну какого дьявола прятать от своих то, что дали чужие?! Притом чужие - о совсем чужих!

- Военная тайна, - Артур пожал плечами.

- А чья? - Анна просто сочилась ядом.

- Н-ну... вообще... Да зачем она тебе?

- Да затем, что я - боец и не люблю драться вслепую!

- А может, это драки и не касается? Или...

- Как может не касаться? - Анна готова была вспылить. - Ты же слышал, что сказал Виктору этот японец? "Операция "Янки Дудль" - вот что он сказал!

- Ну, это название американской эскадры. И что же?

- Это не просто название эскадры, - сказала Анна раздумчиво. - Это, насколько мне известно, слова из старой песенки. Её пели американские солдаты в позапрошлом, кажется, веке, когда оккупировали Мексику. Там такие слова: "Янки Дудль, держись крепче, превосходный Янки Дудль". За это мексиканцы и дали им такое прозвище.

- В общем, - попытожил Артур, - операция "Оккупация"... Что же они задумали?

- "Янки Дудль, держись крепче", - повторила в задумчивости Анна. - "Янки Дудль, держись..." Ну, Янки Дудль... Артурчик, я, кажется, начинаю чувствовать русский язык...

Москва. Дом Прессы.

- Мистер генерал, агентство "Русское слово". Будете ли вы и дальше утверждать, что командуете миротворческой операцией, когда уже весь мир знает, что благодаря вашей деятельности американские нефтяные компании захватили всю нефтедобычу в Сибири? Благодарю вас.

- Во-первых, мистер "Русское слово", мы с вами в Москве, а не в Сибири. Во-вторых, я действительно командую антитеррористической операцией на территории дружественного государства - и не более того. За действия нефтяных и прочих компаний военные не отвечают.

- Но ведь широко известно, что ваша семья держит большой пакет акций компании "Шелл", которая как раз в Сибири...

- Сержант! Удалите из зала этого провокатора! Пресс-секретарь...

- Спокойнее, граждане пресса, - сказал бесцветно в микрофон упитанный человек в русской офицерской форме. - Задавайте ваши вопросы, только не надо провокаций. С гостями так не поступают.

- Западно-Сибирское агентство "Голос", - поднялась высокая дама спортивного вида. - Мистер генерал, неужели действительно сибирский газоконденсат можно заливать прямо в бензобаки американских автомобилей? Или он годится только для танков? Меня тоже прикажете выбросить из зала?

- Граждане пресса, зачем так шуметь? Гражданка Типсина, ну зачем вы, с вашим именем, тоже провоцируете?

- А я могу предъявить свежие снимки, пусть генерал Шварц прокомментирует! - Рослая Типсина, одетая в армейский камуфляж, зашагала к столу президиума, не выпуская из рук микрофон. - И пусть нам объяснят, почему вместо нашего заслуженного коллеги пресс-конференцию ведёт этот парень с замашками постового милиционера!

Американская пехота остановила Типсину за три метра до стола. Микрофон пытались вырвать, но она подняла его над головой, и сержант не мог дотянуться. Сидевшие рядом журналисты бросились на помощь коллеге, другие начали им мешать, потасовка быстро охватила весь зал. Затрещали кресла и одежда, с пистолетным выстрелом лопнул осветительный прибор у телеоператора, стало дымно и совсем уж неприлично шумно.

- Граждане! - рявкнул в микрофон пресс-секретарь. - Наша конференция переносится на завтра, в это же время! Но попрошу подготовиться более серьёзно! Конструктивно, граждане! Повторяю, конструктивно! Отступления от темы конференции категорически нежелательны! Напоминаю, тема нашей конференции: "Армия России: полгода в союзе с международными миротворческими силами!"

- С какими, с какими? - крикнул кто-то в мегафон, перекрывая шум.

- С оккупационными! - ответили в другой мегафон.

Американская пехота, видимо, владеющая русским языком, бросилась ловить мегафонщиков. В зале началась давка.

Омск. Промзона.

На территории одного из бывших оборонных заводов Омска царило запустение. Не сновали от цеха к цеху электрокары и локомотивы, ржавели рельсы козловых кранов, не дымили высокие кирпичные трубы теплоцентрали. Однако на верхушке одной из этих труб была установлена деревянная конструкция, и бригада из трёх человек с помощью переброшенной через блок верёвки втаскивала наверх бадью, заляпанную бетоном.

Со стометровой высоты хорошо просматривалось обнесённое железной сеткой расположение американской миротворческой группы: стоянка бронетехники, склад горюче-смазочных материалов, щитовые сборные казармы, обширный солдатский клуб, хорошо оснащённый спортивный городок, стрельбище.

Главные ворота американской базы выходили к бездействующему русскому заводу, а через вторые, напротив, можно было выехать прямо на территорию нефтеперегонного комбината, который работал на полную мощность - по двум мерцающим газовым факелам, по ярким гирляндам электрических ламп, по снующим машинам и людям это легко определил бы и дилетант.

Но люди на трубе дилетантами не были. Они установили свою бадью на временном дощатом помосте, выверили её положение по компасу и ватерпасу, что-то в ней включили и начали убедительно делать вид, что ремонтируют обгорелую кирпичную кладку. Работа шла споро, без единого слова.

Когда уже достаточно стемнело, внизу, на территории завода, началось осторожное движение. Сначала от одного цеха к другому двое рабочих протащили стальной трос с крюком на конце. Потом в обратном направлении этот трос, уже без участия людей, перетащил танковую гусеницу. Потом следом прошли те же двое и снова потащили трос через двор, не говоря при этом ни слова.

Забайкалье. Под Харанором.

В распадке между двумя сопками на российско-китайской границе съехались два командирских вездехода. Два молодых офицера обменялись рукопожатием.

- Меня зовут Фан Ю-Вэй, - представился китаец.

- А меня - Фан Хамзин, - улыбнулся россиянин.

- Фан Хам-Зин? - Китаец переставил ударение на конец фамилии. - Русский с китайским именем?

- Я не русский. Я - башкир. Имя Фан у нас было всегда.

- Вот так аринтер! - воскликнул китаец. - Признайся, тебя с таким именем нарочно послали, для верности?

- Не без того, - Фан-башкир продолжал улыбаться. - Откуда русский знаешь?

- Что, хорошо знаю?

- Да подходяще.

- Вашу академию Фрунзе кончал. Перед самой оккупацией.

- Значит, и тебя послали "не без того"?

Оба засмеялись.

- Ну, тогда - к делу, - сказал Фан-китаец. - У них же спутники, следят...

- Боишься, коллега?

- У-у-у, ещё как!

Оба почему-то снова засмеялись.

- Ну, тогда - к делу, - согласился Фан-башкир. - Что вы придумали?

- Мало-мало помочь хотим по-соседски, - восточный человек сощурился лукаво. - Старые соседи всегда лучше новых. Они привычнее.

- Как вы себе представляете помощь?

- Очень просто, тёзка. Изобразим у ваших границ такую активность, чтобы янкам не захотелось к нам отступить.

- Ха! А вы уверены, что им придётся отступить?

- Н-ну, в лучшем для них случае. Мы же, говорю, своих соседей знаем. - Китайский Фан чуть помолчал и добавил со значением: - И понимаем.

- Почему же столь важный разговор - на капитанском уровне?

- Ну-у-у, коллега... Не думай, что мы только понимаем хорошо. Мы и знаем достаточно. Эта военная тайна имеет международный характер: капитанский уровень - самый патриотичный.

Оба снова засмеялись. Доверие было достигнуто. Началось совещание о деталях возможной операции. Длилось оно недолго. Два Фана расстались друзьями.

Северный Кавказ. Граница.

Загадочное слово "аринтер" звучало на российских границах не раз, но произносить его старались незаметно для американских миротворцев. Тем не менее на одной из горных застав Дагестана в ту сухую осень разговор на эту тему между американцами состоялся.

- Билл, - сказал один сержант другому, - ты в своём Форт-Брэгге слышал такое русское слово - "аринтер"?

- А с чего ты взял, что оно русское?

- Помнишь, в середине лета мы тут пропускали четверых русских беженцев из азербайджанского плена?

- Да ты что, Джонни?! Их сколько было, тех беженцев?! Что ин день - десятками, а ты - четверых...

- Ну, там были три парня моложе тридцати и девка очень красивая. Такая образцовая славянка... Гретхен такая...

- Что ты городишь, нет на свете образцовых славян. Есть образцовые ниггеры, не при них будь сказано, есть образцовые китайцы, они же корейцы, японцы, вьетнамцы... Особенно есть образцовые мулаточки...

- Кончай, Билл, я серьёзно. Ты должен был их запомнить. Все были очень худые...

- Да все беженцы худые.

- ... а один парень нам показался евреем...

- И евреи образцовые бывают. Они же арабы...

- ... а они сказали, что он - армянин!

- И образцовые армяне тоже бывают. Они же грузины, азеры, черкесы...

- Билл, чёрт бы тебя побрал, хватит дурачиться! Я о деле спрашиваю.

- Ты спрашиваешь не о деле, а о слове. Слово было вначале. А потом - дело. Так сказано в Ветхом завете, он же - Талмуд...

- Билл, я доложу майору Джексону, что ты пьян на посту.

- Ой, только не майору Джексону! Он же образцовый ниггер, не при нём будь... Ну, всё, всё, Джонни, голубчик, скучно же... Ну не слышал я такого слова. Как ты говоришь: "Аринтер"?.. Ни-ког-да! А в чём дело, собственно?

- Когда эти четверо проходили русский блок-пост, я случайно оказался рядом. И услышал, как один из этих беженцев сказал русскому пограничнику это слово.

- А что ответил пограничник?

- Он только кивнул. И сразу повернулся ко мне. И сказал, что этих четверых можно пропускать.

- И всё? Да у тебя мания преследования. Разве не может это слово означать какое-нибудь местное или жаргонное приветствие?

- Я проверял. Нет такого слова.

- И на этом основании ты один раз услышанное слово объявляешь - чем? Паролем? Чьим? Наркомафии? Джонни, ты - маньяк. Я сдам тебя майору Джексону.

- Я сегодня, слышишь, Билл, поймал это слово ещё раз.

- А русские говорят: "Слово - не птичка, вылетит - не поймает".

- Ты опять за своё? Не утомляй меня, Билли...

- Вот теперь верю! - Билл внезапно стал серьёзным. - Итак, что было сегодня?

- Когда мне стало ясно, что этого слова у них нет в бытовом обиходе, я постарался быть сегодня поближе к русским. И дважды беженцы произносили его отдельно от других слов и без связи с ними. Билл, это очень похоже на пароль.

- А как выглядели эти беженцы?

- Вот-вот, в самую точку! Они выглядели, как те четверо - молодые и боеспособные!

- Ты забыл сказать - худые.

- Эти худыми не были.

- То есть, когда они дрались против нас на стороне арабов, худых хватало, а когда мы арабов умиротворили, с имиджем стало потруднее...

- Сейчас мы умиротворяем русских, - напомнил Джон.

- Интересно, - Билл опять перешёл на иронический тон, но это уже не походило на шутку, - что они станут делать со своими глазами, когда мы примемся за китайцев?

- Это ещё не скоро, а сейчас...

- Зря так думаешь, - возразил Билл. - Русские говорят: "Куй железо, пока раскалено".

- ...а сейчас, - продолжал Джон, - мы можем спросить у самого русского, что означает "аринтер".

Вон он идёт, прямо к нам.

- Кстати, пока он идёт: ты это слово не пробовал прочесть в обратном порядке? Они это любят...

- Пробовал. "Ретнира" - тоже бессмыслица... Привет, Алексей! Как идёт?

- Хелло, ребята! У солдата, друг мой Джонни, служба идёт всегда. Особенно когда он спит.

Коллеги охотно засмеялись.

- У тебя к нам дело, Алексей?

- Пока нет, Билл. Но я увидел, что вы разговариваете обо мне, вот и решил подойти: вдруг помощь нужна.

Глаза русского пограничника смотрели весело, но было ясно, что видеть они очень даже умеют. Американцы переглянулись, и Джон, у которого вдруг отнялся язык, кивнул Биллу: говори, мол.

- Пустяк, Алексей, - сказал Билл. - Изучаем русский язык. Не можем понять слово...

Билл сделал паузу, ожидая вопроса, но русский молчал и только поощрительно улыбался. Пришлось продолжить самому.

- Что означает "аринтер"? - сказал Билл не без усилия. - Или я неправильно произношу?

- Может быть, "ориентир"? - смалодушничал Джон.

- Нет-нет, Джонни, ты расслышал правильно, - Алексей сощурился испытующе и слегка насмешливо. - И твои подозрения, коллега, совершенно правильны. "Аринтер" - это пароль. Мне уже разрешено объяснить его вам, потому что к вам двоим он имеет прямое отношение. Вы ведь оба - англосаксы?

- Мы - американцы, - веско ответил Джон.

- Нет такой нации, ребята, - русский говорил тоном старшего, тоном профессора перед студентами, при этом оба сержанта ощущали себя под гипнозом, хотя совершенно осознавали ситуацию и чувствовали, что в любую секунду могут послать этого... как его... прапорщика подальше и отойти в сторону. Но посылать и отходить не хотелось: запретный плод сладок, а русский задел такое, о чём в свободном мире говорить не принято.

- Этой нации больше двухсот лет, - возразил Джон и не стал продолжать, чтобы русский не передумал насчёт пароля.

Но того проницательность не подвела, он видел американцев насквозь.

- В Советском Союзе тоже всех пытались называть одной нацией, - Алексей перестал улыбаться даже глазами. - В вашей стране полно нацизма и расизма. Вы прекрасно это знаете. Потому и молчите об этом - вы же патриоты. - Сержанты немедленно кивнули. - Я с вами говорю не как белый человек с белыми. Белые тоже разные. - Сержанты кивнули. - Так вот, "Аринтер", парни, это Арийский Интернационал. То есть, не беспокойтесь, ваши интернациональные чувства затронуты не будут. Я только внесу уточнения, чтоб вы поняли, что СВОИХ опасаться не надо. Кто при переходе границы говорит "аринтер", тот идёт помогать своим братьям-арийцам против захвата мира левитами...

Он замолчал, ожидая вопроса, и вопрос последовал немедленно.

- Кто такие левиты? - спросил Джон. - Евреи, что ли?

Русский опустил голову низко и медленно ею покачал. Потом поднял к американцам совсем не солдатское лицо и сурово произнёс на хорошем английском:

- Вот что, парни. Давайте уж до конца начистоту. И я не прапорщик, и вы не сержанты. В Корнельском учились? Признавайтесь, я ведь по выговору слышу. Там у вас ещё рядом с университетом - штаб-квартира ЦРУ, не перенесли её?

Сержанты переглянулись, очень забавно - разом - сделали глотательное движение и кивнули точно так, как русский прапорщик кивал беженцам, произносящим пароль - коротко и понимающе.

- Время ещё есть, - продолжал Алексей, - можно и поболтать. Пошли под грибок, покурим и пощебечем.

Все трое не курили, но ноги сержантов явно не держали. Сидя говорить было куда способнее. Квадратом стоявшие лавочки позволяли сидеть лицом к лицу.

- У вас уже есть вопросы? - спросил Алексей, едва сели. - Потом? Ну, тогда - за дело... Упрощённо говоря, гипотетическая история человечества начинается в Египте. Некие пришельцы с очень вытянутой околосолнечной орбиты разбились при посадке свой корабль, построить новый своими силами не могли. Времени до возвращения их планеты в приемлемую близость к Земле было навалом - пятизначное количество лет - и они попытались создать себе помощников из местных обезьян типа "гомо-эректус", прямоходящих. Генная инженерия, предположительно, у них была с собой. Опуская детали, опуская с тысячу лет, обнаружим, что планета уже заселена нашими предками, похожими на пришельцев, но с серьёзным изъяном: создатели имели настолько чистые гены, что безвредно размножались между собой, не боясь кровосмешения, а земные человеки от этого начинали вырождаться, плодили уродов. Конечно, пришельцы и с ними совокуплялись - интересно же, что получится. И получалось. Вполне успешно. У гибридов генетика была лучше, но всё же не та... Это, парни, гипотетическое вступление, а по-русски - присказка. Дальше можно о сути. Улетели пришельцы или вымерли, не дождавшись своей планеты, неизвестно. Есть признаки того, что они либо поубивали друг друга либо были истреблены восставшими человеками. Это всё нам сегодня не важно. Суть в том, что их прямые потомки жили подолгу, дольше обычных людей. Они сохранили некоторые знания пришельцев, держа их втайне, и благодаря этому имели власть над всеми, до кого могли дотянуться. Пока были у них летательные аппараты, это получалось и в Евразии, и в Африке, и даже в Америке. Потом ослабли знания, поломалась техника, а новую создать не удалось, потому что тайные, коренные знания ушли вместе с пришельцами. Тогда властители обосновались среди египетских пирамид и в Междуречье, в центре своей бывшей

навигации, и стали именовать себя левитами ("летающими", по-нашему, да?), а управляли всего одним народом - египтянами. Вокруг шли войны из-за собственности, но было замечено, что объяснения этим войнам давались, так сказать, "благородные": "Ваши боги - неправильные, молитесь нашим богам и подчиняйтесь нам, со всеми вашими волами, жёнами и рабами". Природно умнейшие, левиты прикинули, каким сложится будущее у такого человечества: за тысячи лет научные знания разовьются до уровня покойных прародителей (теперь - богов!), но причины войн останутся прежними, а характер войн станет губительным для всей планеты. Может, даже и не было пришельцев, а просто развились до самоуничтожения: есть же где-то там, под Баальбеком, следы ядерного взрыва. Нам важен ход событий от НАШЕГО начала. Выход левиты придумали простой: вернуть планете единое управление, которое запретило бы войны. Но чтобы добиться такого мира, следовало сначала хорошенько повоевать. Да при этом не утратить контроль над ситуацией. Каким же образом? Создать тайное мировое правительство, которому очень долго будет не по силам запрещать войны, но которое сможет их направлять и контролировать, ослабляя то один народ, то другой, никому не позволяя достичь мирового господства, а только примиряя между собой всех этих Киров, Пирров, Македонских, Наполеонов, Чингисханов и прочих. Потому что не было у человечества готовности к единству. Так сказать, основной вопрос цивилизации... Но как мировому правительству, сидя в одном месте, уследить за всем человечеством, всех уконтролировать? И придумали: нужен умный, талантливый и жертвенный народ-инструмент, который вошёл бы во все другие народы, смешался бы с ними, как масло с водой - растекаясь всюду, но не теряя собственных свойств. Дальше вам известно, дальше - по Библии, которую и написали левиты. Сначала Ветхий Завет - для своих евреев, потом Новый Завет - для будущих христиан. Я не говорю о других религиях, родившихся до и после Библии. Во всех основа едина: не согреши. И грехи во всех практически одинаковы. В общем, чувствуется одна рука... Уже есть вопросы?

- Пока один, - сказал Джон. - Почему выбрали именно евреев?

- А просто потому, что был выбор, - ответил Алексей мгновенно. - Могли выбрать и их врагов, ариев. Но это, предполагается, было труднее, потому что арии были осёдлые, а евреи кочевые - торговцы и скотоводы. Их было легче отправить с сорокалетний поход для выработки единства. От этой разницы потом и пошла легенда про земледельца Каина и пастуха Авеля. Боженьке-то мясные жертвоприношения нравились больше. Так у них и вышло, что арии хуже евреев, богоизбранного народа. Вот боженька и позволил евреям вырезать всех местных в земле обетованной, в завершение похода. Но арии сопротивлялись. И тогда специально для них было выдуманно христианство. Апологетом сделал одного из пророков, которых тогда бродило много, как всегда бывает перед большими историческими поворотами. Про него сочинили несколько жизнеописаний, причём в свиту ему дали одного из своих, по имени Левий... Ну, это тоже - предположительно. Главное, что религия Иисуса имела этаким протестный характер, а бунтовщикам ведь того и нужно. И когда этот клапан сработал и пар будто бы вышел, то оказалось, что евреи очень уж провинились перед богом-отцом, когда распяли бога-сына. Евреев надо было теперь наказать давно запланированным изгнанием, чтобы опылить ими уже осёдлое человечество. Пусть внедряются и готовят мировое господство для левитов, чьи потомки бережно сохраняют тайное знание и великую идею о Едином Человечестве с Единым Правительством - всё с большой буквы. Такое тайное правительство всегда существовало, начинало и прекращало войны, готовило и проводило революции, присматривало за техническим прогрессом, чтоб не зарывался... И сегодня мы с вами участвуем в завершающей операции по умиротворению Человечества. Вашими, парни, руками... Я надеюсь на вашу образованность, поэтому очень многое в этой истории опустил: и о кочевниках-ариях, которые породили пророка Магомета, создавшего из христианства ислам, и о преобразовании христианства в коммунизм, самое интернациональное из всех учений, и о параллельных движениях в буддизме, и о теософии, о Живой Этике - всё это игра в одни ворота. Вы же в молодости читали фантастику о космических путешествиях? Ну, или кино смотрели... Помните, куда бы земляне ни прилетали, везде одна власть на всю планету? Социальный заказ, парни, только незаметный такой, ненавязчивый: мол, прекрасное неизбежное будущее. Вроде нынешнего глобализма. Если некуда деться от единых технических стандартов, значит, и на всё остальное они нужны, на все культуры...

- А культурам стандартизоваться неохота, - в тон ему продолжил Билл.

- Стандартизованная культура, коллега, это уже не столько культура, сколько цивилизация, - Алексей вздохнул. - В чём их различие, знаешь формулу?

- Культура есть часть цивилизации, - отозвался Билл.

- Притом лучшая, - быстро добавил Алексей. - Поэтому формула звучит так: "Культура помогает людям быть личностями, а цивилизация старается сделать их массой".

- А с народами как? - Джон не скрывал сомнения.

- То же самое, - Алексей отвечал по-прежнему быстро. - Грубо говоря, возьми несколько культур, пропусти через мясорубку - получишь цивилизацию.

- Убедительно говоришь, - Джон заметно сомневался. - Только давай переходить от философии к нашему блок-посту. Чем для нас всех чреват действия этого вашего "аринтера"? Будем стрелять друг в друга, как русские и немцы во Второй мировой войне?

- Во! - Алексей восхитился. - У нас это называется - брать быка за рога.
- Чтоб не бодался, - добавил Джон с вызовом.
- Будем ли мы, арии, стрелять друг в друга, - Алексей заговорил очень медленно, - это зависит он нас самих. Ведь не мы к вам в Штаты пришли со своим порядком, верно?
- Вы нас позвали! - Джон возразил быстро и почти с обидой.
- Кто, я? - Алексей оскалился.
- Ваше правительство! Оно отвечает за вас...
- Так вот, мил человек, - оскал русского стал вполне приветлив, - мы за своё правительство отвечаем тоже. САМИ! Ты меня хорошо понимаешь? Здесь, в России, актуален только один вопрос - РУССКИЙ. И никакие другие вопросы главнее быть не могут.

Настало весьма продолжительное молчание. Быстрый горный закат уже залил ущелье мраком, хотя небо ещё было светлым. Появившаяся с российской стороны колонна машин шла с зажжёнными фарами. Она была ещё далеко, но шла быстро. Лучи фар хлестали по голым скалам, но до сидящих под грибком людей ещё не доставали.

- Вот и наши, - сказал Алексей.
- Те, которые отвечают за своё правительство? - Билл сощурился понимающе.
- Те, которые отвечают за свою культуру, - был ответ.

Вокруг острова Карагинский.

Облёты камчатского побережья выполнялись по боевому расписанию без всяких скидок, поэтому штурмовики, отделяясь от палубы авианосца, пугающе проседали в воздухе под тяжестью полного боезапаса. "Алион", волоча свои тяжкие сети, шёл в это время самым полным ходом, чтобы добавить взлетающим машинам хоть немного воздушной скорости.

На штатный облёт уходили парами, а если появлялась морская мирная цель в пределах прямой видимости, допускался взлёт только одной машины - всё экономия горючего. Времена на планете такие, что даже победителю приходится думать об экономии.

На ходовой мостик доложили, что японская шхуна "Сакэ-Мару", которая регулярно проходила всегда сначала мористее острова Карагинский, потом огибала его с норда и проливом выходила на зюйд, сегодня идёт прямо в пролив.

- Вероятно, горючее на исходе, - предположил вахтенный офицер. Однако приказал поднять в воздух машину номер 64, пилот которой уже знал в лицо всех на этой шхуне. И, кстати, всегда отмечал, что не очень-то рыбацкий вид у этих японцев - слишком новая и чистая спецовка, будто на военном параде. Поэтому ему так и сказали перед вылетом: "Шестьдесят четвёртый", вам принимать парад у входа в пролив". Это было сказано по громкой трансляции, и на палубе воцарилось веселье, потому что доклады пилота Уотсона об этой шхуне всегда сопровождалась смешными комментариями и давались по трансляции, чтобы народ не скучал.

Покинув палубу авианосца, штурмовик Уотсона - "ради разнообразия" - не стал набирать положенную высоту, а показал класс - у самой воды, используя "экранный эффект", быстро, как глиссер, набрал скорость да так и ушёл с хвостом из белой пены за остров, куда уже скрылась "Сакэ-Мару".

Из палубных динамиков сначала неслась глупейшая, но любимая Уотсоном песенка: "Цель в самолёте широка, в неё вплывают облака, пилот глядит бесстрашно вдаль и что есть силы давит на педаль". Потом прозвучал только один комментарий бесстрашного пилота: "Ишь, союзнички, за бугор спрятались..."

На этом шоу прекратилось. Самолёт скрылся за "бугром", и почти сразу все корабельные акустики группы зафиксировали в той стороне взрыв, а из динамиков на палубе "Алиона" вырвался глухой, раскатистый треск.

Несколькими минутами раньше в начале взлётно-посадочной полосы оссорского аэропорта, у борта палубного истребителя класса МИГ, только что выкаченного из малозаметного капонира, шла беседа мужчины и женщины. Техники и механики готовили машину к взлёту, а эти двое стояли одни в сторонке, чтобы им не мешать, но и оставаться как можно ближе.

- Это всё? - спросила Анна.

- Это всё, - ответил Виктор.

- Ты уверен, что справишься с машиной?

- Я в ней уверен, сам готовил. - Виктор помолчал и вдруг засмеялся. - Анюта! О чём мы болтаем?! Мы ведь больше не увидимся, ты это представляешь?

Анна, до сих пор смотревшая под ноги, шагнула к нему и подняла лицо. Более угрюмых глаз Виктор никогда не видел, даже в лагерях курдских беженцев.

- Витья, а может, всё зря? Может, здесь уже ничего не спасти? Может...

- Вот так, девочка, вот так, - он взял её за плечи и притянул к себе. - Хорошо говоришь, это мне и нужно. Я хочу, чтоб сейчас была женщина, ради которой я всё это сделаю. У нас с тобой всё было правильно, даже здорово. Без пошлости. Знаешь, эти гады сделали пошлость нормой, хорошим

тоном, а я её всегда ненавидел. Я не из этого века. И ты, пожалуй, тоже. Давай встретимся в СВОЁМ времени. Там нам будет хорошо и всё можно. Но ты не спеши за мной. Уцелей сейчас, ладно? Обещаешь?

- Ты очень этого хочешь? - Анна изо всех сил обхватила его руками.

- Это - самое главное. Я подожду тебя - ТАМ... Всё. Идут.

Подбежал техник-капитан.

- Готово! До взлёта - три минуты.

- Есть, - сказал Виктор. - Всем - в укрытие! - Прижался губами к уху Анны. - Надеюсь, мы ещё ТУТ увидимся.

Она оторвалась от него и побежала к вышке диспетчерской, которую военные превратили в свой стартовый КП.

Виктор быстро поднялся в кабину. Силовая установка уже была запущена. Вместо шлемофона он надел только наушники и ларинги, проверил связь, закрыл фонарь кабины и сразу начал разбег.

Анна наблюдала за его взлётом до отрыва от полосы и сразу перевела мокрые от слёз глаза на остров. Он горой высился вдалеке, на его фоне был легко различим белый бурун за кормой японской шхуны. Где-то там же, у фарватера, притаился рыбацкий катерок, с которым они не поддерживали радиосвязи ради секретности. Катер прибыл на свою позицию перед самым рассветом: в проливе оккупанты рыбалку не запрещали.

Правее острова Анна вскоре увидела самолёт, который мчался очень низко и свернул вслед за шхуной. Вот самолёт вошёл в тень горы, вот там сверкнуло. Докатился грохот, и самолёт Виктора, который летел к острову, тут же блеснул в развороте треугольником крыла и продолжил полёт американца. Бурун за японской шхуной не опал, но она сразу повернула к Оссоре.

- Bravo, Адамчик, попал, - сказала Анна. Затем она покачнулась, и два русских офицера отнесли её на топчан.

На авианосце ждали, что с секунды на секунду штурмовик Уотсона привычной "свечкой" взмлет над островом, и над палубой прозвучит его иронический доклад, что-нибудь вроде: "Отбомбился в упор, но промазал". Однако самолёт появился на той же предельно малой высоте из-за северной оконечности острова, сразу начал разворот "блинчиком", а изменившийся голос Уотсона хрипло запросил аварийную посадку.

Корабль шёл подходящим курсом, вахтенному офицеру только осталось отдать команду в машинное отделение, чтобы предельно увеличили обороты, а всем остальным - всего два слова: "Аварийная посадка!" Впрочем, запрос Уотсона почтеннейшая публика и так слышала по громкой трансляции. "Концерт закончен, - сказал кто-то на палубе. - Начинается смертельный номер. Только одно представление. Проездом в Штаты через Камчатку". Шутку не приняли.

Бедствующая машина Уотсона приближалась на уровне палубы. С такой высоты не садятся. Последовала команда с мостика: "Шестьдесят четвёртый", постарайтесь выполнить посадочную глиссаду, доберите хотя бы сотню футов". "Есть", - отозвался пилот и выполнил команду легко и точно.

Прошли секунды, и стало ясно, что на посадку идёт чужой. Это был, по всем признакам, русский палубный МИГ, почему-то не разобранный на запчасти, не отправленный в Голливуд для исторических съёмок, не расстрелянный на учениях как беспилотная мишень.

Посадка была неизбежна, оставалось только принять меры к тому, чтобы она не превратилась в столкновение. Было почти ясно, что Уотсон упал за островом, и это падение связано со взрывом. Но сбил ли его этот МИГ или наоборот, лётчик, говорящий по-английски, видел трагедию и летит с объяснениями? Что бы там ни было, а принять этого нахала следовало, для начала, как президента Соединённых Штатов, чтобы уцелел.

МИГ рассчитал посадку ювелирно, плотно и мягко опустился на самый край палубы и сразу, страхуясь, выбросил оба посадочных парашюта, которые, конечно, не понадобились: опытная палубная команда приняла его образцово.

Машину обступили, подкатили трап для пилота. Но он не поднимал фонарь и не двигался. Он на хорошем английском через невыключенную громкую трансляцию заявил, что все должны отойти от самолёта, поскольку у него на борту ядерная бомба мощностью в двадцать килотонн тротилового эквивалента. Пилот заявил, что он - русский камикадзе, но уничтожать собирается только матчасть авианесущей группы "Янки Дудль". "Все корабли, - уточнил он, - за исключением спасательных плавсредств, на которых вам надлежит в течение трёх часов убраться отсюда подальше. Никаких вертолётов и самолётов, леди и джентльмены. Всем на равных, водным путём. И предупреждаю: любая попытка уничтожить меня или захватить самолёт закончится немедленным ядерным взрывом, сгорите вместе со мной... Если мои условия будут безупречно выполнены, дам вам ещё два часа. Командир, прошу вас, прикажите эскадре застопорить ход и встать на якоря. И передайте на корабли всё, что следует выполнить. Палубную трансляцию прошу не выключать: пусть ваши люди знают всё. Пока они будут спускать плавсредства и грузиться, я готов отвечать на любые ваши вопросы. Только давайте без демагогии - с духами это бесполезно".

Чуть подумав, адмирал Вайс выполнил все требования русского духа, остался на мостике один и начал задавать вопросы.

- Вы русский, сэр?
- Да, адмирал. Зовите меня Виктором.
- Скажите, Виктор, на острове и в Оссоре люди обречены?
- Нет, адмирал. Уже идёт эвакуация. Разве ваши пилоты не отмечали в эти дни увеличение автопарка?
- Отмечали... Что стало с нашим пилотом? Он погиб?
- Его вежливо сбил наш снайпер. Я это видел, когда взлетал. Уотсон жив и сейчас уже должен быть в Оссоре. Потом его вернут домой.
- Как назвать то, что сейчас здесь происходит? Устрашающий теракт? Или начало войны между Россией и США?
- Третье, адмирал. Военный переворот в России. Если сами Штаты не захотят, воевать с вами не будем.
- Но уничтожение группы "Янки Дудль"...
- Ваше правительство должно быть убеждено, что мы не потерпим чужого вооружённого вторжения. В России хозяева - русские.
- Так взлетайте, Виктор! Даю слово офицера, что эскадра немедленно покинет территориальные воды России.
- Это не вопрос, адмирал, это демагогия. Но я вам отвечу, один раз. Меня не устроит даже слово вашего президента. Янки Дудль - тот, из песенки - уже второй век считает себя хозяином мира и позволяет себе жандармские действия. Иран, Ирак, Югославия, Афганистан, Япония, Корея, Вьетнам, Колумбия, Панама... Да адмирал, вы этот список знаете лучше меня. За Россией в нём стоит Китай, так ведь? А потом и собственные союзники. Глобализация...
- Вы - антиглобалист?
- Нет. Я просто патриот своей культуры. Признаю общие стандарты, обмен технологиями, наукой... А вот когда растаскивают наши природные ресурсы, помогают нам вымирать, присваивают наших учёных и художников, а нам, простым обывателям, швыряют отходы чуждой нам кинопродукции, музыки и литературы, залежалые консервы и товары - вот такая глобализация, сэр, больше на колонизацию похожа. А сейчас вам позволили прямую интервенцию. Но у нас забыли спросить, вот нам и приходится возражать так категорично.
- Ценой собственной жизни... Вы - сильный человек, Виктор.
- Спасибо, адмирал. Скажите своему конгрессу и президенту, что я тут не один такой.
- Виктор, вы не только сильный, но и образованный человек, это чувствуется. Может быть, дадите американцам совет: как нам жить?

Русский засмеялся.

- В вашем вопросе, адмирал, я не слышу сверхдержавной иронии, но я её подразумеваю. При вашем воспитании и в вашей должности без иронии задавать такой вопрос - невозможно. Тем не менее отвечу всерьёз. Как вам жить? Планетка наша, как вы заметили, очень даже исчерпаема. Я понятно выражаюсь по-английски?
- Я понял вас, продолжайте.
- Когда люди не умели так сильно вычерпывать, они породили скромную, но великую мудрость: "Не тот богат, у кого много, а тот, кто умеет довольствоваться малым". Вот на эту мудрость я бы и посоветовал вам опереться. Да и не только вам. Тогда, может быть, сук, на котором так беснуется человечество, обломится не скоро. Или даже вовсе уцелеет. Вы меня понимаете?
- "Не руби сук, на котором сидишь" - вы ведь об этом... Да-да, согласен. Но ваша славянская жестокость...
- Она же китайская, - подхватил со смехом Виктор, - она же английская, австралийская, африканская, она же и американская! Не смешите меня, сэр, если действительно считаете умным. Жестокость рождается в любом человеке, в любом народе, как только он посчитает себя лучше других. У него сразу становится больше всех прав, в том числе и на жестокость, которую он тут же обосновывает высшей справедливостью, потому что своя, родная... Я понятно выражаюсь?
- Вы в самом деле умный человек. Удивительно, что с таким умом вам не страшно умирать. Вы ведь молоды?
- И вы тоже считаете, что только дураки не боятся смерти?! - Виктор снова рассмеялся. - Это ошибка, адмирал. Не бояться смерти - это удел как раз только умных. Ибо только умные знают, что так называемая смерть - это не состояние, а всего лишь короткий процесс перехода из одной жизни в другую. Умирать может быть жалко, но страх - это не наше. Вот мой самолётик сейчас сидит на вашем корабле, моё тело сидит в самолёте, а я нахожусь в теле...
- Я знаком с этой гипотезой, - адмирал вздохнул в микрофон. - Хорошо бы, конечно, поверить... Не проверяя...
- Обсудим это в следующей жизни, у вас ведь так и говорят... Однако вам, кажется, пора. Судя по удаляющимся катерам, у борта остался только ваш...

- Нет, молодой человек. Я не тот капитан, который покидает судно последним. Я - адмирал, который погибает вместе со своей эскадрой.
- У вас, что же, нет семьи?
- У меня есть честь...
- Что ж, прекрасный случай... Составим с вами международную комиссию по проверке упомянутой гипотезы...

Север Томской области.

- У меня сегодня утром шёл пар изо рта, - сообщил рядовой Фишер.
Его товарищи засмеялись.
- Каждое утро забывает, что здесь немного не Флорида, - сказал его напарник, рядовой Паттерсон.
- Ничего, Фишер, - сказал рядовой Куликофф, - привыкнешь. Почитай Джека Лондона.
- Какого Джека Лондона? "Наставление по выживанию"?
- Нет, дружок, - сказал Фишеру рядовой Щербининдт. - Это наш великий писатель. Он про Аляску писал, про Клондайк. Верно, Куликофф?
- Точно, - отозвался тот. - "Северные рассказы".
- Ну и что? - Фишер, сопя, выдрал из мяса свой крюк. - Давайте передохнём, да вы мне расскажете.
Они побросали крючья, притворили за собой дверь холодильника и присели у входа в хранилище на лавку.
- Долбаная работёнка, - сказал Фишер.
- А мясо жрать любишь, - засмеялся Паттерсон.
- Особенно русское, - поддержал Щербининдт. - А, Фишер?
- А что же, - отозвался тот, - хорошее мясо, живое. Не то, что наша соя.
- Смотри, не озверей от него, - предупредил Паттерсон. - От живого мяса в человеке усиливается агрессивность.
- А я это чувствую, - согласился Фишер. - Как поем, сразу хочется кого-нибудь...
- Только не меня! - Чёрный Паттерсон жеманно сжал коленки и обхватил их огромными ручищами.
Все засмеялись.
- Но я не понимаю, - продолжал Фишер, - что означают эти разные штампы на тушах? Почему, например, нельзя класть их в один штабель? Куликофф, ты случайно не знаешь? И почему эти штампы - фиолетовым цветом?
- Он в этой стране всё знает, - быстро ответил Щербининдт. - Притом совершенно случайно. А, Куликофф?
Все опять засмеялись, потому что Куликофф имел сибирское происхождение, за что и получил направление на север Томской области. Он даже успел проездом повидать в Томске дальнюю, но прямую, как он выразился, родню.
- Здесь у них такая система, - начал объяснять Куликофф. - Круглый штамп - это мясо первого сорта. Видишь, оно самое светлое. Треугольник - второй сорт. Квадратик - третий сорт, самое тёмное, лежалое. Потому их вместе и не кладут.
- Ну да, - подхватил Паттерсон, - всё как у людей. Солдаты спят отдельно от офицеров...
- ...чёрные избегают жениться на белых, - продолжил Щербининдт. - А, Патти?
Паттерсон взглянул на него исподлобья, подумал и кивнул.
- Всё в мире по сортам, - сказал тихо Куликофф. - Американцы - круглый штамп, англичане - треугольный, а русские...
- А среди американцев, - перебил его Щербининдт, - мы с тобой вообще... четвёртый сорт.
- Это как же? - Фишер сузил глаза. - Ты - о русском происхождении?
- Да нет. Я - о социальном положении. В одной русской книжке прочёл, понравилось. Первый сорт среди людей - это фермеры, нефтяники здешние, которые на нас ишачат - верно, Куликофф? - это рабочие в цехах, учителя в школах - словом, все, кто производит новые ценности. Второй сорт - это те, кто их обслуживает - менеджеры, шофёры, официанты... Понятно, да? Третий сорт - там так написано - это безвредные паразиты: инвалиды, пенсионеры, бродяги, попрошайки, безработные...
- А четвёртый, стало быть, - перебил Фишер - солдаты?
- Не только. Ещё воры, террористы, разные мошенники. А самые худшие в четвёртом сорте - политики. Так там написано.
- Глупая книга, - сказал резко Фишер. - Вредная. Плох тот гражданин, который не занимается политикой. Если ты не будешь заниматься политикой, тогда она займётся тобой. Нет у людей ничего без политики. Под любое событие можно подвести...
- Хватит тебе, - остановил Паттерсон. - Все уже поверили, что ты патриот. Только скажи, будь любезен, почему ты, рядовой, рискуя жизнью в чужих странах, зарабатываешь меньше политика? Ничем не рискующего.

- Х-ха! - Фишер презрительно оскалился. - Да если ты будешь зарабатывать с ним наравне, ты же потеряешь смысл жизни! К чему ты будешь стремиться, если стремиться станет не к чему?

- Как же, - Паттерсон оскалился ещё презрительнее, - Только сравняюсь с политиком, сразу захочу его перегнуть. Чем не цель жизни?

- Кончаем перекур, - Куликофф поднялся. - А то ещё подерётесь.

- С кем драться?! - сказали разом Фишер и Паттерсон, и все смехом разрядили возникшее было напряжение. Фишер был напарнику по плечо.

Они быстро затащили в склад оставшееся в холодильнике мясо, захлопнули все двери и снова присели на лавку.

Лавка была грубо сколочена из двух чурбаков, накрытых толстой плахой неизвестного дерева, определить породу которого было невозможно, поскольку лавка стояла здесь, может быть, ещё при советской власти и была до блеска засалена множеством грузчицких задов.

- Странно, - сказал Фишер.

- Что тебе опять странно? - откликнулся Паттерсон.

- Столько машин наизобретали, а мясо таскаем вручную, крючьями.

- И жевать приходится собственными зубами, сокрушённо согласился напарник. - Как бы нам и пищеварение механизировать, особенно последнюю его стадию...

- Не о том, парни, страдаете, - вмешался Щербининдт. - Обсудите лучше, чего это русские вертолёты сегодня так разлетались.

Подумав немного, Фишер уверенно объяснил:

- Всё очень просто. Чтобы вон те факелы погасить, наши тут модернизируют газокompрессорную станцию. Чтобы газ доводить до жидкого, потом до твёрдого состояния, грузить в ящики и - в Штаты...

- Насчёт твёрдого ты загнул, - перебил Щербининдт. - Но при чём тут аборигены?

- А при том. Аборигенам кажется, что они тут всё ещё хозяева, и они от этого газа хотят иметь свою долю. А новые хозяева - "Шелл", "Шлюм" - дают им понять: всё, парни, профукали, теперь благодарите, что работу даём вашим... вашему ПЕРВОМУ СОРТУ! Х-ха!.. Вот они и суетятся, пока ещё есть керосин для вертолётов... Не наше, в общем, дело. Ты мне, Куликофф, лучше объясни, почему они штампы на мясо ставят именно фиолетовым цветом? А потом - про этого писателя, который по выживанию...

- Погоди-ка, - Куликофф поднялся. - Это ещё что?..

В ворота продовольственной базы вломился армейский грузовик. Он остановился у конторы, из-под брезента запрыгали вооружённые люди в рабочих спецовках разных русских нефтяных фирм. Синие, фиолетовые, тёмно-зелёные, оранжевые фигурки рассыпались по двору, занимая свои посты. У ворот американская охрана безропотно сдала им винтовки. Пулемётчику на вышке они погрозили пальцем через прицел гранатомёта, и он стал спускаться. Тем же пальцем русский поманил и четверых солдат-грузчиков.

- Пошли, что ли, - сказал Куликофф.

- Похоже, я отрулился, - Паттерсон на ходу хлопнул ладонью по крылу своего холодильника.

На бетонную площадку месторождения, в полукилометре от базы, садился ещё один русский вертолёт из Кедрового.

- Почему же у них всё-таки штампы на мясе фиолетовые? - Фишер бормотал, уже ни к кому не обращаясь.

- Тебя зелёным проштампуют, - обронил Паттерсон. - Куликофф, ты по-русски хорошо говоришь?

- По-моему, их командир - татарин, - сказал Куликофф.

- Какая разница, мой друг, здесь они все - русские...

Нейтральная страна. Промежуточный финиш.

Макс вышел на крыльцо и в конце аллеи, у ворот, увидел, как всегда, свой густо-оранжевый "линкольн". И ворота, как всегда, были задвинуты. И Гарри, как обычно, подрезал кусты неподалёку, чтобы оставаться на виду: старик стал бояться увольнения и всё время демонстрировал трудовую активность.

Только у дверцы автомобиля не Георгий ждал хозяина, а его дочь, неуловимая Мария в строгом джинсовом костюме. Макс даже удивился, что костюм - женский, молодёжный, из этого материала - может выглядеть строгим. Может быть, сыграла в этом роль осанка и какая-то модельная поза девчонки, которую он не видел с начала лета до середины осени. Он только знал, что именно из-за неё Георгий постоянно мрачен.

Но сегодня всё выходило совсем не так.

Природа юга Европы в октябре - это самое потрясающее зрелище из всех, какие знал Макс. Тревога и величие зрелости. Счастье и смерть в каждом набрякшем плоде, в каждом листочке - жёлтом, оранжевом, красном, готовом осветить весь мир своей слабой вспышкой и победно уйти в вечность и бесконечность. Самое несуетное время года. Как возраст Макса - самое несуетное время жизни, когда каждое утро подобно рождению: на миг - ребёнком, но сразу же вслед - зрелым,

мудрым, сильным победителем, вставшим не с лавров, а с сурового солдатского ложа, и готовым к очередному победному сражению - во имя Человечества и на благо Человечества.

Таким было и сегодняшнее утро. Таким ему и полагалось быть. Даже пасмурное, дождливое, ветреное, с мокрым снегом - оно оставалось бы утром зрелости и победы. Но оно выдалось тихим, солнечным, душистым и многоцветным. Оно виделось свежим, нежным, обещающим не только победу, но и радость победы, а это - Макс хорошо знал - вещи не всегда совпадающие.

И украшением этого чудесного, потрясающего утра был Георгий. В новой голубой спецовке, улыбающийся во весь оскал, он встречал шефа и друга у самого крыльца.

- Передал дела дочке и уходишь на пенсию? - Макс, тоже вовсю улыбаясь, пожал механику руку.

- Слабо им всем мои дела освоить! - Георгий шутливо сделал вид, что его рука сокрушена хозяйским пожатием. - Это пассажирка тебя ждёт. Подвезёшь до городских стен?

- Неужто восстановилась? - Макс обрадовался вполне искренне.

- Перебесилась, - поправил Георгий веско. - Самым серьёзным образом. Взясась за ум деваха. - Представь, - продолжал он уже на ходу, - ушла от антиглобалистов, выбрала тему для научной работы, с тем и хочет к тебе подкатиться. Пособишь, ежели что?

- Всё, что в моих силах, - пообещал Макс. - Не сомневайся.

- Здравствуйте, дядя Макс! - Мария распахнула перед ним водительскую дверцу и крепко пожала протянутую руку. Заметила поощрительный кивок отца и обрадовалась: - Согласны?! Так я сажусь?!

- Садись, садись, деточка, - сказал Макс и повторил, для неё: - Всё, что в моих силах... Ты похорошела за лето!

Ворота сдвинулись, машина пошла, Мария заговорила.

- Дядя Макс, я жду ребёнка. Потому и похорошела.

- Артур?

- Артур.

- Когда успели?.. Впрочем...

- В день его отъезда, дядя Макс. Мы оба этого хотели.

"Не то, не то, - подумал Макс. - Ребёнок этот не будет нашим... А Впрочем... Если у них - по отцу, то почему бы и нам, при нашей гибкости... Главное - его приблизить... Придётся вместе с мамой, а потом... Труднее, чем войну организовать..."

На эти размышления ушли секунды. Вслух он сказал:

- Ну что же, деточка, такова жизнь. И мы - таковы. Она строит нас, мы строим её... Артуру сообщила?

Он задал этот вопрос с тёплой озабоченностью, надеясь узнать хоть что-нибудь о беглом сыне.

- Я ничего о нём не знаю, - Мария ответила без заминки. - Он может погибнуть, поэтому рожать буду обязательно.

"Говорит она об Артуре правду или так хорошо владеет собой? Впрочем это неважно. Артура всё равно наедут. Уже известно, что он был в команде из четырёх человек, возглавляемой русским наёмником. Сын хорошо обучается, значит, с этими головорезами и сам станет настоящим бойцом. То есть - не пропадёт. И когда-нибудь сам объявится. Возмужает, познает противника изнутри, перебесится, тогда кровь возьмёт своё, и можно будет подключать его к ДЕЛУ. Придёт такое время. Сам был таким. Дожить бы только".

На эти мысли ушли ещё секунды, а вслух он сказал с родственной улыбкой:

- Рожать тебе, конечно, одной, а вот ждать папу будем все вместе. Так ведь?

Она ответила такой же родственной улыбкой и закивала, совсем ещё дитя. Даже глаза наполнились.

- А я боялась, - сказала она.

- И бояться будем теперь вместе, - подхватил Макс. - Вместе всё легче, правда?

Она опять закивала и чуть отвернулась, чтобы промакнуть глаза платком.

"Бойтся плакать, - подумал Макс. - Наверно, плохая тушь для ресниц".

- Отец с вами о науке говорил? - Мария сменила тему, чтобы удержать слёзы.

- Да я понимаю, - быстро отозвался Макс, - теперь не до науки.

- Нет-нет, - Мария уже почти справилась с голосом, - о науке тоже серьёзно. Прерывать учёбу я не буду, и тема для диссертации в самом деле есть. Хочу с вами посоветоваться... Не думайте, всё по-настоящему.

- Я в твоей серьёзности никогда не сомневался, - сказал Макс. - И сейчас в очередной раз убедился... Давай свою тему, спрашивай, проси... Всё, что в моих силах...

- Хорошо, - Мария уже вполне овладела голосом. - Тема совершенно по вашей части: "Мировое правительство и глобализация. Нравственный аспект". Сразу о названии, дядя Макс. Может быть, не "Нравственный аспект", а "Рамочные условия"? Как тут совместить эмоции с наукой?

Макс мельком взглянул на будущую мать своего будущего внука, сказал: "М-да" и задумался всерьёз, на целую минуту.

"Что же за идеи в этой славянской головке? Неужто всерьёз изучает проблему снизу и решила, что пора двигать вверх?.. Конечно, социологов надо подключать как можно активнее, и тут нужны

именно СВОИ социологи, хорошо заинтересованные и очень точно направляемые. Такие есть, работают в локальных направлениях, решают узкие прикладные задачи... А эта замахнулась на священный жупел, на миф, притворяющийся правдой, на истину под видом легенды... И адрес выбрала правильный - случайно? по наитию? по наводке? Скорее второе. Вероятно первое. Третье исключено. Что ж, нападающему надо помогать: если тянет - толкай его, если толкает - тяни".

- Умница, - сказал он вслух. - Как раз в твоём возрасте я пытался поднять эту же тему. Конечно, в немного иных терминах. Ведь глобализацией только немного пахло тогда, на уровне научной фантастики. А вот мировое правительство - это было. По-моему, об этом говорят в течение всей истории человечества. В разных аспектах применения, но вполне, вполне определённо: мировое правительство необходимо создать, мировое правительство всегда существовало, левиты, масонские ложи, иерофанты, инквизиторы... Мне, помнится, особенно нравилось у них слово "венераль". Смысла не знаю до сих пор, зато красиво, правда?.. Но у тебя, полагаю, подход другой. Если глобализация становится фактом, значит и разговор о необходимости создания мирового правительства приобретает жизненное значение. Плохой прообраз его - Объединённые Нации, Совет Безопасности, ЮНЕСКО... Плохой, но всё же прообраз. Нужна концепция, и как раз она-то тебя и занимает: каким образом человечеству не перегнуть палку с глобализацией. Я угадал?

- Именно! - подхватила Мария с энтузиазмом. - Каким должно быть мировое правительство? Из кого состоять? Как управлять и по каким концепциям?.. И дайте мне взгляд со стороны: подниму ли я такую тему?

- Молодец, - сказал Макс. - Это не трусость, это разумное опасение. Один русский учёный хорошо сказал: "Надо быть безумно уверенным в себе и разумно критичным ко всему, что делаешь". Второе в тебе вижу, в первом никогда не сомневался, поэтому давай сделаем так. Вот тебе пропуск. Зайди ко мне сегодня в 16 часов со всеми твоими выкладками. Поговорим предметно - и о "Нравственном аспекте", и о "Рамочных условиях". Время подходящее?

- Да-да, я приду точно, - Мария спрятала пропуск в сумочку.

- Тогда хватит о делах, - сказал Макс. - Расскажи мне, как живёшь. Вообще.

Она рассказывала о занятиях, о преподавателях, о новых товарищах, приятно далёких от антиглобализма, увлечённых наукой... Макс ненавязчиво перевёл разговор на мать, потом - на брата. Он знал, что в лихой четвёрке, возглавляемой русским, вместе с его Артуром состояли ещё Адам и какая-то молодая террористка, отзывающаяся на имя Анна.

- Адам? - переспросила Мария. - Я думаю, он погиб после взрыва тех двух авианосцев. Он не звонил как раз с тех пор. Их сильно бомбили В-52.

И загрузила вполне искренне, вполне по-родственному. Макс за ней всё время неназойливо подглядывал. И - не находил, к чему придраться. Не мог разглядеть в этой юной деловой леди прежнюю бунтарку, девочку-босняка. Мелькнула даже несуразная мысль: "А ведь если в самом деле взять её в семью, Фаина была бы рада. Как она тогда сказала? "Неизвестно, что получилось бы, если бы вместо Георгия рядом с тобой росла какая-нибудь Георгина". Впрочем, идея не так уж несуразна. Даже если с самой Марией ничего не получится, на ребёнка можно делать ставку. Пока он вырастет, ситуация в мире изменится изрядно в нашу пользу. Хватит в нём и половины нашей крови..."

Додумывать эту мысль Макс не стал. Приехали в университетский городок.

- Спасибо, дядя Макс, - Мария повернула к нему лицо. - Я не прощаюсь?

- Конечно, деточка, - ответил Макс и подумал: "Надо подарить ей хорошую тушь для ресниц".

По-настоящему, на высшем серьёзе, ему было не до Марии. И не потому, что она - отрезанный ломоть. Утром, ещё перед завтраком, ему домой (исключительный случай!) позвонил начальник Службы Слежения и произнёс фразу, которая служила паролем для экстренного сбора Совета. Голос Григория не понравился Макс. И тон не понравился. И не понравилось, что слово "крыша" в пароле было произнесено (случайно?) как "крышка". Но Макс никогда не любил, а теперь уже и не умел, поддаваться эмоциям. Сейчас он даже был доволен, что после Совета к нему придёт Мария: он сам себе покажет, как умеет переключаться с одной неприятности на другую. И не забудет между этими делами найти для девчонки хорошую тушь, не боящуюся слёз.

О том, какая неприятность будет оглашена на Совете, он весьма уверенно догадывался - не зря же был раньше Экспертом, потом Пророком да ещё много лет - магнатом массовой информации.

Не заходя в свой офис, о чём никто там нарочно не был предупреждён, Макс поднялся сразу на кровлю, открыл своим ключом и сразу запер за собой входную дверь. Он был уверен, что подслушивание и подсматривание исключено, однако никогда не отказывал себе в дополнительной страховке. Члены Совета имеют свои ключи и войдут так же, как он. Если, конечно, в очередной раз не опередили.

Нет, на этот раз его никто не опередил. Макс в одиночестве медленно обошёл стеклянные стены хрустальной чистоты, полюбовался городом и далёкими горами. Повторяя его путь, вокруг мансарды летел коршун. Птица не охотилась, а именно облетала здание, не двигая крыльями, держась точно напротив человека. "Знамение, - Макс усмехнулся. - Мой дух или демон? Забавно. Наверно, всё же неплохо, интересно быть язычником: простора для фантазии гораздо больше, прости меня, Господи".

Едва завершив полный круг, птице пришлось, однако, улететь. Небольшой вертолёт начал садиться на крышу мансарды.

"Это Пётр, - подумал Глава. - Наш единственный любитель скорости".

Он, конечно, угадал. Сквозь стеклянную часть кровли было видно, как из вертолёта упруго вышел Мастер-Вычислитель, который тут же обернулся, подавая руку своему пассажиру, и на площадку спустился старик Андро - человек, ненавидящий спешку. Пророк одной рукой принимал помощь молодого товарища, другой придерживал шляпу и вид имел нескрываемо озабоченный. Макс пошёл встречать их к лестнице и услышал, как сзади щёлкнула дверь, которую он недавно запирали. Обернувшись, увидел выходящего из лифтовой шахты Григория. За спиной Мастера-Вокатора виднелся Эксперт Алекс. Весь Совет в сборе.

Так же, как в любом другом месте сбора, они сели в лёгкие кресла вокруг низкого столика. Бутылки с водой и лёгкие стаканчики Мастер-Вокатор достал из сумки, которую принёс с собой.

- Докладывайте, Григорий, - сказал ему Глава.

Наливая себе воды, Мастер-Вокатор посмотрел Макс в глаза.

- Почти наверняка ваш сын в России, - сказал он нейтральным тоном.

- Это не повод для экстренного сбора, - Макс понимающе усмехнулся взволнованности начальника Службы Слежения. - Это - как песенка о Прекрасной Маркизе... Тем не менее начнём с сына: какие признаки?

- Вы правы насчёт Маркизы, - Григорий не улыбался. - В России проявился тот русский, с которым ваш Артур...

- Понятно, - перебил Макс. - Как же он проявился?

- Вы ещё не слыхали о захвате авианосца "Алион"?

Члены Совета переглянулись и дружно пожали плечами.

- Об этом молчат и русские, и американцы, - заговорил Григорий. - Русские вообще всё делают молча, но и американцы с англичанами пока молчат. Вся пресса там блокирована настолько, что ничего сказать не может. За дезинформацию обе стороны грозят журналистам немедленной расправой, а объявить дезинформацией легко любое сообщение...

- И каковы же ВАШИ сведения? - снова перебил Макс.

- Этот русский - о нём известно только имя Виктор - на русском палубном МИГе опустился на авианосец и заявил, что привёз им атомную бомбу. Сказал, что вся эскадра будет уничтожена, а людей он отпускает. И дал три часа. Корабли были спешно покинуты, экипажи отбыли - по требованию Виктора - в Японию. На борту авианосца остался только адмирал Вайс, который решил погибнуть вместе с Виктором. Но они не погибли. Когда личный состав эскадры скрылся за горизонтом, русские вертолёты и суда мгновенно доставили на эскадру десант, и адмирал стал единственным пленным.

- В чём же смысл авантюры? - спросил Макс. - Россия не справится с Америкой...

- Уже справилась, - перебил его Григорий. - Я только что получил пакет сообщений из России. Все военные предприятия, взятые под контроль американцами, теперь захвачены вооружёнными русскими рабочими, а военные лагеря американцев блокированы русскими танками, неизвестно откуда взявшимися. Все блок-посты по российским границам теперь контролируются только русскими, там объявлено, что все попытки проникновения в Россию будут встречены огнём без предупреждения. Американские подразделения вдоль китайской границы зажаты между русскими и китайскими регулярными силами и повально сдаются. На русских нефтяных месторождениях работы приостановлены, там вооружённые рабочие очень организованно захватывают промыслы и очень грамотно уничтожают американскую документацию. В населённых пунктах национальная милиция и дружинники установили режим осадного положения и силой оружия поддерживают военный порядок - воров и мародёров расстреливают на месте. У них режим военного положения, кажется, заложен в генетической памяти...

- Что же российское правительство? - Макс почувствовал, что у него сел голос.

- Оно вежливо блокировано военными.

- Что значит - вежливо?

- Отключением всей энергетики власти были временно лишены какой бы то ни было связи, а теперь либо действуют совместно с военными либо отстранены так, что действовать не могут. Американская оккупация за полгода проявила, кто есть кто... Все российские олигархи бежать из страны не успели и нейтрализованы... пока.

- Девиз? - выдавил Макс.

- Странный девиз, - Григорий налил себе ещё воды, у него, видно, всё время сохло во рту. - Там все говорят: "Аринтер", и все понимают.

Старшие члены Совета переглянулись и кивнули друг другу. Было похоже, что странный девиз поняли все. Наступило долгое молчание. Прервал его Мастер-Вокатор.

- Объясните мне... - начал он.

- Арийский интернационал, сынок, - сказал тихо Пророк Андро. - Мы ждали этого и, как ты видел, пытались предотвратить, опередить. Как Шикльгубер в своё время... Казалось, уже успели...

- Мне так кажется и сейчас, - возразил Эксперт Алекс. - Они собрали все последние силы, а наших сил там - лишь малая часть. Временный успех. Даже кратковременный...

- Ты уверен, что это - их последние силы? - спросил Андро.

- В России, - Мастер-Вычислитель Пётр не дал Эксперту ответить, - не может быть "последних сил". - Он сделал короткую паузу и добавил: - Пока не может. В обозримом "пока".

- Вы имеете в виду, - строго спросил Макс, - материальные возможности или дух?

- Ради материальных возможностей России, - был ответ, - планировалась эта миротворческая операция...

- Да чего там, оккупация, - вставил Григорий.

- Как и при первом произнесении этого слова, все молча посмотрели на младшего члена Совета с неодобрением и вернули внимание к говорящему.

- Материальные возможности России, - продолжал Пётр, - не только неисчерпаемы на сегодня, но и не определены толком. Лишь раздробление территории на мелкие области позволило бы решить эту проблему. Главная этому помеха - так называемый "русский дух". Он, кажется, настолько крепок, что поддаётся лишь поверхностной коррозии...

- Понятно, - перебил Макс. - Вы говорите это для Мастера-Вокатора. И, полагаю, не случайно. Ещё есть иллюзия, что специальными мерами мы можем что-то исправить. Есть надежда, есть иллюзия, но...

Макс замолчал и развёл руками, потом уронил их на колени и опустил голову.

- Так называемые арийцы, - заговорил Пророк Андро, - так много и так долго говорили о так называемом "еврейском интернационале", что создание этого их "Аринтера" было неизбежным. Вопрос времени... Вот время и настало. Синусоида мировой истории перешла точку изгиба...

- Начинается эпоха очередных еврейских гонений, - вставил в паузу Пётр.

- Поверить в точное повторение истории? - Алекс пожал плечами и поднял брови.

- Увы, - отозвался Андро. - Не только верить. Оно есть, надо с ним считаться и соизмерять усилия.

- "Толкают - тяни, тянут - толкай"? - уточнил Григорий.

- Именно, сынок, - подтвердил Андро. - И пришло нам время... тянуть.

- Итак, - Макс поднял голову, - излом, значит, настал... Григорий, что-нибудь определённое всё же известно о моём сыне?

В этот момент быстрая тень скользнула по потолочному стеклу. Все подняли головы.

- Парлапан! - Григорий вскочил и выхватил пистолет. - Вы заперли дверь?

Вопрос запоздал. Расстёгивая на ходу пряжки подвесной системы, с кровли спустилась к ним девушка в строгом джинсовом костюме. Купол остался наверху, за дверью, стропы тянулись по ступенькам.

- Привет, дядя Макс! Я пришла...

- Стоять! - приказал Григорий и передёрнул затвор.

- Положите пистолет на стол, - сказала Мария спокойно и в протянутой к ним руке показала гранату.

- Правильно, - сказал Макс. - Положите, Григорий.

- Теперь прошу всех отойти вон туда, - Мария указала гранатой на стеклянную стену.

Её послушались, и она завладела пистолетом. Быстро вставила в гранату чеку, быстро проверила обойму.

- Мария, деточка, - сказал Макс, - мы ведь договорились на 16 часов...

- Да чего там, - ответила она и начала стрелять.

Убедившись, что все убиты, террористка влезла в вертолёт и запустила двигатель.

Россия. Очередное начало.

- Наш народ без диктатуры не может, - сказал Виктор. - Слишком большая территория. Поймите это, сэр.

- Может быть, - дело не в территории, - возразил адмирал Вайс. - Может быть, русский характер...

- А также башкирский, - подхватил Виктор с иронией, - татарский, калмыцкий, якутский, бурятский и прочая, и прочая... Территория, говорю вам, масштабы!..

- Если бы эту территорию, - не сдавался американиец, - захватили... Ну, если бы её заселили мы, люди демократического склада ума, души, характера...

- Да вам просто повезло, что вы её не... заселили! У этой, как вы говорите, территории, сэр, особый воздух. Он пьянит людей и делает их неуправляемыми. Только постоянный за ними присмотр может обеспечить здесь относительный порядок. А демократия... Она у нас есть. Более того, она у нас в крови. Но, - Виктор поднял палец, - это совсем не та демократия, какую знают у вас. То есть, не та, которая, как сказано, "привела к власти Гитлера". Наша демократия - языческая, как и наша вера.

- Православное христианство, - выговорил адмирал по-русски.

- Bravo! - Виктор похлопал в ладоши. - Только вот - поживёте у нас - сами поймёте, что христианство - это одно, а православие - немножко другое. Евреи, например, верят в того Бога, который был ещё неопытен и породил иудейский нацизм, объявил их лучшими и отдал им мир на разграбление. Католики верят в того же Бога, но устыдившегося, пересмотревшего свои прежние взгляды и отдавшего этим первым нацистам на распятие собственного сына - чтобы их перевоспитать и спасти. А православные больше верят в Бога-Сына и Его Мать... Вы в самом деле решили поселиться в России?

- О да! - Вайс поднял большой палец. - Вот так! Человеку, потерявшему всё, как я... Вернее, отдавшему всё под страхом смерти тысяч подчинённых... Такому человеку надо своё прошлое забыть и начать всё с самого начала, на новом месте.

- Почему же именно на этом?

- Потому что здесь вы, мой друг. Мой бывший враг. Мой предмет исследования. Потому что вы - олицетворение загадочной русской души. Жестокой, нежной, самоотверженно-великодушной - нормальному человеку непонятной.

- И не поймёте, коли так! - Виктор засмеялся, обнимая подошедшую Анну.

- Это почему же? Она ведь - поняла...

- С чего вы взяли, что поняла? - Анна тоже засмеялась. - Я просто полюбила. Понимание не требуется.

- А не поймёте, - Виктор стал серьёзным, - потому что нормальными считаете вас, а не нас. Почему так?

- Неправильный национализм, - вставила Анна.

- Может, мы тоже - нормальные, а? - договорил Виктор.

- Всяк нормален по-своему, - Анна, всё ещё смеясь, подвела итог.

- Пока других не обижает, - добавил серьёзно Виктор.

Адам и Артур молча слушали эту беседу. Адам - с усмешкой, Артур - печально: он только что узнал о смерти отца.

- Вот мы и вернулись к вопросу о диктатуре, - сказал Вайс. - Она ведь обижает многих, она унижает, она ограничивает... Значит - по вашему же определению - она ненормальна?!

- Ваш вопрос только кажется сложным, - быстро ответил Виктор. - Если человек сам себя ограничивать привык, для него диктатура обидна. Но ведь наш-то человек не таков! Не слышали поговорку: "Клин клином вышибают"? Вы её, может быть, и не сразу поймёте. Потому что она исконно русская. Диктатура для русского человека - это самый подходящий клин, чтобы вышибать дурь из головы. Мы - самая творческая нация, но с одним условием: нам для творчества потребна как можно худшая обстановка. Даже поговорку придумали на этот счёт: "Богатый - на деньги, а бедный - на выдумку". А если говорить без шуток, то, как показывает и показывает нам, дуракам, история, хорош любой режим, когда вожди - порядочные люди. Конечно, ум и образование - подразумеваются...

- Что ж, история всегда права, - адмирал усмехнулся. - Но именно выдумкой вы меня и победили. Bravo, солдат! И что же, вы в самом деле взорвали бы тот заряд?

- Бомба была настоящая, - ответил Виктор бесстрастно. - Вы же убедились. Так что всё было честно...

Наступило молчание, очень подходящее для перемены разговора.

- Артурчик, - сказала Анна, - ты прими моё сочувствие по поводу смерти отца. Я сама только что узнала, в самолёте. Какая-то террористка, антиглобалистка... Совет какой-то... Можешь объяснить?.. Если трудно, то потом...

- Я объясню, - сказал Адам. - Террористка, антиглобалистка - это моя сестра Мария, невеста Артура. Вот на снимке наш отец, - Артур достал и развернул зарубежную газету, - а вот рядом с ним - сам убитый, Мария фотографировала, в мае. Написано: "Она убила человека, который разлучил её с женихом". Это не совсем правда. Убила за другое. Тут особый разговор...

- Но и за это тоже, - мрачно возразил Артур. - Глобализм и на это распространяется.

- Вы говорите по-английски, а получается как по-русски, - вмешался адмирал. - Я ничего не понимаю.

- Мы с вами солдаты, - Виктор обнял бывшего врага, - нам политиков понимать не надо... Я шучу, шучу, сэр. Нам с вами политикой теперь вместе заниматься. Разберёмся с этим глобализмом. Авось управимся и без оружия. Да, Артурчик?.. Кстати, граждане, Артуру Максвичу Фришману предлагается недурная должность в министерстве пропаганды. В международном отделе.

- Откуда такие сведения? - вскинулся Артур.

- Это я привезла, - сказала Анна. - Из военной хунты. - Она засмеялась. - То есть из Генерального Штаба. С подачи Адама и Вити, конечно.

- Да я же... - Артур развёл руками. - Как же ваши разговоры о расовой разнице? Я же, по-вашему, второго сорта...

- Дурачок, - Виктор улыбнулся. - Смотри, не ляпни это на собеседовании. Это у Геббельса ты был бы второго сорта, "полезный еврей". А здесь, браток, во-первых, двадцать первый век, а во-

вторых - Россия. Здесь умом ничего понимать не положено. Анюта же сейчас объясняла, и адмирал сразу понял. Да, сэр?

- Вас просто полюбили, юноша, - сказал Вайс. - Да, Анна?

Анна кивнула и добавила:

- А в любви понимание не требуется.

Они смотрели на Артура, а он улыбался, закинув голову. Сквозь стиснутые веки сочились слёзы, пальцы закинутых рук мяли чёрную шевелюру.

"Папа, - думал юноша, - ты мечтал об этом, и всё получилось! Они меня приняли... Но мы пойдём другим путём!"

Лугинецкое - Томск, 15.10.2002г.

Оглавление	Стр.
Май. Нейтральная страна	1
Май. Пригород нейтральной столицы	1
Конец мая. Нефтяная провинция	4
Середина июня. Нейтральная страна	8
Июль. Нефтяная провинция	9
Через два дня. Граница на Кавказе	10
На следующее утро. Горы Азербайджана	11
Начало сентября. Нейтральная страна	11
Сентябрь в России. Один из штабов	15
Восточное побережье Камчатки	15
Москва. Дом Прессы	17
Омск. Промзона	18
Забайкалье. Под Харанором	18
Северный Кавказ. Граница	19
Вокруг острова Карагинский	22
Север Томской области	25
Нейтральная страна. Промежуточный финиш	26
Россия очередное начало	30